

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2020 Том 20 № 4

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2020 Volume 20 No. 4

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>. Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 02.12.2020. Выход в свет 12.12.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,4. Тираж 500 экз. Заказ № 1046. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

© Российский университет дружбы народов, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfher@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспариишвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova L.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Yu.N. Efremova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Горшков М.К., Баграмов Э.А.** «Новый национализм» и проблема наций в трактовке американских социальных теоретиков 733
- Шубрт И., Титаренко Л.Г.** Размерность времени и пространства в социологии (на англ.) 752
- Биричева Е.В.** Экзистенциальные основания феномена социальной ответственности 763
- Гончаров Н.В.** Фундаментальные детерминанты и последствия консьюмеризма в современных капиталистических обществах 778
- Бабич Н.С.** Когнитивная форма социальных норм: опросный эксперимент 790

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Барков С.А., Дорохина О.В., Маркеева А.В., Максимов А.А.** Династии и фамилии-бренды в политической сфере постиндустриального общества 801
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В., Горина Т.И.** Социологический портрет самозанятых в современной России 821
- Аль-Орайми С.З.** Проблема социальных различий и социальной сплоченности в Объединенных Арабских Эмиратах (на англ.) 837
- Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г.** Риск-рефлексии как фактор выбора форм политического участия (по итогам всероссийского опроса) 847
- Василенко Л.А., Зотов В.В., Захарова С.А.** Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления 864
- Пузанова Ж.В., Трифонова М.А.** Роль страхования в социально-экономической системе 877
- Божков О.Б., Никулин А.М., Полещук И.К.** Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики 889
- Кошарная Г.Б., Корж Н.В.** Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект) 905
- Назарова И.Б., Зеленская М.П.** Приоритеты студентов российских вузов: обучение, семья, работа 919
- Данилина Н.О., Клименко А.С., Гулова Ш., Серяпов В.А., Назюта С.В.** Контроль паники и взрывной заболеваемости в организованных коллективах (подход РУДН) (на англ.) 929

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.** «Серебряное» образование как ресурс развития региона 939
- 729

Осипов А.М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании	953
Вихрян А.П., Федоров М.В. Антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности	967
РЕЦЕНЗИИ	
Вершинина И.А., Лядова А.В. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски?	977
Лебедева Т.В., Субботин А.А. Цифровое поколение	985
Рубан Л.С. ЮАР: реституция, проблемы равенства и справедливости	996
НАШИ АВТОРЫ	1002

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Gorshkov M.K., Bagramov A.E.** “New nationalism” and the issue of nations in the interpretation of American social theorists..... 733
- Šubrt J., Titarenko L.G.** Dimensions of time and space in sociology..... 752
- Biricheva E.V.** Existential foundations of social responsibility..... 763
- Goncharov N.V.** Fundamental determinants and consequences of consumerism in the contemporary capitalist society 778
- Babich N.S.** Cognitive form of social norms: A survey experiment 790

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Barkov S.A., Dorokhina O.V., Markeeva A.V., Maximov A.A.** Dynasties and brand names in the political sphere of the post-industrial society 801
- Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V., Gorina T.I.** Sociological portrait of the self-employed in contemporary Russia 821
- Al Orami S.Z.** Diversity and social cohesion in the United Arab Emirates 837
- Alenikov A.V., Artemov G.P., Pinkevich A.G.** Risk reflections as a factor for choosing forms of political participation (results of the all-Russian survey)..... 847
- Vasilenko L.A., Zotov V.V., Zakharova S.A.** Social media potential for developing participatory governance 864
- Puzanova Zh.V., Trifonova M.A.** The role of insurance in the social-economic system..... 877
- Bozhkov O.B., Nikulin A.M., Poleshchuk I.K.** Agricultural cooperation in the Northern Non-Black-Earth Region: Formal and informal practices 889
- Kosharnaya G.B., Korzh N.V.** Social well-being of the student youth (regional aspect)..... 905
- Nazarova I.B., Zelenskaya M.P.** Priorities of the student youth: Education, family, work 919
- Danilina N.O., Klimenko A.S., Gulova Sh., Seryapov V.A., Nazyuta S.V.** Mass hysteria and incidence rate control in the organized groups (RUDN University approach)..... 929

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- Zborovsky G.E., Ambarova P.A.** “Silver” education as a resource for regional development 939
- Osipov A.M.** Bureaupathology and paper pressing in the Russian education..... 953

Vikhryan A.P., Fedorov M.V. Anti-corruption education as a factor of social security	967
REVIEWS	
Vershinina I.A., Liadova A.V. Data in the digital world: New opportunities or additional risks?	977
Lebedeva T.V., Subbotin A.A. Digital generation	985
Ruban L.S. South Africa: Restitution, equality and justice	996
AUTHORS	1002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-4-733-751

«Новый национализм» и проблема наций в трактовке американских социальных теоретиков*

М.К. Горшков, Э.А. Баграмов

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: director@isras.ru; ebagramov@gmail.com)

В статье анализируется так называемый «новый национализм» — складывающаяся в США и других странах Запада, начиная с последних десятилетий XX столетия, система представлений о нациях, суверенитете, расовых и национальных отношениях, а также течений национализма. Звучавшим недавно прогнозам идеологов глобализма о неизбежном уходе с политической сцены национальных государств, наций и национализма все большее число социальных теоретиков Запада противопоставляет современный национализм, ставший реальным фактором политики, прежде всего, в США. В статье показано разнообразие трактовок национализма, которое позволяет его сторонникам в США проповедовать как откровенно шовинистические идеи, так и либеральные идеи солидарности составляющих нацию групп. Среди причин подъема национализма рассматривается взаимодействие двух тенденций в общественно-политической жизни — политизации этничности и этнизации (национализации) политики. Авторы подчеркивают, что акцент на этнической нации и этническом национализме (в противовес гражданской нации и гражданскому национализму) отражает обострение межнациональной напряженности в США и других странах Запада. Основываясь на анализе публикаций идеологов нового национализма, авторы выделяют его правое крыло, сторонники которого, формально отказавшись от нацизма и расизма, проповедуют сходные идеи, и умеренное либеральное направление, зачастую отождествляющее национализм с патриотизмом. Представители обоих направлений, взывая к национальным интересам и ценностям исторического ядра нации, резко критикуют миграционную политику и мультикультурализм. Помимо «белого» расизма и его эволюции в статье рассматривается размах воинственного национализма и патриотизма в рамках движений афроамериканцев, в частности «Жизни чернокожих имеют значение». В частности, анализируются результаты исследования двойственного сознания афроамериканцев — сохранение идеи «нация в нации» и принятие новой, полностью американской идентичности. На фоне рассуждений многих американских теоретиков об отсутствии американской нации как таковой рассматривается концепция новой идентичности американской нации, которую М. Линд определяет как единство языка и культуры, независимое от расового состава, т.е. выражение либерального национализма и обновленная концепция «плавильного котла». Фактором нынешнего раскола американской нации Линд и его единомышленники считают не расовое или этническое противостояние («балканизация»), а социальную пропасть, разделяющую богатых и бедных. Критику политики правящего класса США «разделяй и властвуй»

* © Горшков М.К., Баграмов Э.А., 2020

Статья поступила 19.06.2020 г. Статья принята к публикации 10.09.2020 г.

авторы считают шагом вперед в социологическом обосновании расовой проблемы и в разработке путей ее решения.

Ключевые слова: нация; национализм; патриотизм; раса; класс; национальная и этническая идентичность; «плави́льный котел»

Что такое «новый национализм»?

Наряду с консерватизмом и либерализмом национализм относится к господствующим течениям политической мысли Запада. Между тем, если проследить литературу за последние полстолетия, трудно найти общепринятое определение этого понятия. В опубликованном в 1970 году в США и Великобритании «Современном социологическом словаре» национализм определяется как «идеология, которая объявляет патриотизм центральной ценностью и укрепляет дух лояльности к той или иной нации» [27. С. 270]. Однако такие однозначные определения встречаются редко. К тому же и термин «патриотизм» принимается далеко не всеми исследователями. Автор фундаментального труда «Лики национализма» американский историк Б. Шейфер называет десять основных качеств, реальных и мнимых, приписываемых патриотизму, который продолжает развиваться, приобретая зачастую новые смыслы [25. С. 17–22]. Три британских социолога Н. Аберкромби, С. Хилл и Б. Тернер, «Социологический словарь» которых вышел за рубежом в 1994 году и был издан в 1997 году в России, выделяют пять общих черт национализма, по которым в социальной науке существует согласие. Первая из них — правительства должны иметь ту же культурную идентичность, что и рядовые граждане [1. С. 183]. В формулировке четвертой черты национализма есть такие слова: «Националистические идеологии весьма привлекательны для подчиненных классов, которым они обещают определенную экономическую защиту от представителей других наций», т.е. речь идет о робких попытках классового анализа.

В отечественной Социологической энциклопедии В.Н. Иванов определяет национализм как «идеологию, систему взглядов, основывающуюся на гиперболизации роли национальных, этнических общностей в историческом процессе» [14. С. 27–28]. Преувеличение или раздувание национального в ущерб социально-классовому — одна из существенных сторон национализма. Различается и отношение к национализму (позитивное, негативное, дифференцированное) — в зависимости от того, идет речь о национализме угнетенных, неполноправных народов или о национализме той или иной нации в демократическом обществе. Российскому читателю, который исторически свыкся с негативным содержанием национализма (ксенофобия, шовинизм, расизм, русофобия, мигрантофобия и др.), следует учитывать преимущественно нейтральный смысл данного понятия, широко используемого в западной академической литературе. Так, П.В. Панов, характеризуя западные подходы, пишет: «национализм означает идеологию, движение, направленное на обретение социальной общностью политической целостности, государственности» [11. С. 413].

Долгое время проблематике национализма не уделялось в западной социологии и политологии должного внимания. Положение изменилось в последние десятилетия XX века, во многом в результате нарастающего воздействия глобализации на жизнь стран и народов — встал вопрос, есть ли будущее у национальных государств и наций. Устраняя любые препятствия на своем пути, капитал натолкнулся на национальные границы, которые сохраняются не только благодаря бдительности правительств (не всегда), но и вековому чувству духовной привязанности людей к родным пенатам. Попытки транснациональных корпораций устранить таковые вместе с таможенными барьерами породила рост, подчас взрывной, национального сознания и национализма. «Ключевой нарратив нового мирового порядка — дезинтеграция наций-государств, переходящая в этническую войну, ключевые архитекторы этого порядка — военачальники, а ключевой язык нашей эпохи — этнический национализм» [20. С. 5]. Примечательный факт: западные теоретики, давно и по праву рассматривающие нацию как гражданскую общность, столкнувшись с ослаблением суверенитета своих стран и угрозой его утраты ради интересов всемирного капитала, обращают особое внимание на то, что у нации есть и этническое начало, которое присуще как большинству населения страны, так и меньшинствам, и выражается в языке, культуре и традициях.

Этничность — понятие, пришедшее в социологию и политологию из этнологии, обогащается новыми смыслами и становится одним из важных факторов, с помощью которого социальные теоретики пытаются объяснить меняющийся характер взаимодействия людей и народов. Очевидно, что этому предшествовала активная и зачастую гипертрофированная политизация этничности. И сами политики все чаще обращаются к забытым теоретиками глобализма понятиям: национальная самобытность, национальная идентичность, национальные интересы, что позволяет говорить об этнизации (или национализации) политики.

Уже в конце XX века социальные теоретики Запада как будто пробудились от двадцатилетнего сна эры деколонизации и все чаще называют себя горячими приверженцами интересов нации. Это неудивительно, если вспомнить, например, распад Советского Союза в 1991 году, поставивший вопрос о судьбах целого ряда наций, или террористическую атаку на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года. Но еще больше национальная и националистическая проблематика (подчас их трудно разделить) актуализировалась под влиянием миграционных потоков, захлестнувших не только Северную Америку, но и западноевропейские страны. Даже в США, стране мигрантов, растет недоверие к приезжим и обостряется расовая проблема, что, впрочем, не мешает правящему классу эксплуатировать не только легальных, но и нелегальных мигрантов, чей дешевый труд приносит властвующей элите баснословные прибыли. А в ряде стран Западной Европы второе дыхание обретает лозунг национального самоопределения и даже сецессии (шотландцы и валлийцы в Великобритании, баски и каталонцы в Испании, фламандцы и

валлоны в Бельгии, корсиканцы во Франции и т.д.). Проблематика наций и национализма, преждевременно списанная с повестки дня западного обществознания, оказалась востребованной для формирования адекватного представления о современном обществе и повестки дня президентов и правительств, губернаторов и муниципалитетов, университетов и колледжей.

«Политические теоретики стали наконец-то обращать серьезное внимание на национализм... но этот предмет по-прежнему редко удостоивается последовательного и продолжительного аналитического исследования» [17. С. 9]. В результате нация как «относительно старая форма межпоколенческого сообщества, очевидно, заняла беспрецедентное по политической важности место именно в ту пору, когда ее влияние вроде бы должно было сократиться (имеется в виду унифицирующее воздействие глобализации)... Другими словами, одна из самых могущественных новых сил в современном обществе, национализм, по-видимому, ведет себя совсем не по-современному. Значит, либо национализм не то, чем он кажется, либо что-то не так с нашим пониманием современного общества» [17. С. 495].

Долгое время национализм объясняли чуть ли не природной склонностью людей проявлять лояльность к членам своего национального сообщества, т.е. неким «национальным духом». В последней четверти XX века модернистские теоретики (например, Э. Геллнер) объясняют усиление лояльности к нации рациональными причинами и укреплением связи между национальным и индустриальным обществом. Национализм оказывается продуктом модернизации, а выдвинутый Геллнером принцип — совпадение этнических и политических границ — создает условия для утверждения «народного суверенитета», т.е. включения народных масс в процесс создания отвечающего их национальным устремлениям политического организма. Однако Геллнер, в отличие от ряда своих коллег, не рассматривает современный национализм как возвращение к старомодным мифам. Для него национализм — это рациональная идеология на той стадии развития индустриального общества, когда жители страны через институт гражданского общества оказываются членами национального государства. Таким образом, лояльность к нации из обычного эмоционального фактора превращается в фактор политический. Политизация лояльности людей к нации и есть та новая специфическая черта, которую следует рассматривать как одну из важнейших причин подъема национализма.

«Доктрина народного суверенитета учит нас мыслить о государстве как о хозяине территории, а о народах — как о хозяевах государств, или, выражаясь иначе, они учат нас, что государства суть средства, которыми народ устанавливает свое господство над данными территориям» [17. С. 248]. Заметим, что рационализм национализма нового типа не исключает недемократические (даже антидемократические) методы, которые политическая группа может использовать от имени народа для решения своих задач, и понятие народного суверенитета может восприниматься не только правящими элитами нации, но

и народными массами как легитимизация и законных политических актов, и явного произвола. Концепция народного суверенитета, которую Б. Як, склоняясь к постнациональному видению мира, фактически подвергает критике, взывает к идеалам английской, американской и французской революций. Сама по себе эта концепция, если применить ее к прежним и сегодняшним конфликтам, оставляет нас наедине с трудными, практически неразрешимыми проблемами: «Кто принадлежит к народу в Венеции 1848 года, Алжире 1955 года или Квебеке 1999 года — обитатели Венеции, Алжира, Квебека или все австрийцы и итальянцы, французы и арабы, англо- и франкоговорящие люди в пределах крупных государств, которым те принадлежали в свое время?». Понятие народного суверенитета «оправдывает делегитимизацию государственных границ, не давая никакого дельного указания — кроме как смириться — тем, кого не удовлетворяет, как в текущий момент поделены политические и культурные сообщества» [17. С. 217, 252, 253].

Достаточно взглянуть на политическую карту мира, чтобы оценить сложность и противоречивость процессов, которые подрывают стабильность как многонациональных сообществ, так и мировой цивилизации в целом. Национализм и в условиях глобализации демонстрирует не только живучесть, но и поразительную активность, легко создавая то в одном, то в другом регионе взрывоопасную ситуацию. Можно ли уйти от этой угрозы, зачастую созданной не сегодня, а в ходе истории? Б. Як анализирует две стратегии — национализации политического сообщества и политизации национального сообщества. Первая стратегия, которой придерживаются приверженцы гражданского национализма, нацелена на очищение реальности нации от культурного партикуляризма, т.е. на строительство общества как согражданства свободных от этнических пристрастий людей. Вторая стратегия нацелена на очищение общества, ставящего во главу угла специфические этнические ценности, от претензий на власть, обусловленную приверженностью этим ценностям большинства. Як демонстрирует непримиримость к насилию и вместе с тем дает чисто риторический ответ на поставленный выше вопрос: «Почему бы не попытаться восстановить жизнеутверждающую созидательность культурного национализма и защитить ее от угрожающих жизни искушений политического национализма?» [17. С. 256–258]. Но культурный национализм при определенных условиях может перерасти в политический, их взаимная связь — объективный факт.

Неудивительно, что в центре исследований противоречивого воздействия глобализации на социальную политику оказался новый национализм — всевозможные антиглобализационные течения, проявления сепаратизма, фрагментации, казалось бы, стабильных государств и союзов, новые национальные движения «этнического возрождения», появившиеся после деколонизации Африки и Азии и крушения бывших империй (распад СССР и социалистического блока). По мнению С. Терли, «повсюду в мире происходит националистическая революция... мы почти наверняка находимся на пороге

появления новой мировой политической парадигмы, глобалистический политический и экономический порядок, который явно господствовал в последние несколько десятилетий, фактически рушится под воздействием обновленного чувства национализма, популизма и традиционализма, требующего утверждения во всем мире нового политического порядка» [28. С. 7, 10]. Ссылаясь на публикации Э. Гидденса и других видных социологов, Терли стремится доказать, что новый национализм как масштабное политическое и культурное течение развивается в русле главных принципов современности, чтобы противодействовать глобализму и элитам, получающим неслыханные прибыли от использования труда без конца прибывающих легальных и нелегальных мигрантов, что оставляет без работы огромные массы местного населения.

Новым национализмом называл свою программу Т. Рузвельт, ставший Президентом США в 1901 году. Он потерпел поражение в 1912 году, несмотря на выдвинутый в ходе предвыборной борьбы популистский лозунг превращения федерального правительства из защитника закона и порядка в поборника социальной справедливости и общественного благосостояния. Рузвельт уступил на выборах В. Вильсону — он также выступал за активную роль президента, но сумел противопоставить новому национализму Рузвельта программу новой свободы, предусматривающей возрождение демократических идеалов Т. Джефферсона [10. С. 400–401]. В течение века национализм получал то поддержку, то неприязнь и даже решительный отпор. Определенные силы в США пытаются обновить и пустить в ход это старое, испытанное, но обоюдоострое оружие, возможно потому, что новый национализм может стать основой радикального популизма, который отвергает элиты во имя народа и интернационализм ради защиты национальных интересов, не признает созданные элитой институты как раскольничество и надувательство, выражает презрение экспертам, отстаивая здравый смысл, и ратует за сильного лидера, который осуществил бы необходимые перемены.

Упомянутым политическим принципом — защитой обычного человека, культурного уклада и сокровенных национальных традиций — приверженцы националистического популизма не исчерпывают его преимуществ. Критикуя глобализм и его последствия, они опираются на тот факт, что транснациональные корпорации добиваются свободного перемещения огромных масс людей, товаров и капиталов, а также выгодного для них международного разделения труда, вследствие чего государства-нации теряют свой облик суверенных национальных государств и выступают лишь как торговые или территориальные единицы. Повсеместно люди ощущают, что мир теряет былое разнообразие и становится плоским. Создаваемые глобализаторами технологические телекоммуникационные механизмы формируют единую мировую экономическую систему, которая, по мнению многих ученых, разрушает концепцию сосуществования наций. В результате уникальность культуры, столь необходимая для сохранения национальной идентичности, исчезает, уступая место глобалистской, монолитной, ориентированной на потребительство

культуре. Все это позволяет лидерам нового национализма выступать от имени народа, а националистическим партиям — бороться с глобалистской элитой и находиться в оппозиции Европейскому Союзу [28. С. 7, 10, 14–16].

Проповедники нового национализма не могут не понимать, что их ультра-националистические лозунги тревожат общественное мнение. Терли спешит снять с нового национализма обвинения в фашизме — потому что его приверженцы не проявляют интереса к завоеванию мира, господству, а стремятся лишь к сохранению национальных границ и суверенитета. Видимо, он считает, что расистская политика движения «Alt-Right» («Альтернативные правые») в США и неофашистов в Европе не может не порождать опасений возрождения расизма и антисемитизма [28. С. 12–13]. Прогнозируя развитие социально-политических и духовных процессов, Терли называет три самых значительных продукта глобализации: космополитизм, мультикультурализм и национализм, причем последний должен не только утвердить свое первенство, но и преодолеть два других как негативные продукты глобализации. Космополитизм отвергается ввиду его несовместимости с существованием наций и национальных государств, а мультикультурализм проявляет свой антинациональный характер, декларируя равнодушие к ценностям и святыням коренных народов. Что касается продиктованной мультикультурализмом миграционной политики, то ее националисты считают источником острейших социальных и межэтнических противоречий. Приверженцы мультикультурализма вместо того, чтобы учить иммигрантов приспосабливаться к культуре стран, куда они прибыли, сегодня заставляют эту культуру адаптироваться к иммигрантам, а большинство — приспосабливаться к мигрантам [28. С. 16–17].

Бизнес зачастую смотрит на ситуацию сквозь пальцы, так как для него важнее дешевая рабочая сила. Здесь коренится причина массовых протестных акций в США, Германии, Франции и других странах, в ходе которых выдвигаются лозунги и призывы откровенно ксенофобского и расистского характера. Это ли не питательная почва для нового национализма, приверженцы которого все чаще собирают значительную часть голосов на выборах? И речь идет не о небольших странах, например, Венгрии, Австрии или Швейцарии, которые болезненно воспринимают излишек мигрантов, а о могущественной державе, создавшей экономику и обеспечившей высокий уровень жизни во многом благодаря нещадной эксплуатации мигрантов, — о США: «Нет никаких причин требовать, чтобы миграция позволяла тем, кто не в состоянии обеспечить себя, полагаться на программу помощи, оплачиваемую американскими рабочими. Это и есть трамповская шовинистическая формула благосостояния, которая стала узловым моментом платформы новых националистов в Европе: благосостояние только для граждан данной страны и никак не для тех, кому довелось пересечь границу» [28. С. 73]. «Нам предстоит сделать выбор между господством над миром и лидерством в нем», — вот слова З. Бжезинского [2. С. 12]. Новый национализм призван, по замыслу его пропагандистов, вернуть Америке ее величие, создав «новый политический порядок», и

на декларации американской исключительности зиждется идеология национализма — старого и нового. Но следует ли считать «исключительной» страну, которая уже сто лет тщетно пытается утвердить новый политический порядок во Вьетнаме, Ираке, Европе, Афганистане, Сирии и т.д.? Как отметил «Wall Street Journal», если есть сфера, где Америка проявила свою исключительность, так это ее расовая практика заключения в мучительные объятия черных американцев.

От национализма к расизму?

В конце мая 2020 года в Миннеаполисе (штат Миннесота, США) произошло событие, положившее начало широкому движению масс, которое угрожало перерасти в гражданскую войну: полицейский убил чернокожего Джорджа Флойда. Резонансные убийства полицией чернокожих имели место и в прошлом, хотя на этот раз преступление произошло не на юге, где живучесть расизма очевидна, а в северном штате — сравнительно благополучном в плане межэтнических отношений. Но уже взбудораженные размахом пандемии массы чернокожих отреагировали на убийство на редкость бурно — движение приняло характер антибелого бунта и вышло за пределы штата. Американские социальные теоретики незамедлительно дали оценку происходящему: «Подобно тому как вирус поражает чернокожих непропорционально чаще, чем другие расы, черные должны бороться с другой угрозой — полицейским насилием. Хотя обе проблемы являются следствием структурного расизма в США, полицейское насилие кроется в особенностях американского образа жизни и, очевидно, переживет коронавирус» [18]. «Белый национализм ранее именовали расовым превосходством белых, которое и сегодня не дает чернокожим пользоваться предоставленным им федеральным законодательством правом равноправных граждан» [19]. Предоставление гражданских прав — большой шаг в решении расовой проблемы, а за ним последовала реализация принципов мультикультурализма — система «позитивного действия» или «позитивной дискриминации», поставившая часть чернокожих в более выгодное положение. Однако даже в процветающем Миннеаполисе на 10% безработных чернокожих приходится 4% белых безработных, т.е. неравенство сохраняется.

Еще в конце 1950-х — начале 1960-х годов появилось радикальное крыло, проповедовавшее «расизм наизнанку» («Черные пантеры», «Черное мусульманство» и др.) Достаточно назвать одну из версий их мифологии, не уступавшей мифам белого расизма: «чернокожие в Африке создали великую цивилизацию, когда белые недочеловеки еще лазали по деревьям». Хотя движение чернокожих радикалов не получило размаха, сегодняшние угрозы белым со стороны «черных пантер» — тревожный сигнал. Активность гражданского движения афроамериканцев в целом обусловлена не только полицейским произволом, но и другими факторами (экономическими, судебно-правовыми, медицинскими и т.д.). Впрочем, это движение традиционно ограничивает требования расовой проблематикой, не замечая социальных корней той

несправедливости, которая от поколения к поколению омрачает их жизнь в развитом обществе, — афроамериканцев долгое время лишали качественного образования, культурного роста, карьеры в государственной сфере. Люди, оказавшиеся в стороне от технологического прогресса (удел множества афроамериканцев даже в условиях «позитивного действия»), продолжали ощущать несправедливость, зачастую реагируя на нее бездумным сопротивлением, массовыми погромами магазинов, уничтожением памятников и другими действиями криминального характера.

Биорасизм в США давно потерпел полное фиаско, а вот «культурный» расизм, т.е. поиск расовых особенностей общественного поведения или образа жизни, используется для «научного» оправдания сегрегации расового или этнического меньшинства. Логика «культурного» расизма, распространившегося в США с 1950-х годов, такова: чернокожие заслуживают сочувствия и лучшей участи, их дурные манеры — не вина, а беда, но кто пустит к себе в дом людей, чьи родственники отбывают наказание и чьи нравы чужды большинству сограждан. Надо отдать должное развернувшемуся в 1960-е годы необычайно массовому, охватившему наряду с черными и белых американцев, движению за гражданские права, возглавляемому М.Л. Кингом и его соратниками, которое уже тогда преодолевало предрассудки и поставило расизм вне закона.

Сохранявшаяся система неравноправия, конечно, стала причиной отклонений поведения афроамериканцев от стандартов «среднего американца». Однако, во-первых, эти отклонения нельзя распространять на многомиллионный народ, как это делают приверженцы неорасизма; во-вторых, объективный анализ воздействия среды позволяет обнаружить психологические качества не только жертв, но и борцов против угнетения. «История негритянского народа воспитала в нем определенные надежды, идеалы, обычаи и черты характера, проникнутые психологией, устремленной к свободе и равноправию... Все развитие негритянской музыки, литературы, поэзии и изобразительных искусств носит в себе печать борьбы за освобождение» [16. С. 201]. Плодотворная деятельность чернокожих профессоров, общественных деятелей и госслужащих, музыкантов и спортсменов стала частью американского образа жизни, и на этом фоне любое проявление неуважения представляется одиозным и недопустимым. Например, в вышедшем 2 января 2019 года документальном фильме знаменитый американский биолог Дж. Уотсон (удостоенный в 1962 году Нобелевской премии за открытие совместно с М. Уилкинсом структуры молекул ДНК) заявил, что разница в IQ у представителей европейской и негроидной рас обусловлена генами, и «белые определенно умнее черных». Лаборатория, в которой ученый долгое время проводил плодотворные исследования, поспешила отмежеваться от этого противоречащего науке заявления и подвергла ученого санкциям. К сожалению, даже извинившись за свое расистское высказывание, Уотсон не отказался от своего мнения [13].

Возникает вопрос: располагает ли западная академическая наука достаточными возможностями (кадры и технологии), чтобы сказать веское слово

по проблемам, затрагивающим жизнь значительной части человечества. В послевоенный период ООН, Юнеско и другими организациями были проведены экспертные исследования и опубликованы заключения по расовой проблеме, закрывшие дорогу всевозможным спекулятивным суждениям в этой сфере. А что говорит западная социальная наука сегодня? Пролистаем журнал «Этнические и расовые исследования», издающийся в Великобритании и США, на страницах которого ряд авторов поддержал тезис об ослаблении значения расы в XXI столетии в условиях роста классового неравенства. В противовес завуалированной расистской интерпретации истории межэтнических отношений в США и других странах в социальной науке появились новые отрасли, нацеленные на углубленный анализ новых тенденций (этносоциология и этнополитология) — не постнационального и постнационалистического мира (как его представляли идеологи глобализма), а мира реального со всеми его сложностями и противоречиями.

Глобализация, представляя диалектический процесс всеобъемлющей интеграции и столь же масштабной дифференциации, создает невиданные прежде возможности для сближения культур, расширения коммуникативного пространства, обогащения людей новыми знаниями, технологиями и идеями. Вместе с тем она порождает кризис серьезных проблем, одна из которых — кризис идентичности [6. С. 9]. Так, летние события 2020 года в США, начавшиеся как протест против полицейского произвола, быстро переросли в культурный хаос и деструктивные действия (уничтожение исторических памятников, смена ориентиров), что требует внимательного анализа меняющейся идентичности Америки и неожиданных аспектов традиционного расового противостояния. Например, каков внутренний мир чернокожих, каково их отношение к стране, в развитие которой множество поколений негритянского народа внесло столько сил и жертв? Сегодня афроамериканцы составляют более 10% населения США, и перед выборами за их голоса идет нескончаемая борьба. Каково отношение к чернокожим как к расовому и этническому меньшинству? Вот что писал по этому поводу во второй половине XX века негритянский писатель Дж. Болдуин: «Негры здесь никогда не считали и не считают настоящими гражданами. Негры для американского сознания и американских институтов остаются обломками рабовладельческой системы... по этой причине каждое поколение было вынуждено настаивать со все большим упорством — и большими жертвами — на своих гражданских „правах“» [3. С. 386].

Конечно, факт законодательного закрепления за чернокожими гражданских прав важен, но, как показали события в Миннеаполисе, мало что изменилось: белый расизм демонстрирует свою живучесть, и официальная Америка не в состоянии преодолеть длящуюся уже несколько веков болезнь. Но вот любопытная новация, которой, возможно, предстоит изменить ситуацию, — явная непримиримость чернокожего населения к дальнейшему полицейскому произволу и готовность дезорганизовать жизнь американских городов на юге

и севере страны в случае его продолжения. Кроме того, лозунги движения «Жизни чернокожих имеют значение» («Black lives matter») были приняты наиболее совестливой частью белого населения, символом чего стала унижительная готовность целовать ботинок чернокожего. В связи с этим представляет интерес эволюция сознания чернокожего населения, которая в течение долгого времени не становилась предметом специального анализа социальной науки в США.

Вот одно из сравнительно недавних социологических исследований группы чернокожих: М. Джонсон (Университет Флориды) опубликовал статью о парадоксе патриотизма чернокожих — конфликте между двумя лояльностями: к расе и к нации. Принять американскую идентичность означало бы проникнуться верностью американским ценностям, что противоречило бы сложившейся идентичности чернокожих — как жертв американизма и систематического расизма. Цель исследования Джонсона — проверить, сохраняется ли подобная дилемма, можно ли безболезненно пожертвовать какой-то лояльностью, чтобы уйти от разъедающего душу конфликта, или сконструировать новую гармоничную идентичность. Автор разделил чернокожих на три группы: приверженцев концепции «нация в нации», сторонников гегемонистского патриотизма и приверженцев новой идентичности. Трудность, с которой столкнулся Джонсон, — нехватка исследований по американскому патриотизму и особенно игнорирование в научной литературе темы патриотизма чернокожих [21. С. 1975].

Чтобы разрешить фундаментальное противоречие между американской и черной идентичностями, чернокожие конструируют разные патриотические идентичности, которые могут противодействовать, противоречить или сочетаться с их «чернотой» (blackness). В исследовании Джонсона часть испытуемых не считала себя связанными с Америкой, была свободна от патриотических чувств и придерживалась меритократического взгляда. Эту группу автор назвал «зрителями»: они не ощущают связи с расой или нацией и часто придерживаются взгляда на Америку как на пострасовое, меритократическое общество. Другая группа склонна к ассимиляции, часто подавляет свои эмоции, чтобы примкнуть к мейнстриму. Так, один из представителей группы, 54-летний офицер полиции, выразив «любовь к Америке», утверждал, что меньшинства чаще подвергаются аресту, потому что совершают больше преступлений; он отрицал, что меньшинства — жертвы институциональной дискриминации. Эту группу исследователь назвал «сикофантами» (льстецами).

Третья группа — «разрушители» — тесно связана с Америкой, но уже испытала на себе социальное неравенство и несправедливость: они не забыли свою родину, будь то Африка или Карибские острова, могут разделять философию радикализма и быть связаны с такими движениями, как «теология черного освобождения», «жизни черных имеют значение», «нация ислама». Для этих людей парадоксальна сама постановка вопроса о патриотической идентичности в Америке — они выражают недоверие и ненависть ко всему, что

говорят в мире белых о чернокожих. Вот высказывание 27-летней студентки, которую Джонсон относит к группе радикалов: «Американский патриотизм прославляет мир, которого не существует, американцы облагодетельствованы правом на свободу, жизнь и справедливость для всех. Но это лживый идеал, потому что в Америке не всем предоставлены эти права. Я не патриотка, так как не чувствую, что могу что-либо полюбить в этой стране, где глобальное империалистическое и капиталистическое вмешательство калечит каждую нацию на своем пути» [21. С. 1964–1965].

Либеральный национализм и будущее американской нации

В мире сложилось мнение об американцах как о нации оптимистов. Оно подкреплялось тем фактом, что богатая и могущественная нация, не знавшая войн и нашествий чужих армий, живет относительно благополучно и безмятежно. «Перл-Харбор» впервые поколебал мнения жителей страны, но не повлиял на чувства национальной идентичности, включая американский национализм. Слово «американский», по словам А. Ливина, произносится с таким пафосом, что становится ясно: «если вы американский гражданин, значит, вы обладаете рядом достоинств, которых нет у других народов... Центральным местом в духовном кредо США была и остается идея американской миссии во всем мире» [9. С. 129]. С. Хантингтон, говоря о реакции американцев на трагические события 11 сентября 2001 года, пишет о национальных флагах, спрос на которые возрос тогда во много раз и, кстати, позволил продавцам утроить свои прибыли. Флаги были раскуплены и вывешены на домах, автомобилях, одежде, что стало зримым свидетельством «осознания американской идентичности» [15. С. 22].

Западные исследователи национализма в США указывают на две его стороны: шовинизм, унаследованная от исторического прошлого вера в могущество и превосходство американского образа жизни, а также стремление распространить принципы американской демократии на весь мир; этнический национализм, т.е. присущие той или иной национальности, составляющей часть американской нации, чувства по отношению к своей и другим общностям. М. Линд пытается сконструировать еще одну разновидность американского национализма — либеральный национализм — как альтернативу для общества, утратившего традиционное представление об американской идентичности, а вместе с ним и ориентир на будущее. Либеральный национализм, который провозглашает Линд, стремится уйти от былых представлений и сформулировать концепцию нации, ее идентичности и привлекательности для широкого круга людей.

По мнению Линда [22], в конце XX столетия вопрос «являемся ли мы нацией» вновь встал перед американскими интеллектуалами: в отличие от сторонников единства страны и расовой интеграции, представители ведущих направлений изучения американской идентичности — мультикультурализма и демократического универсализма — склонны давать на него отрицательный

ответ. Соединенные Штаты, говорят мультикультуралисты, — это не нация-государство, а «нация наций», федерация национальностей или культур, населенная пятью расами: белыми, черными (афроамериканцами), латинос (испаноязычными), азиатами, жителями тихоокеанских островов и американскими индейцами. Немногочисленные, но активные сторонники старомодной школы «культурного плюрализма» склонны считать население Америки совокупностью этнических групп: англичан, немцев, ирландцев, итальянцев, поляков и т.д. Но в главном они согласны с мультикультуралистами: США — не нация-государство, подобно Франции, Польше, Китаю или Бразилии, а многонациональная федерация, как Канада, Швейцария, бывшие Советский Союз и Югославия. Существование американской нации оспаривают и сторонники «демократического универсализма», разделяющего представление о США как постнациональном государстве-идее. Выдвигая его как признак американской исключительности, они наделяют США некими моральными и демократическими качествами, якобы определяющими американское превосходство над другими государствами: США — это больше чем нация, это интернациональное сообщество, прототип будущей мировой общности.

Подвергая критике изложенные концепции новой американской нации и нового национализма, Линд возражает против мультикультуралистского представления о нации как гомогенной общности, настаивая, что нация может включать субкультуры тех или иных рас и этнических групп, которые не противоречат функционированию культурного целого. Линд выдвигает определение нации (давно вошедшее в научный оборот с теми или иными вариациями) как конкретной исторической общности, обладающей, прежде всего, общим языком, обычаями и культурой. Такая нация существовала и существует на американской земле. Большинство американцев рождается и формируется в культурном отношении в рамках этой нации, а мигрантам и их потомкам предстояло или предстоит ассимиляцию и включиться в это сообщество со всем его расовым разнообразием, или в трансрасовое общество.

Американцы, в большинстве своем верящие в исключительность своей страны, — глубоко националистичная нация, хотя в публичных дискуссиях это обычно замалчивается. Линд, объявляя себя глашатаем национализма, придерживается своей его трактовки: либеральный национализм отвергает концепцию американской исключительности и превосходства. Человек чтит свою нацию подобно тому, как чтит свою семью — не потому, что она лучшая, а потому что это его семья со всеми ее особенностями и недостатками. Линд придерживается умеренной концепции развития США: начиная с 1776 года, это постепенный, болезненный, но прогрессивный процесс реализации идей отцов-основателей [22. С. 10]. Линд отвергает традиционный националистический тезис сторонников нативизма (*native* — коренной): быть американцем — значит быть белым христианином либо следовать христианским традициям. Бытовавшая некогда формула WASP — белые протестанты англо-саксонского происхождения — давно не соответствует облику американской нации.

Либеральный национализм в определении американской идентичности отказывается от расовых и религиозных критериев. Фактически определяющими нацию факторами он считает язык (американский английский и его региональные и субкультурные диалекты) и культуру — не культуру высших слоев, а культуру народную, впитавшую за столетия региональные компоненты и расовые обычаи и традиции. Таким образом, либеральный национализм — это «вчерашний национализм „плавильного тигля“, модернизированный посредством культурного слияния и генетической амальгамации не только белых групп и мигрантов, но и американцев всех рас» [22. С. 9, 57]. Заметим, что автор опубликованной в начале XX столетия пьесы «Алембик» («Плавильный котел») И. Занвилл имеет в виду грандиозный котел, в котором плавилась и создавались все нации Европы. О расах тогда речи не было, но либеральный национализм считает, что в конечном счете плавильный процесс распространится и на расы.

С антирасистских позиций либеральный национализм оценивает и мультикультуралистскую концепцию: отвергая идею превосходства белой расы, мультикультурализм строит свою систему расовых предпочтений в образовании, при найме на работу и в политической карьере не на отказе от расовых критериев, а на вовлечении в круг лиц, получающих предпочтения, части иммигрантов из Латинской Америки и Азии. Тем самым, ежегодно число получающих льготы за счет белого населения увеличивается примерно на один миллион. Линд полагает, что таким путем осуществляется традиционная политика правящего класса «разделяй и властвуй». Без политики разъединения групп правящий класс не мог бы проводить «политику разрушения союзов, переноса бремени налогов с богатых на средние классы и рабочих, не сталкиваясь при этом с более или менее значительным народным сопротивлением» [22. С. 14].

В противовес этой «дьявольской политике» Линд выдвигает своеобразный классовый анализ: в современных США господствует белый надкласс (overclass) — небольшая группа богатых белых администраторов, удостоенных степенями и званиями, профессионалов, рантье. Вместе с зависимой от них частью населения он составляет около одной пятой жителей страны. Белый надкласс — первый национальный олигарх в американской истории, образовавшийся в середине XX века в результате слияния северо-восточной элиты с другими региональными элитами и ассимилированными потомками эмигрантов. Почти каждый из этого круга избранных уже по рождению или — реже — благодаря собственным усилиям допускается к контролю за деятельностью учреждений правительства, бизнеса, благотворительности, печати, образования. Члены надкласса, прибегая к финансовым рычагам, стремятся контролировать демократическую и республиканскую партии, обеспечивают поддержку подавляющему большинству кандидатов в политические органы и т.д. Оба важных тренда в американском обществе после 1960-х годов — введение расовых предпочтений и снижение уровня зарплат и пособий — отвечают интересам белого надкласса. Посредством расовых предпочтений последний пытается создавать и поддерживать небольшие

контингенты «надклассов» для чернокожих и испаноговорящих, среди которых отбираются потенциальные лидеры протестных акций. Вовлечение части чернокожих и испаноязычных американцев в сепаратистские надклассы, имеющие финансовую поддержку и покровительство со стороны белого надкласса, оказывается намного менее затратным, чем серьезные усилия по подъему зарплат, пособий и образовательного уровня черного и латиноамериканского большинства (не говоря уже о подъеме материального уровня жизни всех американцев). «На практике Америка разделена, если воспользоваться метафорой Дизраэли, „на две нации“ — небольшую, почти исключительно белую нацию богатых высокообразованных светских либертарианцев, которая правит огромной нацией, преимущественно белой, но с существенными прослойками чернокожих и испаноязычных, склонных оставаться религиозными и социально консервативными, придерживаясь популистских взглядов по экономическим вопросам» [22. С. 100].

С 1960-х годов белый надкласс направил свои усилия на создание надкласса среди чернокожих. Конечно, по сравнению с белым надклассом последний нельзя считать богатой элитой — эта контролирует скромный частный бизнес. Исследуя высшие слои средних классов, социологи обнаружили, что богатство белых в 2,5 раза превышает то, каким располагали чернокожие. В целом речь идет не о сильном классе бизнесменов и профессионалов, а об экономически слабой элите, зависящей от правительственных заказов и поддержки [22. С. 161]. Зависимость надкласса чернокожих от белой олигархии и ее субсидий вполне укладывается в политику «позитивных действий». Возникает вопрос: не ведет ли политика расовых и социальных предпочтений к «балканизации», т.е. фрагментации американского общества по этническому признаку, как это произошло на Балканах? Линд не видит здесь угрозы «балканизации» — угрозу, по его мнению, представляет положение низших классов, особенно чернокожих. Главная угроза США в XXI столетии не «балканизация», а «бразилиация» — разделение не культур по расовому признаку, а рас по классовому признаку.

Белый надкласс не заинтересован в преодолении «бразилиации» — его господство поддерживает поляризованное общество, где небольшая гомогенная олигархия противостоит пестрому по этническому и расовому составу населения, которое принадлежит к одной культуре, но разделено расовым фактором. Поэтому протестные настроения, порожденные экономическими трудностями, скорее выразятся в усилении враждебности между группами на «дне» общества, чем в восстании против верхов. Во время лос-анджелесского бунта (массовые беспорядки в начале 1990-х годов) протестующие чернокожие, латинос и белые обрушились на корейцев из среднего класса, а не пошли маршем на Беверли-Хиллз (фешенебельный район Лос-Анджелеса, где в роскошных особняках живут кино- и телезвезды) [22. С. 216]. А летом 2020 года погромам подвергалось все, что попадало под руку.

Либеральный национализм, согласно Линду, не в состоянии предложить программу решения расовой проблемы на базе социального переустройства.

Говоря о будущем, он переносит формулу американской нации из категории расового взаимодействия в русло культурной общности. Линд — решительный противник биологизации наций, поскольку столетняя история США создала культуру, являющуюся достоянием всей нации. «Мы, американцы, с либеральной точки зрения определяем свою идентичность общим языком и культурой. И до тех пор, пока эти факторы объединяют нас, мы будем составлять этнокультурную нацию, независимо от состава нашего генетического пула, независимо от характера политического единства или границ, которые, в конце концов, будут отделять нашу нацию от других» [22. С. 259].

Говоря о будущем американской нации, Линд ссылается на свою концепцию обновленного «плавильного тигля»: год от года в США растет количество межрасовых браков, и Линд решительно критикует теорию «одной капли крови», согласно которой, если в роду у человека был чернокожий, значит, он должен считаться чернокожим по сей день независимо от внешности. С. Хантингтон в книге «Кто мы?» приводит любопытный факт: в 2001 году фонд Гарварда-Хайзера и газета «Вашингтон пост» в ходе опроса установили, что 77% чернокожих, 68% латиносов, 67% выходцев из Азии и 53% белых считают не имеющим значения то, с кем человек вступает в брак — с представителем своей или другой расы [15. С. 477]. Таким образом, представления о постепенной амальгамации составных частей американской нации, включая расовые группы, вполне реалистичны. Но до такой амальгамации приходится рассчитывать на реконструируемую новую этнокультурную нацию, которая, сплотив большую часть, оставит за бортом нации тех, кто не захочет объединиться с большинством, а предпочтет сохранить коренную идентичность. Впрочем, «этно» Линд готов опустить, чтобы не ассоциировать новую нацию с расовым прошлым. Унаследованная народом с основания страны культурная идентичность настолько важна, что каждый американец должен впитать в себя ее часть. Американцы должны считать себя принадлежащими только к одной расе — человеческой — и только к одной национальности — американской [22. С. 296], а все прочие варианты реинтеграции американской нации в условиях кризиса многорасового общества либеральный национализм считает нежизнеспособными. Но смогут ли язык и культура сплотить нацию, разделяемую не только языковыми и культурными факторами, но и классовыми противоречиями, — большой вопрос, на который либерализм не дает ответа.

Библиографический список

- [1] *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. Казань, 1997.
- [2] *Бжезинский З.* Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2010.
- [3] *Болдуин Д.* Что значит быть американцем. М., 1990.
- [4] *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М., 2003.
- [5] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- [6] *Горшков М.К.* Модернизация и модернизационные процессы в России (размышления социолога) // *Цивилизация. Модернизация. Идентичность.* М., 2012.
- [7] *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.
- [8] *Кругман П.* Кредо либерала. М., 2009.
- [9] *Ливен А.* Анатомия американского национализма // *Pro et Contra.* 2004. Т. 8. № 3.

- [10] *Макинерни Д.* США. История страны. М.–СПб., 2009.
- [11] *Панов П.В.* Национализм // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М., 2017.
- [12] *Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л.* Национализм: теории и политическая история. М., 2006.
- [13] *Сидорчик А.* «Европеоиды умнее». Первооткрывателя структуры ДНК наказали за расизм. URL: https://aif.ru/society/science/evropeoidy_umnee_pervootkryvatelja_strukturny_dnk_nakazali_za_rasizm.
- [14] Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003.
- [15] *Хантингтон С.* Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
- [16] *Хейвуд Г.* Освобождение негров. М., 1950.
- [17] *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. М., 2017.
- [18] *Blain K.N.* Violence in Minneapolis is rooted in the history of racist policing in America. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/05/30/violence-minneapolis-is-rooted-history-racist-policing-america>.
- [19] *Denworth L.* A civil rights expert explains the social science of police racism. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/a-civil-rights-expert-explains-the-social-science-of-police-racism>.
- [20] *Ignatieff M.* Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism. New York, 1995.
- [21] *Jonson M.E.* The paradox of black patriotism: Double consciousness // *Ethnic and Racial Studies*. 2018. Vol. 41. No. 11.
- [22] *Lind M.* The Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution. New York, 1995.
- [23] *Patterson O.* The long reach of racism in the U.S. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-long-reach-of-racism-in-the-u-s-11591372542>.
- [24] *Sakamoto A., Wang S.X.* The declining significance of race in the 21st century: A retrospective assessment in the context of rising class inequality // *Ethnic and Racial Studies*. 2015. Vol. 38. No. 8.
- [25] *Shafer B.* Faces of Nationalism: New Realities and Old Myths. New York, 1972.
- [26] *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. New York, 2008.
- [27] *Theodorson G.A., Theodorson A.G.* A Modern Dictionary of Sociology. New York, 1969.
- [28] *Turley S.* The New Nationalism: How the Populist Right is Defeating Globalism and Awakening a New Political Order. Newark, 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751

“New nationalism” and the issue of nations in the interpretation of American social theorists*

M.K. Gorshkov, A.E. Bagramov

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: director@isras.ru; ebagramov@gmail.com)

Abstract. The article considers the so-called new nationalism that has been developing in the United States and other Western countries since the last decades of the 20th century as a system of ideas about nations, sovereignty, racial and national relations, and also currents of nationalism. Recent forecasts of the ideologists of globalism about the inevitable departure from the political scene of nation-states, nations and nationalism are opposed by the contemporary nationalism which became a real political

* © M.K. Gorshkov, A.E. Bagramov, 2020

The article was submitted on 19.06.2020. The article was accepted on 10.09.2020.

factor, primarily in the United States. The authors show the variety of concepts of nationalism, which allows its supporters in the United States to follow both openly chauvinistic ideas and liberal ideas of solidarity that makes up the nation. Among the reasons for the rise of nationalism, the authors consider the interaction of two trends in the public-political life — politicization of ethnicity and ethnicization (or nationalization) of politics. The authors believe that the emphasis on ethnic nation and ethnic nationalism (as opposed to civil nation and civil nationalism) reflects the exacerbation of inter-ethnic tensions in the United States and other Western countries. Based on the analysis of the new nationalism, the authors distinguish its right direction, whose supporters nominally renounce Nazism and racism but promote similar ideas, and a moderate liberal direction which often equates nationalism with patriotism. Representatives of both trends appeal to national interests and values of the nation's historic core, and criticize migration policy and multiculturalism. In addition to 'white' racism and its evolution, the article considers the scope of nationalism and patriotism of African-American movements, in particular "Black Lives Matter" and the results of the study of the dual consciousness of African Americans as combining the concept of 'nation within a nation' and a new, completely American identity. Despite many American theorists' idea of the absence of the American nation as such, the authors consider the concept of a new identity of the American nation, which M. Lind defines as a unity of language and culture, regardless of the racial composition, i.e. as an expression of liberal nationalism and a renewed concept of the 'melting pot'. Lind and his colleagues believe that the factor of the current split of the American nation is not racial or ethnic confrontation ('Balkanization') but the social gap between rich and poor. The authors consider the criticism of the policy of the American ruling class as a means for the sociological study of the racial problem and for the development of ways for solving it.

Key words: nation; nationalism; patriotism; race; class; national and ethnic identity; 'melting pot'

References

- [1] Aberkrombi N., Hill S., Terner B.S. *Sociologicheskyy slovar* [Dictionary of Sociology]. Kazan; 1997 (In Russ.).
- [2] Brzezinsky Zb. *Vybor: Globalnoe gospodstvo ili globalnoe liderstvo* [The Choice: Global Domination or Global Leadership]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [3] Baldwin J. *Chto znachit byt amerikantsem* [What it Means to be an American]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [4] Buchanan P.J. *Smert Zapada* [The Death of the West]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [5] Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [6] Gorshkov M.K. *Modernizatsiya i modernizatsionnye processy v Rossii (razmyshleniya sociologa)* [Modernization and modernization processes in Russia (sociological reflections)]. *Tsivilizatsiya. Modernizatsiya. Identichnost*. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [7] Greenfeld L. *Natsionalizm. Pyat putej k sovremennosti* [Nationalism: Five Paths to Modernity]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [8] Krugman P. *Kredo liberala* [Liberal's Credo]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [9] Lieven A. *Anatomiya amerikanskogo natsionalizma* [America: Right or wrong? Anatomy of American nationalism]. *Pro et Contra*. 2004; 8 (3) (In Russ.).
- [10] McInerney D. *SShA. Istoriya strany* [USA. History of the Country]. Moscow–Saint Petersburg; 2009 (In Russ.).
- [11] Panov P.V. *Natsionalizm* [Nationalism]. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie*. Otv. red. I.S. Semenenko. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [12] Sidorina T.Yu., Polyannikov T.L. *Natsionalizm: teorii i politicheskaya istoriya* [Nationalism: Theories and Political History]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [13] Sidorchik A. "Evropeoidy umnee". *Pervootkryvatel'ya struktury DNK nakazali za rasizm* ["Caucasoids are smarter". Discoverer of DNA structure punished for racism]. URL: https://aif.ru/society/science/evropeoidy_umnee_pervootkryvatel'ya_struktury_dnk_nakazali_za_rasizm (In Russ.).
- [14] *Sociologicheskaya Entsiklopediya* [Sociological Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow; 2003 (In Russ.).

- [15] Huntington S.P. *Kto my?: vyzovy amerikanskoj natsionalnoj identichnosti* [Who are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [16] Haywood H. *Osvobozhdenie negrov* [Negro Liberation]. Moscow; 1950 (In Russ.).
- [17] Yak B. *Natsionalizm i moralnaya psikhologiya soobshhestva* [Nationalism and the Moral Psychology of Community]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [18] Blain K.N. Violence in Minneapolis is rooted in the history of racist policing in America. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/05/30/violence-minneapolis-is-rooted-history-racist-policing-america>.
- [19] Denworth L. A civil rights expert explains the social science of police racism. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/a-civil-rights-expert-explains-the-social-science-of-police-racism>.
- [20] Ignatieff M. *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism*. New York; 1995.
- [21] Jonson M.E. The paradox of black patriotism: Double consciousness. *Ethnic and Racial Studies*. 2018; 41 (11).
- [22] Lind M. *The Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution*. New York; 1995.
- [23] Patterson O. The long reach of racism in the U.S. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-long-reach-of-racism-in-the-u-s-11591372542>.
- [24] Sakamoto A., Wang S.X. The declining significance of race in the 21st century: A retrospective assessment in the context of rising class inequality. *Ethnic and Racial Studies*. 2015; 38 (8).
- [25] Shafer B. *Faces of Nationalism: New Realities and Old Myths*. New York; 1972.
- [26] *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. New York; 2008.
- [27] Theodorson G.A., Theodorson A.G. *A Modern Dictionary of Sociology*. New York; 1969.
- [28] Turley S. *The New Nationalism: How the Populist Right is Defeating Globalism and Awakening a New Political Order*. Newark; 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-752-762

Dimensions of time and space in sociology*

J. Šubrt¹, L.G. Titarenko²

¹Charles University
U Kříže, 8, Praha 5, 15800, Czech Republic

²Belarusian State University
Prosp. Nezavisimosti, 4, Minsk, 220030, Belarus
(e-mail: Jiri.Subrt@ff.cuni.cz; larissa@bsu.by)

Abstract. Contemporary sociology has significantly changed the concept of space and time. According to Wallerstein, time and space represent a reality that sociology has long neglected. The situation is different in historical sciences, in which, as White states, the narrative approach prevails, and in historical sociology. The authors focus on time and space as ‘frames’ for the historically oriented explanation. Thus, time can be understood in different ways — as passing, duration, measure, moment appropriate for an action or change. Different forms of time represent different ‘frames’ for interpreting social events. Space is often interpreted in the relational perspective — as an order of relations formed by interacting subjects. The frame, in which we place an event, determines how we see and think about space and time. Reflections on time were significantly influenced by Braudel, who distinguished three levels of historical time. Today, the issue of space and time-space is considered by social geography, which provides some insights for sociology, as Giddens shows, especially when examining modernization and globalization. The sociological concept of time-space was developed by Wallerstein, who distinguished five types of space-time: episodic-geopolitical, conjunctural-ideological, structural, eternal, and transformative. These types of space-time provide different perspectives for the analysis of specific historical events. One of the reasons why Wallerstein places such an emphasis on space-time is that he believes that we are in the transformative time-space, which marks the end of the long structural space-time of the world system. Therefore, we face opposing historical choices and have no certainty, except that every step we take will have serious consequences.

Key words: sociological theory; historical sociology; history; frames; time-space; development; cycles; modernization; globalization; Wallerstein; Giddens

Time and space represent important but still largely neglected dimensions of social reality in the sociological research, even though there is a long-standing tradition of efforts to grasp both within the sociological research perspective. This tradition includes thinkers of the 19th and 20th centuries, especially those who tried to capture the dynamics of the capitalist system (Marx, Weber, Durkheim). Works of Pitirim Sorokin [28] are still discussed in Russia [1; 2; 3; 7; 8] as playing the key role in the time-space debates. In this paper, we focus on the historical-sociological perspective [9] as monitoring modernization.

Thus, Immanuel Wallerstein considered the past of social sciences to find out that for two centuries, there is an epistemological contradiction between

* © J. Šubrt, L.G. Titarenko, 2020

The article was submitted on 16.05.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

‘universalists’ and ‘particularists’, ‘theorists’ and ‘empiricists’, supporters of ‘nomothetic’ and ‘ideographic’ methods. In the late 19th century, this conflict turned into a dispute about methods between two groups: one believed that social reality was determined by laws (nomothetic method) which could be discovered and put into words, while the other (ideographic method) did not believe in such laws existed for they would contradict the freedom of human will choose one’s destiny. This dispute reflects contradiction between determinism and free will, between realism and nominalism. When asked, when and where this dispute took place, Wallerstein answered: “As a matter of fact, nowhere” [32. P. 94]. For supporters of the nomothetic method, time and space are principally irrelevant, for they seek to find universal laws that extend beyond time and space. Wallerstein logically explains that due to the irrelevance of the time-space coordinates, nomothetic research can be conducted wherever it is relevant in time and space for researchers, as the data obtained is universally applicable.

However, supporters of the ideographic method are in no better position in relation to time and space. For these scholars, called by Wallerstein ‘great particularists’, the key question is the choice of what to study. The implications of this approach are similar to the positions of the supporters of the nomothetic method: the subject of research is limited to easily available and applicable data. Somewhat different is the narrative approach of historical sciences, according to Hayden White [33]. Every narrative is in some way ‘inserted’ in time and space, even when the ‘narrated’ has the so-called ‘timeless meaning or message’.

Different forms of time as a frame of narrativity

Jan Sokol, in his book *Time and Rhythm*, states that in human experience captured by language, one can distinguish four meanings of time: a) time as an entity that flows, b) time as a duration, c) time as a measurement, d) time to do something [27. P. 21–24]. Let us add that there is also time defined as change.

Time as passing: everyday human life brings evidence of the unstoppable and irreversible march of time, in which many (new) things come, but also (often forever) go. The general variability of the world was expressed by Heraclitus of Ephesus in his thesis *panta rhei*. When narration is concerned, it is necessary to make it clear and comprehensible. Even if narration is not structured in time, its logical succession should be identifiable.

Time as duration: life and things around us ‘endure’. Some things, in our human perspective, last but briefly, while others last longer and some may even seem everlasting. Unlike the Heraklitean image of the river, the term ‘duration’ encourages us to believe in the image of a time ‘reservoir’ (Giddens would say ‘container’), in which separate partial durations are as if ‘embedded’. Philosophers sometimes define time as a ‘way of duration’. Since different things and human lives last for variable periods, time creates, among other things, the so-called ‘non-present present’.

Time as measure: according to Sorokin and Merton, in ancient societies, there were diverse, locally differentiated systems of counting and measuring time, which

depended on the activities the society was engaged in. Modern industrial society established a uniform time-slot pattern of hours, minutes and seconds. In historical narration, the precise definition of time of the story is crucially important for the location of actions in these coordinates is one of the prerequisites for understanding.

Time for something: in the archaic consciousness, time often had certain qualities, which could be ‘good’ or ‘bad’, ‘favorable’ or ‘unfavorable’. Ancient Greeks used the notion of *kairos* as representing favorable moments for action, which should not be missed. The necessity to decide what action is appropriate for what time is something common today too. In the historical reflection, we encounter formulations such as ‘moment of decision’, ‘testing times’ or ‘fruitful times’.

Time as change: if nothing changed, we could not perceive time. In the ancient worldview, which attributed certain qualities to time, it was recorded only when something happened. If nothing happened, it was as if time stopped. However, there are examples of this tendency in the contemporary thinking. For instance, in some philosophical reflections, the period of normalization in Czechoslovakia in the 1970s — 1980s was called ‘timelessness’.

In addition to the mentioned five forms of time which we find in the historical narrative, historical interpretations always include — often implicitly — the relationship between the past that the author describes and the present he lives in. In historiography, everyone finds out that something that once happened in a certain way is not the same something for future generations, and this is not a question of information, knowledge and available methods. George Herbert Mead considered the reconstructive function of thinking as presented in the American pragmatic philosophy: people in the present constantly change concepts and understandings of the past and the future due to new circumstances that bring into new light what already happened or is likely to happen. The acting subject, when being exposed to new experiences, returns to the past, looks at it in a different way and adjusts future behavior and expectations accordingly.

Mead believes that we tend to interpret the past as irrevocable. Therefore, he explained that the past can irrevocable and revocable at the same time. The past is irrevocable for we cannot change things that have already happened. However, their meaning and how they are stored and recalled make the irrevocable and as hypothetical as the future — it is constantly transformed and reformulated into a different past in terms of the present: we cannot say what Caesar or Charlemagne (Charles the Great) will present to people in the next century [25. P. 416].

Various forms of time represent ‘frames’ to narration, through which it is constructed and understood. Jean Leduc identified three typical characteristics of narrative sequences: (a) organizing the succession of events, (b) integrating into continuation (including beginning and end) and containing chronological points of reference (data or other indicators), (c) presenting a process [24. P. 228]. The interpretation of the time process as a flow presents it as a succession of sequences and causalities. This process takes time, and in the subsequent time it may continue to have influence and consequences. Individual events and sequences need to be

assembled in the historical interpretation within coordinates of time. Above all, one can consider how events corresponded to the general nature and tendencies of the given time or situation, and whether the phases and stages of the historical development were transformed by it. The idea of frames established a tradition in the sociological thinking represented mainly by Maurice Halbwachs and Erving Goffman.

Halbwachs focuses on how memory works and reproduces in certain social frameworks, through which our memories are formed and evoked [14]. These frameworks, of the temporal, spatial and linguistic nature, are not rigid but dynamic structures created by the elements that represent and organize our memories, including ‘landmarks in space and time, historical, geographical, biographical, political concepts, current experience and familiar perspectives’ [21. P. 35]. A typical example of the memory framework is the calendar and its organized system of holidays and important events.

Goffman defines frameworks as units of the organized experience [19]. Frameworks enable social actors to locate, perceive, identify and classify the seemingly endless number of events. “One of the functions of the framework is a definition of the ongoing interaction between main and incidental processes, and what eventually should be excluded from further interaction, i.e., what is visible and possible in the given situation but should be ignored” [29. P. 8–9]. Basic frameworks acquired by members of the particular community represent elements of their culture; therefore, what sort of events are ‘framed’ by us, and what frameworks we use, determines how we see them, think and talk about them.

Variety of time forms

We mentioned five forms of time in the historical narration — distinct though interconnected time-frames. Now we will focus on the concept of time as duration, which was developed by Fernand Braudel. He believed that in the diversity of times revealed by the historical study, one can distinguish the short time of discrete events — *courte durée* — related to individual destinies and separate events, and cyclical processes, examples of which are economic cycles (‘booms’) or (very) long courses of time — *longue durée* [12. P. 189–215]. Braudel focused on contradictions and tensions between the two poles of time — *courte durée* and *longue durée*. Within short periods of time, Braudel considers events that he compares to explosions. The short span of time is ‘the most stubborn’ and ‘the trickiest’ — the time of chroniclers and journalists, who record events of everyday life (e.g., fires, railway accidents, grain prices, crime, theatre performances). We encounter this brief course of time in all forms of life — in economics, social sphere, literature, religion, geography and politics. An individual event can be associated with a number of meanings and contexts. Sometimes it is a real testimony of very deep shifts; sometimes it is rather artificially inserted into a play of ‘causes’ and ‘consequences’.

At first glance, the past seems a mass of details. In the late 19th century, along with the significance of authentic documents, a new style of the historical study

developed — following the history of events through the correspondence of ambassadors or parliamentary debates step by step. This way of writing history, according to Braudel, allowed to describe political history but not economic or social history — of institutions, religions or civilization. Thus, new approaches developed in the 20th century, such a study of economic cycles, which led to the idea of long courses of time. In Braudel's historical works, one can find three different speeds of history [11]: fast movement of chronology (*temps individuel* in *histoire événementielle*), a slower but still detectable rhythm of changes in political, cultural and economic systems (*temps social* in *histoire conjoncturelle*), the almost unattainable flow of 'geohistory' — history of relationships between man and nature (*temps géographique* in *histoire structurelle*); i.e., history as if motionless, of constant repetition, and of ever-returning cycles. Braudel does not consider history in terms of individual action or great personalities, because behind individual actions and decisions, there is a much deeper and slower rhythm of *longue durée*.

Anthony Giddens was inspired by Braudel's approach to time, but his concept is different. According to Giddens' theory of structuration, every moment of social reproduction includes three interrelated levels of time [17. P. 93]: *durée of day-to-day experience* — temporality of immediate experience, the continuous flow of everyday life; *Dasein* — temporality of 'residence', the course of individual life; *longue durée of institutions* — 'long duration' of institutional time associated with the development and reproduction of social institutions. Giddens considers time through the prism of the duality of reversible and irreversible time. The term *durée* serves to describe the repeated elements of social life; *Dasein* expresses the irreversible flow of human life.

In *The Constitution of Society*, Giddens provides a diagram explaining that *durée* stands for the temporality of everyday experience and corresponds to 'reversible time', *Dasein* — for the temporality of individual life and 'irreversible time', *longue durée* — the long duration of institutions and 'reversible time' [17. P. 89]. The concept of *durée* was borrowed by Giddens from Schütz as a definition of routine, repetitive elements, as a permanent time characteristic of an action (such as driving a car or cooking food). The irreversibility of *Dasein* Giddens relates to the life of individuals as Heideggerian *Sein zum Tode*. Thus, the reversible time of institutions is the condition and the result of everyday practices.

However, Giddens' understanding of *the longue durée* was influenced by Foucault. Linking the ideas of *the Annales School* with Michel Foucault might seem problematic for Foucault's works seem a rejection of the uninterrupted continuity of *longue durée*. Nevertheless, a certain affinity can be seen due to Foucault's search for differences within continuity of long historical periods [11. P. 43]. Every rupture or new event marks the end of one *longue durée* and the beginning of another *longue durée*. Foucault is interested in deviations that distinguish one period from another and provide a *longue durée* with different characteristics.

Space

There are two main theoretical positions on space: substantial and relational. The substantial approach interprets space as the essence of bodily substance; the relational approach — not as an independent entity but as an order of relations formed by interacting objects, i.e., space does not exist outside this system of interactions. Today, space is a key object of social geography, whose beginnings in the 19th century intertwined with the history of sociology. In the Russian sociology, Alexander Filippov especially considered space [6] with great thoroughness and philosophical depth.

Although Giddens seems to be the most famous contemporary author to consider time-space relations, in the early 20th century, Georg Simmel developed a comprehensive theory of the impact of modernity on time and space [26]. Environmental psychologists consider Simmel's theory as predicting some recent theoretical and empirical achievements in social sciences and providing relevant hypotheses on time and space [30. P. 46]. Simmel studied the significance of spatial arrangements and movement through space. He argued that societies often select certain places as symbols of local culture, and the familiarity with these places increases the cohesion of social group. According to Simmel's ecological psychology, pre-industrial or rural cultures experience and organize space in a specific way, while post-industrial or urban cultures foster more abstract forms of spatial experience [23].

Unlike the ecological approach of the Chicago school, David Harvey and Manuel Castells focus not on 'natural' spatial processes, but on how artificial environments reflect social and economic systems of power, which indicates a new emphasis in the study of urbanization and globalization. Harvey emphasizes that urbanism is an aspect of the artifact environment developed by the industrial capitalism [15]. In traditional societies, city and urban places had clear distinctions; today, they are constantly restructured. Castells stresses that the spatial forms of society are interrelated with the general mechanisms of their development [13]. To understand the city, it is necessary to understand the processes of transformation of spatial forms. The urban environment provides numerous symbolic and spatial examples of wider social forces.

Torsten Hägerstrand added spatial components to sociological and economic models of the diffusion of information, arguing that the largest cities become the centers of innovations in the global world [16]. All innovations, such as new ideas and practices, are spread to other urban and even non-urban places from the largest megacities. Hagerstrand's models were applied to urban systems to explain the spatial organization of society. His research helped to make Lund a major innovative center in Sweden and develop the practice of spatial planning. Jeffrey Alexander connects the issue of space with the construction of civil society for it needs a particular urban territory: power belongs to those who 'privatized' this special space [10. P. 98]. Pierre Bourdieu developed a concept of social space as a form of certain relationships or ways of coordination between the states of different

objects. Social space manifests structure of various types of capital distributed unequally between individual agents and groups in the physical space, which is a projection of social space and objectifies the past and present social relations [4].

Recent research on modernization, space and time show how these factors change mobility [31], influence attitudes to the community and diminish the sense of local community [22]. John Urry showed that instead of the universal space-time coordination and functioning of mobility systems, there is a mobile, flexible system of flows and ‘instant time’. However, until recently, sociology has not paid enough attention to the fact that social practices are spatially patterned [5].

Giddens suggested a new approach to time and space in his structuration theory and works on modernity. Distanciation of time and space is a source of modern dynamics. For Giddens, the time-space characteristics of modernity differ greatly from the traditional ones. First, they are independent from each other and became abstract means of measurement and comparison. In the traditional society, the spatial aspect of social life was dominant due to the community’s space locality — the measurement of time depended on space and natural cycles. In modernity, social systems exist in space and time due to the effective means of communication and transport; therefore, social interaction can be free of local contexts. “The advent of modernity has increasingly torn space and time, establishing relationships with absent ‘others’ that are remote from any face-to-face interaction” [18. P. 18]. The separation of time and space was a crucial factor of modernity due to disembedding social systems and opening manifold possibilities of change. This provided gearing mechanisms for such an important feature of modernity as rationalized organization. Finally, the notion of history changed as it gained a new impetus for unifying the past: “time and space are recombined to form a genuinely world-historical framework of action and experience” [18. P. 21].

The modern political organization of space in the form of nation states provides space with some specificity. The nation state is a political and also spatial form of modern society — with internationally recognized national borders, specific systems of social control, and regional monopolies on the means of violence. Giddens’ contribution to the analysis of time and space is extremely important for modernity and presents the system of nation states as a measure of globalization.

Different types of time-space

Immanuel Wallerstein, who refers to Braudel, claims that historical social sciences must make space-time the main organizing principle of their work. The first step is to recognize the existence of different types of space-time for time and space cannot be analyzed separately: every time has its place and every place has its time; certain types of time and space simply belong to each other. Wallerstein identified five kinds of time-space: episodic-geopolitical, conjunctural-ideological, structural (Wallerstein’s episodic-geopolitical, conjunctural-ideological and structural time-spaces correspond to Braudel’s *histoire événementielle*, *histoire conjoncturelle* and *histoire structurelle*), eternal time-space, transformative time-space [32. P. 114–116].

Episodic-geopolitical time-space describes the time and space of events. Every event — of great or minor importance — can become an object of a political or intellectual debate about the time and space associated with it. For instance, when and where (in what episodic-geopolitical time-space) the Russian Revolution took place — there are thousands of books about this time-space.

Considering the reason why historical social sciences can hardly reach consensus on the *episodic-geopolitical time-space*, Wallerstein explains that historical events are usually (explicitly or implicitly) included in different, often contradictory *conjunctural-ideological time-spaces*. For instance, 1991, when the USSR ceased to exist as a state, marks the end of a certain political-ideological movement (from 1917 to 1989 in the Eurasian space), or the end of the former Russian empire, or the collapse of the last great imperial structure (then the considered time period is 1450–1991, and the space consists of Europe and the world), or the collapse of a certain development movement on the periphery and semi-periphery (referred to as the global South in opposition to the developed global North).

The reason why there is so much disagreement about the conjunctural-ideological space-time, is that there is no consensus about *structural time-space*. Debates on whether the end of the Soviet Union is connected with the fall of communism, the demise of the European empires or the collapse of development schemes on the periphery and semi-periphery, express the evaluation of the historical system in which the cyclically-ideological time-space should be located. Theories present different options: (a) It can be understood as a part of the historical system of the capitalist world economy, which covers the period from 1450 and is located in the expanding space with the center in Western Europe and North America. (b) It can be seen as a part of the modernizing world since 1000 AD. (c) It can be included in the framework of the industrialized world since the late 18th century. (d) There is a structural relation to the European culture and tensions between Rome and the ‘East’.

There are also discussions about *eternal time-space* (Wallerstein’s concept is influenced by Sorokin’s idea of three levels of the social-cultural time inspired by medieval philosophers — *tempus* (time), *aevum* (age) and *aeternitas* (eternity) [28. P. 215]) representing a kind of antithesis to *structural time-space* and a premise of nomothetic social sciences. When Adam Smith refers to the natural ‘inclination’ of mankind to run trade and craft, he finds this general human inclination in eternal time-space. Therefore, the collapse of the USSR can be considered as an inevitable event due to the attempt to oppose natural human affections.

Finally, there is *transformative time-space* (Wallerstein’s concept reminds Georges Gurvitch’s concept of explosive time: extremely different and often divergent times often compete and are in conflict with each other; Gurvitch developed a typology of eight social times depending on their duration, way of pulsation and rhythm of movement [20. P. 31–33]; explosive time means the maximum degree of discontinuity associated with the sudden commencement of a new future). In this case, social sciences ask the question of whether and how there

are historical transitions, revolutions or moments of decision. Transformative time-space is associated with structural time-space, because the former is possible only when there are developmental structures that lead to uncertain outcomes.

All these questions Wallerstein raises without claiming that he can answer them. One reason why he places such an emphasis on issues of time-space is that he believes that we live in *transformative time-space* at the end of the long *structural time-space* of the modern world system [32. P. 117]. Thus, we are at the point of choosing historical possibilities with intellectual and at the same time political aspects. There is no certainty in our decision-making, except that every decision will have significant consequences.

To conclude, we have to admit that descriptions and explanations of historical events is a 'terrain' of time-space coordinates linked to philosophical assumptions. As far as historical science is concerned, many historical narrators fail to reflect these assumptions and are not aware of the extent to which 'the narrated story' can be shaped by the chosen 'time-space'. For many historical treatises, these frameworks are somewhat concealed or barely realized. The deconstruction of hidden assumptions and concealed frameworks should be a task of historical sociology.

References

- [1] Artemov V.A. A sketch of the sociological concept of social time. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013; 11 (In Russ.).
- [2] Babayan I.V. Social time: An issue and approaches. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Sotsiologiya, Politologiya*. 2011; 11 (2) (In Russ.).
- [3] Belyaev M.A. On social time in terms of methodology. *Vestnik Voronezhskogo Universiteta. Seriya: Filosofiya*. 2011; 1 (In Russ.).
- [4] Bourdieu P. *Sociology of Social Space*. Saint Petersburg; 2005 (In Russ.).
- [5] Titarenko L.G. *Paradigms and Turns in Contemporary Sociology*. Minsk; 2018 (In Russ.).
- [6] Filippov A.F. *Sociology of Space*. Saint Petersburg; 2008 (In Russ.).
- [7] Šubrt J. The concept of social time in sociology — a promising approach or a theoretical impasse? *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 4 (In Russ.).
- [8] Šubrt J. *Antinomies, Dilemmas and Discussions in Contemporary Sociological Thought: Essays on Social Theory*. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [9] Šubrt J. *Historical Processes, Social Changes, Modernization in the Sociological Perspective*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [10] Alexander J. Contradictions: The uncivilizing pressures of space, time, and function. *Soundings*. 2000; 16.
- [11] Baert P. *Time, Self and Social Being: Temporality Within a Social Context*. Avebury; 1992.
- [12] Braudel F. Geschichte und Sozialwissenschaften — Die 'longue durée'. Hans-Ulrich Wehler (Ed.). *Geschichte und Soziologie*. Köln; 1972.
- [13] Castells M. *The City and the Grassroots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movements*. Berkeley; 1983.
- [14] Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris; 1994.
- [15] Harvey D. *Social Justice and the City*. Athens; 1973.

- [16] Hägerstrand T. Space, time and human conditions. Karlqvist A., Lundqvist L., Snickars F. (Eds.). *Dynamic Allocation of Urban Space*. Lexington; 1975.
- [17] Giddens A. *Die Konstitution der Gesellschaft: Gründzüge einer Theorie der Strukturierung*. Frankfurt–New York; 1988.
- [18] Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford; 1990.
- [19] Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. London–New York; 1974.
- [20] Gurvitch G. *The Spectrum of Social Time*. Dordrecht; 1964.
- [21] Kvasničková A. *Náboženstvo ako kolektívna pamäť: prípad Slovenska a Čiech*. Bratislava; 2005.
- [22] Lewicka M. On the varieties of people's relationship with places: Hummon's typology revised. *Environment and Behavior*. 2011; 43.
- [23] Lechner F. Simmel on social space. *Theory, Culture and Society*. 1991; 8.
- [24] Leduc J. *Historici a čas: Koncepcie, otázky, diela*. Bratislava; 2005.
- [25] Mead G. H. *Movements of Thought in the Nineteenth Century*. Chicago; 1936.
- [26] Simmel G. The sociology of space. Frisby D., Featherstone M. (Eds.). *Simmel on Culture*. London; 1997.
- [27] Sokol J. *Čas a rytmus*. Praha; 1969.
- [28] Sorokin P.A. *Sociocultural Causality, Space, Time: A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science*. New York; 1964.
- [29] Šrubař, I. Sociální jednání a sociální řád. *S-obzor: Čtvrtletník pro kritickou sociologii*. 1993; 4.
- [30] Sullivan D., Sheridan A.S., Diefendorf J. Simmel's time-space theory: Implications for experience of modernization and place. *Journal of Environmental Psychology*. 2015; 41.
- [31] Urry J. *Mobilities*. Cambridge, MA: Polity Press; 2007.
- [32] Wallerstein I. Der ZeitRaum der Weltsystemanalyse. Bögehold D. (Ed.). *Moderne Amerikanische Soziologie*. Stuttgart; 2000.
- [33] White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; 1973.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-752-762

Размерность времени и пространства в социологии*

И. Шубрт¹, Л.Г. Титаренко²

¹Карлов университет

У Криже, 8, Прага 5, 15800, Чехия

²Белорусский государственный университет

просп. Независимости 4, Минск, 220030, Беларусь

(e-mail: Jiri.Subrt@ff.cuni.cz; larissa@bsu.by)

Современная социология существенно изменила концепцию пространства и времени. По мнению И. Валлерстайна, время и пространство представляют собой реальность, которой социология давно пренебрегает. Обратную ситуацию мы наблюдаем в исторических науках, где преобладает, как констатирует Х. Уайт, нарративный подход, а также в исторической социологии. Статья фокусируется на теме времени и пространства как «рамках», в которые всегда встраивается исторически ориентированная интерпретация. Время может трактоваться по-разному — как поток, продолжительность, скорость, момент, подходящий для некоторых действий и изменений.

* © Шубрт И., Титаренко Л.Г., 2020

Статья поступила 16.05.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

Различные формы времени представляют собой разные «рамки», в которых объяснение произошедших исторических событий становится понятным. «Рамки», в которые мы помещаем событие, определяют его восприятие и осмысление. На эту рефлексию существенно повлиял Ф. Бродель, выделивший три уровня исторического времени. Пространство интерпретируется современными авторами, как правило, в реляционном смысле — как порядок отношений, образуемых взаимодействующими объектами, или отношений как способов координации состояний предметов исследования. Проблематикой времени и пространства сегодня занимается социальная география, разработки которой отчасти заимствует социология — как показал Э. Гидденс, преимущественно при рассмотрении вопросов модернизации и глобализации. Социологическая концепция пространства-времени была разработана И. Валлерстайном, который выделяет пять типов пространства-времени: эпизодически-геополитическое, конъюнктурно-идеологическое, структурное, вечное и преобразующее — каждое открывает особые перспективы для анализа конкретных исторических событий. Одна из причин, почему Валлерстайн делает акцент на пространстве-времени, состоит в том, что, по его мнению, мы живем в преобразующем пространстве-времени, которое наступает в конце длительного периода структурного пространства-времени современной мировой системы. Мы находимся в точке столкновений вариантов исторического выбора, полной неопределенности — за исключением того, что каждый сделанный нами шаг будет иметь серьезные последствия.

Ключевые слова: социологическая теория; историческая социология; история; пространство-время; развитие; циклы; модернизация; глобализация; Валлерстайн, Гидденс

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-763-777

Экзистенциальные основания феномена социальной ответственности*

Е.В. Биричева

Институт философии и права Уральского отделения РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620219, Россия

В современных условиях возрастающей глобальной взаимосвязанности и взаимозависимости остро встают вопросы косвенной, коллективной и иных видов ответственности. Поскольку большинство акторов носит коллективный характер, теоретическое исследование оснований и сущностных черт социальной ответственности в ее различных проявлениях представляет собой актуальную задачу. Статья посвящена анализу социальной ответственности с позиции экзистенциально-феноменологического подхода — концептов таких мыслителей, как М.М. Бахтин, Ж.-П. Сартр, М.К. Мамардашвили, Х. Арндт, Г. Блумер и др., разделяющих понимание человека как становящегося субъекта отношений. Социальная ответственность — один из видов ответственности, поэтому исследование отталкивается от поиска оснований данного феномена как такового. Обращение к фундаментальным основаниям человеческого бытия позволяет раскрыть парадоксальность ответственности и выделить пространственно-временную граничность в качестве важнейшей структуры, которая обеспечивает со-бытийность (совместность бытия) с другими. Каждый человек разыгрывает «внутреннюю социальность» в ходе осмысления поступков, всегда совершаемых перед Другим (в том числе перед собой как Другим). Таким образом, фигура Другого играет ключевую роль в совершении ответственного выбора. Индивидуальная ответственность в экзистенциальном смысле выступает необходимым основанием для остальных форм ответственности — социальной, косвенной и коллективной. На примере различных жизненных ситуаций в статье обосновывается выделение таких критериев, как внутреннее единение группы, организуемой вокруг разделяемой всеми участниками цели «общего дела», и стремление к полноте ради Другого, без ущемления бытия «внешних» других.

Ключевые слова: социальная ответственность; индивидуальная ответственность; коллективная ответственность; косвенная ответственность; поступок; Другой; цель; парадокс

Наиболее острые дискуссии по вопросам ответственности сегодня ведутся в сферах глобальной безопасности, экологического воспитания, бизнеса и корпоративной культуры, медико-биологических практик и развития конвергентных технологий [см., напр.: 3; 13; 19; 25; 32; 34–37; 40; 44]). Как на мировой арене, так и на микросоциальном уровне акторы носят во многом коллективный характер: члены семей, научных коллективов, политических партий, корпораций, международных организаций и т.д. принимают совместные решения и действуют более или менее согласованно. Возникает необходимость не только этически оценивать «коллективные» поступки и определять

* © Биричева Е.В., 2020

Статья поступила 31.05.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

долю ответственности индивидуальных участников за последствия совместного выбора, но и исследовать основания социальной ответственности. В ситуации теоретического плюрализма трудность представляет, прежде всего, поиск единого ориентира для осмысления социальных аспектов таких традиционных для сферы этики категорий, как, например, справедливость [23], профессиональный долг [43], риск и ответственность [9]. Более того, понятия коллективной, косвенной (заместительной), социальной и исторической ответственности нередко используются как синонимы, обнаруживая размытость своих границ в рамках социально-философского дискурса [см., напр.: 2; 20; 30; 33; 42]. Безусловно, невозможно оценить коллективные действия с точки зрения одной определенной этической системы, каждая из которых предлагает свое основание для анализа поступка (добродетель, долг, польза, последствия и т.д.). Широко обсуждаемая сегодня «этика ответственности» также противоречива [см., напр.: 10; 14; 16; 41]. Таким образом, актуальной задачей является социологический анализ закономерностей проявления социальной ответственности в профессиональной и политической сфере, в отношениях на разных уровнях — от семейных до международных, в культурно-исторических масштабах. Однако прежде необходимо прояснить сущностную природу социальной ответственности, выделить ее смысловое ядро, не меняющееся в зависимости от сфер, уровней и пространственно-временных рамок изучаемых социальных взаимодействий.

Продуктивнее всего осуществлять данный поиск не с позиций этики, но на более фундаментальном уровне, в онтологическом ключе — в горизонте предельных оснований бытия и мышления. В трансформирующихся условиях сложно найти окончательные ответы на «вечные» философские вопросы. Тем не менее, не бесполезна сама попытка показать связь феномена ответственности с экзистенциальной природой со-бытия с другими, что позволит прояснить основания индивидуальной ответственности и групповой ответственности перед социумом. Ключевое место в анализе природы ответственности занимает фигура Другого, обуславливающая структуру «внутренней социальной» как основания поступка. Хотелось бы надеяться, что результаты исследования помогут прояснить основания феномена ответственности и позволят нащупать ориентиры для оценки социальной ответственности в конкретных жизненных ситуациях.

Парадоксальная реальность ответственности

Ответственность является одним из самых парадоксальных феноменов человеческого бытия. Несмотря на то, что среди исследователей нет единства в определении ответственности, ее общей чертой признается способность предвидеть последствия своих поступков и совершать достойный этический выбор [см., напр.: 28; 29; 39; 45]. Парадокс заключается в том, что человек не обладает способностью к абсолютному предвидению последствий. С логической точки зрения абсурдно нести ответственность за ситуацию, которой

человек не может управлять во всей полноте. Человек конечен: во времени — в форме смертности, неотвратимость которой он осознает, и в пространстве — в плане телесности, границы которой не позволяют переживать бытие так, как его переживают другие. То есть в силу его экзистенциальной природы человеку не дано не только охватить полное число влияющих на ситуацию факторов, но и получить прямой доступ к другому, непреступно замкнутому в своем уникальном способе бытия. Даже если человек отчетливо предвидит последствия, перед лицом другого он вынужден поступать «на свой страх и риск», поскольку не может переживать событие так, как оно будет воспринято другим, пусть даже близким и знакомым [4. С. 104–105]. Тем не менее, в условиях принципиальной неполноты «данных» о ситуации и невозможности преодолеть свою граничность люди постоянно совершают этический выбор и решаются на поступки. И, как подчеркивает Ж.-П. Сартр, отказ от выбора — это тоже выбор, поэтому человек «обречен на свободу» [22].

Парадокс отягощается тем, что даже исходя из «благих намерений» можно совершить поступок, приводящий к негативным последствиям. Многие философы экзистенциально-феноменологического толка приходят к неутешительному выводу, что благой исход поступка не может быть гарантирован. Стремление к добродетели, желание приносить пользу, осознание своего долга, богатство «внутреннего мира» и т.д. бессильны перед превратностями судьбы — все может обернуться своей противоположностью или быть превратно истолковано. Н. Аббаньяно показывает острую неразрешимость этой апории, которая привела, например, М. Хайдеггера к ощущению бессмысленности индивидуальной активности перед лицом безразличной машины истории, Ж.-П. Сартра — к попыткам примирить противоположные полюса экзистенциального парадокса свободы, а Л. Витгенштейна — к мужеству одинокого хранения зыбкой границы этики молчанием [1. С. 88–102, 148–159, 187–198]. В современном мире новыми красками заиграла эта «вечная» дилемма человеческого бытия. В переломные моменты истории философия всегда искала основания для противостояния этой разрушительной, но неотвратимой парадоксальности. Специфика и сложность современной ситуации заключается в том, что поиск ведется в условиях плюрализма и «преодоления» устойчивых оснований.

Неразрешимый парадокс помогает обратить внимание на природу ответственности, распространенному определению которой мы последовали, возможно, слишком поспешно. Ответственность была бы нереализуемой иллюзией, если бы заключалась в предвидении результатов выбора и совершении на этом основании правильного поступка. Если перейти от абстрактных рассуждений к реальным проявлениям, то можно заметить, что каждый уникальный поступок совершается в конкретных условиях «здесь и сейчас». В момент «теперь» только в воображении могут существовать предположения о будущих последствиях, которыми воображающий не способен целиком управлять. Онтологически это означает, что их нет в действительности.

Человеку не случайно дана способность работать с хронологическим временем, и без воображения невозможно было бы оперировать образами и абстракциями. Но поступок совершается усилием воли в реальности, а не сознанием в сфере представлений, а также в особом модусе времени, которому в древнегреческой мифологии соответствовал Кайрос, а не Хронос [7]. Предположение раскрывает лишь спектр возможных вариантов развития событий, из которых поступок не вытекает — иначе не было бы таких случаев, при которых «правильно» рассуждающий и «на словах» добросовестный человек ведет себя безответственно.

Как пишет М.М. Бахтин, «философия, пытающаяся вскрыть бытие-событие, как его знает ответственный поступок, не мир, создаваемый поступком, а тот, в котором он ответственно себя осознает и свершается, не может строить общих понятий, положений и законов об этом мире (теоретически-абстрактная чистота поступка), но может быть только описанием, феноменологией этого мира поступка. Событие может быть только участно описано» [4. С. 31–32]. Построение предположений и мыслительная работа здесь не принижаются, а являются обязательными в подготовительном плане. Так, чтобы переместиться «из пункта А в пункт Б», полезно иметь карту, которая помогает сориентироваться на местности и предположить возможные маршруты, но пройти реальный путь предстоит самостоятельно, делая каждый шаг на свой страх и риск. Поскольку ответственность является этической характеристикой поступка, предположения, логические рассуждения и обработка информации в воображении находятся как бы «по ту сторону» практического действия, совершаемого конкретным человеком в реальных условиях. Следовательно, при всей своей важности для ориентирования в мире эти построения не могут служить основанием ответственного поступка. Время поступка — настоящее, момент «теперь», а не предполагаемое (и пока не наступившее) будущее; место поступка — реальность в уникальной совокупности обстоятельств, сошедшихся «здесь», а не в воображении, конструкты которого не обладают полнотой действительного бытия.

В связи с этим позволим себе не согласиться с гипотезой Х. Арендт, что ответственность обусловлена развитой способностью рассуждать и мыслить [2. С. 218–220]. Мышление является необходимым условием, но не достаточным для совершения ответственного поступка. В плане «тренировки» сосредоточения на ответственном выборе осмысление обязательно, как географическая карта — для целенаправленного продвижения путника. Однако нельзя назвать ответственным человека, который предполагал возможные негативные последствия, но понадеялся «на авось». Например, зная о недопустимости плагиата и о том, что он может вскрыться при подаче рукописи, ученый завуалировал заимствованные идеи в надежде, что редактор не проверит текст на плагиат и его недобросовестность не вскрыется. Этот пример показывает, что человек, зная о возможных последствиях, все же поступил безответственно, поскольку таким поступком не только пятнает свою репутацию,

но и подставляет редакцию журнала, а самое главное — выдает уже созданное знание за новое, не способствуя развитию науки. Если человек положился на одну из логических возможностей из ненаступившего будущего, то он «выпал» из реальности поступка, который совершается всегда в модусе «здесь и сейчас», а не «там и тогда». То есть безответственность проявляется, когда основания поступка оказываются вынесены вовне его — совершаемого тут, в конкретных обстоятельствах.

С другой стороны, случаются и противоположные ситуации. Бывает, человек не обдумывает заранее свои действия или в момент случившегося «вдруг» у него нет времени все взвесить, но он поступает ответственным образом «на автомате». К примеру, спокойно направляющийся по своим делам человек видит, что у незнакомца происходит что-то из ряда вон выходящее, и, не задумываясь, оказывает ему помощь или зовет на помощь других, даже если это связано с рисками для него самого. Тот же, кто проигнорирует беду другого и, обдумав риски для себя, сделает вид, что ничего не заметил, «при прочих равных условиях» поступит безответственно (хотя возможны оговорки). Тогда, если «поступить необдуманно», «поступить рискованно» и «поступить безответственно» — не одно и то же, в чем состоит основание ответственности? Почему одни люди поступают «автоматически» ответственно, а других даже детальное обдумывание не спасает от безответственного поведения?

Значение Другого и «внутренней социальности» для ответственного поступка

В рассмотренных примерах важна фигура Другого: поступок отличается от простого действия вроде ходьбы или поднятия руки тем, что совершается перед лицом Другого. Любой поступок — корыстный или бескорыстный, правильный или неправильный, ответственный или безответственный — совершается в горизонте совместного бытия с другими, поскольку затрагивает их, пусть и косвенно. Другой в широком смысле — не только иной человек, но и все, кто оказывается вне непосредственной власти индивида: группа людей, природа, Бог и т.д. Человек нередко оказывается Другим сам себе, когда удивляется: «Что же такое я творю?» или рефлексивирует, ведя диалог с самой собой, осуждая и оправдывая себя, анализируя прошлое и строя планы на будущее. Человек — это всегда одновременно и индивидуальное, и коллективное существо [21. С. 827–828].

Несмотря на то, что в действительности проявляется «смесь» таких противоположностей, имеет смысл рассмотреть их по отдельности. Индивидуальная «часть» человека проявляется в том, что он может осмыслять и поступать только сам — никто не может понять смысл или решиться на поступок «за» другого [18. С. 60]. Хотя, безусловно, можно пытаться повлиять на него, стараясь инициировать его собственную активность. Понимание или поступок рождаются в единичных уникальных актах, каждый из которых неделим —

как непередаваемый другому и как совершающийся в момент «теперь», не имеющий длительности, начала и конца (это чистое различие, не имеющая протяженности граница между прошлым и будущим). М.М. Бахтин подчеркивает, что именно в таких актах рождается «Я»: «Вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления» [4. С. 8]. Человек конструирует себя через свои поступки, или «самовыражается», проявляя ответственность [31; 38].

С другой стороны, в каждом человеке проявляется и коллективная «часть». На восприятие и запоминание событий влияет множество других людей, в том числе косвенно, например, через художественные произведения. Благодаря общению с другими человек способен хранить память даже о событиях, современником которых он не был. Несмотря на то, что такая историческая информация была осмыслена в индивидуальном акте, она сформировалась под влиянием контекстуальной среды [24]. Все это возможно благодаря «внутренней социальности», которую каждый «разыгрывает» в себе. Конкретный человек не совпадает с собой как существом мыслящим, которое свои действия, поступки, ощущения и соображения рефлексировывает, — в моменты «внутреннего диалога» человек отстоит сам от себя, сам для себя является Другим и с этим Другим выстраивает отношения. От «внутреннего» Другого не отделаться, не убежать и не отселиться, что возможно по отношению к другим людям или внешним карающим силам. Загадочное возникновение «внутреннего Другого» упирается в тайну человеческого бытия по сравнению с другими живыми существами: люди не рождаются осмысляющими существами с воображением и владением языком — они такими становятся в процессе общения с другими и воспитания [5]. В цепочку между стимулом и реакцией в человеческих поступках и общении включается интерпретация [8]. Ж. Лакан показал, что пространство Воображаемого в его неоднозначной связи с Реальным и Символическим развивается у ребенка в возрасте 6–18 месяцев только среди других людей [17]. В этот период человек проходит как бы «второе рождение», после которого начинает отличать себя от других и осознавать свою конечность во времени и пространстве. «Другой отнюдь не одна среди прочих структур в перцептивном поле... Это та структура, которая обуславливает все поле и его функционирование... Как раз не Эго, а другой как структура делает восприятие возможным» [11. С. 405], т.е. человеческая система восприятия построена на структуре Другого или категории иного — чистого различия, границы как таковой.

Эта граница пролегает не где-то вовне, а всегда динамически прочерчивается и перечерчивается внутри человека и его бытия. В свете собственной конечности взвешивается «хорошее» и «плохое», «полезное» и «бесполезное», «свое» и «чужое» и т.д., а за поступок нет наказания страшнее, чем от «внутреннего» (интериоризированного) Другого. Последний может выступать в модусе совести, Бога, общественного мнения, «лучшей версии себя» —

от него невозможно избавиться, с ним можно только наладить коммуникацию. Х. Арендт обсуждает в этой связи высказывания Сократа: «Пусть я лучше буду в разногласии со всем миром, чем, будучи единым целым, окажусь в разногласии с самим собой» [2. С. 212]. После «стадии зеркала» естественным для человека является стремление к единству, гармонии, «совпадению» с самим собой, хотя различие уже не удастся преодолеть раз и навсегда. Неудача в достижении внутреннего согласия обычно «выливается наружу» и переходит в конфликтность с «внешними» другими [27]. Так, ответственность проявляется в том числе в том, чтобы носить в себе неизбежно возникающий внутренний конфликт, не вынося его наружу. Парадоксальным образом о неприступном другом человеке каждый знает достоверно только то, что он такой же — замкнутый в собственном уникальном способе бытия, сталкивающийся внутри с той же двойственностью и ведущий внутреннюю борьбу за мир с собой. Чувствуя, что другому человеку также нелегко справляться со своей экзистенциальной природой, каждый может осознать равную с другим ответственность, в том числе чтобы не добавлять друг другу проблем. Если следовать логике Арендт, любая ответственность всегда «коллективна»: поскольку «мы живем не сами по себе, а среди других людей» [2. С. 217], мы вынуждены считаться с окружающими в совершении своих поступков.

Коллективная ответственность базируется на осознании сопричастности сообществу, группе конкретных других. Тем не менее, в отсутствие индивидуальной ответственности и коллективная была бы невозможна, поскольку «социальность» коренится «внутри» человека, и индивидуальная ответственность отталкивается от интериоризированного Другого. То, насколько глубоко личностно прочувствован «внутренний» Другой, насколько с ним возможен «внутренний диалог», определяет ответственность поступков человека. В конечном счете ответственны люди не за результаты поступков, оцениваемые абстрактным «обществом» или с «универсально-объективной» точки зрения, а, прежде всего, субъективно перед самой своей граничностью за исполнение своего бытия, которое никто за него не реализует. Исполнение предполагает полноту, но она не достигается перебором (экстенсивно), поскольку невозможно одновременно со своим бытием завладеть переживанием его за других. Для конечного существа полнота возможна только интенсивно — взятием своей «максимальной амплитуды в данных условиях» [12. С. 129–130]. Если Аристотель прав и цель жизни — не сама по себе жизнь (ее воспроизводство), а ее полнота [6. С. 199], то в случае человеческого бытия это сложнейшая задача воссоединения с собой-Другим и принятия такого устройства во всей его парадоксальности. Поскольку прямого доступа за границы своего способа бытия нет, прежде всего каждый ответственен перед самим собой.

Тогда ответственность — от слова «ответ» — является экзистенциальной реакцией на со-бытие с другими (свою граничность). Она предполагает готовность взвешивать каждый свой уникальный акт в опоре на предельный вопрос перед лицом Другого, т.е. в горизонте своей конечности (граничности).

Безусловно, поступок совершается в конкретных условиях и к парадоксальности приходится «примериваться», выступая каждый раз в качестве «живой меры» [26]. Посредством объединения на этой воссоздаваемой границе в поступок вовлечены «внешние» другие, причем не только люди. Например, об ответственности говорит широко цитируемая фраза А. де Сент-Экзюпери «ты навсегда в ответе за всех, кого приручил»: однажды решившись заботиться о растении или питомце, человек берет на себя ответственность за полноту его бытия, помогая этому созданию, насколько в его силах, «взять свою максимальную амплитуду». В противоположность такому отношению к реальности безответственность предполагает совершение поступков в свете игнорирования экзистенциальности и совместности бытия-с-другими (и его обусловленности-иным). В конечном счете безответственность, проявленная перед внешними другими, оборачивается неполнотой собственного бытия, поскольку даже с чисто логической точки зрения игнорирование части реальности (других) — это уже неполнота. При том, что человек мало чем распоряжается в своем бытии, парадоксальное принятие на себя предельной ответственности и означает «максимальную амплитуду» его экзистенции.

Но разве самым фактом существования каждому не обеспечено бытие во всей возможной полноте? Откуда-то люди знают о неполноте, недовожденности и небытии. Каждый имеет их опыт, поскольку даже в рамках полноценного физического существования может «отсутствовать» в реальности, «витая в облаках», не «чувствовать себя живым» и т.д. Хотя, согласно парадоксальному устройству человеческого бытия, такие моменты «выпадения» из полноты тоже нужны — чтобы побуждать «перенастраиваться» и возвращаться к ней. Человеку может не нравиться то, что с ним происходит при невозможности однозначно поменять ситуацию в сторону желаемого воображаемого, но каждому дано быть только в том, что выпало. Здесь открывается ответственность и ясно видно, что предельная (базовая) форма ответственности индивидуальна: каждый только сам может решить, бежать ли от реально происходящего (в том числе от себя реального) в иллюзию, виртуальную реальность и т.д. или мужественно принять происходящее. Воображаемое может показаться полнотой, поскольку содержит как будто бы бесконечные возможности. Однако онтологически это конструкты — они нужны для ориентирования, но управление ими в голове не переходит прямым образом в управление реальностью. Поскольку последняя состоит в поступке, воплощенном выборе, управлять ею можно, только совершая его. Хотя, конечно, отказ и бегство в иллюзию — это тоже поступок, формирующий реальность, но безответственный поступок.

Коллективная ответственность: полнота и Другой как цель

Все виды ответственности (юридическая, социальная, политическая, косвенная, коллективная и т.д.) отталкиваются от одной индивидуальной. Например, самый удивительный вид ответственности — косвенную — человек

может ощущать за поступки другого, только если понимает цену полноты своего бытия и гармонизации отношений с «внутренним» Другим. Он как бы примеривает на себя ситуацию другого, старается «встать на его место», хотя до конца это невозможно даже по отношению к очень близким людям. Практически не имея возможности прямо повлиять на другого, человек может ощущать острую необходимость инициировать в нем понимание ответственности за свое исполнение через поступки. Обычно данная интенция реализуется в воспитании ребенка или ученика, наставлении подчиненного или небезразличного человека. Хотя поступок каждый совершает сам, люди с развитой ответственностью чувствуют «эмпатический стыд» за другого, если тот поступил плохо, чем объясняется парадоксальная возможность ощущения вины за чужие проступки, совершенные, в том числе, неизвестными предками или потомками. Переживание косвенной ответственности свидетельствует о глубине индивидуальной ответственности и способствует обогащению пониманием индивида, который способен «примерить» на себя опыт другого. В таком примеривании можно выйти к пониманию социальной ответственности за все человечество, т.е. за раскрытие в своем поступке полноты человеческого бытия как такового. Хотя Ж.-П. Сартр критиковал И. Канта, он, по сути, повторяет формулу категорического императива, предлагая задаваться вопросом «что будет, если так поступит каждый?» [22]. В педагогическом смысле полезным оказывается метод *case-study*, в рамках которого практикуются оценка и разбор конкретной этически затруднительной ситуации путем «пропускания через себя» опыта работы с ней. Если с человеком потом случится нечто похожее, оно будет нагружено уникальной конкретностью, поэтому может не содержание *case-study*, но опыт ответственного поступка.

Однако косвенная ответственность не тождественна коллективной, а принадлежность к группе не обеспечивает автоматической ответственности индивида за весь коллектив. Об ответственности группы можно говорить только в тех случаях, когда имеет место коллективный поступок, т.е. когда все участники вовлечены в «общее дело». Если сообщество существует лишь номинально, и каждый его член занимается своими делами (пусть даже максимально ответственно), то основания для совместной ответственности не возникают. Например, сообщество автовладельцев не несет в повседневной жизни коллективную ответственность, поскольку факт эксплуатации машины того или иного бренда не предполагает совместного поступка с другими его пользователями. Однако если группа автослесарей в конкретной мастерской занимается починкой определенной машины, то их коллектив несет совместную ответственность за качество и сроки выполнения работы от лица организации перед лицом заказчика. Другой как основание ответственности в случае коллективного феномена предполагает, что группа совершает поступок, с одной стороны, перед лицом какого-то внешнего другого, с другой, — от лица совокупности. В качестве внешних других могут выступать не только конкретные люди, но и абстрактные акторы — например, общество, перед которым семья социально ответственна за хорошее воспитание своих детей. Внешний

Другой во многом способствует оформлению группы и ее объединению. Однако группа любой численности предполагает очевидность для ее членов и внутригруппового, межличностного различия, т.е. самостоятельности каждого. Поэтому, чтобы имел место коллективный поступок, а не набор действий отдельных индивидов, группе нужна внутренняя целостность — эта связность должна быть не чисто внешней, номинальной, но переживаемой личностно каждым членом коллектива. Иными словами, по аналогии с индивидуальной ответственностью члены коллектива должны переживать острую необходимость единения друг с другом и выполнения согласованных действий, как отдельный человек желает гармонии со своим «внутренним» Другим.

Хотя внешний Другой играет «собирающую» роль, он не может служить постоянным и единственным гарантом коллективной связности, поскольку может быть заменен другим актором, носить неявные размытые очертания или вовсе исчезнуть. Единство «вектора» коллективного поступка обеспечивается единством его цели и пониманием, ради чего совершается общее дело. Дело является «общим», когда каждый член группы буквально принимает участие в коллективном акте в готовности разделять общую участь и быть частью целого. Если кем-то из группы не разделяется общая цель или она видится смутно, каждому по-разному и т.п., то единого поступка не получится: каждый будет опираться на собственные основания и действовать для себя. Например, если в научном коллективе руководитель управляет в попустительском стиле, неявно понимает цель исследования и каждый член коллектива самостоятельно выбирает методы и интерпретирует результаты, основываясь на разных подходах, то «на выходе» получится мозаичный, фрагментарный «продукт» (если вообще получится). Такая деятельность обесмысливает проект — «на нет» сойдут усилия членов коллектива. Даже если каждый отдельный ученый ответственно выполнил свою часть исследования, это не значит, что они чувствовали единение и поступали от лица всего коллектива. С другой стороны, общая цель может не обсуждаться устно, а ее достижение не проговариваться в деталях, но чувство единства и согласованности будет побуждать каждого поступать с ответственностью за общее дело. Например, все члены семьи могут организовывать совместную жизнь так, чтобы каждому было максимально хорошо, и вносить вклад в правильное воспитание детей, не договариваясь, но действуя интуитивно. Если же члены семьи разобщены, каждый будет поступать в своих интересах, которые не обязательно положительно сказываются на остальных.

Сама по себе цель не обеспечивает совершения ответственного поступка. Коллективный поступок группы людей, осознающих совместную цель, может быть и безответственным. Например, вместо того чтобы помочь кому-то в беде, несколько человек решают нажиться на чужом горе. Самое интересное, что в итоге это может принести благо потерпевшему, скажем, в форме полезного опыта, укрепления сил в противостоянии трудностям, обретения самостоятельности и т.п. Но поступок группы в отношении страдающего однозначно безответственен, поскольку совершался целенаправленно в ущерб

полноте бытия другого. Практическая философия И. Канта не теряет своей актуальности: «Поступай так, чтобы ты всегда использовал человечество и в своем лице, и в лице всякого другого также как цель, но никогда — только как средство» [15. С. 256].

Можно ли говорить тогда, что цель ответственного поступка — это всегда Другой? Рассуждая таким образом, можно прийти к противоречию. Например, человек становится участником преступной группировки, чувствует свое единение с другими ее членами, разделяет их цели и т.д. Участники объявляют свою цель благой — скажем, «отбирать имущество у богатых и отдавать бедным». Тот, кто разделяет эту цель, будет стремиться сохранить целостность группы и приносить пользу ее членам. Получается, каждый из них поступает ответственно ради других? Будет ли такая группа совершать поступки, характеризующиеся коллективной ответственностью? Нет, поскольку «взятие своей максимальной амплитуды» интенсивным образом предполагает не ущемление бытия других — внешних или принадлежащих группе. Если же что-то совершается против другого, пусть и «во благо своих», то это мнимое благо: если кто-то силой пытается извлечь свое благо или дать его другому за счет третьего, то это неполнота и несамодостаточность первого, а там, где выбирается неполнота, господствует безответственность. Помощь нуждающемуся может быть только лично от себя, в самопожертвовании, а не в распоряжении ситуацией кого-то еще. Наиболее ответственным поведением члена преступной группы, если он желает «своим» максимального исполнения, будет убедить их в негодности их поступков и выборе непреступной помощи нуждающимся.

Если ради Другого и его максимального исполнения в бытии на тот или иной поступок решается индивид или коллектив не в ущерб «третьим лицам», а исходя только из «внутреннего» бытия, то это ответственный поступок. Но обязательно нужно понимание полноты и глубокое чувство Другого — будь то конкретный человек, член своей группы или абстрактный внешний Другой вроде природы или человечества. Ответственным будет отказ от совершения действий, если этого понимания и чувства в конкретной ситуации не возникло. Например, помогать ли ребенку выполнять домашние задания? Безответственным будет проигнорировать проблему и отдать решение на откуп внешним силам и произвольным обстоятельствам, отказавшись от участия в ситуации. Однако в каждом конкретном случае нужно взвешивать, какой поступок приведет к «взятию максимальной амплитуды»: можно объяснить непонятное, прояснить постановку задачи, чтобы ребенок искал решение сам, показать пример и разобрать совместно, обратиться за помощью к компетентному человеку и т.д. Таким образом, как индивидуальная, так и коллективная ответственность предполагают интенсивную полноту — исполнение поступка в горизонте Другого, воссоздание границы с конкретными другими и содействие их самоосуществлению интенсивным бытием «изнутри» своей граничности.

Библиографический список

- [1] *Аббаньяно Н.* Мудрость философии и проблемы нашей жизни. СПб., 1998.
- [2] *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М., 2013.
- [3] *Бабаев А.М., Шемакина М.А.* Ответственность ученых за создание искусственного интеллекта // Концепт. 2016. № 11.
- [4] *Бахтин М.* Собрание сочинений в 7 тт. Т. 1. М., 2003.
- [5] *Бибихин В.В.* Детский лепет // Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. М., 2010.
- [6] *Бибихин В.В.* Лес. СПб., 2011.
- [7] *Бибихин В.В.* Пора (время-бытие). СПб., 2015.
- [8] *Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984.
- [9] *Гаврилов К.А.* Риск и моральная ответственность: реконструкция нормативного измерения рискованного поведения // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. М., 2017.
- [10] *Гаджикурбанова П.А.* Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. 2003. Вып. 4.
- [11] *Делез Ж.* Мишель Турнье и мир без другого // Делез Ж. Логика смысла. М., 2011.
- [12] *Делез Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М., 1997.
- [13] *Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Курилов С.Н.* Проблема формирования социальной парадигмы эгоцентризма: опыт философского осмысления социологического исследования в вузе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4.
- [14] *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М., 2004.
- [15] *Кант И.* Основание метафизики нравов // Кант И. Лекции по этике. М., 2000.
- [16] *Ленк Х.* Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Философия техники в ФРГ. М., 1989.
- [17] *Мазин В.* Стадия зеркала Жака Лакана. Санкт-Петербург, 2005. 160 с.
- [18] *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». Санкт-Петербург, 1997.
- [19] *Неверов А.В., Давыденкова Е.С.* Социальная ответственность организаций малого и среднего бизнеса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 1.
- [20] *Платонова А.В.* Заместительная концепция ответственности: социально-философский анализ // Вестник ТГПУ. 2015. № 5.
- [21] *Подвойский Д.Г., Солеймани С.* Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4.
- [22] *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // URL: http://scepsis.net/library/id_545.html.
- [23] *Троцук И.В.* Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.
- [24] *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>.
- [25] *Цвык А.В.* Этика политической ответственности в международных отношениях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2.
- [26] *Bakeeva E.V.* The ontological sense of the concept of 'measure' // Rivista di Filosofia Neo-Scolastica. 2017. No. 2.
- [27] *Biricheva E.V.* The nature of conflict: Ontological paradox and existential effort of acceptance // Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2019. Vol. 35. No. 4.
- [28] *Bivins T.* Responsibility and accountability // Ethics in Public Relations. Responsible Advocacy. Thousand Oaks, 2006.

- [29] *Bratman M.E.* Responsibility and planning // *Journal of Ethics*. 1997. Vol. 1. No. 1.
- [30] *Ceva E., Radoilska L.* Dimensions of responsibility // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2018. Vol. 21. No. 4.
- [31] *Fischer J.M.* Responsibility and self-expression // *Journal of Ethics*. 1999. Vol. 3. No. 4.
- [32] *Gorgoni G.* Responsible research and innovation and the governance of human enhancement // *NanoEthics*. 2018. Vol. 12. No. 3.
- [33] *Hahn H.* The global consequence of participatory responsibility // *Journal of Global Ethics*. 2009. Vol. 5. No. 1.
- [34] *Held V.* Group responsibility for ethnic conflict // *Journal of Ethics*. 2002. Vol. 6. No. 2.
- [35] *Herrera-Romero W.* Citizens' political responsibility and collective identity: A Spinozistic answer to Jaspers' question on guilt // *Journal of Ethics*. 2019. No. 23.
- [36] *Himmelreich J.* Responsibility for killer robots // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2019 // URL: <https://doi.org/10.1007/s10677-019-10007-9>.
- [37] *Hormio S.* Can corporations have (moral) responsibility regarding climate change mitigation? // *Ethics, Policy & Environment*. 2017. Vol. 20. No. 3.
- [38] *Lippert-Rasmussen K.* Identification and responsibility // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2003. Vol. 6. No. 4.
- [39] *McGrath S.K., Whitty S.J.* Accountability and responsibility defined // *International Journal of Managing Projects in Business*. 2018. Vol. 11. No. 3.
- [40] *McLeod C., Nerlich B.* Synthetic biology, metaphors and responsibility // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. No. 13.
- [41] *Strawson G.* The impossibility of moral responsibility // *Philosophical Studies*. 1994. No. 75.
- [42] *Tomiltseva D.* Historical responsibility, historical perspective // *Changing Societies & Personalities*. 2017. Vol. 1. No. 2.
- [43] *Tsvyk V.A., Tsvyk I.V.* Moral values of professional activity in information society // *RUDN Journal of Sociology*. 2019. Vol. 19. No. 3.
- [44] *Véliz C.* Not the doctor's business: Privacy, personal responsibility and data rights in medical settings // *Bioethics*. 2020 // URL: <https://doi.org/10.1111/bioe.12711>.
- [45] *Voegtlin C.* What does it mean to be responsible: Addressing the missing responsibility dimension in ethical leadership research // *Leadership*. 2016. Vol. 12. No. 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-763-777

Existential foundations of social responsibility*

E.V. Biricheva

Institute for Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS
S. Kowalevskoj St., Yekaterinburg, 620219, Russia

Abstract. Issues of vicarious, collective and other types of responsibility become more urgent under the growing global interconnectedness and interdependence. Since most actors are collective ones, we need a theoretical study of the grounds for social responsibility and its essential features as represented in diverse manifestations. The article considers social responsibility in terms of the existential-phenomenological approach developed by M.M. Bakhtin, J.-P. Sartre, M.K. Mamardashvili, H. Arendt, H. Blumer, etc. Social responsibility is a type of responsibility; therefore, the author searches for the most fundamental grounds of this phenomenon. This search allows to reveal the paradox of responsibility and to highlight the spatial-temporal boundariness as its most important structure that provides co-being (joint

* © E.V. Biricheva, 2020

The article was submitted on 31.05.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

existence) with others. Everyone interplays the 'inner sociality' when interpreting acts (deeds) are always performed in front of the Other (including I as the Other for oneself). Thus, the Other plays the key role in making responsible choices. In the existential perspective, individual responsibility serves as a necessary basis for all other forms of responsibility including vicarious, collective and social. The author presents examples of different life situations to explain the choice of such criteria as the internal unity of the group focused on the 'common purpose' shared by all participants, and the strive for completeness for the sake of the Other without infringing the being of 'external' others.

Key words: social responsibility; individual responsibility; collective responsibility; vicarious responsibility; act; Other; purpose; paradox

References

- [1] Abbagnano N. *Mudrost filosofii i problemy nashej zhizni* [Wisdom of Philosophy and Issues Our Lives]. Saint Petersburg; 1998 (In Russ.).
- [2] Arendt H. *Otvetstvennost i suzhdenie* [Responsibility and Judgement]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [3] Babaev A.M., Shemjakina M.A. Otvetstvennost uchjonyh za sozdanie iskusstvennogo intellekta [Responsibility of scientists for the artificial intelligence]. *Concept*. 2016; 11 (In Russ.).
- [4] Bakhtin M. *Sobranie sochinenij v 7 tomah*. [Collected Works in 7 vols.]. Vol. 1. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [5] Bibikhin V.V. Detsky lepet [Baby talk]. *Word and Event. Writer and Literature*. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [6] Bibikhin V.V. *Les* [Forest]. Saint Petersburg; 2011 (In Russ.).
- [7] Bibikhin V.V. *Pora (vremja-bytie)* [It's Time (Time-Being)]. Saint Petersburg; 2015 (In Russ.).
- [8] Blumer H. Obshestvo kak simbolicheskaja interakcija [Society as a symbolic interaction]. *Contemporary Social Psychology*. Moscow; 1984 (In Russ.).
- [9] Gavrilov K.A. Risk i moral'naja otvetstvennost': rekonstrukcija normativnogo izmerenija riskovannogo povedenija. [Risks and Moral Responsibility: Reconstruction of the Normative Dimension of Risk Behavior]. *Norms and Morality in Social Theory: From Classical Conceptions to New Ideas*. Moscow; 2017: 135-156. (In Russ.)
- [10] Gadjikurbanova P. Strah i otvetstvennost: etika tehnologicheskoy tsivilizatsii Hansa Johnasa [Fear and responsibility: Ethics of technological civilization by Hans Johnas]. *Ethical Thought*. 2003; 4 (In Russ.).
- [11] Deleuze G. Michel Tournier i mir bez drugogo [Michel Tournier and the world without others]. *Logic of Sense*. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [12] Deleuze G. *Skladka. Leibniz i barokko* [The Fold. Leibniz and Baroque]. Moscow; 1997 (In Russ.).
- [13] Ivleva M.L., Ivlev V.Yu., Kurilov S.N. Problema formirovanija socialnoj paradigmy ekotsentrizma: opyt filosofskogo osmyslenija sociologicheskogo issledovanija v vuze [The development of the social paradigm of ecocentrism: A philosophical interpretation of the sociological research in university]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4) (In Russ.).
- [14] Jonas H. *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlja tehnologicheskoy tsivilizatsii* [Imperative of Responsibility: In Search for Ethics for the Technological Age]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [15] Kant I. Osnovanie metafiziki nravov [Basis of moral metaphysics]. *Lectons on Ethics*. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [16] Lenk H. Otvetstvennost v tehnike, za tehniku, s pomoshju tehniki [Responsibility in technology, for technology, using technology]. *Filosofija tehniki v FRG* Moscow; 1989 (In Russ.).
- [17] Mazin V. *Stadija zerkala Jacqua Lacana* [J. Lacan's Mirror Stage]. Saint Petersburg; 2005 (In Russ.).
- [18] Mamardashvili M.K. *Psihologicheskaja topologija puti. M. Prust "V poiskah utrachennogo vremeni"* [Psychological topology of the path. M. Proust "In Search of Lost Time"]. Saint Petersburg; 1997 (In Russ.).
- [19] Neverov A.V., Davydenkova E.S. Socialnaja otvetstvennost' organizatsij malogo i srednego biznesa [Social responsibility of small and medium-sized business in Russia]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (1) (In Russ.).

- [20] Platonova A.V. Zamestitelnaja kontseptsija otvetstvennosti: socialno-filosofsky analiz [The notion of vicarious moral responsibility: Social and philosophical analysis]. *TSPU Bulletin*. 2015; 5 (In Russ.).
- [21] Podvoysky D.G., Soleimani S. Ponjatie socialnoj identichnosti: osnovnye issledovatel'skie podhody [The concept of social identity: Basic research approaches]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4) (In Russ.).
- [22] Sartre J.-P. *Ekzistentsializm — eto gumanizm* [Existentialism is a humanism]. URL: http://scepisis.net/library/id_545.html (In Russ.).
- [23] Trotsuk I. Spravedlivost v sociologicheskom diskurse: semanticheskie, empiricheskie, istoricheskie i konceptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges]. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (1) (In Russ.).
- [24] Halbwachs M. *Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat* [Collective and historical memory]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (In Russ.).
- [25] Tsvyk A.V. Etika politicheskoy otvetstvennosti v mezhdunarodnyh otnoshenijah [Ethics of political responsibility in international relations]. *RUND Journal of International Relations*. 2017; 17 (2) (In Russ.).
- [26] Bakeeva E.V. The ontological sense of the concept of 'measure'. *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica*. 2017; 2.
- [27] Biricheva E.V. The nature of conflict: Ontological paradox and existential effort of acceptance. *Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2019; 35 (4).
- [28] Bivins T. Responsibility and accountability. *Ethics in Public Relations. Responsible Advocacy*. Thousand Oaks; 2006.
- [29] Bratman M.E. Responsibility and planning. *Journal of Ethics*. 1997; 1 (1).
- [30] Ceva E., Radoilska L. Dimensions of responsibility. *Ethical Theory and Moral Practice*. 2018; 21 (4).
- [31] Fischer J.M. Responsibility and self-expression. *Journal of Ethics*. 1999; 3 (4).
- [32] Gorgoni G. Responsible research and innovation and the governance of human enhancement. *NanoEthics*. 2018; 12 (3).
- [33] Hahn H. The global consequence of participatory responsibility. *Journal of Global Ethics*. 2009; 5 (1).
- [34] Held V. Group responsibility for ethnic conflict. *Journal of Ethics*. 2002; 6 (2).
- [35] Herrera-Romero W. Citizens' political responsibility and collective identity: A Spinozistic answer to Jaspers' question on guilt. *Journal of Ethics*. 2019; 23.
- [36] Himmelreich J. Responsibility for killer robots. *Ethical Theory and Moral Practice*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1007/s10677-019-10007-9>.
- [37] Hormio S. Can corporations have (moral) responsibility regarding climate change mitigation? *Ethics, Policy & Environment*. 2017; 20 (3).
- [38] Lippert-Rasmussen K. Identification and responsibility. *Ethical Theory and Moral Practice*. 2003; 6 (4).
- [39] McGrath S.K., Whitty S.J. Accountability and responsibility defined. *International Journal of Managing Projects in Business*. 2018; 11 (3).
- [40] McLeod C., Nerlich B. Synthetic biology, metaphors and responsibility. *Life Sciences, Society and Policy*. 2017; 13.
- [41] Strawson G. The impossibility of moral responsibility. *Philosophical Studies*. 1994; 75.
- [42] Tomiltseva D. Historical responsibility, historical perspective. *Changing Societies & Personalities*. 2017; 1 (2).
- [43] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral values of professional activity in information society. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3).
- [44] Véliz C. Not the doctor's business: Privacy, personal responsibility and data rights in medical settings. *Bioethics*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1111/bioe.12711>.
- [45] Voegtlin C. What does it mean to be responsible? Addressing the missing responsibility dimension in ethical leadership research. *Leadership*. 2016; 12 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-778-789

Фундаментальные детерминанты и последствия консьюмеризма в современных капиталистических обществах*

Н.В. Гончаров

Оренбургский государственный университет
просп. Победы, 13, Оренбург, 460018, Россия
(e-mail: nik567485@mail.ru)

Статья посвящена проблематике консьюмеризма, который охватывает практически все сферы общественной жизнедеятельности и создает устойчивые структурные алгоритмы перманентного благопотребления, эффективно интегрируемые рынком в современные социетальные системы. Тенденция коммерциализации социальной структуры, катализатором которой выступает либерализация рыночных отношений, возводящая капиталистические ценности в высший ранг аксиологической иерархии, эксплуатируя и искажая подлинные гуманистические принципы, способствует усилению общественного и индивидуального потребительства. В статье отмечены значимость и последствия «ослепительности» товарного мира с преобладанием потребительских ценностей, которые получили статус глобальных трендов, детерминирующих структурно-содержательные элементы социализации. Современные технологии адвертайзинга, основанные на бихевиористских концепциях, расширяют лимит потребления товаров и услуг, успешно формируя потребности путем пропаганды смысловых спекуляций, обличенных в эстетичные вербальные конструкции и невербальные формы-презентации, которые обеспечивают стремление к приобретательско-потребительской деятельности. В статье подчеркивается, что товаропотребление сегодня — это не просто покупка и использование потребительных свойств товара, а своеобразный коммерческий «ритуал», изобретенный маркетологами и требующий от индивида следовать стандартам платежеспособности, невзирая на свой социально-экономический статус. Очевидны последствия развития потребительских практик: во-первых, консьюмеризм способствует структурно-содержательной трансформации межличностной коммуникации, заполняя коммуникативное пространство товарами и услугами и все более опосредуя отношения между индивидами; во-вторых, перманентное генерирование потребительских ценностей влечет аксиологические трансформации, в частности, меркантилизацию нравственной составляющей социальной действительности.

Ключевые слова: товар; капитализм; рынок; общество потребления; консьюмеризм; паттерн; гедонизм

Консьюмеризм как социальный, экономический и культурный феномен обладает диалектической природой — единством противоречивых и противоположных процессов и явлений, выступающих источником его развития. С одной стороны, консьюмеризм, потребление и потребительский спрос в условиях капитализма и либерализации рынка выступают основными драйверами экономического роста, с другой — факторы, мотивирующие потребление и

* © Гончаров Н.В., 2020

Статья поступила 05.07.2020 г. Статья принята к публикации 10.09.2020 г.

потребительские интенции, инициируемые маркетинговыми технологиями, способствуют товарной фетишизации социального пространства на макро- и микроуровнях социального взаимодействия вследствие культивирования статусности товарного потребления, формализации межличностной коммуникации и преобладания утилитаристских ценностных ориентаций.

Сложность изучения общества потребления заключается в поиске наиболее точных дефиниций этого явления, объективно отражающих структуру и содержание общественных отношений, которые детерминированы масштабом и уровнем производства благ и, соответственно, интенсивностью их потребления. Оценивая неоднозначность определения общества потребления, Ж. Бодрийяр отметил: «Этот феномен до такой степени трудно очертить, что иногда хочется спросить себя, существует ли он реально или изобретен для нужд социальной критики» [1. С. 3]. Процесс потребления — неотъемлемый атрибут функционирования и развития общества, но когда потребление возводят в культ, ритуализируют под влиянием пропаганды идеалов общества изобилия, ошибочно отрицать глобальность праксиса консьюмеризма.

Консьюмеризм как социальный рефлекс

Согласно Й. Шумпетеру «социальные факты являются — во всяком случае, непосредственно — результатами человеческой деятельности, экономические же — результатами экономической деятельности. Последнюю следует определять как такую деятельность, целью которой выступает приобретение благ» [11. С. 57]. Соответственно, цикличная взаимокорреляция потребительских практик и производства детерминирует уровень развития экономической системы. Возрастание темпов и объемов производства, количества потребляемых товаров и услуг служит индикатором повышения общественного благосостояния, и такой макроэкономический показатель, как индекс потребительских настроений, указывает на общее состояние экономики. Например, данный индекс в США указывает на длительный тренд экономического роста американской экономики (Рис. 1) (США выбраны в качестве примера, потому что находятся в авангарде мировой экономической системы и ярко воплощают современную модель консьюмеризма. На графике отчетливо видна динамика возрастания индекса потребительских настроений: если в 2009 году он составлял 66,3%, то к началу 2020 года достиг отметки в 99,8%, что, в свою очередь, свидетельствует о благоприятной экономической конъюнктуре и устойчивом росте ВВП (среднее значение ВВП США за аналогичный период составило 2,93%).

С другой стороны, чрезмерное увлечение благопотреблением, особенно отдельными социальными общностями, как правило, обладающими высокой платежеспособностью, имеет негативные последствия — от создания «культы» вещей и тотальной коммерциализации социального пространства до крайне негативного воздействия массового производства и потребления на экологию. Но капиталистическая система и соответствующая ей модель потребления

(обеспечивающая жизнеспособность этой системы) индифферентны к этим проблемам. В целях обеспечения высокой нормы прибыли в условиях усиливающейся ценовой и неценовой конкуренции на рынке одной из приоритетных задач владельцев средств производства является поиск и создание эффективных стимулов поддержания высокого потребительского спроса.

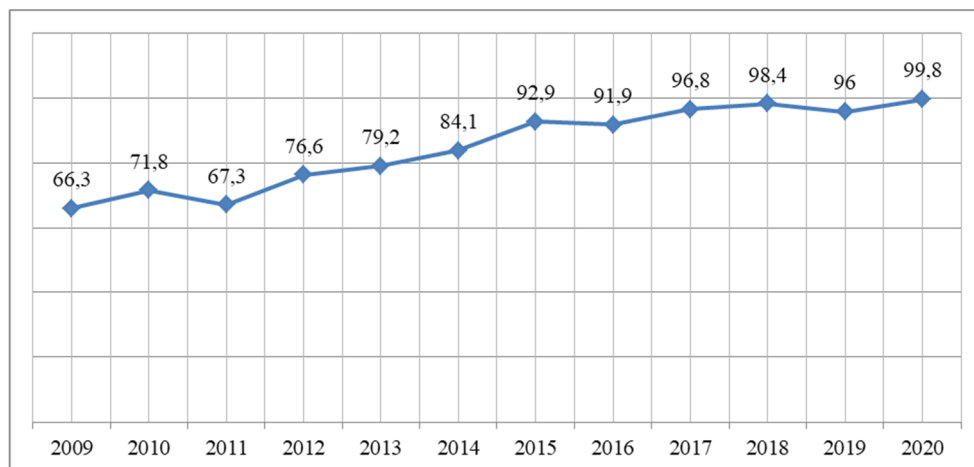

Рис. 1. Индекс потребительских настроений в США (2009–2020), % [15]

Потребление можно охарактеризовать как социально-экономический метаболизм — «естественный» и перманентный процесс общественной деятельности. З. Бауман называет потребление обыденным и тривиальным делом, неотъемлемым свойством природного бытия: «Если свести потребление к его архетипической форме метаболического цикла поглощения, переваривания и выделения, то оно является постоянным и неустранимым состоянием и свойством жизни, не связанным ни временем, ни историей; одним из неотъемлемых элементов биологического выживания, которое мы, люди, разделяем со всеми другими живыми организмами. Таким образом, феномен потребления имеет такие же древние корни, как и живые организмы, и, безусловно, является постоянной, неотъемлемой частью любой формы жизни» [13. С. 25]. Несмотря на тривиальность и витальность потребления, оно служит индикатором развития не только экономико-хозяйственной деятельности, но и социокультурного бытия, поскольку качество и количество потребляемых индивидом благ указывает и на его платежеспособность, место в социальной иерархии и на уровень интеллектуально-культурного развития. Более того, наша способность хотеть, желать и жаждать, особенно способность многократно испытывать такие чувства, является экономическим основанием социального единства [13. С. 26]. Иными словами, потребление как имманентная составляющая экономико-хозяйственной деятельности обладает социально-интегрирующей функцией. Наряду с дифференциацией трудовой деятельности, послужившей основанием (по Э. Дюркгейму) социальной солидарности, потребление также служит ее важным фактором.

Современные потребительские практики конструируются и реализуются на основе тотального доминирования индивидуалистических (эгоистических) и гедонистических ценностей, которые под воздействием институционализированных рыночных механизмов приобретают значение главных критериев, опосредующих социальные интеракции. Справедливо замечание Ф. Котлера: «О людях судят не по тому, что они собой представляют, а по тому, чем они владеют. Человека не считают преуспевающим, если у него нет дома в пригороде, двух машин, самой модной одежды и новейших электробытовых приборов» [7. С. 605]. Данная особенность товарного потребления обусловлена способностью товаров репрезентировать в ценностном и символическом измерении социально-экономический и культурный статус личности. Так, продукты (товары) различаются по степени социально-символического значения: «автомобили и одежда — это продукты с высоким уровнем визуального отображения и признанные в нашем обществе как „говорящие что-то“ о человеке. Другие продукты, такие как консервированные овощи или рабочие инструменты, имеют меньшее социально-символическое значение, но все же имеют» [23. С. 3].

Массовое стремление к товарному потреблению, по большей части основанное на суггестивном воздействии на чувственно-эмоциональные компоненты сознания, стало глобальным мейнстримом. Производство и рынок как важнейшие детерминанты консьюмеризма (и общества в целом) мотивируют потребление и обеспечивают удовлетворение потребностей общества. Как писал К. Маркс, «производство создает потребление: производя для него материал, определяя способ потребления, возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является создаваемый им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и влечение к потреблению» [8. С. 29]. Производственно-торговые отношения успешно выполняют функцию триггера, возбуждая в человеке перманентное желание потреблять больше витальной необходимости. Как писал Э. Фромм, «если преобладающим экономическим принципом является производить все больше и больше, потребитель должен быть готов хотеть, т.е. потреблять все больше и больше» [10. С. 58]. Можно добавить, что исходя из современной социально-экономической конъюнктуры, потребитель не просто готов потреблять все больше и больше, но и, испытывая устойчивое влечение к товарному потреблению, требует все новых «порций» товаров от рынка для удовлетворения усиленного маркетинговыми технологиями чувства потребления.

Принято считать, что генезис консьюмеризма произошел в США, хотя до Второй мировой войны там преобладали пуританские ценности, благотворно воздействующие на развитие производительности труда и противостоящие гедонистическим проявлениям. С развитием производственных мощностей перед рынком США встала задача «демонтажа» ценностных ориентаций, ограничивающих рост потребительского спроса. Преодоление принципов экономии и бережливости в угоду благоприятной рыночной конъюнктуре в США во

многим связано с Э. Дихтером и В. Ландором, пропагандировавшими идею, что оппозиция пуританских ценностей гедонистическим эффектам товарного потребления негативно сказывается на развитии свободного предпринимательства [19]. По сути, капитализм «произвел» феномен консьюмеризма, интенсивность которого — один из определяющих факторов существования и развития капиталистической системы. «Начиная с 1980-х годов установилось понимание, что потребительское общество непостижимо, так как является производным капитализма; потребление стало рассматриваться как активное участие в развитии капиталистической системы» [24. С. 13].

Современные производство и рынок сформировали в общественном сознании социальный рефлекс перманентных потребительских интенций, заглушающих рациональные представления о норме потребления. Рассматривая нейрофизиологические особенности западного консьюмеризма, Дж. Найш отмечает, что, несмотря на осознание членами общества имущественного изобилия, им трудно не покупать вещей больше, чем нужно: «Всегда хочется чего-то нового. Отделы маркетинга совершенствуют стратегию бесконечно заманчивых специальных предложений о новинках и эксклюзивах. Это порождает в нашем чувствительном к голоду сознании каменного века тревожную иллюзию дефицита, несмотря на окружающее нас изобилие» [20. С. 71].

Современный рынок успешно интегрировал стереотип сверхпотребления в общественное сознание, актуализируя его с помощью эффективных рекламно-коммуникативных технологий и возводя товарно-денежные отношения в императив, к сожалению, во многом определяющий морально-нравственную составляющую бытия человека и общества. В культуре консьюмеризма предрасположенность к социальной эмуляции, соответствию и имитации, опосредованная рыночным выбором, сопровождается склонностью к дифференциации, индивидуальности и различению. В совокупности эти мотивы способствуют быстрому обороту товаров и услуг — считается, что эта динамика порождена целенаправленной социальной инженерией маркетологов, рекламодателей и ритейлеров [12].

Эффективность «призыва» товаро- и рекламопроизводителей к потреблению объясняется, в первую очередь, степенью воздействия на принятие решения о приобретении товара. «Уровень достигнутых сбережений представляет собой результат конфликта между желанием улучшить уровень жизни и желанием получить будущее благосостояние за счет сбережений» [17. С. 22]. С одной стороны, человек стремится к увеличению сбережений, проявляя аккуратность, внимательность, расчетливость и дисциплинированность в расходовании денежных средств и их эквивалентов, но, с другой стороны, насаждаемые производителями ценности гедонистической морали заставляют его как можно скорее потратить сбережения. Согласно Дж. Хомансу, в процессе обмена участники стремятся к максимальной выгоде и минимальным издержкам (бинарная оппозиция «затраты–выгода»), и задача производителей применительно к механизмам принятия потребителями решений о покупке

редуцируется к эффективной презентации «выгоды» от приобретения товаров/использования услуг и сокрытию последствий затрат. «Культура, демонстрирующая бережливость и долговечность в XIX веке, была преобразована в XX веке в культуру, стимулирующую рост и поддерживаемую государством, коммерческими субъектами и рекламодателями» [18. С. 302].

Социальная система, в которой доминируют капиталистические императивы, процессы социализации и интеракции, детерминирована законами, нормами и правилами товарно-денежных отношений, или бытием товарного мира. Используя терминологию структурно-функционального анализа, можно сказать, что консьюмеризм — это культурный образец, сгенерированный соответствующей экономической системой, поддержание которого обеспечивает стабильное, равновесное функционирование и развитие этой системы. С одной стороны, капитализм, продуцирующий консьюмеристские интенции, объективно способствует росту благосостояния (с большими оговорками — в зависимости от политической системы и социокультурной среды). С другой стороны, усилившаяся тенденция коммерциализации и монетизации общественного бытия пронизывает всю социальную «ткань», ценностно-смысловым ядром которой оказываются примитивные гедонистические ценности благопотребления.

«Ослепительность» товарного мира и его последствия для потребителя

Товар, «тайна» формы которого для К. Маркса состоит, прежде всего, в способности отражать общественный характер труда [8], в дискурсе консьюмеризма и культивации потребительских практик обретает особое значение. Производство товаров и услуг сопровождается соответствующим уровнем потребительского спроса, определяющего целесообразность производства. Следовательно, в основе успешного развития современной экономической системы, регулируемой рыночными институтами, лежит высокий спрос на общественно полезный труд, представленный в товарной форме. Если товарная форма является отражением социальной природы труда, то потребление отражает отношение общества к конечной форме этой деятельности (товарам и услугам). Данное отношение коррелирует с рецепцией индивидуальным и общественным сознанием комфорта — как обладания неким количеством и качеством материальных и нематериальных благ, определяющих стандарты жизни. Стремления субъекта социального действия, обусловленные императивом максимизации выгоды и минимизации издержек, задаются фундаментальными механизмами рыночной экономики, в частности, принципом конкуренции. Иными словами, люди вынуждены конкурировать за обладание материальными и нематериальными благами, а в условиях господства капитализма и потребительства взаимодействие и модели поведения определяются целью занять по возможности высокое место в социальной иерархии и продемонстрировать достигнутый высокий социально-экономический статус.

Сегодня консьюмеризм способствует тому, что человек идентифицирует себя и смысл жизни через целенаправленную интеграцию во всеобщий процесс благопотребления, и социализация сопряжена с верификацией индивидом на обыденно-практическом уровне алгоритмов потребительского поведения. Но эта верификация носит, как правило, формальный характер, поскольку индивид в выборе модели потребления подчинен социальным трендам. Например, финансовая «Мекка» — Нью-Йорк, в частности, Таймс Сквер — символизирует торжество «ослепительных» товарных форм, блеск которых очаровывает прохожих, успешно воспроизводя гедонистические спецэффекты изобилия.

Консьюмеризм в развитых и развивающихся капиталистических системах представляет собой перманентный процесс, катализатором которого выступают гедонистические ценности и стремление к чрезмерному комфорту. Подобные паттерны потребительских практик (формируемые благодаря референтным группам) могут выступать предпосылками формирования класса «опасных потребителей». Потребители, не имеющие соответствующих ресурсов (например, платежных средств), но разделяющие консьюмеристские ценности и принципы, будут нарушать закон для получения доступа к ресурсам и благам [22]. Желание обладать товарной формой подавляет этические императивы: «Благовоспитанное расходование награбленного настолько сильно впечатляет лиц с развитым чувством внешних приличий, что смягчает ощущение моральной низости, возникающее у них при виде правонарушений» [2. С. 145]. Консьюмеризм как чрезмерное увлечение благопотреблением выступает предпосылкой оппортунизма и отрицательной девиации.

Специфика современной модели консьюмеризма заключается в том, что общество, стремясь к материальному изобилию, в то же время находится в постоянном поиске новых гедонических эффектов, получаемых, в том числе, за счет разнообразия потребляемых благ, т.е. модель потребительского поведения становится более вариативной, расширяя границы потребностей. Сфера производства товаров и услуг, в свою очередь, успешно справляется с созданием условий для развития потребительских практик. Согласно К. Марксу, «каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения... каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение собственной своекорыстной потребности» [9. С. 128]. Товар (товарная форма) содержит эту чуждую сущностную силу, побуждающую индивида к потреблению, и выступает основанием праксиса консьюмеризма, опосредованного производством и рынком.

Капиталистические ценности позволили подобной модели поведения, тотально детерминированной законами рынка (на рынке человек воспринимает другого как средство), стать социально-экономической догмой, вытесняющей из общественного сознания классические принципы нравственности и добродетельности и замещающей их стремлением к роскоши и статусности.

Причем критика консьюмеризма не означает критики потребления вообще — дефиниция консьюмеризма смещается в область негативных коннотаций, поскольку отражает благопотребление, выходящее за пределы витальных потребностей, т.е. речь идет не столько о потреблении товаров, относящихся к категории роскоши, сколько о чрезмерном увлечении потреблением, которое сегодня превратилось в своего рода аттракцион.

В эпоху глобального массового производства товаров и услуг сознание человека подвержено устойчивому воздействию товарных форм, способствующих тому, что, например, обновленный товарный ряд вызывает яркую и положительную эмоциональную реакцию потребителя, во многом похожую на реакцию меланезийских туземцев, описанную Ж. Бодрийяром, которые были очарованы пролетающими в небе самолетами [1. С. 12]. «Чудотворный статус потребления» подтверждает и современная маркетинговая концепция, согласно которой иррациональное поведение потребителей объясняется эмоциональными детерминантами и стремлением получить удовлетворение не столько от использования товаров и услуг, сколько от ощущения соответствия основным потребительским трендам.

Современные социальные интеракции отчетливо демонстрируют ориентацию индивида на интеграцию в общности демонстративного потребления. Доказательством тому служит восприятие, подобное детскому восхищению, товарных новинок — когда каждая инновация (особенно в бытовой электронике) воспринимается как технологическое чудо, ради обладания которым можно пойти на чрезмерно обременительные издержки. Маркетинговые стратегии эффективно осваивают бихевиористские концепции, находя им эффективное применение и реализуя манипулятивные техники, чтобы формировать у потребителей устойчивые товарные аддикции. Например, социологический опрос, проведенный в сентябре 2019 года, показал, что 31% россиян предпочитают сразу получить желаемый товар, затем за него постепенно расплачиваясь, если у них не хватает денег на покупку, а 59% респондентов предпочитает накопить нужную сумму. Число респондентов, желающих приобрести товар в рассрочку или за счет потребительского кредита, с 2015 года увеличилось на 7% (с 24% до 31%) [6]. Конечно, эти данные нужно рассматривать в контексте макроэкономических показателей, но это не отменяет того факта, что потребители готовы переплачивать за желаемый товар (проценты за кредит). В 2018 году Минэкономразвития отметило: «Текущие темпы роста необеспеченного кредитования населения превышают уровень ставок по потребительским кредитам и, таким образом, постепенно становятся фактором увеличения потребительской активности. При этом годовые темпы роста необеспеченного розничного кредитного портфеля остаются существенно выше темпов роста номинальной заработной платы, что говорит об их фундаментальной неустойчивости» [5].

Одной из важнейших миссий рынка является реализация продукции, следовательно, создаются эффективные стимулы и мотивы для поддержания

высокого спроса. В свою очередь, финансовые институты посредством диверсифицированной линейки кредитных продуктов (особенно для физических лиц) обеспечивают платежеспособность населения в условиях высокого потребительского спроса. Например, с учетом реальных размеров заработных плат большей части населения России, кредитные средства — инструмент поддержания высокого потребительского спроса, необходимого для роста ВВП страны, что формирует дополнительные риски для экономики, несмотря на устойчивое снижение уровня просроченной задолженности по кредитам для физических лиц за счет рефинансирования кредитов [5]. Учитывая общий тренд на возрастание рисков, связанных с просроченной задолженностью по кредитам физических лиц, кредитные организации стали строже относиться к одобрению кредитных заявок (средняя доля одобренных кредитных заявок в 2018 году — 40,74%, в 2019 — 36,47%) [4].

Согласно Д. Дугласу, «80% населения все сильнее скатывается в долговую яму, чтобы поддерживать уровень потребления или замедлить его падение. С другой стороны, остальные 20%, точнее самые богатые 10%, совершают покупки и займы в другом мире — спекуляций, предметов роскоши и кругосветных путешествий» [16. С. 190]. Экономическое благополучие 20% населения обеспечивается их привилегированным финансово-административным положением, которое в результате адаптации правовой системы к механизмам либерализации экономики обрело легитимную форму — как якобы соответствующую идеалам свободы, равенства и справедливости. Какой бы пафосной ни была критика политэкономии К. Маркса, ей не удастся опровергнуть ни эмпирически, ни теоретически тезис о том, что в условиях капитализма и свойственной ему модели производства и рынка происходит непропорциональное увеличение благосостояния — главным бенефициаром экономического роста являются представители самых состоятельных слоев.

Основной бенефициар в лице крупных финансовых спекулянтов и собственников средств производства, несмотря на рыночный либеральный императив *laissez-faire*, проявляет экономическую амбивалентность, стремясь к неэквивалентному обмену, который обеспечивает концентрацию и монополизацию капитала. В этом и состоит диалектичность капитализма: с одной стороны, эквивалентный обмен, служащий основным драйвером рыночной экономики, — необходимое основание капитализма; с другой стороны, природа капитализма неизбежно тяготеет к монополизации рынка, что требует неэквивалентного обмена. Благодаря использованию латентных механизмов, легитимно нарушающих правила рыночного обмена, бенефициары становятся привилегированными потребителями, конструирующими «эталонные» модели потребления, иерархизированные по уровням платежеспособности и обладающие гипнотическим эффектом для рядового потребителя. Представители высшего — высшего и низшего — высшего класса задают тренды потребления, тем самым эксплуатируя платежеспособность простых потребителей ради своего дальнейшего обогащения. Таким образом, мы наблюдаем

вытекающую из природы капиталистической системы закономерную цикличность неэквивалентного обмена, по сути, превращенной формы эксплуатации — не чужого труда, а чужого потребления, когда потребитель вынужден покупать труд экономически непривилегированных индивидов, стоимость которого, обремененная в товар, возрастает (прибавочная стоимость). Как отметил Ф. Бродель, «будучи привилегией немногих, капитализм немислим без активного пособничества общества» [2. С. 68].

В современном обществе прохождение индивидом основных этапов социализации детерминировано трендами потребления: товары и услуги все более опредмечивают связи и отношения между индивидами, в некоторой степени способствуя их взаимному отчуждению. В этом и состоит парадоксальность современных социетальных систем: с одной стороны, дифференциация труда и усиление интенсивности потребления выступают факторами социальной солидарности, а, с другой — предметы потребления все больше заполняют социальное пространство, дистанцируя индивидов друг от друга в плане подлинной коммуникации. Людям все чаще приходится пробиваться сквозь «гущу» товарного мира для установления аутентичной коммуникации. Кроме того, интенсивность и динамичность (особенно в мегаполисах) коммуникации в основном определяется деловым интересом, формализующим коммуникативные структуры: «люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления» [1. С. 5].

Капитализм и либерализация рыночных структур и механизмов стали основными факторами экспансии консьюмеризма, сформировавшей соответствующие механизмы и алгоритмы социализации индивида в условиях «шлифования» маркетинговыми технологиями культа перманентного потребления. Интериоризация потребительских ценностей эффективно подавляет принципы целерационального потребления, уже на первых этапах социализации формируя устойчивые потребительские аддикции. Консьюмеризм стал неотъемлемым атрибутом социального агрегата, фундируемого закономерностями капиталистической экономической системы, способствуя аксиологической трансформации — замещения понятия ценности понятием цены. Учитывая, что цена — это денежная форма товаров, а ценность — понятие содержательное, выражающее степень релевантности представлений субъекта реальным свойствам объекта и имеющее, в первую очередь, морально-нравственное и эстетическое содержание, можно утверждать, что тренд социально-экономической конвертации способствует меркантилизации социально-этических норм, когда нравственность поступка измеряется не столько его социальной полезностью и значимостью, сколько материальной выгодой.

Взаимокорреляция потребительских практик и демонстративности девальвирует социальные установки и ценностные ориентации, связанные с

умеренностью, бережливостью и сдержанностью, позиционируя их в качестве девиаций, и, как любая девиация, эти нормы начинают подвергаться социальным санкциям — в форме непринятия или признания — иницируемым императивами потребительской культуры.

Библиографический список / References

- [1] Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М., 2006 / Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [2] Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993 / Braudel F. *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk; 1993 (In Russ.).
- [3] Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984 / Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow; 1984 (In Russ.).
- [4] Динамика доли одобренных кредитных заявок в 2019 году в сравнении с 2018 годом / Dinamika doli odobrennykh kreditnykh zayavok v 2019 godu v sravnenii s 2018 godom [The dynamics of the share of approved credit in 2019 as compared to 2018]. URL: <https://www.nbki.ru/documents/15.01.2020.pdf> (In Russ.).
- [5] Картина экономики. Июнь 2018 года / Kartina ekonomiki. Iyun 2018 goda [The Picture of the Economy. June 2018]. URL: https://economy.gov.ru/material/file/5f70ad9bc3b22b96740cd260addc9456/180704_econ_picture.pdf (In Russ.).
- [6] Кредиты: установки и практики / Kredity: ustanovki i praktiki [Credits: Attitudes and Practices]. URL: from: <https://fom.ru/Ekonomika/14260> (In Russ.).
- [7] Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М., 2007 / Kotler P. *Osnovy marketinga. Kratky kurs* [Marketing Essentials]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [8] Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1983 / Marx K. *Kapital* [Capital]. Moscow; 1983. Vol. 1 (In Russ.).
- [9] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1968. Т. 46 / Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow; 1968. Vol. 4 (In Russ.).
- [10] Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий. М., 2005 / Fromm E. *Revolutsiya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuzij* [The Revolution of Hope: Toward a Humanized Technology]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [11] Шумпетер Й. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М., 1982 / Schumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: Issledovanie predprinimatelskoj pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla konyunktury* [Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle]. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [12] Arnould E. Global Consumer Culture. URL: <http://www.uwo.edu/sustainable/recent-research/docs/global%20consumer%20culture%20arnould.pdf>.
- [13] Bauman Z. *Consuming Life*. Cambridge; 2007.
- [14] Bureau of Economic Analysis: Gross Domestic Product. URL: <https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product>.
- [15] Consumer Sentiment Index. URL: <http://www.sca.isr.umich.edu/tables.html>.
- [16] Douglas D. *Capitalism and Its Economics: A Critical History*. London; 2000.
- [17] Duesenberry J.S. *Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge; 1949.
- [18] Guillen-Royo M., Wilhite H.L. Well-being and sustainable consumption. *Global Handbook of Quality of Life*. Ed. by W. Glatzer, L. Camfield, V. Møller, M. Rojas. New York; 2015.
- [19] Malherek J. Packaging personality: Walter Landor and consumer product design in postwar America. *Australasian Journal of American Studies*. 2012. Vol. 31. No. 2.
- [20] Naish J. Human instinct is to blame for overconsumption. *Consumer Culture*. Ed. by H. Watkins, E. des Chenes. Detroit; 2011.
- [21] Ritzer G. *Enchanting a Disenchanted World: Revolutionizing the Means of Consumption*. Thousand Oaks; 1999.

- [22] Ritzer G., Goodman D., Wiedenhof W. Theories of consumption. *Handbook of Social Theory*. Ed. by G. Ritzer, B. Smart. London; 2001.
- [23] Robertson T.S. *Consumer Behavior*. Illinois; 1970.
- [24] Sassatelli R. *Consumer Culture: History, Theory and Politics*. London; 2007.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-778-789

Fundamental determinants and consequences of consumerism in the contemporary capitalist society*

N.V. Goncharov

Orenburg State University
Prosp. Pobedy, 13, Orenburg, 460018, Russia
(e-mail: nik567485@mail.ru)

Abstract. The article considers consumerism as embracing virtually all areas of social life and creating persistent structural algorithms of consumption, which are efficiently integrated by the market into contemporary societal systems. By exploiting and distorting the true humanistic principles, commercialization of social structure, which is determined by the market relations liberalization, raises capitalist values to the highest rank of the axiological hierarchy and contributes to strengthening of social and individual consumerism. The article emphasizes significance and consequences of the commodity world's 'dazzle', because dominant consumer values acquired the status of global social trends that determine the structural-essential elements of socialization. Contemporary advertising technologies based on behavioral concepts expand limits of consuming goods and services and successfully form customer needs by verbal and non-verbal semantic speculations that support the desire to consume. The author emphasizes that today the commodity consumption is not just purchase and use of goods but rather a commercial 'ritual' designed by marketers to make people follow certain consumer standards regardless of their social-economic status. The consequences of the internalized consumerism are obvious: first, consumerism contributes to the transformation of personal communication by making goods and services mediators of relationships; second, the permanent development of consumer values contributes to axiological transformations, especially to commodification of the moral component of social reality.

Key words: commodity; capitalism; market; consumer society; consumerism; pattern; hedonism

* © Goncharov N.V., 2020

The article was submitted on 05.07.2020. The article was accepted on 10.09.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-790-800

Когнитивная форма социальных норм: опросный эксперимент*

Н.С. Бабич

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35–5, Москва, 117218, Россия

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: sociolog@mail.ru)

Социальные нормы в сознании членов общества могут существовать в разных формах. В самом общем виде они представляют собой логические правила вида «если, то». В наиболее часто используемой для исследования социальных норм теоретической рамке — «фокусной теории нормативного поведения» — этому логическому правилу соответствует еще два вида норм — дескриптивные («большинство делает так») и предписывающие («следует делать так»). Однако неизвестно, какая из этих трех форм является основной (наиболее распространенной или фундаментальной) в сознании членов общества. Этот вопрос следует решать эмпирическим путем, например, через измерение скорости реакции на разные описания социальной нормы. Там, где описание соответствует когнитивной форме нормы, реакция должна быть быстрее, так как требует меньше времени и ресурсов на сравнение и перевод формулировок. Статья описывает исследование, в котором был использован метод «расщепленного опроса» (split-ballot): он предполагает предъявление различающихся версий анкеты разным подвыборкам респондентов, сформированным случайным отбором. Использовались десять вопросов об отношении к социальной норме в определенной ситуации. Половина ситуаций описывала распространенную норму, половина — нарушение нормы. Каждая из десяти ситуаций была представлена тремя способами: через импликацию «если, то», через поведение большинства и через императив «следует». Главной измеряемой переменной были не сами ответы, а время, которое понадобилось респондентам, чтобы к ним прийти. Результаты опроса показали отсутствие статистически значимых различий в скорости реакции на разные формы описания ситуаций. Соответственно, основной результат исследования состоит в том, что все три когнитивные формы социальных норм равноправны, ни одна не демонстрирует признаки большей распространенности или фундаментальности. Это можно объяснить двумя способами: во-первых, каждая когнитивная форма может задействовать свой независимый механизм актуализации; во-вторых, истинная когнитивная форма может отличаться от всех трех и быть, например, невербальным представлением действий. Выбор между этими двумя объяснениями требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: социальные нормы; нормативное поведение; дескриптивные нормы; предписывающие нормы; когнитивная доступность норм; актуализация нормы в сознании

Анализ употребления понятия «социальные нормы» показывает, что оно, как правило, используется тогда, когда объясняется поведение, причиной которого не является рациональный расчет или биологическая необходимость [13]. Так как значительную, если не большую часть предмета социальных

* © Бабич Н.С., 2020

Статья поступила 15.06.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

наук образует подобное поведение, его нормативное регулирование — одна из центральных социологических проблем. Само понятие социальной нормы многозначно, его трактовки варьируют от равновесия Нэша в координационных играх до эмоциональных регулятивов, опирающихся на чувства вины и стыда [8. С. 16]. Однако некоторые общие черты есть у большинства дефиниций: во-первых, нормы описываются как правила поведения; во-вторых, они подкрепляются внешними санкциями (негативными или позитивными, материальными или символическими); в-третьих, представляют собой некий консенсус группового уровня [9. С. 4–5]. Таким образом, в самом общем виде социальная норма представляет собой следование правилу по принципу «Если в группе А происходит X, то совершается действие N, иначе наступает S», где А — устанавливающая нормативный консенсус общность людей, X — ситуация, индуцирующая следование норме, N — нормативно закреплённый порядок действий, S — санкции за нарушение нормы. Эта формальная запись отражает функциональный аспект социальных норм, описывая общие принципы их действия. Но правило такого вида на практике может реализовываться разными способами, которые априорно неизвестны. В том числе оно по-разному может существовать в сознании членов общества, разделяющих определённую норму. Вопрос о форме этого существования может быть назван вопросом о когнитивной форме социальных норм.

Когнитивная форма может быть универсальной (если все социальные нормы подчиняются одним закономерностям) или может различаться в зависимости от содержания норм, сферы, которую они регулируют, и других факторов. Так или иначе когнитивная форма представляет собой важную социологическую переменную, так как может напрямую влиять, например, на убедительность нормативной коммуникации. Так, если деструктивные социальные нормы существуют в виде описаний распространённости («большинство членов моей социальной группы курят»), то попытки изменить их с помощью описания логического следования («если ты куришь, то будешь больше болеть») будут заведомо менее эффективными, чем прямая демонстрация распространённости («большинство членов твоей социальной группы не курят»). Потому что в первом случае в сознании членов общества оказывается две конкурирующие когниции, а во втором (при условии достаточно убедительной коммуникации) происходит замена одной когниции на другую.

Статья описывает пилотное экспериментальное исследование, позволяющее прийти к предварительным выводам о когнитивной форме социальных норм в контексте массового опроса. Сначала производится выбор теоретической основы классификации форм социальных норм, затем экспериментально устанавливается, существуют ли признаки различной доступности этих форм, которые говорили бы о превалировании того или иного их класса.

Классификация когнитивных форм социальной нормы

Помимо множества дефиниций, существует и множество классификаций социальных норм: по силе санкций [19], источнику санкций [11], виду

порождающей нормы социальной общности [17] и т.п. Наиболее часто используемым является деление норм на предписывающие (*injunctive*) и описывающие (*descriptive*), популяризованное в ходе развития «фокусной теории нормативного поведения», предложенной Р. Чалдини с соавторами в 1990 году [6]. Они разделили общие правила на два класса: первые (предписывающие) устанавливают одобряемые и неодобряемые образцы поведения, вторые (описывающие, дескриптивные) — распространенные и редкие образцы. Иными словами, предписывающие нормы указывают, как следует действовать в определенной ситуации, а дескриптивные — как действуют в этой ситуации другие люди.

Само по себе это различие (хотя в других терминах) было известно задолго до 1990 года [см., напр.: 14], однако в фокусной теории был сделан шаг вперед для объяснения эффективного и неэффективного влияния норм на поведение. Было высказано предположение, что если два вида норм вступают в противоречие (в оригинальном исследовании это была предписывающая норма не бросать мусор на землю на парковке и наглядная дескриптивная норма в виде замусоренной парковки), то следование одной или другой зависит от факторов, привлекающих к ним внимание. Находящийся в поле зрения человек, убирающий мусор на парковке, будет напоминать о предписывающей норме, а разбрасывающий — создавать вредную дескриптивную норму. Соответственно, в первом случае поведение с большей вероятностью будет регулироваться представлениями о должном, а во втором — о реальном положении вещей. С момента создания фокусная теория нормативного поведения получила многочисленные экспериментальные подтверждения в различных областях: в охране здоровья [3], природы [18], потребительском поведении [16], профилактике ксенофобии [2], азартных игр [15], исследованиях сексуального поведения [4] и т.п. Общий вывод, который может быть сделан из этих исследований, состоит в том, что одним из основных факторов, влияющих на следование норме, является ее доступность (*accessibility*) [5. С. 8].

Этот вывод обладает высокой социологической значимостью, так как дает возможность конструировать «конечные» объяснения нормативного поведения, не требующие дальнейших расшифровок и раскрытий, — так называемые «социальные механизмы без черных ящиков» [1]. Если ситуация, содержание норм, поведение других людей или иные факторы делают одну норму более доступной для актора, чем другую, то его поведение отклоняется в сторону следования более доступной норме. Вопрос о том, почему действия актора отклоняются в сторону следования более доступным нормам, снимается, потому что поведение, следующее линии наименьшего сопротивления, является интуитивно понятным.

Классификация, предлагаемая фокусной теорией, раскрывает аспекты общей дефиниции социальных норм, основанной на имплицативном выражении «если, то». Но логическое следование в социальной реальности может эмпирически осуществляться либо как императив («В группе А при условии

Х следует делать N, иначе наступает S»), либо как превалирование («Большинство членов группы А при условии Х совершают действие N, иначе получают S»). Таким образом, мы получаем трехчастную классификацию когнитивных форм, основанную на их логической структуре: в наиболее абстрактном виде это общеутвердительное высказывание в форме импликации (норма как понятие), которое применительно к социальному миру может либо выражать требование (предписывающие нормы), либо описывать распространенность поведения (дескриптивные нормы).

К сожалению, в рамках фокусной теории вопрос об основной форме существования социальных норм остается нерешенным. Когда некто следует норме, обращается ли он к ней преимущественно в каком-то одном из трех вариантов описания? Существуют теоретические основания полагать, что форма играет роль в таком обращении. Так, дескриптивная норма может восприниматься легче, поскольку позволяет принимать эвристические решения, экономящие время и когнитивные ресурсы («все не могут ошибаться, я сделаю, как все, и не ошибусь») [7. С. 309]. С другой стороны, частичное экспериментальное подтверждение получила гипотеза, что за двумя видами социальных норм стоят разные механизмы реакции, обеспечивающие разные условия конформного поведения [12]. Иными словами, заранее неизвестно, в каком виде социальные нормы превалируют в сознании членов общества, и ответ на этот вопрос должен быть получен эмпирическим путем — измеряя когнитивную доступность разных описаний социальных норм. Если мы обращаемся к человеку с описанием, соответствующем форме, которая уже присутствует в его сознании, то ему проще сопоставить наше обращение со своими представлениями. Соответственно, скорость реакции на описания нормативных ситуаций открывает возможность измерить превалирование той или иной когнитивной формы социальных норм, что и было сделано в опросном эксперименте.

Методика исследования

Для решения поставленной задачи использовался метод «расщепленного опроса» (split-ballot), предполагающий предъявление различающихся версий анкеты разным (в нашем случае — трем), сформированным случайным отбором подвыборкам. Рандомизированное деление выборки на экспериментальные группы позволяет утверждать, что различия в ответах между ними, превышающие обусловленную размером групп погрешность, с известной вероятностью объясняются различиями версий анкеты. Использовались десять вопросов об отношении к социальной норме следующей конструкции: «Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к тому, что...». Далее следовало описание социальной нормы и возможность одобрить или не одобрить описываемую ситуацию. Респондентам не давалась возможность уклониться от ответа (принудительный выбор). Половина ситуаций описывала распространенную бытовую норму (например, соблюдение очереди в кассу магазина), половина — нарушение такой нормы (например, громкие разговоры во время киносеанса).

Каждая из десяти ситуаций была описана тремя разными способами: через импликацию «если, то» (если человек едет в общественном транспорте, он уступает места пожилым и инвалидам), через поведение большинства (большинство людей в общественном транспорте уступает места пожилым и инвалидам) и через императив «следует» (в общественном транспорте следует уступить места пожилым и инвалидам), т.е. в анкетах были отражены все три формы описания социальных норм. Вопросы задавались в следующем виде:

Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к тому, что...

... если человек едет в общественном транспорте, он уступает места пожилым и инвалидам.

- 1) Одобряю
 2) Не одобряю

Формы описания норм были распределены между тремя версиями инструментария таким образом, что в одной анкете присутствовали все три формы для разных ситуаций, и одна ситуация во всех трех формах присутствовала в разных анкетах. Порядок следования ситуаций при этом был одинаковым.

Исследование было проведено в форме интернет-опроса автономной некоммерческой организацией «Центр экспертных исследований рынка» на выборке совершеннолетних жителей России, рекрутированной из опт-ин панели anketer.org. Данная панель имеет всероссийский охват и включает более 250 тысяч участников. В исследовании не ставилась задача получения репрезентативной выборки, поэтому никаких специальных процедур приведения ее к структуре генеральной совокупности (взвешивание, квотирование, добор недоступных групп и т.п.) не применялось. В выборку попали первые откликнувшиеся на приглашение респонденты. Опрос проходил с 8 по 11 июля 2019 года. Выборка была случайным образом поделена на три равные группы: каждой группе предъявлялся один вариант анкеты, все респонденты имели доступ к варианту только своей группы.

Анкета содержала очевидные для российского общества бытовые нормы. Распространенность некоторых из них (например, таких, как не мусорить на улице) могла быть поставлена под сомнение пессимистически настроенными респондентами, поэтому вопросы были заданы в контексте не реального соблюдения этих норм, а личного отношения к ним, что повлекло некоторую стилистическую неуклюжесть формулировок, но позволило ожидать во всех трех группах существенного преобладания одинаковых ответов. Для верного описания норм предполагались ответы одобрения, а для описания нарушений — неодобрения. Главной измеряемой переменной были не сами ответы, а время, которое понадобилось респондентам, чтобы к ним прийти (такое хронометрирование реализовано во многих системах интернет-опросов). Предполагалось, что ответ на вопрос о социальной норме выстраивается следующим образом: респондент изучает описание ситуации, обращается к подходящей к ситуации норме в сознании, сравнивает ситуацию с нормой, по результатам сравнения

выбирает вариант ответа и отмечает его. Если ситуация описана в той же форме, в которой осуществляется обращение к норме, то на ответ требуется минимум времени. Если же, например, обращение к норме осуществляется в виде импликации, а в анкете она описана через императив, то респонденту для сравнения потребуется либо перевести одно описание в другое, либо учесть разницу в описаниях — в обоих случаях время на ответ должно увеличиваться. Таким образом, различия в среднем времени на ответ по одной и той же нормативной ситуации могут свидетельствовать о том, в каком виде норма актуализируется в сознании респондентов, т.е. о ее когнитивной форме.

Результаты эксперимента

За время проведения опроса была сформирована выборка в 669 человек (по 223 респондента в каждой подгруппе), из которых 42% составили мужчины, 58% — женщины; 54% имели высшее образование; средний возраст — 41 год.

Внешний по отношению к предмету исследования, но существенный для описания контекста результат состоит в том, что все использованные описания ситуаций оказались вполне нормативными (Табл. 1). Подавляющее большинство ответов (в среднем — 93%) соответствовало ожиданиям, т.е. для норм были одобрительны, а для «антинорм» — неодобрительны. Небольшое отклонение — до уровня неодобрения в 62% — наблюдалось только в ситуации, наиболее близкой к вопросу вкуса, — использовании ярко-фиолетового платья на свадьбе. Ответы на все вопросы могут обоснованно интерпретироваться как обращения респондентов к существующим в их сознании социальным нормам, а затраченное время — как характеристика их когнитивной доступности и, следовательно, формы существования норм.

К сожалению, хронометрирование в интернет-опросах имеет очевидные ограничения, связанные, во-первых, с тем, что респонденты дают ответы в неконтролируемых исследователем условиях (например, могут посреди опроса уйти пить чай), во-вторых, с тем, что часть респондентов может демонстрировать оппортунистическое поведение. Поэтому данные о времени ответов, как правило, не могут использоваться в «сыром» виде — из них должны быть исключены выбросы, в нашем случае — ненормально большие и малые длительности ответов. Простейшим способом работы с отклоняющимися значениями является расчет усеченных мер центральной тенденции, отражающих вариационный ряд без заданного числа наибольших и наименьших наблюдений. Так как в нашем исследовании измерялось время, т.е. метрическая величина, наиболее удобным инструментом сравнения выступает усеченное среднее арифметическое. При определении степени усечения мы исходили из статистической эвристики, согласно которой 5–10% неверных значений в массиве данных являются скорее правилом, чем исключением [10. С. 3]: для расчета среднего использовались данные хронометрирования, очищенные от 5% наибольших и 5% наименьших значений (по 11 наблюдений сверху и снизу вариационного ряда) (Табл. 2).

Таблица 1

Одобрение и неодобрение нормативных описаний, в % от подвыборки (n=223)

Описания ситуаций	Одобрят	Не одобряют
если человек едет в общественном транспорте, он уступает места пожилым и инвалидам	99	1
в общественном транспорте следует уступать места пожилым и инвалидам	98	2
большинство людей в общественном транспорте уступает места пожилым и инвалидам	98	2
если человек идет в гости, то делает это без приглашения и предупреждения	12	88
приходить в гости следует без приглашения и предупреждения	8	92
большинство людей приходит в гости без приглашения и предупреждения	11	89
если человек находится на улице, то он бросает мусор в урны, а не на землю	89	11
на улице следует бросать мусор в урны, а не на землю	96	4
большинство людей старается на улице бросать мусор в урны, а не на землю	91	9
если человек случайно встречает своих хороших знакомых, то приветствует их	100	0
следует приветствовать своих хороших знакомых при случайной встрече	99	1
большинство людей приветствует своих хороших знакомых при случайной встрече	100	0
если у человека свадьба, то он надевает наряд ярко-фиолетового цвета	38	62
на свою свадьбу следует надевать наряд ярко-фиолетового цвета	16	84
большинство людей на свою свадьбу надевает наряд ярко-фиолетового цвета	26	74
если человек приходит в магазин, то он соблюдает очередность при подходе к кассе	99	1
в магазине следует соблюдать очередность при подходе к кассе	98	2
большинство людей в магазине соблюдают очередность при подходе к кассе	100	0
если человек сидит на сеансе в кинотеатре, то он громко разговаривает	1	99
во время сеансов в кинотеатре следует громко разговаривать	2	98
большинство людей громко разговаривает во время сеансов в кинотеатре	0	100
если человек находится в общественном месте, то он открыто ковыряет в носу	4	96
в общественных местах следует открыто ковырять в носу	1	99
большинство людей в общественных местах открыто ковыряет в носу	3	97
если человек празднует Новый Год, то он не дарит подарок своим детям	9	91
что на Новый год не следует дарить подарки своим детям	16	84
большинство людей не дарит своим детям подарки на Новый год	7	93
если человек общается с незнакомцем, то не рассказывает подробно-сти личной жизни	91	9
не следует рассказывать подробности личной жизни незнакомцам	95	5
большинство людей не рассказывает подробности личной жизни не-знакомцам	97	3

Среднее время, затраченное на оценку ситуаций, в секундах

Описания ситуаций	Среднее арифметическое (n=223)	Усеченное среднее арифметическое (n=201)
если человек едет в общественном транспорте, он уступает места пожилым и инвалидам	12,95	8,78
в общественном транспорте следует уступать места пожилым и инвалидам	15,08	9,24
большинство людей в общественном транспорте уступает места пожилым и инвалидам	9,42	7,97
если человек идет в гости, то делает это без приглашения и предупреждения	9,91	7,91
приходить в гости следует без приглашения и предупреждения	12,93	7,75
большинство людей приходит в гости без приглашения и предупреждения	25,04	9,60
если человек находится на улице, то он бросает мусор в урны, а не на землю	15,03	7,61
на улице следует бросать мусор в урны, а не на землю	7,23	5,96
большинство людей старается на улице бросать мусор в урны, а не на землю	13,51	7,83
если человек случайно встречает своих хороших знакомых, то приветствует их	9,64	7,51
следует приветствовать своих хороших знакомых при случайной встрече	8,22	6,30
большинство людей приветствует своих хороших знакомых при случайной встрече	8,82	7,52
если у человека свадьба, то он надевает наряд ярко-фиолетового цвета	11,67	8,73
на свою свадьбу следует надевать наряд ярко-фиолетового цвета.	12,18	9,46
большинство людей на свою свадьбу надевает наряд ярко-фиолетового цвета	10,25	9,01
если человек приходит в магазин, то он соблюдает очередность при подходе к кассе	7,48	5,93
в магазине следует соблюдать очередность при подходе к кассе	21,46	5,43
большинство людей в магазине соблюдают очередность при подходе к кассе	9,90	6,14
если человек сидит на сеансе в кинотеатре, то он громко разговаривает	7,13	5,24
во время сеансов в кинотеатре следует громко разговаривать	7,43	5,56
большинство людей громко разговаривает во время сеансов в кинотеатре	8,23	5,84
если человек находится в общественном месте, то он открыто ковыряет в носу	8,70	5,14
в общественных местах следует открыто ковырять в носу	9,25	5,27
большинство людей в общественных местах открыто ковыряет в носу	30,32	6,46
если человек празднует Новый Год, то он не дарит подарок своим детям	9,05	7,27
что на Новый год не следует дарить подарки своим детям	8,63	7,11
большинство людей не дарит своим детям подарки на Новый год	8,11	6,15
если человек общается с незнакомцем, то не рассказывает подробности личной жизни	8,02	6,52
не следует рассказывать подробности личной жизни незнакомцам	9,91	7,88
большинство людей не рассказывает подробности личной жизни незнакомцам	8,81	6,47

Как видно из Таблицы 2, содержание норм может оказывать существенное влияние на их обработку сознанием — максимальные и минимальные усеченные средние отличаются почти в два раза (5,14 и 9,6 секунды). Но, агрегируя данные по формам описания социальных норм, мы получаем более однородную картину (Табл. 3). Если для среднего арифметического по «сырым» данным видны внешние различия групп, то при очистке от выбросов и сравнении по усеченному среднему становится ясно, что значимые различия в скорости реакции респондентов практически отсутствуют. В обоих случаях отсутствуют и статистически значимые различия. Так, по критерию Краскала–Уоллиса скорости реакции на разные формы описания ситуаций, представленные в Таблице 2, отличаются на уровне значимости лишь 0,68 для «сырых» данных и 0,8 для данных, очищенных от выбросов. В обоих случаях мы должны принять нулевую гипотезу.

Таблица 3

Среднее время, в зависимости от формы описания, в секундах

Форма описания ситуаций	Среднее арифметическое (n=223, m=10)	Усеченное среднее арифметическое (n=201, m=10)
Если, то	10	7,1
Следует...	11,2	7
Большинство...	13,2	7,3

Таким образом, основным результатом эксперимента состоит в том, что когнитивная доступность разных видов социальных норм по классификации, базирующейся на «фокусной теории», не различается, по крайней мере, в рамках массового опроса. Все три логические формы социальных норм оказываются когнитивно эквивалентными с точки зрения скорости их обработки, а значит, доступности для акторов. Отсутствие различий между экспериментальными группами свидетельствует о том, что ни один из трех видов описания социальной нормы не имеет преимуществ в скорости актуализации. Этот результат может быть интерпретирован тремя способами: первый — какие-то логические формы имеют преимущества в доступности, зависящие от разных факторов, но в использованном наборе эти преимущества оказались смешаны в пропорции, обеспечивающей отсутствие различий (такое совпадение представляется маловероятным). Вторая интерпретация заключается в том, что обнаруженное равноправие логических форм социальных норм отражает их самостоятельное существование в сознании членов общества: имплицитивные, предписывающие и дескриптивные нормы актуализируются через независимые механизмы, работающие с одинаковой эффективностью. Третья возможная интерпретация состоит в том, что информация о социальных нормах актуализируется в сознании членов общества в виде, отличающемся от трех рассмотренных в эксперименте форм (например, это может быть невербальное представление действий). Проведенное исследование не позволяет

сделать выбор между второй и третьей интерпретациями, поэтому вопрос о когнитивной форме социальных норм остается открытым. Однако предварительный вывод состоит в том, что ни один из вариантов трехчастной логической классификации описания норм не является единственным.

Хотя этот вывод, безусловно, обладает ограниченной внешней валидностью (прежде всего, в отношении реальных социальных ситуаций, отличающихся от опроса), он полезен для более сложных дизайнов исследования и имеет теоретическое значение. В частности, описанное эвристическое преимущество дескриптивных норм, если и существует, то, вероятно, оказывает не прямое воздействие на конформное поведение. Рассуждение по модели «все не могут ошибаться, я сделаю, как все, и не ошибусь» может упрощать усвоение определенных норм поведения, но скорее всего не образует базовый уровень овладения нормами, так как не дает преимуществ уже сформировавшимся нормам при их актуализации.

Библиографический список / References

- [1] Будон Р. Социальные механизмы без «черных ящиков» // Социология на пороге XXI века / Под ред. С.И. Григорьева. М., 1998 / Boudon R. Sotsialnye mekhanizmy bez “chernykh yashchikov” [Social mechanisms without “black boxes”]. *Sotsiologiya na poroge XXI veka*. Ed. by S.I. Grigoryev. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [2] Alvarez-Benjumea A., Winter F. Normative change and culture of hate: An experiment in online environments. *European Sociological Review*. 2018; 3.
- [3] Burger J.M., Shelton M. Changing everyday health behaviors through descriptive norm manipulations. *Social Influence*. 2011; 2.
- [4] Buunk B.P., Bakker A.B. Extradyadic sex: The role of descriptive and injunctive norms. *Journal of Sex Research*. 1995; 4.
- [5] Chung A., Rimal R.N. Social norms: A review. *Review of Communication Research*. 2016; 4.
- [6] Cialdini R.B., Reno R.R., Kallgren C.A. A focus theory of normative conduct: Recycling the concept of norms to reduce littering in public places. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990; 6.
- [7] Cialdini R.B. The focus theory of normative conduct. *Handbook of Theories of Social Psychology*. Vol. 2. Ed. by P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. London; 2012.
- [8] Elsenbroich C., Gilbert N. *Modelling Norms*. Dordrecht; 2014.
- [9] Horne C. Sociological perspectives on the emergence of social norms. *Social Norms*. Ed. by M. Hechter, K.-D. Opp. New York; 2001.
- [10] Huber P.J. *Robust Statistical Procedures*. Philadelphia; 1996.
- [11] Interis M. On norms: A typology with discussion. *American Journal of Economics and Sociology*. 2011; 2.
- [12] Jacobson R.P., Mortensen C.R., Cialdini R.B. Bodies obliged and unbound: Differentiated response tendencies for injunctive and descriptive social norms. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011; 3.
- [13] Jones T. “We always have a beer after the meeting”: How norms, customs, conventions, and the like explain behavior. *Philosophy of Social Sciences*. 2006; 3.
- [14] Martin J.G. Ideal and typical social norms. *Sociological Inquiry*. 1964; 1.
- [15] Meisel M.K., Goodie A.S. Descriptive and injunctive social norms’ interactive role in gambling behavior. *Psychology of Addictive Behaviors*. 2014; 2.
- [16] Melnyk V., van Herpen E., Fischer A.R.H., van Trijp H.C.M. Regulatory fit effects for injunctive versus descriptive social norms: Evidence from the promotion of sustainable products. *Marketing Letters*. 2013; 2.

- [17] Pollis N.P., Pollis C.A. Sociological referents of social norms. *Sociological Quarterly*. 1970; 2.
[18] Schultz W.P., Khazian A.M., Zaleski A.C. Using normative social influence to promote conservation among hotel guests. *Social Influence*. 2008; 1.
[19] Sumner W.G. *Folkways*. Boston; 1907.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-790-800

Cognitive form of social norms: a survey experiment*

N.S. Babich

Institute of Sociology of the FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: sociolog@mail.ru)

Abstract. In the minds of members of society, social norms can exist in various forms. In their most general form, they are logical rules ‘if, then’. The theoretical framework most often used to study social norms is the “focus theory of normative conduct” which divides this logical rule into two types of norms — descriptive (‘the majority does this’) and injunctive (‘I should do this’). It is not known which of these three possible forms prevails (is most common or fundamental) in the minds of members of society, and this question should be answered empirically, for instance, by measuring the time of reaction to different descriptions of a social norm. If the description corresponds to the cognitive form of the norm, the reaction should be faster, since it takes less time and resources to compare and interpret wordings. The article presents the results of an experimental study of the cognitive accessibility of social norms in mass survey based on the method of ‘split-ballot’ which implies the presentation of different versions of the questionnaire to randomly selected subsamples. The survey consisted of 10 questions about attitudes to social norms in a particular situation: half of situations described a common norm, half — a violation of the norm. Each situation was described in three ways: implication (‘if, then’), common behavior, and imperative. The main measured variable was not the answers but the time for providing them. The results showed no statistically significant differences in timing of reactions to different forms of situation descriptions. Thus, the main result of the study is that three possible cognitive forms of social norms turn out to be equal, with no signs of prevalence or greater fundamentality. This can be explained in two ways: first, each cognitive form can use its own independent mechanism of actualization; second, the true cognitive form can differ from all three (for example, a non-verbal representation of actions). The choice between these two explanations requires further research.

Key words: social norms; normative conduct; descriptive norms; injunctive norms; cognitive accessibility of norms; norm actualization in consciousness

* © N.S. Babich, 2020

The article was submitted on 15.06.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-801-820

Династии и фамилии-бренды в политической сфере постиндустриального общества*

С.А. Барков¹, О.В. Дорохина², А.В. Маркеева¹, А.А. Максимов¹

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Россия, 119234

²Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571
(e-mail: barkserg@live.ru; odorokhina@yandex.ru; arsenii.maksimov@mail.ru;
anna_markeeva@mail.ru)

В период становления современной демократии ее идеологи старались создать механизм управления, как можно меньше напоминавший монархию, тем самым подчеркивая радикальность социально-политических перемен при переходе от доиндустриального к индустриальному обществу. Династическая форма передачи власти во всех ее проявлениях была заклеена как отжившая, неэффективная, попирающая основы народного волеизъявления. В статье показано, что, несмотря на критику, династии широко распространены в современной политике. Семья входит в политику и систему государственной власти в постиндустриальной ипостаси — как бренд, имидж и символ. Переход к постиндустриальному обществу предопределяет изменение отношения к династиям и их роли не только в политике, но и в системах взаимодействий с населением (электоратом). В статье на основе анализа вторичных данных и исследования политических династий в системах управления 17 стран показано, что восприятие политических династий даже в демократической системе начинает меняться. Все чаще политические династии способствуют созданию и расширению социальных сетей, формируя устойчивые политические связи, обеспечивая гендерное представительство и др. Многочисленные проявления династийности в странах с разным уровнем социально-экономического развития (развитые и развивающиеся) и разными типами правления (авторитарные и демократические) обусловлены проникновением маркетингового мышления и технологий в политику. Династии позволяют эффективно использовать потенциал семьи для создания и продвижения политических брендов, формирования устойчивых предпочтений населения в отношении кандидатов или партий, обеспечения политической социализации новых поколений и относительной предсказуемости поведения политиков, проводящих «семейную линию» в решении важных вопросов.

Ключевые слова: политические династии; политический бренд; семейственность; политическая элита; постиндустриальное общество; политическая власть

* © Барков С.А., Дорохина О.В., Маркеева А.В., Максимов А.А., 2020
Статья поступила 13.06.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

Политические династии — неожиданный атрибут постиндустриального общества

В рамках классической либеральной идеологии политическая династийность, семейственность воспринималась как ущербность механизма управления. Идеологи демократии, резонно противопоставляя последнюю монархии, критиковали любые попытки передачи власти родственникам, связывая подобные прецеденты с архаичностью, социально-экономической отсталостью и деспотическими традициями. «Демократия, по сути, предполагает платформу, которая должна обеспечивать людей в стране равным доступом к государственной службе и делать исполнительную и законодательную власть в стране более представительной. Однако, независимо от формы демократии, созданной в стране, институты власти все еще содержат недостатки, которые делают управление прерогативой немногих, как, например, в случае с политическими династиями. Из-за таких недостатков... возникает неравенство в распределении политической власти» [13. С. 127]. Демократический принцип отбора основывается на заслугах и компетентности, а также на рациональном принятии решений и отборе наиболее квалифицированных кандидатов. Выборные органы контролируют качество избираемых должностных лиц, а рыночная конкуренция способствует выдвижению лучших. Вмешательство личных отношений в эти процессы рассматривалось в демократических обществах как девиация (незаконная), которая бросает вызов основам общества [48].

Впрочем, Р. Михельс утверждал, что даже в демократических организациях проявляются «имманентные олигархические признаки»: избранное политическое руководство старается закрепиться у власти посредством семейных связей, что подрывает демократический принцип равных возможностей [5]. В индустриальную эпоху существование политических династий считалось в корне неправильным. В постиндустриальном обществе прецеденты передачи власти родственникам множатся, их перестают стесняться. На основе анализа политических династий в 17 странах (США, Греция, Сингапур, Румыния, Индия, Канада, Япония, Пакистан, Великобритания, Италия, Южная Корея, Филиппины, Индонезия, Аргентина, Франция, Россия и Ливан) и систематизации предшествующих исследований авторы показывают, что проникновение маркетингового мышления и технологий в политическую сферу позволяет использовать династии как инструмент формирования устойчивых политических предпочтений населения.

Политические династии: опыт социологического изучения

В российских исследованиях династийность изучалась как фактор формирования профессиональных групп и как механизм самовоспроизводства группы заводских рабочих. Был проведен ряд исследований заводских династий, династийности в определенных профессиональных группах

(медицинских и инженерных работников, педагогов, представителей творческих профессий), выявивших мотивы выбора профессии в соответствии с семейными традициями, влияние внешних и внутренних (семейных) факторов на формирование профессиональных династий [3; 7; 10]. Например, изучалось влияние госзаказа, рыночной конъюнктуры и престижа профессий на становление династий, влияние семейного климата и процесса социализации на формирование установок в пользу выбора профессии по принципу преемственности [6; 10].

Однако еще три десятилетия назад династии политиков редко оказывались в фокусе внимания социологов и политологов в России и за рубежом [исключения: 15; 24; 25; 35]. В российских исследованиях семейственность в политике рассматривалась преимущественно в контексте изучения формирования и трансформации политической элиты и властвующих групп, в частности, после развала СССР и на рубеже 2000-х годов — семейных связей как способа рекрутирования в политическую элиту [4; 11]. Речь, как правило, шла о клановости российской политической элиты, преимущественно о клиентелизме как основе консолидации политических кланов (в 1990-е — 2000-е годы важнее оказались не семейно-родственные и земляческие, а экономические связи [2; 8; 11]). Этот аспект подробно рассматривался на примере группы политического влияния времен Президента Б.Н. Ельцина, которая получила название «семья». И лишь в последние годы в изучении российских региональных политических и бизнес-элит, а также семейных тандемов в органах федеральной власти исследователи обратили внимание на усиление семейно-родственных связей в сплачивании российского истеблишмента: специалисты анализируют «семейно-родственные айсберги» во властвующей элите, способствующие формированию особого клиентелизма, сочетающего в себе «не просто разнокачественные, но конфликтующие уклады — феодальный и современный, даже постсовременный» [2. С. 37].

В последние годы академический интерес к причинам и последствиям возникновения политических династий растет [21]. Чаще всего это исследования отдельных династий, и значительная их часть посвящена династийности в развивающихся странах с тенденцией к авторитаризму. Авторитарный правитель может привести к власти человека по личному усмотрению, и его выбор будет детерминирован доверием и личным знакомством, а круг семейных, родственных контактов позволяет быстрее находить кандидатов, соответствующих данным критериям.

Однако опыт изучения политических династий в странах с авторитарными (и даже тоталитарными) режимами, показывает, что не все так однозначно. Принципы авторитарного правления предполагают, что только те, кто предан лидеру и доминирующей политической или религиозной идеологии, могут быть назначены на важные управленческие посты. Феодальный принцип «вассал моего вассала — не мой вассал» не нравится современным авторитарным правителям — они создают условия, препятствующие рекрутированию во

власть людей, которые лояльны конкретному бюрократу (должностному лицу), а не верховному лидеру или центральной власти. Учитывая нетерпимость к любой форме разделенной лояльности, авторитарная система может рассматривать кумовство и образование семейных кланов как преступления и жестко за них наказывать. Подобные принципы функционирования авторитарных режимов были представлены во множестве стран и, в частности, в Советском Союзе, особенно во времена Сталина [48].

Сегодня восприятие политических династий даже в рамках демократической системы меняется и перестает быть столь однозначным. Нейтральному понятию «политические династии» может быть придан как отрицательный, так и положительный оттенок. Чаще всего в рамках доминирующей политической традиции оттенок оказывается отрицательным: наличие политических династий именуется кумовством и считается индикатором уровня коррупции. Такого подхода, например, придерживается международная организация Amnesty International, которая реализует традиционные либеральные ценности в своих общественно-политических акциях и в методологии исследований. Если же в политических династиях пытаются увидеть положительное содержание, то говорят о воплощении в политической жизни традиционной ценности семьи, что характерно для развивающихся стран. В традиционной культуре, где семейная преданность сильнее государственной и долг госслужащего перед страной вторичен по отношению к семье (общине), любые действия по расширению возможностей семьи будут считаться законными для должностного лица. Но и в этом случае результатом будет явная несправедливость в распределении социальных статусов, что часто приводит к крушению режимов, культивирующих семейственность из «социокультурных соображений» (например, в Индонезии легитимность режима Сухарто была подорвана огромным богатством его семьи и друзей, обеспеченным политическими связями [45]).

В последние годы Юго-Восточная Азия стала удачным кейсом для отработки инструментария исследований политических династий. Так, на Филиппинах члены политических династий составляют более 40% государственного аппарата (еще недавно в высшем законодательном органе страны члены семейных династий контролировали до 70% мест). Показательные примеры социологического анализа политических династий можно обнаружить в Маниле [13], где на основе результатов местных выборов с 1988 года исследователи построили «индекс политической династии» — количественная мера положения политических семей в органах местной власти на основе весовых коэффициентов горизонтальных и вертикальных отношений между членами семьи. Главный вывод авторов таков: «Необходимо ограничить способы усиления политических династий и династийной паутины власти... Для ослабления вертикальных связей династий нужен законодательный запрет члену семьи сменять высокопоставленного чиновника... Для ослабления горизонтальных связей необходима политика ограничения количества государственных

должностей, которые могут одновременно занимать члены семьи как в исполнительной, так и в законодательной ветвях власти» [13. С. 136].

Следует отметить, что, ссылаясь на культурную самобытность и уважение к традициям в развивающихся странах, западные исследователи склонны нейтрально относиться к существующим там династиям. Но для развитых демократических стран наличие и тем более усиление политических династий воспринимается как нарушение демократических принципов управления. Однако, несмотря на однозначно негативное отношение, «политические династии давно существуют в демократических странах, что вызывает обеспокоенность по поводу неравенства в распределении политических сил, т.е. несовершенства демократической модели» [16. С. 115]. Династии не просто существуют, а «работают» на тех, кто в них состоит, и дети политиков входят в общественную жизнь с явными преимуществами [24; 43]. Так, сыновья конгрессменов добиваются более раннего и большего политического успеха [34]. Причем чем дольше политик находится у власти, тем вероятнее политическое будущее его родственников и наследников, т.е. власть порождает власть [16] — в развитых и развивающихся странах, на национальном и местном уровне [см., напр.: 19; 44; 46; 49].

Именно опыт изучения политических династий в США во многом способствовал изменению отношения к ним в современной политике. Распространенность династий в Конгрессе США выше по сравнению с другими профессиональными областями, что характерно не только для федерального, но и для более низких уровней власти. Например, исследование политических семей штата Луизиана показало, что семья по-прежнему оказывает решающее влияние на политическое рекрутирование: более четверти государственных (на уровне штата) и окружных (на уровне муниципалитетов) чиновников имели, по крайней мере, одного родственника, работавшего ранее в системе органов государственной власти штата; у половины чиновников было два или более родственников, работающих на государственной службе, треть непосредственно «унаследовала» свое положение от родственника [33].

Такая распространенность династий в США (Табл. 1), которые считаются эталоном демократии, способствовала выявлению объективных факторов их существования и позволила увидеть некоторые положительные аспекты династичности. Так, родственник передает политику конкретный капитал — финансовый и политический. Один из факторов, обуславливающий успех династических политиков, заключается в том, что они наследуют политический капитал, который обеспечивает их преимущество на местном уровне — местные политические связи и включенность в местную элиту, поэтому они чаще представляют государство/регион, в котором родились [16]. В силу семейной идентичности начинающий политик наследует славу и влияние предшественника из семьи. Но, самое главное, политические династии, как и династии в иных сферах деятельности, — это особый механизм социализации. Будущий политик растет в среде, способствующей интернализации политических

ценностей, пониманию и мотивации выбора политической карьеры, что помогает лучше усваивать политические знания, формирует более сильную вовлеченность в политику и более высокую склонность участвовать в политике [15; 40; 41]. Родители определяют политические интересы детей особым отношением к политике, родственники могут быть наставниками, которые прокладывают путь для вступления в политический мир [27; 28; 38; 42]. Электоральные преимущества, которыми обладают династические политики, могут трансформироваться в преимущества для их округов [21].

Таблица 1

Примеры политических династий в США

Фамилия	Политик	Должность/годы пребывания в должности
Буш	Прескотт Буш	Сенатор США (1952–1963)
	Джордж Буш-старший, сын Прескотта Буша	Член Палаты представителей Конгресса (1966–1970)
		Председатель Республиканского комитета (1973–1974)
		Директор ЦРУ (1976–1977)
		Вице-президент США (1981–1989)
	Президент США (1989–1993)	
	Джордж Буш-младший, сын Джорджа Буша-старшего	Губернатор Техаса (1995–2000) Президент США (2001–2009)
Джон Эллис (Джеб) Буш, сын Джорджа Буша-старшего	Губернатор Флориды (1999–2007)	
Кеннеди	Джозеф Кеннеди	1-й председатель Комиссии США по ценным бумагам и биржам (1934–1935)
		1-й председатель Морской Комиссии США (1937–1938)
		Посол США в Великобритании (1938–1940)
	Джон Кеннеди, сын Джозефа Кеннеди	Член Палаты представителей (1947–1953)
		Сенатор США (1953–1960)
		Президент США (1961–1963)
	Роберт Кеннеди, сын Джозефа Кеннеди	Генеральный прокурор США (1961–1964) Сенатор США (1965–1968)
	Юнис Мэри Кеннеди Шрайвер, дочь Джозефа Кеннеди	Посол США во Франции (1968–1970)
	Эдвард Кеннеди, сын Джозефа Кеннеди	Сенатор США (1962–2009)
	Джозеф Патрик Кеннеди II, сын Роберта Кеннеди	Член Палаты представителей (1987–1999)
	Джин Энн Кеннеди Смит, дочь Джозефа Кеннеди	Посол США в Ирландии (1993–1998)
	Патрик Джозеф Кеннеди II, сын Эдварда Кеннеди	Член Палаты представителей (1995–2011)
Кэролайн Бувье Кеннеди, дочь Джона Кеннеди	Посол США в Японии (2013–2017)	
Джозеф Патрик Кеннеди III, сын Джозефа Патрика Кеннеди II	Член Палаты представителей (2013–н/в)	
Лонг	Хью Лонг	Губернатор Луизианы (1928–1932)
		Сенатор США (1932–1935)
	Роуз МакКоннелл Лонг, супруга Хью Лонга	Сенатор США (1936–1937)
Эрл Лонг, брат Хью Лонга	Губернатор Луизианы (1939–1940, 1948–1952, 1956–1960)	

Фамилия	Политик	Должность/годы пребывания в должности
	Рассел Лонг, <i>сын Хью Лонга</i>	Сенатор США (1948–1987)
	Джордж Лонг, <i>брат Хью Лонга</i>	Член Палаты представителей (1953–1958)
	Гиллис Уильям Лонг, <i>племянник Хью и Эрла Лонга</i>	Член Палаты представителей (1963–1965, 1973–1985)
	Спиди Лонг, <i>двоюродный брат Гиллис Уильяма Лонга</i>	Член Палаты представителей (1965–1973)
	Джимми Лонг, <i>троюродный брат Хью и Эрла Лонга</i>	Член Палаты представителей (1968–2000)
	Кэтрин Смолл Лонг, <i>супруга Гиллис Уильяма Лонга</i>	Член Палаты представителей (1985–1987)
	Майк Смит, <i>двоюродный брат Джимми Лонга</i>	Сенатор США (1996–2008)
	Джеральд Лонг, <i>брат Джимми Лонга</i>	Сенатор США (2008–н/в)
Тафт	Альфонсо Тафт	Военный министр США (1876)
		Генеральный прокурор США (1876–1877)
	Ройэл Чэпин Тафт, <i>двоюродный брат Уильяма Говарда Тафта I</i>	Губернатор Род-Айленда (1888–1889)
	Чарльз Фелпс Тафт I, <i>сын Альфонсо Тафта</i>	Член Палаты представителей (1895–1897)
	Уильям Говард Тафт I, <i>брат Чарльза Фелпса Тафта I</i>	Военный министр США (1904–1908)
		Президент США (1909–1913)
		Председатель Верховного суда (1921–1930)
	Роберт Альфонсо Тафт-старший, <i>сын Уильяма Говарда Тафта I</i>	Сенатор США (1939–1953)
	Кингсли Артер Тафт, <i>дальний родственник Уильяма Говарда Тафта I</i>	Сенатор США (1946–1947)
	Эзра Тафт Бенсон II, <i>дальний родственник Уильяма Говарда Тафта I</i>	Министр сельского хозяйства (1953–1961)
Роберт Альфонсо Тафт-младший, <i>сын Роберта Альфонсо Тафта-старшего</i>	Сенатор США (1971–1976)	
Роберт Альфонсо Тафт III, <i>сын Роберта Альфонсо Тафта-младшего</i>	Губернатор Огайо (1999–2007)	
Юдалл	Джон Хант-Юдалл	Мэр Финикса (1936–1938)
	Николас Юдалл, <i>сын Джона Хант-Юдалла</i>	Мэр Финикса (1948–1952)
	Стюарт Ли Юдалл, <i>дальний родственник Николаса Юдалла</i>	Член Палаты представителей (1955–1961)
		Министр внутренних дел (1961–1969)
	Моррис Кинг Юдалл, <i>брат Стюарта Ли Юдалла</i>	Член Палаты представителей (1961–1991)
	Гордон Смит, <i>дальний родственник Марка Юдалла</i>	Сенатор США (1997–2009)
	Том Юдалл, <i>сын Стюарта Ли Юдалла</i>	Член Палаты представителей (1999–2009)
Сенатор США (2009–н/в)		
Марк Юдалл, <i>сын Морриса Кинг Юдалла</i>	Член Палаты представителей (1999–2009)	

В постиндустриальном обществе важную роль играют социальные сети — они не только концентрируют социальный потенциал, но и создают новые возможности. Политические династии сегодня — один из способов успешно создавать и расширять сети, формируя устойчивые политические связи между семьями чиновников и другими семьями, которые имели или

имеют «политический опыт». В Америке самая крупная из сетей включает в себя 122 семьи со 107 чиновниками из нескольких штатов [33].

Положительным эффектом политических династий является то, что они могут содействовать «гендерной представительности» в органах власти [20; 26]. Многие женщины-политики в США и других странах впервые вступили в политическую жизнь, когда их мужья умерли в должности, — это явление получило название «преемственность вдовы» [29]. Например, введение ограничений срока полномочий филиппинской Конституцией на все выборные должности после революции 1986 года привело к более высокому уровню представительства женщин в местных исполнительных органах только для династических женщин [36].

Отдельный блок исследований посвящен соотношению веса династий в политических системах и эффективности управления. Эти исследования пытаются математически подтвердить гипотезу, что наличие династий снижает эффективность управления, но сталкиваются с проблемой разведения причин и следствий. Связь между наличием династий и эффективностью управления крайне сложна. Например, на Филиппинах быстрые темпы экономического роста в столичном регионе свидетельствует не столько о компетентности центрального аппарата госуправления, сколько о недостаточной эффективности работы чиновников местных органов власти в провинциях. При этом относительная изоляция отдаленных провинций дает политическим династиям некоторую свободу от политической конкуренции, тем самым позволяя консолидировать власть и обеспечивать выживание независимо от результатов работы [39].

Исследования политических династий в странах с разными политическими режимами показывают, что хотя наследование политической власти считается недемократичным, демократические процессы допускают существование многочисленных политических династий. В постиндустриальном обществе прецеденты передачи власти родственникам множатся. Даже в оплоте современного демократического мира — США — во главе государства в течение 12 лет (с перерывом) стояли представители одной семьи — Бушей. Представителями политических династий являются многие руководители демократических государств: премьер-министр Джастин Трюдо в Канаде, Президент Южной Кореи Пак Кын Хе, премьер-министр Японии Абэ Синдзо и др. Интересным европейским примером является бывший премьер-министр Бельгии и первый Президент ЕС Херман ван Ромпей, чья жена, брат, сестра и два сына также политики. Безусловно, больше всего династий в развивающихся странах, таких как Филиппины (более 40% политиков на национальном уровне), и в малых демократиях, таких как Исландия (более 30%), меньше всего — в крупных развитых демократиях, например, в Германии и Канаде (менее 5%). Можно обозначить общую тенденцию — усиление значимости родственного статуса и укрепление роли политических династий в постиндустриальном обществе (Табл. 2).

Примеры династий среди глав государств

Страна	Фамилия	Политик	Должность/годы пребывания в должности
Греция	Венизелос	Элефтериос Кириаку Венизелос	Член Либеральной партии
			Министр юстиции в правительстве Крита (1905)
			Премьер-министр (1910–1933 с перерывами)
		Софоклис Венизелос, сын Элефтериоса Кириаку Венизелоса	Был избран в руководящий комитет Партии либералов (1936)
			Премьер-министр (1944–1951 с перерывами)
			Заместитель председателя партии либералов (1945)
			Министр без портфеля (1946)
			Вице-премьер, военный министр, министр здравоохранения, авиации, без портфеля (1947)
			Председатель партии либералов (1948)
			Вице-премьер, министр иностранных дел (1951–1952)
	Мицотакис	Константинос Мицотакис, племянник Элефтериоса Кириаку Венизелоса	Председатель партии «Новая Демократия» (1951)
			Глава партии «Апостасии» (1960-е)
			Партия «Апостасии» вступила в партию «Новая Демократия» (1978)
			Премьер-министр (1990–1993)
		Феодора (Дора) Бакояни, дочь Константиноса	Министр культуры (1990)
			Мэр Афин (2002)
			Министр иностранных дел (2006–2009)
		Мицотакиса	Основатель партии «Демократический альянс» (2020)
		Кириакос Мицотакис, сын Константиноса Мицотакиса	Депутат парламента (2004)
			Министр административных реформ и электронного управления (2013–2015)
	Президент партии «Новой демократии» (с 2016)		
	Лидер оппозиции (2016–2019)		
	Премьер-министр (2019-н/в)		
	Деятель основанной в 1910 году Либеральной партии		
	Папандреу	Георгиос Папандреу (старший)	Управляющий островом Лесбос (номарх) (1915)
			Генерал-губернатор острова Хиос (1917–1920)
			Министр внутренних дел (1923)
			Министр финансов (1925)
			Министр образования (1930–1932)
			Министр транспорта (1933)
			Депутат парламента от Либеральной партии (с 1926)
			Организовал Демократическую партию (1935)
			Премьер-министр (1944–1965 с перерывами)
			Андреас Георгиос Папандреу, сын Георгиоса Папандреу
		Госминистр (при отце премьер-министре) и заместитель министра координации (1964)	
		Основал Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК) (1974)	
Премьер-министр (1981–1996 с перерывом)			
Георгиос Папандреу (младший), сын Андреаса Георгиоса Папандреу		Депутат парламента (с 1981)	
		Избран в Центральный Комитет ПАСОК (1984)	
		Заместитель статс-секретаря при министерстве культуры (1985)	
		Министр образования, министр по делам религии (1988–1996 с перерывом)	
		Заместитель министра иностранных дел (1993–1999 с перерывом)	
		Министр иностранных дел (1999–2010 с перерывом)	
		Губернатор Афона (1999–2010 с перерывом)	
	Председатель ПАСОК (2004)		
	Премьер-министр (2009–2011)		

Страна	Фамилия	Политик	Должность/годы пребывания в должности			
Сингапур	Ли	Ли Куа́н Ю	Основал умеренную социал-демократическую «Партию народного действия (ПНД)» (1954)			
			Премьер-министр (1959–1990)			
			Старший министр (1990–2004)			
			Министра-ментор (наставник) (2004–2011)			
		Ли Сянь Лун (Ли Сяньлун), сын Ли Куа́н Ю	Депутат от партии Народное действие (ПНД) (1984)			
			Вошел в состав ЦИК партии ПНД, был избран вторым помощником генерального секретаря ПНД и заместителем председателя исполкома штаба ЦИК ПНД (1986)			
			Руководил молодежным крылом партии ПНД (конец 1980-х — начало 1990-х)			
			Заместитель премьер-министра (1990–2004)			
			Курировал министерство промышленности и торговли и оборонное ведомство (1994)			
			Председатель валютно-финансового управления (1998)			
			Министр финансов (2001–2007)			
			Премьер-министр (2004 – н/в)			
			Канада	Трюдо	Жозеф Филипп Пьер Ив Эллиотт Трюдо	Советник премьер-министра по экономике (1949–1951)
						Вступил в Либеральную партию (1965)
Министр юстиции (1967)						
Генеральный прокурор (1967)						
Министр юстиции и Генеральный прокурор (1967–1968)						
Лидер либеральной партии (1968)						
Премьер-министр (1968–1979)						
Лидер официальной оппозиции (1979–1980)						
Джа́стин (Жюстен) Пьер Джеймс Трюдо, сын Жозефа Филиппа Пьера Ив Эллиотта Трюдо	Член Палаты общин от округа в Квебеке (с 2008)					
	Лидер Либеральной партии (с 2013)					
Филиппины	Акино	Сервильяно Акино-и-Агилар	Мэр города Мурсия (1896–1898)			
			член Конституционной ассамблеи Филиппин			
		Бенигно Симеон «Игно» Акино-старший), сын Сервильяно Акино-и-Агилара	Член палаты представителей парламента Филиппин от 2-го округа Тарлака (1919–1938 с перерывами)			
			Сенатор (1928–1934)			
			Министр сельского хозяйства и торговли (1938–1941)			
			Спикер Национальной ассамблеи (парламента) (1943)			
		Бенигно Симеон «Ниной» Акино-младший, сын Бенигно Симеона «Игно» Акино-ст.	Мэр Концепсьона (1955–1959)			
			Губернатор провинции Тарлак			
		Мария Корасон Кохуангко-Акино, супруга Бенигно Симеона «Ниной» Акино-мл.	Сенатор (1967)			
			Президент (1986–1992)			
		Бенигно Симеон Кохуангко Акино III, сын Бенигно Симеона «Ниной» Акино-младшего и Марии Корасон Кохуангко-Акино	Член Палаты представителей от 2-го избирательного округа Тарлака (1998–2007)			
			Вице-спикер Палаты представителей (2004–2006)			
			Сенатор (2007–2010)			
			И.о. министра внутренних дел и местного самоуправления (2010)			
Президент (2010–2016)						

Страна	Фамилия	Политик	Должность/годы пребывания в должности
Ливан	Жмайель	Шейх Пьер Жмайель	Основатель и бессменный лидер правохристианской партии «Катаиб» («Ливанские фаланги») (1936–1984)
			Министр здравоохранения (1958–1960)
			Министр общественных работ (1960, 1970)
			Министр финансов (1960–1961, 1968)
			Министр внутренних дел (1966, 1968–1969)
		Министр туризма (1968–1969)	
		Женевьева Жмайель, супруга Шейха Пьера Жмайель	Публичный политик, член партии Катаиб
		Башир Пьер Жмайель, сын Шейха Пьера Жмайель	Член партии Катаиб (с 1962)
			Инспектор (командир) вооруженных формирований Катаиб, участник войны (1971–1990 с перерывами)
			Член политбюро партии Катаиб и руководитель партийного Совета по безопасности (1981–1982)
			Член Совета национального спасения (1982)
			Президент (1982)
		Амин Пьер Жмайель, сын Шейха Пьера Жмайель	Член партии Катаиб (с 1961)
			Член Политбюро Катаиб (1976–1982)
			Командующий войсками (с 1975)
			Президент (1982–1988)
			Почетный председатель партии Катаиб (2005–2007)
Пьер Амин Жмайель, сын Амина Жмайеля	Председатель партии Катаиб (2007–2015)		
	Министр обороны (1996–2000)		
	Министр труда и социальной политики (2002–2004)		
Сами Жмайель, сын Амина Жмайеля	Министр промышленности (2004–2006)		
	Возглавил студенческую ячейку Катаиб (1999)		
	Возглавил молодежную и студенческую организацию, координатор Центрального комитета Катаиб (2006)		
Надим Башир Жмайель, сын Башира Жмайеля	Председатель партии Катаиб (2015–н/в)		
	Член партии Катаиб, депутат парламента (с 2009)		
Соланж Жмайель, вдова Башира Жмайеля	Член партии Катаиб		
	Вступила в партию Катаиб (1964)		
Джойс Жмайель, вдова Амина Жмайеля	Основала и возглавила Фонд Башира Жмайеля		
	Член партии Катаиб		
Юмна Жмайель, дочь Башира и Соланж Жмайелей	Член партии Катаиб		
Мурис Жмайель, двоюродный брат Пьера Жмайеля	Ливанский парламентарий, активист партии «Катаиб»		

Фамилия как бренд в эпоху постмодернизации общества

На доиндустриальной стадии семья конституировала важнейшую общность, определяющую и особенности политических процессов. Сословный принцип (от индийский каст до феодального устройства в Европе) основывался

на том, что положение индивида в системе общественных отношений определялось принадлежностью к семье — исключения не разрушали устойчивую иерархическую систему соподчинения семей. Кроме того, семья выполняла в доиндустриальном мире важнейшую функцию — механизма передачи традиций. Традиция — это иррациональная передача опыта от поколения к поколению: она не отвечает на вопросы «зачем?» или «почему?», а говорит, как следует выполнять действия, основываясь на прошлом опыте. Для формирования традиционного сознания необходима иррациональная власть отца в семье, которая позволяет формировать и воспроизводить алгоритмы поведения и восприятия социальной реальности. Таким образом, в доиндустриальном обществе с его установками на стабильность и повторяемость семья выступала базисом «управленческих технологий» на макро- и микроуровнях [1]. Так, монархия — семейная форма государственного управления, чьи достоинства — стабильность и преемственность: наследник воспитывается как продолжатель дела отцов и противник революционных изменений.

Переход к индустриальной стадии был сопряжен с радикальной трансформацией социальных процессов и всех сфер жизнедеятельности, которая изменила весь облик общества всего за два столетия — ничтожный по историческим меркам период. Пришедшая на смену доиндустриальной стадии эпоха модерна (рационализации) отрицала традиционный уклад и реализовывала многочисленные модернистские проекты (от либерального до коммунистического). Семья здесь воспринималась как архаичный институт, препятствие для рационализации общественной жизни и реструктурирования социальной системы. Наибольшим радикализмом по отношению к семье и монархии отличался коммунистический проект: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый „семейный очаг“ — то есть архаическое, затхлое и косное учреждение... Место семьи... должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания» [9. С. 121].

Монархическая форма правления была признана отжившей. основоположники современной демократии определяли монархию как препятствие для общественного развития и узурпацию одним человеком (семьей) власти. Многие века главным оправданием монархии была религия, постулирующая ее божественное происхождение. В условиях активной критики религии и церкви монархия теряла легитимность, и возник риторический вопрос: неужели представители только одной семьи — способные, честные и дальновидные государственные управленцы? Возникло меткое высказывание: «Монархия — идеальная форма правления, если бы не случайность рождения». С рациональных позиций обществом должны управлять наиболее способные и талантливые, но они не могут сосредоточиться в одной семье. Поэтому демократическая форма правления до последнего времени способствовала нивелированию «семейственности» в политике: выступая в качестве противоположности монархии, демократия должна была пресекать попытки династической передачи власти;

принципы формирования правящей элиты в рамках эффективно действующей демократии исключают использование семейного «административного ресурса» и устраняют препятствия для талантливых людей попасть в высшие эшелоны власти. Ученые и политики либерального толка признают возможность сохранения семейной формы правления только в виде конституционной монархии, где династия не нарушает демократические, не связанные с семейственностью принципы управления.

Таким образом, ничего не указывало на возможность возрождения семейных принципов управления в век высоких технологий, где семья рассматривалась как консервативный и нерациональный инструмент управления. Но, как часто бывает в истории человечества, новые обстоятельства заставляют взглянуть по-новому на оставшиеся в далеком прошлом феномены. Переход к постиндустриальному обществу, экономической основой которого выступают информация и знания, связан с оперированием символами — от логически выверенных математических формул до имиджей, основанных на легендах и мифах. Особую значимость здесь обретают бренды, подчас перекрывающие по стоимости материальное богатство организации и становящиеся главными ориентирами в выборе товаров и услуг.

Постиндустриальное богатство теряет свою материальную основу [1]. Например, глобальная корпоративная стоимость (мировых публичных компаний) в 2019 году составляла 104,5 триллиона долларов США и своим приростом в последние годы обязана нематериальным активам, глобальная стоимость которых увеличивается не менее чем на 8% в год. Нематериальные и материальные активы имеют почти равнозначный вес в стоимости современных организаций: 52% глобальной стоимости формируется материальными, 48% — нематериальными активами. Так, 90% стоимости компании Microsoft (\$ 904 млрд) и 93% стоимости компании Amazon (\$ 839 млрд) в 2019 году приходилось на нематериальные активы [22]. В целом прирост стоимости компаний обеспечивает маркетинг (успешное бренди́рование, эффективные способы взаимодействия с целевыми сегментами, устойчивые контракты, франшизы и т.д.). Причем это касается не только флагманов новой экономики, классических индустрий — банковского, промышленного, фармацевтического и других секторов.

Социальное, экономическое и культурное значение, которые обретают бренды в эпоху постмодерна, обусловлено, прежде всего, феноменом сверхрационализации, который символизирует кризис индустриального общества и эпохи модерна. Люди исследовали разные стороны бытия, создали множество формул, моделей, закономерностей и законов. Казалось бы, пространство вокруг человека должно стать понятнее, и образованный человек должен быть в состоянии принимать рациональные решения. Однако развитие научных принципов познания не сделало мир проще, а, наоборот, усложнило — в нем стало трудно ориентироваться. И, как и тысячелетия назад, способом навигации в постоянно усложняющемся и изменяющемся социальном

пространстве стали мифы, истории и легенды, но только в соответствующей духу эпохи, постмодерной ипостаси брендов. Они стали надежным, иногда единственным навигатором в выборе продуктов, служат путеводными звездами для человечества в эпоху постмодерна.

В этом проявляется парадокс рационализации: несмотря на рост потребительской грамотности (большинство обладает знаниями и навыками, чтобы разобраться в свойствах товара или услуги, владеет информационными технологиями, позволяющими сравнить характеристики товаров или услуг), решающим фактором выбора становится бренд, точнее легенда, миф, положенный в его основу. В свое время В.И. Ленин разоблачал эмпириокритиков за их лозунг «мы живем в мире ощущений», но в постмодерном обществе этот лозунг реализовался. Бесконечное стремление человека к новым ощущениям привело к тому, что главным экономическим предложением становятся впечатления: потребители покупают не товар, а его имидж, голосуют не за политика, а за его имидж. Люди потребляют комплекс впечатлений (нечто глубоко личное, что затрагивает их на эмоциональном, интеллектуальном, духовном уровне) — как в экономике, так и в политике. Как и при выборе товара, избиратель не анализирует программу партий или отдельных политиков, а выбирает бренд, прежде всего фамилию. По всему миру идет процесс наделения категорий родства и семьи новой нормативной логикой и социально-организующей ролью: семья — механизм «социо-символического структурного позиционирования в запутанном созвездии альянсов» [18. С. 104].

Продвижение фамилий-брендов в современной политике

В политической сфере, как и в экономике, специалисты осознают важность брендов. Фамилия — это бренд, значит, ее нужно поддерживать, используя родственников, носящих ту же фамилию. Сила фамилии-бренда была косвенно подтверждена региональными выборами во многих странах — когда регистрировались однофамильцы кандидатов-фаворитов и оттягивали некоторое количество голосов [37]. Сегодня инвестиции в фамилии политиков — многомиллиардная индустрия, и семейная принадлежность в некоторых случаях — уже бренд, поскольку семьи могут передавать «человеческий капитал» или «символические семейные поместья» [17; 35]. Семьи с традицией государственной службы развивают признание имени, доброжелательность и специфические навыки (например, держаться на людях, вести переговоры) — то, что можно передать родственникам. Иногда такое наследство является явным и осознанным, а в других случаях его передача может носить скрытый и подсознательный характер [33].

Управленческие технологии использования семьи как бренда разнообразны. В некоторых случаях такой подход может снижать затраты на продвижение политиков аналогично выведению нескольких товаров под одной торговой маркой (например, можно предположить, что затраты на продвижение польских политиков братьев Качинских были ниже, чем потребовалось для

проведения кампаний двух политиков с разными фамилиями). Первые работы в области политического маркетинга, раскрывающие потенциал использования маркетинговых инструментов для создания и продвижения брендов политиков и партий, принадлежат Ф. Котлеру. Еще в конце 1970-х годов, рассматривая американские выборы, он справедливо отмечал, что их задача — «погружение американцев раз в четыре года в иллюзию, что они управляют страной и делают выбор из людей, которые хотят управлять страной для них» [31. С. 761], хотя кандидаты в президенты — «товар» (коммодифицируются), и их успех в конкурентной гонке во многом предопределен качеством используемых маркетинговых технологий [32].

В последние годы в научном сообществе все чаще высказывается негативное отношение к политическому маркетингу, который трансформирует политику из «стремления к общему видению справедливого и благородного в частную и часто иррациональную прихоть консьюмеризма» [23. С. 166]. Разделяя опасения о деструктивном характере расширения маркетингового мышления и технологий в политической сфере, когда чрезмерная зависимость от брендинга превращает политика в симулякр, «имидж национального бренда», «имиджевую модель кандидата» [50. С. 127], следует все же признать, что маркетинговые инструменты не просто эффективно работают в этой сфере, но расширяются и совершенствуются. Так, в последние годы ведутся дискуссии о необходимости разработки полного маркетингового комплекса для кандидата/партии вместо использования отдельных коммуникативных мероприятий, об эффективности платформ- и кандидат-центрированного маркетинга, о поиске новых моделей дифференциации, так как именно «дифференциаторы бренда» (культурные, социальные и психологические ассоциации) определяют выбор кандидатов [14; 47; 50].

В целом процесс создания и продвижения политического бренда (политика, партии) аналогичен с точки зрения стадий и значимых компонентов брендингу товаров и услуг. Наиболее важный компонент — формирование имиджа бренда как «совокупности убеждений, идей, мыслей, чувств и впечатлений, которые человек имеет относительно объекта» [30. С. 324] и которые, закрепляясь как «совокупность ассоциаций, организованных в осмысленной форме» [12. С. 212], определяют ключевые эффекты брендинга — узнавание бренда и предпочтительность выбора благодаря доверию. Имидж бренда сформирован, когда воспринятая информация о нем может храниться в памяти и воспроизводиться. Политические династии облегчают процесс узнавания и обеспечивают вхождение бренда в повседневную жизнь потребителя, преобразуя легкость узнавания и воспоминания бренда в доверие к нему.

Деятельность любого политика неоднозначна. В отличие от товара, выполняющего конкретную функцию, политик как бы проживает со своими избирателями или с народом, которым он управляет, часть жизни. За время политической карьеры у любого политика неизбежно бывают неудачи, поэтому наследнику фамилии не нужно четко продолжать дело родственника-

предшественника (например, Марин Ле Пен возглавила партию отца и отстаивает его идеологию) — важно не противоречить тому, что делали или делают родственники. Сама узнаваемость фамилии может дать существенный плюс на фоне других кандидатов, даже если ее обладатель не будет прямым продолжателем «семейной» политической линии, а будет работать в другой сфере, провозглашать иные лозунги, инициировать новые проекты. Важна узнаваемость, а не связь фамилии с конкретными делами. Фамилия становится маркером, отличающим представителя династии от других политических деятелей. А узнаваемость фамилии в династии задана по определению и не требует существенных маркетинговых и PR-усилий.

Аналогии политических брендов с брендами товаров можно продолжать. Например, важнейший закон маркетинга — оригинальность бренда [46]: с одной стороны, существенный эффект от создания династии дают только необычные фамилии политиков (распространенные фамилии не могут обеспечить столь же мощное преимущество бренда, как запоминающиеся); с другой стороны, женщины с большей вероятностью используют фамилию мужа в политических целях, когда выходят замуж за человека с признанной фамилией (связанной с кем-то, занимавшим важный политический пост в прошлом), и с меньшей вероятностью используют фамилию мужа, когда признается их фамилия, т.е. очевидна реальная политическая выгода от выбора «правильной» фамилии при выходе на политическую арену.

Бренды-фамилии могут быть созданы на региональном (органы власти разного уровня) и отраслевом уровне (разные министерства и их подразделения). В некоторой степени глобализация также может повысить значимость семьи как бренда. Активное включение в политическую и экономическую жизнь стран, в которых доиндустриальные традиции семейного управления все еще сильны (в основном страны арабского Востока), тоже повышает роль семейных династий на мировой политической арене. Однако глобализация конституирует не только общность, но и разнообразие подходов к династичности. Так, признанию фамилии брендом способствует политическая система, ориентированная на личности, например, в США и Филиппинах. В том случае, если более важную роль играют не личности, а партии, имя политика менее значимо, например, в Великобритании и Норвегии [19]. Выбор платформ- или кандидат-центрированного маркетинга обусловлен ситуацией «покупки» (иногда бренд товара менее важен, чем бренд магазина, где он приобретается): если бренд политика конкурирует с брендом партии, то, в зависимости от ситуации, избиратель может ориентироваться либо на то, либо на другое.

Социология всегда пыталась выявить рациональные основы поведения людей. Когда это не удавалось, ученые могли выбирать позицию: либо признать тот элемент общественной жизни, который не укладывался в каноны рациональности, неэффективным, абсурдным и недостойным существования;

либо определить новые подходы к рациональному поведению и новые точки зрения на цели людей. Отношения в семье редко можно назвать рациональными в привычном смысле слова, поэтому оценка семейственности в разных сферах жизни всегда была неоднозначной. Например, в экономике для одних семейный бизнес — эффективная форма хозяйствования, основанная на высоком уровне доверия, для других — недоразвитый корпоративный бизнес, имеющий множество проблем во взаимоотношениях между теми, кто входит в семью владельца, и сторонними работниками.

Подобное двойное отношение имеет место и в политике: династиям отказывали в праве на существование вследствие их нерациональности и нарушения основ демократии — эта традиция доминировала в индустриальную эпоху классического рационализма, когда люди стремились определить однозначные и легко объяснимые связи между явлениями, их причинами и следствиями. В эпоху постмодерна оформилась иная точка зрения — обоснование рациональности династий с маркетинговых позиций: выбрать из похожих кандидатов на «политическом рынке» так же сложно, как и на рынке похожих товаров, а бренды облегчают выбор. Политик может стать узнаваемым в результате долгой политической карьеры и своих свершений, но для этого требуется время, да и дела его могут быть по-разному восприняты разными категориями избирателей. Человек из династии с фамилией-брендом изначально узнаваем для избирателя, а узнаваемость является первым шагом к формированию желания голосовать «за», и на ее обретение можно потратить годы и миллионы. К этому базовому фактору рациональности политических династий добавляется множество дополнительных: социализация в семье политиков; преодоление стереотипов (в первую очередь гендерных), мешающих избирателям делать правильный выбор; использование связей предыдущих поколений политиков. Все это обеспечило не только выживание, но и укрепление политических династий в современных условиях, невзирая на сдерживающие династийность мифологемы демократии.

Библиографический список / References

- [1] Барков С.А., Дорохина О.В. Семейственность как социально-управленческая категория: исторический аспект // Социология. 2010. № 3 / Barkov S.A., Dorokhina O.V. *Semeystvennost kak sotsialno-upravlencheskaya kategoriya: istorichesky aspekt* [Familiality as a social-management category: A historical aspect]. *Sociologiya*. 2010; 3 (In Russ.).
- [2] Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Политические исследования. 2012. № 4 / Gaman-Golutvina O.V. *Metafizika elitnykh transformatsiy v Rossii* [Metaphysics of elite transformations in Russia]. *Political Studies*. 2012; 4 (In Russ.).
- [3] Колесникова Е.М. Инженерные династии и перспективы профессиональной биографии студентов инженерных вузов // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1 / Kolesnikova E.M. *Inzhenernye dinastii i perspektivy professionalnoy biografii studentov inzhenernykh vuzov* [Engineering dynasties and prospects of professional biography for students of engineering universities]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2018; 24 (1) (In Russ.).
- [4] Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005 / Kryshtanovskaya O.V. *Anatomiya rossiiskoi elity* [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow; 2005 (In Russ.).

- [5] Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социологические исследования. 2000. № 1 / Michels R. Demokraticheskaya aristokratiya i aristokraticheskaya demokratiya [Democratic aristocracy and aristocratic democracy]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2000; 1 (In Russ.).
- [6] Посухова О. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность // Власть. 2013. № 12 / Posukhova O. Professionalnaya dinastiya kak rezultat semeynykh strategiy: inertiya ili preemstvennost [Professional dynasty as a result of family strategies: Inertia or continuity]. *Vlast*. 2013; 12 (In Russ.).
- [7] Ткач О. Заводские династии в современных рыночных условиях // Человек и труд. 2007. № 12 / Tkach O. Zavodskie dinastii v sovremennykh rynochnykh usloviyakh [Factory dynasties in the contemporary market conditions]. *Chelovek i Trud*. 2007; 12 (In Russ.).
- [8] Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто нами правит? // Социологические исследования. 1999. № 11 / Toshchenko Zh.T. Elita? Klany? Kliki? Kak nazvat tekh, kto nami pravit? [Elite? Clans? Clicks? What is the names of those who rule?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1999; 11 (In Russ.).
- [9] Троцкий Л. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет. М., 1991 / Trotsky L. *Predannaya revolyutsiya. Chto takoe SSSR i kuda on idet* [Devoted Revolution. What is the USSR and Where it Goes]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [10] Шаманин Н.В., Лапшин В.Е. Особенности профессионального самоопределения в различных типах семей (на материале династий) // Вестник КГУ. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2 / Shamaninin N.V., Lapshin V.E. Osobennosti professionalnogo samoopredeleniya v razlichnykh tipakh semey (na materiale dinastiy) [Features of professional self-identification in different types of families (on the example of dynasties)]. *Vestnik KGU. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2019; 2 (In Russ.).
- [11] Шкаратан О.И. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контекстах // Мир России. 2011. № 4 / Shkaratan O.I. Rossiyskaya “psevdoelita” i ee identifikatsiya v mirovom i natsionalnom kontekstakh [Russian ‘pseudo-elite’ and its identification in the global and national context]. *Mir Rossii*. 2011; 4 (In Russ.).
- [12] Aaker D. *Managing Brand Equity*. New York; 1991.
- [13] Balanquit R.T., Lianca P.C., Yambao J.Y. Measuring political dynasties in Metro Manila. *Philippine Review of Economics*. 2017; LIV (1).
- [14] Bennett W.L., Lagos T. Logo logic: The ups and downs of branded political communication. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2007; 611.
- [15] Clubok A.B., Wilensky N.M., Berghorn F.J. Family relationships, congressional recruitment, and political modernization. *Journal of Politics*. 1969; 31 (4).
- [16] Dal Bo E., Dal Bo N.P., Snyder J. Political dynasties. *Review of Economic Studies*. 2009; 76.
- [17] Farber B. *Kinship and Class: A Midwestern Study*. New York; 1971.
- [18] Felman S. *Jacques Lacan and the Adventure of Insight: Psychoanalysis in Contemporary Culture*. Cambridge; 1987.
- [19] Fiva J.H., Smith D.M. Political dynasties and the incumbency advantage in party-centered environments. *American Political Science Review*. 2018; 112 (3).
- [20] Folke O., Persson T., Rickne J. Dynastic political rents? Economic benefits to relatives of top politicians. *Economic Journal*. 2017; 127.
- [21] Geys B., Smith D.M. Political dynasties in democracies: Causes, consequences and remaining. *Economic Journal*. 2017; 127.
- [22] Global Intangible Finance Tracker. Report 2019. URL: https://brandfinance.com/images/upload/gift_2.pdf.
- [23] Hennenberg S., Scammell M., Shaughnessy N.J. Political marketing management and theories of democracy. *Marketing Theory*. 2009; 9.
- [24] Hess S. *America’s Political Dynasties: From Adams to Kennedy*. New York; 1966.

- [25] Ishibashi M., Reed S.R. Second-generation diet members and democracy in Japan: Hereditary seats. *Asian Survey*. 1992; 32 (4).
- [26] Jalalzai F. *Shattered, Cracked, or Firmly Intact? Women and the Executive Glass Ceiling Worldwide*. New York; 2013.
- [27] Kearney R.N. The mentor in the commencement of a political career: The case of Subhas Chandra Bose and C.R. Das. *Journal of Political and Military Sociology*. 1984; 12.
- [28] Kellerman B. Mentoring in political life: The case of Willy Brand. *American Political Science Review*. 1978; 72.
- [29] Kincaid D.D. Over his dead body: A positive perspective on widows in the US Congress. *Western Political Quarterly*. 1978; 31 (1).
- [30] Kotler P., Keller R. *Marketing Management*. Pearson Education Limited; 2016.
- [31] Kotler P. Overview of political candidate marketing. *Advances in Consumer Research*. 1975; 2.
- [32] Kotler P., Levy S. Broadening the concept of marketing. *Journal of Marketing*. 1969; 33.
- [33] Kurtz II Donn M. The political family: A contemporary view. *Sociological Perspectives*. 1989; 32 (3).
- [34] Laband D.N., Lentz B.F. Favorite sons: Intergenerational wealth transfers among politicians. *Economic Inquiry*. 1985; 23.
- [35] Laband D.N., Lentz B.F. Like father, like son: Toward an economic theory of occupational following. *Southern Economic Journal*. 1983; 50 (2).
- [36] Labonne J., Parsa S., Querubin P. *Political Dynasties, Term Limits and Female Political Empowerment: Evidence from the Philippines*. New York; 2016.
- [37] Lahut J. There are two Ben Hansons running for seats in North Dakota's Legislature, and they look nearly identical. 21.05.2020. URL: <https://www.businessinsider.com/north-dakota-state-rep-ben-hanson-candidates-share-name-and-looks-2020-5>.
- [38] Levinson D.J. *The Seasons of a Man's Life*. New York; 1978.
- [39] Mendoza R.U., Beja E.L.Jr., Venidab V.S., Yapa D.B. Political dynasties and poverty: Measurement and evidence of linkages in the Philippines. *Oxford Development Studies*. 2016; 44 (2).
- [40] Mills C.W. *The Power Elite*. New York; 1959.
- [41] Moore S.W., Lace J., Wagner K.A. *The Child's Political World: A Longitudinal Perspective*. New York; 1985.
- [42] Parker G.R. *Congress and the Rent-Seeking Society*. Ann Arbor; 1996.
- [43] Prewitt K. *The Recruitment of Political Leaders: A Study of Citizen Politicians*. Indianapolis; 1970.
- [44] Querubin P. Families and politics: Dynastic persistence in the Philippines. *Quarterly Journal of Political Science*. 2016; 11 (2).
- [45] Robertson-Snape F. Corruption, collusion and nepotism in Indonesia. *Third World Quarterly*. 1999; 20 (3).
- [46] Rossi M.A. Self-perpetuation of political power. *Economic Journal*. 2017; 127.
- [47] Scammell M. Political brands and consumer Citizens: The rebranding of Tony Blair source. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2007; 611.
- [48] Shlapentokh V., Woods J. Feudal America. *Personal Relations in American Politics and Business: A Feudal Phenomenon Elements of the Middle Ages in Contemporary Society*. Pennsylvania State University; 2011.
- [49] Van Coppenolle B. Political dynasties in the UK House of Commons: The null effect of narrow electoral selection. *Legislative Studies Quarterly*. 2017; 42 (3).
- [50] Zavattaro S.M. Brand Obama: The implications of a branded president. *Administrative Theory & Praxis*. 2010; 32 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-801-820

Dynasties and brand names in the political sphere of the post-industrial society*

S.A. Barkov¹, O.V. Dorokhina², A.V. Markeeva¹, A.A. Maximov¹

¹Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119234, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: barkserg@live.ru; odorokhina@yandex.ru; arsenii.maksimov@mail.ru;
anna_markeeva@mail.ru)

Abstract. During the formation of contemporary democracy, its ideologists strived to create a management mechanism that did not resemble monarchy at all, so that to emphasize the radical nature of social-political changes in the transition from pre-industrial to industrial society. The dynastic transfer of power in all its manifestations and at all levels of governance was denounced as outdated, ineffective, and violating the very foundations of the people’s will. The article shows that, despite the initial criticism, dynasties are widespread in contemporary politics. The family is a part of politics and systems of public administration in a truly post-industrial form — as a brand, image, and symbol. The transition to the post-industrial society predetermines a change in the attitude to dynasties and their role not only in politics but also in systems of interaction with the population (electorate). Based on the analysis of other research and authors’ data on political dynasties at different levels of government in 17 countries, the article proves the changing attitude to political dynasties even within democratic systems. Political dynasties increasingly often contribute to the creation and expansion of social networks, establishing sustainable political ties, ensuring gender presentation in government, etc. There are numerous manifestations of dynasties in countries with different levels of social-economic development (developed and developing) and different types of government (authoritarian and democratic) due to the application of marketing thinking and technologies in politics. Dynasties allow to effectively use the family potential to create and promote political brands, to ensure sustainable social choices of political candidates and parties, to facilitate political socialization of new generations and relative predictability of politicians’ behavior, who would follow a ‘family line’ in making important decisions.

Key words: political dynasties; political brand; nepotism; political elite; post-industrial society; political power

* © S.A. Barkov, O.V. Dorokhina, A.V. Markeeva, A.A. Maximov, 2020

The article was submitted on 13.06.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836

Социологический портрет самозанятых в современной России*

З.Т. Голенкова¹, Ю.В. Голиусова^{1,2}, Т.И. Горина¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН

ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр. 13, Москва, 119991, Россия

(e-mail: golenko@isras.ru; ygoliusova@yandex.ru; tagor03@mail.ru)

В статье рассмотрена проблема развития самозанятости в современном обществе: история отражения этого явления в юридических нормах и практиках; масштабы распространения неформальной занятости по данным статистики и социологических исследований; определения самозанятости в научной литературе. Под самозанятыми чаще всего понимаются работники, не состоящие в штате организаций, а самостоятельно реализующие произведенные личным трудом товары и услуги. Численность самозанятых в мире растет. В статье приведен алгоритм расчета показателя «потенциальный самозанятый» на примере вторичного анализа данных 27-й волны РМЭЗ (2018). Авторы делают вывод о разбросе показателей, обусловленном отсутствием единой методологии оценки неформальной занятости. Согласно официальным данным, численность самозанятых в России колеблется от нескольких тысяч до нескольких миллионов, что запутывает исследователей, приступающих к изучению данного феномена. Основное внимание в статье сосредоточено на результатах исследования «Самозанятые: кто они?» (Москва, 2019). Объектом выступали не потенциальные, а реально самозанятые, отобранные в выборку по критерию рекламирования собственных услуг в Интернете. Методом сбора информации стало полужформализованное телефонное интервью. На основе полученных данных были сделаны выводы о мотивирующих и демотивирующих факторах самозанятости: независимости, свободе в планировании времени и действий, недоверии государству, отсутствии социальных гарантий, непредсказуемом законодательстве, несовершенной системе налогообложения. До сих пор статус самозанятого в России до конца не определен и часто замещает статус индивидуального предпринимателя в целях получения налоговых преференций.

Ключевые слова: неформальная занятость; самозанятость; прекарная занятость; налоги; доверие; предпринимательство; нестандартная занятость

Самозанятость — довольно популярная тема и в научном сообществе, и средствах массовой информации, что связано с изменениями в мировой экономике, переходом к новым формам занятости и преобразованиями глобального рынка труда. Как правило, развитие предпринимательства в России рассматривается сквозь призму его политической и правовой институционализации, статусных портретов бизнес-групп и социального самочувствия

* © Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В., Горина Т.И., 2020

Статья поступила 27.06.2020 г. Статья принята к публикации 10.09.2020 г.

предпринимателей, а вопросы неформальной занятости — через генезис и трактовку понятия, развитие в постсоветской России, масштабы распространения, формы и последствия в виде новых социальных групп.

Отправной точкой предпринимательской деятельности в России можно назвать закон «О кооперации в СССР» (1988). Следующим поворотным этапом был закон «О собственности» (1990), вслед за которым страна пережила этап разгосударствления-приватизации — становление института частной собственности и зарождение предпринимательства. Трансформационные процессы в экономике 1990-х годов дали толчок к появлению нестандартных форм (например, «челноки» — одно из самых масштабных экономических и торговых явлений в новой России). Виды неформальной занятости были разнообразны. Так, В. Гимпельсон и Р. Капелюшников обозначили семь видов нестандартной занятости: непостоянная, неполная, недозанятость, сверхзанятость, самостоятельная, неформальная, занятость в домохозяйствах [4]. Кроме того, в научной литературе встречаются и такие термины, как неформальная, множественная, дополнительная, вторичная, теневая, надомная занятость.

Прогресс IT-технологий способствовал появлению новых нестандартных форм занятости: дистанционная, фриланс, аутстаффинг, аутсорсинг, заемный труд, смартстаффинг, аутплейсмент и др. [13]. Встречаются также понятия телетруд, телеработа и мобильная работа. В рамках нестандартной занятости выделилось такое явление, как прекариат — это неформально занятые в формальном секторе экономики [5]. Обилие терминов, иногда пересекающихся, объясняется трудностью измерения феномена: «Что это за явление — интуитивно понимают все, но у каждого из нас свое определение» [3]. Все эти виды занятости объединяет отсутствие юридического оформления трудовых отношений, т.е. государство исключено из отношений «заказчик — исполнитель» и лишено функции контроля за источниками налоговых поступлений. С другой стороны, государство не затрачивает ресурсы на обеспечение безработных работой и выплату пособий и дотаций. «Отчасти это объясняет, почему многие страны, имея высокие показатели неформальной занятости, не слишком усердствуют в борьбе с ней. Ведь победив одну болезнь, можно получить другую, которая окажется еще тяжелее» [3].

Самозанятость также имеет множество определений в научной литературе. «Самозанятые — лица, занятые мельчайшим предпринимательством на базе индивидуальной трудовой деятельности с помощью собственных средств производства (преимущественно специалисты и квалифицированные рабочие); работники, не состоящие в штате организаций, а самостоятельно реализующие произведенные личным трудом товары и услуги на рынке. В реальной жизни люди могут заниматься несколькими видами хозяйственной деятельности одновременно, или, иначе, обладать множественной занятостью. Люди зачастую начинают свой бизнес, не порывая с работой в качестве наемных сотрудников, являясь своего рода полупредпринимателями, или

частичными предпринимателями» [9]. Самозанятость включает работодателей, членов производственных кооперативов и самозанятых в узком смысле этого слова [4]. «Дискуссии относительно фигуры самозанятого профессионала (фрилансера), как правило, строятся на ее противопоставлении стандартной организационной занятости. Фрилансеры не состоят в штате организаций и не включены в традиционные трудовые отношения... Они самостоятельно организуют свой труд, все работы выполняют индивидуально, не создавая организаций и не привлекая наемный персонал» [21]. «В любой стране на рынке труда, помимо работающих по найму, существует группа, каждый член которой объединяет в одном лице и работодателя, и работника» [2]. «В определении самозанятости основным отличительным признаком является самостоятельная организация своей трудовой деятельности с целью получения дохода. Экономическая категория занятости характеризует занятость как с позиций работодателя, так и с позиций работника, здесь же работодатель и работник совмещаются в одном лице» [9]. Все перечисленные характеристики самозанятых можно отнести и к организаторам собственного микро- и малого бизнеса, и к индивидуальным предпринимателям. Стержень предпринимательской деятельности — персонифицированная ответственность за каждое решение и результат. основополагающими различиями здесь выступают факт регистрации и статус юридического лица, влияющие на правоспособность субъекта (полномочия, обязанности, правовые гарантии).

«Работающие на себя» в структуре занятости населения

Историю легализации самозанятого населения сложно отследить, поскольку она писалась в высших государственных ведомствах. Так, в 2016 году министр труда и социальной защиты высказал идею о взимании денег с неработающих граждан (СМИ назвали инициативу «налогом на тунеядцев») в размере 20 тысяч рублей в год. «Давайте исходить из того, что человек легально работает, когда он заплатил подоходный налог. За год, если считать его с МРОТ, сумма составит 11,7 тысячи рублей. Если человек «в тени», за него взнос в фонд ОМС платит субъект РФ. В среднем в регионах — 8–9 тысяч. Итого 20 тысяч в год» [15]. Минфин поддержал идею введения «налога на тунеядцев» «с точки зрения справедливости»: «За всех неработающих взнос на ОМС платят из бюджетов субъектов, фактически за счет других налогоплательщиков» [18]. Минтруд начал разработку законопроекта, который обяжет неработающих россиян платить за пользование поликлиниками и больницами. В Минфине эту идею поддержали, а Минздрав выступил против введения неработающего населения из системы ОМС, но согласился, что «все должно быть справедливо». Минэкономразвития выступил против этих инициатив, заявив, что надо выводить предпринимателей «из тени» — регистрировать самозанятых граждан. В том же году в СМИ прошла информация о проверке россиян на предмет легальности их занятости, и комитет Совета

Федерации по бюджету и финансовым рынкам сообщил по результатам такой проверки об оценочном расчете численности граждан, не получающих доходы от трудовой деятельности, — 16,4 млн. Глава Счетной палаты заявила: «Сокращение теневой занятости с помощью патентной системы хотя бы на 50% может дать федеральному бюджету дополнительные 40 млрд рублей дохода. У нас... существует сектор теневой занятости. По оценкам Росстата, за 2015 год это 14,8 млн человек. И как раз патентная система призвана вывести из теневого сектора самозанятых граждан» [18].

Окончательно самозанятость была легализована в 2018 году Федеральным законом от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „налог на профессиональный доход“», но в нем отсутствуют понятия «самозанятый» и «самозанятость». Согласно закону «физические лица при применении специального налогового режима вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, за исключением видов деятельности, ведение которых требует обязательной регистрации... Профессиональный доход — доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества». Также закон регулирует некоторые аспекты налогообложения участников эксперимента, установив лимит по использованию спецрежима — доход до 2,4 млн рублей в год. Сначала в эксперименте участвовало 4 региона, затем список был увеличен до 23, а с 1 июля 2020 года налог на профессиональный доход распространен на всю страну (при условии принятия соответствующего регионального законодательства). Срок действия эксперимента — до 31 декабря 2028 года. Список разрешенных видов деятельности в документе отсутствует, но есть перечень лиц, не имеющих права применять специальный налоговый режим., т.е. «все, что не запрещено, — разрешено», и участники эксперимента могут заниматься практически всеми видами деятельности.

Что касается масштабов неформальной занятости, то, по данным Института общественных наук РАНХиГС, в мае 2016 года постоянные или временные теневые заработки имели около 30 млн россиян (40,3% экономически активного населения), 8,7 млн (11,7%) трудоустроены только так [18]. Статистические данные 2016 года показывают несколько иную картину, поскольку учитывают иные показатели, в частности: «работающие не по найму — это лица, которые выполняют работу, определенную как „работа на собственном предприятии, в собственном деле“» [23], т.е. здесь вознаграждение напрямую зависит от дохода, получаемого от производства товаров и услуг. Человек принимает производственные решения, относящиеся к деятельности предприятия (своему делу), или делегирует эти полномочия, оставляя за собой ответственность за благополучие предприятия (своего дела). Эта группа объединяет работодателей, самозанятых, членов производственных

кооперативов, помогающих членов семей — 7% в численности всех занятых. С другой стороны, рассчитываются показатели, характеризующие неформальную занятость: «занятые в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица, включая фермеров» (5% занятых), и «занятые по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве» (12%)».

Приведенные данные свидетельствуют о разбросе показателей из разных источников. Оценки «гуляют» в весьма широком диапазоне — от 5% до почти 30%: так, доля неформально занятых на российском рынке труда колебалась в 2000-е годы в пределах 20–24%, без учета вторичной неформальной занятости — 6,5–7,5%, по другим оценкам — 11–18% [14]. Р.И. Капелюшников приводит оценки уровня неформальной занятости по четырем расчетам на основе данных РМЭЗ 2009 года: комбинированный подход — 24,1% (19,9% — работники неформального сектора, 4,2% — неформальные работники с рабочими местами в формальном секторе), количественный подход — 10,8%, контрактный — 13,7%, социальный — 12,4% [14].

Мы также использовали данные 27 волны РМЭЗ, в ходе которой было опрошено 10312 членов домохозяйств (старше 14 лет), из которых 49,1% — работающие. В анкете мониторинга не было вопроса для определения самозанятых, поэтому мы попытались косвенно определить численность потенциальных самозанятых. Из группы респондентов, имеющих работу или находящихся в декретном отпуске, оплаченном или неоплаченном отпуске, работали в организации 91,3%, работали не на предприятии/организации — 8,6% — обозначим эту группу «самозанятые-1» (из них 17,7% отнесли себя к предпринимателям, 30% отметили, что они открывали свое дело, и это им удалось). Из работающих в организации не оформлены на работе официально 7,6% — «самозанятые-2». Суммарная доля работающих не на предприятии и работающих в организации, но не оформленных официально, — 15,5%. Из всех работающих дополнительную работу имели 3%: самой многочисленной является группа преподавателей (11,1%), уборщиков (7,4%), медицинских работников (5,6%); самые многочисленные сферы — торговля и сфера обслуживания (20,4%), образование (14,8%), строительство (8,6%) и транспорт (8%).

Анкета содержала вопрос «В течение последних 30 дней Вы занимались (еще) какой-нибудь работой, за которую Вам заплатили или должны заплатить? Может быть, Вы сшили кому-то платье, подвезли кого-нибудь на машине, занимались репетиторством, помогли кому-то с ремонтом квартиры, машины, купили и доставили продукты, ухаживали за больными, продавали свои или купленные продукты или товары на рынке или на улице или делали что-то другое?». Положительный ответ дали 6,9%: 14,4% — пенсионеры, 6,7% — женщины в декретном отпуске и домохозяйки, 44,3% — безработные, 15,6% — работающие на предприятии, 9,2% работающие не в организации. 8,8% из этой группы — зарегистрированные предприниматели: самая многочисленная группа (13%) — продавцы в ларьках, киосках, на рынке; рабочие

животноводческой фермы (8,7%), разнорабочие в строительстве (7,8%), сборщики урожая (7,3%). Большинство респондентов (69%) определили данную деятельность как «случайный заработок», регулярный заработок она приносит для 27,5% («самозанятые-3»).

В анкете был еще один вопрос, адресованный всем опрошиваемым и позволяющий определить потенциальных самозанятых: «В течение последних 12 месяцев Вы оказывали услуги за плату, например, подвозили кого-то на машине, ремонтировали бытовую технику, автомобили, нанимались делать ремонт в квартире и т.п.?». Утвердительный ответ дали 2,7% («самозанятые-4»). Эта группа по составу похожа на группу «случайного заработка»: 12,3% пенсионеров, 23% безработных, 2,5% предпринимателей, 37,5% работающих в организации, 9,4% работающих не на предприятии.

Мы рассчитали показатель «самозанятости»: «самозанятые-1» (за вычетом зарегистрированных предпринимателей) + «самозанятые-2» + «самозанятые-3» (за вычетом предпринимателей, работающих не в организации или без договора, и респондентов младше 18 лет) + «самозанятые-4» (за вычетом тех, кто вошел в группы 1–3 и респондентов младше 18 лет). Итоговая цифра — 26% занятого населения и 12% опрошенных старше 18 лет — это примерное число потенциальных самозанятых. Мы полагаем, что разброс в оценках распространения самозанятости — следствие отсутствия единой методологии расчетов.

На сайте Росстата выложены итоги выборочного обследования рабочей силы за второй квартал 2019 года: занятые в неформальном секторе составили 21,3% занятого населения, из них 97% заняты только в неформальном секторе, 7% — в неформальном и формальном секторах. Регионы-лидеры по количеству занятых в неформальном секторе — Чеченская Республика (65,5%), Республика Ингушетия (50,0%), Кабардино-Балкарская Республика (49,6%), Москва находится в конце списка (4%), завершает его Чукотский автономный округ (1,2%) [12].

На сайте Федеральной налоговой службы отсутствуют данные о количестве зарегистрированных участников эксперимента «налог на профессиональный доход», но опубликована статистика о физических лицах, представивших уведомление об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическим лицам для личных, домашних и/или иных подобных нужд (Табл. 1, 2). Оказалось, что понятия «самозанятые граждане» и «лица, применяющие в деятельности налог на профессиональный доход» не идентичные — есть различия в системах налогообложения и видах деятельности (в ст. 217 п. 70 Налогового кодекса РФ у самозанятых это присмотр за пожилыми, уборка и репетиторство), а специальный налоговый режим могут применять и индивидуальные предприниматели, хотя не могут считаться «самозанятыми» [24]. Регионы-лидеры — Москва, Республика Тыва, Краснодарский край, Московская область и Санкт-Петербург. Регионы-аутсайдеры — Республики Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкарская и Чеченская.

Таблица 1

Статистика представленных физическими лицами в налоговые органы уведомлений об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическим лицам для личных, домашних и/или иных подобных нужд по состоянию на 01.01.2020

Виды деятельности	Численность физических лиц, состоящих на учете (чел.)	
	Всего	В том числе иностранные граждане
Самозанятые граждане, представившие в налоговые органы уведомления об осуществлении (прекращении) деятельности по оказанию услуг физическому лицу — всего по видам оказываемых услуг:	4 676	461
по присмотру и уходу за детьми, больными, лицами, достигшими возраста 80 лет, иными лицами, нуждающимися в постоянном постороннем уходе по заключению медицинской организации	629	101
по репетиторству	3 047	95
по уборке жилых помещений, ведению домохозяйства	754	286
иные виды услуг, установленные субъектом РФ	539	7

Таблица 2

Сведения о численности таких физических лиц по федеральным округам

Наименование субъекта РФ	Численность физических лиц, состоящих на учете по данному основанию на конец отчетного периода (человек)		Доля в общей численности зарегистрированных самозанятых (%)
	Всего	в том числе иностранные граждане	
Всего по Российской Федерации	4 676	461	100%
Центральный федеральный округ	1 223	105	26%
Северо-Западный федеральный округ	497	41	11%
Южный федеральный округ	710	192	15%
Северо-Кавказский федеральный округ	93	11	2%
Приволжский федеральный округ	936	28	20%
Уральский федеральный округ	197	19	4%
Сибирский федеральный округ	861	58	18%
Дальневосточный федеральный округ	159	7	3%

Средства массовой информации, которые зачастую путают понятия «самозанятый» и «лица, применяющие налог», периодически публикуют данные о числе «самозанятых», не раскрывая суть этого понятия. Например, газета «Известия» в статье «ФНС назвала число зарегистрированных самозанятых россиян» приводит цифру в 162 тысячи, хотя речь скорее всего идет о лицах,

применяющих новый налоговый режим. ТАСС в декабре 2019 года назвал цифру самозанятых в 330 тысяч человек [1]. Последние данные были опубликованы газетой «Коммерсант» в мае 2020 года — 650 тысяч [19].

По данным Росстата, на июль 2019 года численность рабочей силы составила 75,6 млн человек, или 51% населения, в их числе 72,2 млн заняты в экономике. В неформальном секторе были заняты 15,2 млн. Участники эксперимента по специальному налоговому режиму составили не более 1% занятых в экономике и не более 4% занятых в неформальном секторе (для расчета были взяты максимальные показатели, упоминаемые в СМИ). Для сравнения: 2014 году доля самозанятых в ЕС колебалась от 3,4% в Дании до 14,3% в Великобритании — от общей численности населения [6].

Интересные результаты были получены в проекте «Самозанятые: кто они?», реализованном Центром исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН (руководитель — З.Т. Голенкова). Цель исследования — выявление содержательных мотивов деятельности самозанятых. Объект — самозанятые Москвы, отобранные по факту рекламирования своих услуг в интернете. Была сформирована база контактов категории «услуги» с сайтов Авито, Яндекс, Фриланс и Юла. Всего база насчитывала 1025 контактов, определяющим признаком включения в базу было опубликование объявления не ранее чем за месяц до опроса (декабрь 2019). Методом сбора информации стало телефонное интервью по полустандартизованному опроснику. Было опрошено 190 человек, и главной причиной недостижимости был не отказ, а невозможность дозвониться до респондента (телефон был отключен или не отвечал). Продолжительность интервью колебалась от 15 до 35 минут.

Характеристики опрошенных: 52,6% женщин и 47,4% мужчин, возраст — от 18 до 72 лет (18–24 — 10%, 25–34 — 22,6%, 35–44 — 33,7%, 45–54 — 20%, 55–64 — 8,4%, старше 65 лет — 2,1%, отказались назвать — 3,2%). Большинство респондентов (60%) имеет высшее образование, 29,5% — среднее профессиональное. Официально зарегистрированные самозанятые — 17,1%, зарегистрированные ИП — 23,7%, неформальные самозанятые — 53,7%, 5,5% отказались отвечать на вопрос. Респонденты предпочитают искать заказы на сайтах частных объявлений, посредством личных связей и в соцсетях (Рис. 1). В категорию «другое» попали рекомендации клиентов, сеть LinkedIn, сайт «Ярмарка мастеров», рассылка визиток и флаеров по фирмам, давно наработанная база клиентов, звонки потенциальным клиентам и сайт Профи.ру.

Виды деятельности респондентов разнообразны (Рис. 2), но большинство из них — преподаватели, мастера по ремонту, IT-специалисты, портнихи и кулинары.

После знакомства и получения общих сведений респондента просили ответить на два основных открытых вопроса: «Какие преимущества Вы видите в деятельности самозанятого человека, который не работает в организации, а работает на себя?» и «Какие недостатки Вы видите в деятельности самозанятого

человека, который не работает в организации, а работает на себя?». Многие респонденты начинали обсуждать закон о налоге на профессиональный доход — эта группа была выделена в подвыборку, которая составила 42% опрошенных, и распределения ответов ниже представлены по этой группе.

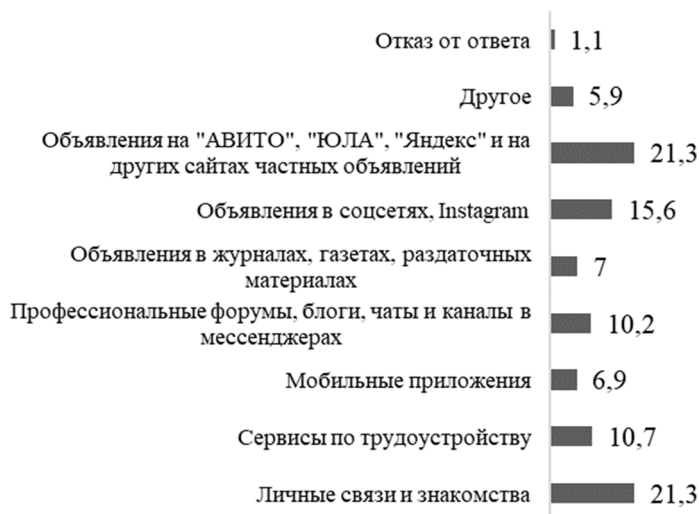

Рис. 1. Методы рекламирования услуг (%)

Рис. 2. Виды деятельности самозанятых (%)

Таблица 3

Преимущества самозанятого

Работа на себя/Отсутствие руководства	50,9%
Самоопределение графика работы	50,9%
Свобода в деятельности	18,5%
Самостоятельное определение цен за услуги	4,6%
Возможность самореализации	5,6%
Возможность получения желаемой прибыли	18,5%
Возможность заниматься любимым делом	6,5%
Возможность работать нелегально	7,4%
Возможность учитывать интересы семьи	6,5%
Возможность творчества	2,8%
Другое	3,7%

Главное преимущество самозанятого — свобода, возможность самостоятельно принимать решения по занятости и по времени: *«Не надо служить ни перед кем, выслуживаться, не надо держать субординацию, подчиняться, не надо работать на людей, у которых проблема в голове, а тебе нужно под них подстраиваться»*; *«Сама выбираю степень своей нагрузки, сразу в кошельке какая-то сумма денег»*; *«Можно быть более мобильной, больше можешь уделить времени детям, сам планируешь свое время, дисциплинируешь себя, знаешь свои обязательства»*.

Позитивные стороны нового закона (Табл. 4) обсуждали в основном зарегистрированные индивидуальные предприниматели и самозанятые, в микровыборке «комментаторов» их оказалось 80%. Кратко преимущества нового закона можно сформулировать так «недорого, просто и спокойно». Монологи о недостатках деятельности самозанятых длились намного дольше: практически все респонденты (92%) отмечали негативные стороны и последствия нового закона, поэтому группировать эти ответы не имело смысла (Табл. 5). Практически половина опрошенных высказала сомнения, что государство приняло закон для упрощения и защиты деятельности самозанятых.

Таблица 4

Преимущества нового закона

Приемлемый налог	53,4%
Простая процедура оформления, сдачи отчетности	47,7%
Самозанятость упрощает отношения с государственными органами	4,5%
Возможность легализации деятельности	38,6%
Возможность получения заказов от юрлиц и госкомпаний	8%
Возможность деятельности для пенсионеров	3,4%
Отсутствие преимуществ	17%

Таблица 5

Ограничения самозанятого

Сложно прогнозировать прибыль	2,1%
Груз ответственности	6,8%
Нужно много работать	7,9%
Постоянный поиск клиентов	11,1%
Конкуренция	1,6%
Отсутствие социальных гарантий/социальной защиты	21,6%
Отсутствие стабильной прибыли	14,7%
Требуется учитывать запросы клиентов	2,6%
Деятельность требует финансовых вложений	4,7%
Несовершенное налогообложение	20%
Постоянная самодисциплина	3,2%
Деятельность отнимает все время	3,2%
Отсутствие возможности получения кредита	1,6%
Неофициальная занятость	2,1%
Непредсказуемое законодательство	17,9%
Отсутствие защищенности от недобросовестных заказчиков	1,1%
Недоверие государству	25,8%
Отсутствие возможности найма сотрудников	2,6%
Ограничения в получении заказов от юрлиц и госкомпаний	0,5%
Отсутствие недостатков	3,7%
Другое	2,1%

Что касается официального юридического статуса (Табл. 6), то можно выделить три негативные доминанты в оценках — отсутствие социальных гарантий, несовершенное налогообложение и недоверие государству, хотя непредсказуемое законодательство беспокоит незарегистрированных предпринимателей меньше, чем отсутствие стабильной прибыли и необходимость постоянного поиска клиентов.

Таким образом, с одной стороны, многие респонденты положительно отзываются о новом законе, отмечая простоту оформления, спокойную работу, понятные взаимоотношения с ФНС, но, с другой стороны, их смущает понятие «эксперимент» и его конечный срок, нечеткость социальных гарантий его участников (пенсионных начислений, страховых взносов, отпускных, больничных, стажа), то, что бизнес-структуры и госорганы могут отказаться работать с самозанятыми, непонятен учет затрат на аренду и расходные материалы. *«Вижу проблемы со стажем трудовым и нет уверенности, что через год-другой власти не поменяют закон. Это петля, из которой будет непросто выбраться, — уже засветишься»; «Хорошо ли жить «белым»? Сомневаюсь. Власть может все перекроить в одночасье, и останешься у разбитого корыта».*

Таблица 6

Ограничения деятельности самозанятого в зависимости от статуса респондента

Ограничения	Являетесь ли Вы официально зарегистрированным предпринимателем?			
	Я зарегистрирован как самозанятый	Я зарегистрирован как ИП	Нет	Отказ от ответа
Сложно прогнозировать прибыль	3%	0	2,9%	0
Груз ответственности	3%	8,9%	6,9%	10%
Нужно много работать	3%	11,1%	7,8%	10%
Постоянный поиск клиентов	0	8,9%	15,7%	10%
Конкуренция	0	2,2%	2%	0
Отсутствие социальных гарантий/ социальной защиты	36,4%	17,8%	17,6%	30%
Отсутствие стабильной прибыли	0	8,9%	21,6%	20%
Требуется учитывать запросы клиентов	0	0	4,9%	0
Деятельность требует финансовых вложений	0	4,4%	5,9%	10%
Несовершенное налогообложение	18,2%	17,8%	23,5%	0
Постоянная самодисциплина	0	2,2%	2,9%	20%
Деятельность отнимает все время	0	6,7%	2,9%	0
Отсутствие возможности получения кредита	6,1%	0	1%	0
Неофициальная занятость	0	0	3,9%	0
Непредсказуемое законодательство	30,3%	26,7%	10,8%	10%
Отсутствие защищенности от недобросовестных заказчиков	3%	0	1%	0
Недоверие государству	21,2%	33,3%	25,5%	10%
Отсутствие возможности найма сотрудников	3%	6,7%	0	10%
Ограничения в получении заказов от юрлиц и госкомпаний	0	2,2%	0	0
Отсутствие недостатков	6,1%	4,4%	2,9%	0
Другое	3%	6,7%	0	0

Главным сдерживающим фактором легализации самозанятости следует назвать недоверие власти и государственным институтам: *«Мне преимущества эти не нужны. В цены на бензин, другие продукты и услуги уже включены надбавки. И еще платить налог, якобы низкий. Сложите все наши налоги, которые платим, и ясно станет, что самозанятые придуманы в угоду ненасытному государству»*. Сложно не согласиться с тем, что «сейчас в нашей стране одна из важнейших проблем, которую надо решать, — это повышение доверия граждан государству. И не забывать, что доверие не просто существует или возникает, доверие формируется, и атмосфера доверия создается... — это та совокупность представлений и настроений гражданина, которая отражает ожидание того, что государство будет реализовывать функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов гражданина» [8].

Самореализация, независимость, самостоятельное планирование времени — главные мотиваторы самозанятости, тогда как основные барьеры для официальной регистрации — недоверие к государству, невысокие доходы и временный характер подработок [11]. Пока меры по легализации самозанятых не принесли государству ощутимого результата, прежде всего, по причине их недоверия государственным институтам: «Те, кто действует нелегальным образом, не составляют определенный или статичный сектор общества; они живут в призрачном мире, имеющем протяженную границу с миром законности, и в этот призрачный мир бегут люди, когда издержки соблюдения закона превышают выгоды от его соблюдения» [7].

Библиографический список

- [1] Более 330 тыс. человек зарегистрировались в качестве самозанятых в России // URL: <https://tass.ru/ekonomika/7406941>.
- [2] *Вишневская Н.* Самозанятость в переходных экономиках // URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=665&jid=1445&jj=49.
- [3] Выступление Гимпельсона // URL: <https://iq.hse.ru/en/news/177668074.html>.
- [4] *Гимпельсон Е., Капелюшников Р.* Нестандартная занятость и российский рынок труда. М., 2005.
- [5] *Голенкова З.Т., Голусова Ю.В., Орехова И.М.* Противоречия и проблемы модернизации социальной структуры современного российского общества // Россия реформирующаяся. Вып. 17 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2019.
- [6] *Грабова О.Н. Суглов А.Е.* Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // URL: <http://elib.fu.ru/art2017/bv2300.pdf/download/bv2300.pdf>.
- [7] *Де Сото Э.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1995.
- [8] Доверие в пяти ракурсах // URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/102633.
- [9] *Заславская Т.И.* Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf>.
- [10] *Землянухина С.Г. Землянухина Н.С.* Система экономических отношений в сфере самозанятости населения России // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 2.
- [11] Исследование НАФИ // URL: <https://nafi.ru/analytics/pochemu-rossiyane-stanovyatsya-samozanyatymi-issledovanie-yandeks-taksi-i-nafi>.
- [12] Итоги обследования рабочей силы // URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766.
- [13] *Камарова Т.А.* Понятия, виды и формы «нестандартной занятости», нормативно-правовая основа их применения // Human Progress. 2015. Т. 1. № 1.
- [14] *Капелюшников Р.И.* Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? // https://www.hse.ru/data/2012/07/05/1254171141/WP3_2012_04_ff.pdf.
- [15] Министр труда предлагает «для начала» брать с неработающих граждан по 20 тысяч рублей // URL: <https://www.newsru.com/finance/21oct2016/topilin.html>.
- [16] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3.
- [17] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ожидания и опасения российского студенчества в профессиональной сфере: результаты эмпирического проекта // ПОИСК. 2014. № 4.
- [18] Патент укажет дорогу к свету // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3038372>.
- [19] Путин предложил новые меры поддержки самозанятым и ИП // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341930>.

- [20] Статистика по регистрации самозанятых // URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed.
- [21] *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. 2015. Т. 24. № 1.
- [22] *Троцук И.В., Невзорова Н.А.* Структурные дисбалансы как ключевой фактор безработицы на российском рынке труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 2.
- [23] Труд и занятость в России // URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf.
- [24] ФНС назвала число зарегистрированных самозанятых россиян // URL: <https://iz.ru/908978/2019-08-11/fns-nazvala-chislo-zaregistrirovannykh-samozanyatykh-rossiian>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836

Sociological portrait of the self-employed in contemporary Russia*

Z.T. Golenkova¹, Yu.V. Goliusova^{1,2}, T.I. Gorina¹

¹Institute of Sociology of the FCTAS of the RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1–13, Moscow, 119991, Russia
(e-mail: golenko@isras.ru; ygoliusova@yandex.ru; tagor03@mail.ru)

Abstract. The article considers the development of self-employment in the contemporary society: the history of its representation in legal norms and practices; the scope of informal employment according to statistical and sociological data; definitions of self-employment in the scientific literature. The self-employed are usually defined as not employed in organizations but independently selling goods and services produced by themselves. The global number of the self-employed grows. The authors present an algorithm for calculating the indicator ‘potential self-employed’ based on the secondary analysis of the 27th wave of the RLMS (2018), and stress the lack of a unified methodology for calculating informal employment. According to the official data, the number of the self-employed in Russia ranges from several thousands to several millions, which confuses researchers who study this phenomenon. The article focuses on the results of the study “Self-Employed: Who Are They?” (Moscow, 2019), whose object were not potential but real self-employed selected on the basis of online advertisements of their services in Moscow. The authors collected information with the method of semi-formalized telephone interview. Based on the collected data, the authors make conclusions about motivating and demotivating factors of self-employment: independence, freedom in planning time and activity, distrust in the state, lack of social guarantees, unpredictable legislation, and imperfect tax system. Today, the status of the self-employed in Russia is still unclear and often substitutes the individual entrepreneur status in order to apply for tax preferences.

Key words: informal employment; self-employment; precarious employment; taxes; trust; entrepreneurship; non-standard employment

References

- [1] Bolee 330 tys. chelovek zaregistrovalis v kachestve samozanyatykh v Rossii [More than 330 thousand people registered as self-employed in Russia]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7406941> (In Russ.).

* © Z.T. Golenkova, Yu.V. Goliusova, T.I. Gorina, 2020

The article was submitted on 27.06.2020. The article was accepted on 10.09.2020.

- [2] Vishnevskaya N. Samozanyatost v perekhodnykh ekonomikakh. [Self-employment in transition economies]. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=665&jid=1445&jj=49 (In Russ.).
- [3] Vystuplenie Gimpel'sona [Gimpelson's presentation]. URL: <https://iq.hse.ru/en/news/177668074.html> (In Russ.).
- [4] Gimpelson E., Kapelyushnikov R. *Nestandartnaya zanyatost i rossiyskiy rynek truda* [Non-standard employment and the Russian labor market]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [5] Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V., Orekhova I.M. Protivorechiya i problemy modernizatsii sotsialnoy struktury sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Contradictions and challenges of modernization of the social structure of contemporary Russian society]. *Rossiia reformiruyushchayasya*. Vyp. 17. Otv. red. M.K. Gorshkov. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [6] Grabova O.N. Suglovov A.E. *Problemy vykhoda "iz teni" samozanyatykh lits v Rossii: riski i puti ikh preodoleniya* [Challenges of the Exit from 'Shadow' for the Self-Employed in Russia: Risks and Decisions]. URL: <http://elib.fa.ru/art2017/bv2300.pdf/download/bv2300.pdf> (In Russ.).
- [7] De Soto E. *Inoy put. Nevidimaya revolyutsiya v tretiem mire* [The Other Path. The Invisible Revolution in the Third World]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [8] Doverie v pyati rakursakh [Trust in five perspectives]. URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/102633 (In Russ.).
- [9] Zaslavskaya T.I. Biznes-sloy rossiyskogo obshchestva: sushchnost, struktura, status [Business stratum of the Russian society: Essence, structure, status]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf> (In Russ.).
- [10] Zemlyanukhina S.G., Zemlyanukhina N.S. Sistema ekonomicheskikh otnosheniy v sfere samozanyatosti naseleniya Rossii [System of economic relations in the Russian self-employment]. *Izvesiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2018; 18 (2) (In Russ.).
- [11] Issledovaniye NAFI [NAFI Research]. URL: <https://nafi.ru/analytics/pochemu-rossiyane-stanovyatsya-samozanyatymi-issledovanie-yandeks-taksi-i-nafi> (In Russ.).
- [12] Itogi obsledovaniya rabochey sily [Results of the labor force survey]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (In Russ.).
- [13] Kamarova T.A. Ponyatiya, vidy i formy "nestandartnoy zanyatosti", normativno-pravovaya osnova ikh primeneniya [Definitions, types and forms of the 'non-standard employment', the legal basis for their application]. *Human Progress*. 2015; 1 (1) (In Russ.).
- [14] Kapelyushnikov R.I. Neformalnaya zanyatost v Rossii: chto govoryat alternativnye opredeleniya? [Informal employment in Russia: What are alternative definitions?]. URL: https://www.hse.ru/data/2012/07/05/1254171141/WP3_2012_04_ff.pdf (In Russ.).
- [15] Ministr truda predlagaet "dlya nachala" brat s nerabotayushchikh grazhdan po 20 tysyach rubley [Minister of labor suggests 'to begin' with 20 thousand rubles per non-working citizen]. URL: <https://www.newsru.com/finance/21oct2016/topilin.html> (In Russ.).
- [16] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennye plany rossiyskoy studencheskoy molodezhi: gendernye i inye razlichiya v otsenkakh sobstvennykh perspektiv na rynke truda [Russian students' life plans: Gender and other differences in the estimates of prospects in the labor market]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 3 (In Russ.).
- [17] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Ozhidaniya i opaseniya rossiyskogo studenchestva v professionalnoy sfere: rezultaty empiricheskogo proekta [Expectations and concerns of Russian students in the professional sphere: Results of the empirical project]. *POISK*. 2014; 4 (In Russ.).
- [18] Patent ukazhet dorogu k svetu [Patent will show the way to the light]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3038372> (In Russ.).
- [19] Putin predlozhit novye mery podderzhki samozanyatym i IP [Putin proposed new measures to support the self-employed and individual entrepreneurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341930> (In Russ.).

- [20] Statistika po registratsii samozanyatykh [Statistics based on registration of the self-employed]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed (In Russ.).
- [21] Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Trudovye traektorii samozanyatykh professionalov (frilanserov) [Employment trajectories of the self-employed professionals (freelancers)]. *Mir Rossii*. 2015; 24 (1) (In Russ.).
- [22] Trotsuk I.V., Nevzorova N.A. Strukturnye disbalansy kak klyuchevoy faktor bezrabortitsy na rossiyskom rynke truda [Structural imbalances as a key factor of unemployment in the Russian labor market]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 2 (In Russ.).
- [23] Trud i zanyatost v Rossii [Labor and employment in Russia]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf (In Russ.).
- [24] FNS nazvala chislo zaregistrirovannykh samozanyatykh rossiyan [Federal tax service named the number of registered self-employed Russians]. URL: <https://iz.ru/908978/2019-08-11/fns-nazvala-chislo-zaregistrirovannykh-samozaniatykh-rossiian> (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-837-846

Diversity and social cohesion in the United Arab Emirates*

S.Z. Al Orami

United Arab Emirates University
P.O. Box 15551, Al Ain, Abu Dhabi, United Arab Emirates
(e-mail: s.aloraimi@uaeu.ac.ae)

Abstract. The article examines the effects of cultural diversity on social cohesion in the United Arab Emirates (UAE). The UAE is an oil-rich country established in 1971 as a federation of seven Emirates. It is a small state with a population of ten million; the citizens account only for 10% of the population. Oil wealth enables the country to achieve advanced levels of human, social and economic development. Recently, the UAE has experienced a massive social change; modernization processes have been impended on highest levels. However, due to the historical demographic structure of the local population, the UAE always depended on external labor forces. Skilled and unskilled male workers immigrate from neighboring countries; as a result, the population structure has changed. After the world economic depression in 2008, the UAE experienced a dramatic increase in the number of population. Professional workers from all over the world flowed to the country, and Dubai became a major center for the regional trade market; today, its free zones are considered the best technical base for service and logistic businesses. Today, more than 200 nationalities live in the country, and the majority of them are migrant male workers. This instable and unbalanced demographic structure created cultural domination — international cultures dominate the local one. The demographic imbalance between citizens and foreigners resulted in a kind of disharmony. Due to their feeling of being a minority, the Emiratis move from the old cities to the suburban areas, which creates many social tensions. All these circumstances affected social cohesion, communal harmony and the direct social interaction of cultural groups. To illustrate the tensions and discomforts in the UAE, the author presents the results of face-to-face interviews and a group discussion — as a critical analysis by those in the center of change.

Key words: society; culture; diversity; cohesion; citizens; immigrants; majority; minority

The article examines the influence of cultural diversity on social cohesion in the United Arab Emirates. The UAE is an oil-rich small country located in the Arab Gulf as traditional tribal sheikhdoms. Oil was discovered in 1968 in Abu Dhabi, and in 1971, these sheikhdoms came together to create a federation of seven emirates with the population of only 180326. Economic prosperity allowed the country to achieve advanced levels of human, social and economic development: oil-revenues allow the federal government to provide free education, health care and housing system. However, with its limited population, the state could not implement the development projects and depended on neighboring countries, which made the UAE a dreamland for job seekers.

* © S.Z. Al Orami, 2020

The article was submitted on 26.05.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

The UAE current population is 10 million, and the citizens account only for 10% of it. In the last 50 years, millions of workers came to the country: 200 nationalities live in the UAE, most of them — male workers. Gradually, the national demographic structure changed the identity patterns. The article raises the question of whether the high share of immigrants affects the culture and traditions of the host country. The author conducted face-to-face interviews, group discussions and critical analysis. The qualitative method allowed the author, as an insider, to talk to people directly in honesty and confidentiality.

The sample of the research consisted of 15 respondents (8 men and 7 women) of the age 25–65. All participants are Emirati citizens of different social positions. Three men are government employees, one is retired, two have their own business, one is a teacher and one works in the media. Among women, one is a teacher, one is university professor, one is a school principal, one is retired, one is a housewife with a college degree, one is a government employee with a master degree, and one is a doctor. The discussion group consisted of 10 college students (5 men and 5 women) of the age of 19–22. The discussion was to identify direct interactions between young Emiratis and their perception of immigrants. Respondents were selected from two cities — Dubai and Abu Dhabi, while participants of the group discussion were selected from Al Ain college students. Data was collected in December 2019 (interviews) and July 2020 (group discussion).

The economy of the UAE is based on oil industry, trade markets and logistical services. As a rule, globalization controls capital and workforce; therefore, the country become a center of international business and foreign migration. Since the 1970s, the UAE have experienced radical changes, and the in-flow of migrants has increased — the population increased from 180326 to 277471. In 1975, the population doubled to 55887 and immigrant workers accounted for 293788. Since the late 1970s, the number of immigrants increased gradually. For example, in 1980, the number of immigrants also doubled to 559960, in 1985, their number increased to 657400, in 1990 — to 866300, in 1995 — to 1.29 million, in 2016 — to 4.89, in 2018 — to 7.38 (49% in Dubai, 29.6% in Abu Dhabi). This immigrant flow to the UAE is determined by the movement of international capital and labor force. For example, in 2008, many businesses moved from East Asia to the UAE. Headquarters of many global corporations are based in Dubai. Dubai hosts the majority of male workers for the construction development and real estate business.

According to Mesoudi, when 50% or more of the society are migrants, traditions cannot be preserved properly. Mesoudi believes that migrants can adapt to local traditions through social learning, and empirical studies prove that acculturation is common for the second generation, which shifts towards cultural values of the host society [7]. This argument works if migrants are a minority and the host country wants to integrate them in the national culture. In the UAE, the situation is different: migrants dominate the local culture because they are a majority; however, they can bring great benefits and contribute to the development of the country and its communities. According to Mehta, migrants do not destroy

the West — it is destroyed by the fear of migrants due to its legacy of colonialism [6]. This argument cannot be applied to the UAE either for migrants exceed the local population by 9 times. Labor migrants changed the social structure of the UAE, affect social interaction and transform everyday culture.

In his analysis of Gramsci, Freire defines cultural hegemony as a tool of power domination which depends on education system, political system, natural resources and even the everyday vocabulary. He believes that cultural hegemony shapes political and social conflicts [3] — it is a tool by which one class controls other classes and creates systems dominated by the ideology. This statement explains the situation in the UAE where one group dominates the other. Gramsci mentioned that the dominant class believes in the approval of other classes and their acceptance of its leadership. Indeed, tolerance and acceptance are the most debated issues in the UAE.

According to Kathiravelu, there is always a situation of inequality — foreign workers' wages are extremely low; however, they can cope with the difficult circumstances of everyday life. Kathiravelu studied the social, economic and immigration status of international workers and defined Dubai as an example of inequality. She presents immigrants as victims but ignores their influence on the local social environment (the majority of immigrants are male workers who live in the neighborhoods of the city center) [5]. The UAE government develops a special environment for immigrants to integrate them in all segments of society; at the same time, the UAE preserve and promote its unique traditions, culture and heritage, which becomes increasingly difficult given 90% of immigrants in the population.

Morgan stressed the relationship between demographic crisis and low fertility on the examples from Europe (Spain and Italy) [8]. By emphasizing the factor of fertility, Morgan makes me raise the same question about the situation in the UAE — whether the demographic crisis is determined by the flows of migrants or by low fertility. I believe that in the UAE, the relationship between low fertility and the demographic crisis is invalid. The fertility rate in the UAE is sufficient; therefore, the demographic crisis has different causes, such as the unbalanced ratio of citizens and migrants. Gramsci studied the influence of the invisible power, and this idea is rooted in the Marxist theory, according to which ideology, beliefs and shared values reproduce class relations and conceal conflicts [4]. This idea explains the situation in the UAE: labor migrants as a majority have invisible power and can conceal contradictions. The situation is unpredictable; there are common interests of all migrant workers (for instance, salary increase) regardless of their differences.

Santucci explains that Gramsci's analysis of social conflict stressed the ability of the dominated class to achieve a better position in struggle [9]. He believes that the ability of any social class to achieve hegemony relies on its ability to unite intellectuals and absorb traditional literati of previous historical periods. The most important feature of every class seeking power is the struggle to represent and assimilate the ideology of traditional intellectuals. This assimilation takes place more quickly and effectively if the group makes further changes in its intellectuals' group. In the UAE, the question is who will get power — the minority or the

majority. In general, the ability of identity to motivate belonging is bound by the cohesion. The UAE identity could meet these requirements provided enough space and time. This national identity should embrace Arab values and norms, and allow to respect and understand different foreign cultures. However, the fear of the demographic crisis does not allow the equation ‘internal-external’ to work in the UAE. The local population growth does not coincide with the immigrant inflow — there is no equilibrium. Indeed, with only 10% of the local population, the situation in the country is much beyond control [1].

D’Apollonia argues that immigration is not a new phenomenon; it has always been there. Today, there are multiple reasons for immigration, but the most important are education, work and family reunification. There are different motivations that cannot be limited to any domain. For instance, economic factors play a significant role in immigrants’ mobility. Due to globalization, borders opened up for immigrant movements, in particular, from the less developed regions to the developed countries. Jobs shortage force people to emigrate to build their own futures [2]. There are different reasons for immigration to the UAE — famine, wars and lack of job opportunity force immigrants to accept minimum wages. Thus, the level of social diversity in the UAE is a major cause of social disharmony. Moreover, there is no social harmony among foreigners, because they came from different cultures and do not have common interests. Social interactions among immigrants are very limited, and between them and citizens are very rare. Many migrants cannot integrate into the society; while many citizens separate themselves from immigrants intentionally.

To alleviate social tensions, the state decided to promote tolerance and social acceptance, which reflects the economic policy and a parallel relationship between the presence of immigrants and the economic growth. Despite the fact that tolerance is a moral principle promoted by the state, broad-mindedness cannot reduce the level of tensions. Certainly, social pressures did not reach the level of conflicts — immigrants and citizens live in pace. However, there are cultural barriers that prevent social cohesion. A male teacher said: *“Social cohesion will never develop among 200 nationalities, and between 10% of citizens and 90% of immigrants. No balance or social unity is possible in the UAE. However, what is good about this unusual situation is that people live in peace albeit without cohesion. There is no social aggression, people accept the diversity and look at their daily life like a destiny... For us, it is a huge disaster to be 10% of the whole population”*.

People are fully aware of the demographic crisis. Some of them are critical and link the situation to the increasing number of immigrant workers. Young men are worried by the citizens’ share of 10% and emphasize the challenges to the state sovereignty, state resources, traditions and national identity. Some respondents are worried about the future and the growing number of immigrants, highlight the effects of the mixed culture and languages on young generations, because group cultures divided the society into various subcultures and communities. A mid-age man expresses his thoughts as follows: *“I am worried about the destructive impact*

on culture and social unity. Emiratis become a minority in their homeland and this situation never happened in history. There are many religious affiliations, ethnic groups and racial backgrounds, all of them live with us. We do not interact with them; I am afraid they do interact with us because they are a majority and can affect the culture. I do not want them to disappear; I just think about the future”.

According to my experience as an internal observer, direct social interactions of foreigners and locals are limited to joint work. The number of foreign workers in the government sector is limited; most of them work in the private sector and free zones. Even if locals and foreigners work together, they isolate intentionally and built only job relations. Even schools and universities could not unify young generations or change their attitudes to each other. It seems that limited interactions and the variety of cultures created a huge social gap and weakened social cohesion. It became normal in the UAE for people to self-isolate in different neighborhoods and communities. A senior male said: *“Why am I asked to communicate with others when I don't know their language? What do I tell them if I do not understand English? Even if I knew English, why would I change my own language? Even if they are my neighbors, they have their own lives, and I have my own life and traditions. My religion is different from them; they have their own beliefs; we are different. I do not hate anybody; the UAE is the land of tolerance — I just express my feelings”.*

Even under social separation, the Emiratis harbor fears; they are frustrated of culture diversity and 200 nationality living in their country. Some of them do not want immigrants to stay in the country for long. A mid-age man expressed concerns about immigrants who live in the UAE for more than 25 years — they have children and grandchildren. Generation after generation immigrants become a majority, which created a demographic gap between citizens and migrants and led to cultural problems: *“The UAE society is based on a tribal unity; our social fabric cannot absorb other people, because they are different. Within tribal communities, people live secure and help each other. People love each other and are not aggressive. Today we have many people from different countries, and I feel very much alienated. The situation is very much terrifying”.*

People are also concerned about crimes. Many participants opened discussions about their old neighborhoods — these crowded areas become lodgings to single male workers and sources of social problems. Respondents believe that the UAE society has never known such frustrations before (drugs, law violations, etc.). A young woman said: *“I will talk about aggression at schools; this type of violence is not rooted in our society. I am a teacher and I witness the change in my society. For example, bullying is a new phenomenon that came with immigrants; at schools, students learn bad behavior from their classmates and through social media”.*

The common concern of participants is the influence of immigrants on the local culture: respondents believe that patterns, norms and values of strangers harm the local society by creating a new culture with no specific face. Participants mentioned that the state allows an easy access to the country, and this strategy will affect the

migration policy and lead to the national supremacy. A young woman argues: *“The UAE is a liberal state that opened its borders for immigrants. Today, people from all over the world dominate our lives; today we are a minority in our country. Big modern cities, small towns and even remote villages — all are full of strangers with their cultures, values, languages, religions and behaviors”*.

Younger generation are worried about the future of their youth and children as shaped by the global lifestyles. Schools and universities adopt the global standard of teaching, foreign languages eliminate the native one, and the education system is westernized. Focus group participants say: *“It is not a stereotype but true that immigrants are a source of social problems. In Dubai, the level of violence increased three times in two years. It is also true that our society is a source of tolerance and acceptance. In the past, it was rare to hear about crimes or violence; aggression is a new behavior related to strangers. It is also true that we live side-by-side with immigrants, but it is not true that citizens and strangers live in the social harmony. Social unity cannot exist among 200 nationalities; we are still an alienated minority. It is true that there is no social conflict in the UAE now, but no one can predict the future”*.

Participants also highlighted the national identity issue in the UAE and call the government to take serious measures in the education system considering the Arab language. Respondents believe that the current policies do not work well, and the state should reconsider the migration strategy. A young woman said: *“We are Arabs and Muslims; our language and religion are important to us. We want to preserve our Arab identity; we want to be just like other nations who keep their languages and cultures. In the long term, the Emiratis will lose a sense of their national identity. Why should we change everything, even our way of life? I am scared of being alienated... The Emirati culture is deeply influenced; my children study at the English-speaking school; their Arabic is mixed-up with English — they speak English even at home”*.

Some respondents mention that today, there are different diseases and infections brought by immigrants. The health status of labor immigrants reflects their economic-social position — most of them have minimum wages and live in an unhealthy environment; while citizens and upper-class immigrants live in clean houses. However, the general social and health rules in the main cities changed. A female doctor explains: *“Most Emiratis think about the influence of globalization on culture and demography, but they forget health and environment. Today, there is a high level of pollution in Dubai as a result of construction, pollution and manufacturing. There are also diseases and infections. People who live in ‘poor’ neighborhood’ ignore health awareness and social security. Most workers lack decent healthy life and well-being. The international agencies who are responsible for hiring workers provide them with limited health services”*.

As a minority, the Emiratis are worried about the future of their country. They want the government to slow down the development processes to decrease the number of migrants. However, immigration is profitable for the state, while

respondents mention no positive aspects of immigration — fear and anger dominate their feelings. The Emiratis do not reject foreigners in general, but they have concerns about single male labor migrants.

Acceptance and rejection are normal patterns of culture and rational-emotional reactions to others. As a rule, people do not trust others, who are alien to them or not bound by the same social relations. Usually, natives feel uncomfortable with strangers and do not trust them. Sometimes these feeling are followed by hatred — if people try to protect themselves from outsiders and deny their rights to be a part of the society. Emiratis do not deny the rights of immigrants to live among them, but do not accept them as a majority. Since they are a minority, citizens try to self-isolate in certain areas away from the migrant zones. Despite the fact that immigrants are a majority, the local minority still has the power to reject and alienate immigrants.

The UAE citizens left the heart of old cities for remote areas, which led to their emotional and physical alienation from their heritage. Old cities are always foundations of legacy and full of memories. Emotionally, the young generation is detached from the deep values of the traditional culture, and, thus, is motivated by other cultures. Locals, the minority, live in remote areas far away from their old neighborhoods. Immigrants, the majority, live in old cities, close to old markets and old culture. Locals accuse foreigners of taking over old towns and distorting them. However, the destruction of old cities started in the 1970s, when the state modernized the traditional urban structure — new cities emerged and no or little attention was paid to small old towns.

There are 200 nationalities in the UAE, most of them male workers divided by professions and work qualities. Historically, there were three waves of immigrants: the first wave of the late 1950s came from the neighboring countries such as Iran, Pakistan and India — immigrants were mainly merchants and entrepreneurs. They settled in Dubai and established their businesses. The second wave was in the 1970s — 1980s, after the discovery of oil and the creation of the state — immigrants mainly worked in Abu Dhabi, in the oil industry. In addition to unskilled workers, some experts came from Europe and the US to promote modernization. The third wave started in the 1990s and is still maintained by globalization — international business welcomes in the UAE job seekers from all over the world.

Now that different people from different nations settled in the UAE, a new social structure developed. Since immigrants differ by skills and work qualities, they form different social classes: upper, middle and lower. Each class has its own standards of living based on the level of education, position and income, which are reflected in residential areas and neighborhoods. Usually, the upper class lives in modern neighborhoods in the uptowns or near the seaside. Middle class lives in modern buildings in the center of cities close to the commercial areas. The lower class, usually single male workers, live in old towns or remote areas. This situation created a group-culture diversity; immigrants are divided into cohorts and lack social harmony.

Nevertheless, cultural barriers between citizens and immigrants are stronger than between different groups of immigrants. All foreigners have common interests

and share a feeling of not being insiders. Usually, schools can unify different people; however, this kind of unity is typical for foreigners rather than with Emiratis. In the UAE, the school system is divided into public and private: locals go to the state schools and children of immigrants — to private schools. Thus, students from local and immigrant families do not have an opportunity to meet at school to learn from each other. Moreover, teaching languages and curriculums are not the same.

Furthermore, immigrant children born and raised in the UAE do not understand Arabic. They are neither introduced to the local society nor involved in the local culture. This disintegration is a long-term development; while its negative impacts emerged recently. However, even given the school segregation, some people believe that the young Emiratis are affected by international cultures and languages. Partly, this is true due to curriculums and learning materials.

In addition to the education system, cities and neighborhoods are also divided. The state provides subsidized homes to citizens in certain areas; thus, locals are separated from the rest of the population. Initially, this strategy limited interactions of all residents in the UAE society, which led to social segregation. Meanwhile, the demographic disparity created a huge social gap that has deepened with every step of newcomers and with each immigrant child born in the UAE.

Recently, the demographic crisis has worsened as a snowball. Perhaps, the decision-makers did not pay enough attention to the dilemma, but there is no available alternative. The UAE society has changed rapidly; such a transformation affected certain social structures. Respondents mentioned that local traditions fade away, and in the long run, it would be difficult for the state to preserve national identity, social cohesion and people's unity.

Million foreigners live in the UAE with their different cultures, languages, religions, national and ethnic identities. This situation made the state declare 2019 a year of tolerance and acceptance. The government is aware of the lack of social harmony. To avoid any potential conflict, the government tries to ensure social balance regardless of national differences. In 2016, the state adopted a principle of acceptance and established a new ministry of tolerance. However, with all its strategies of broad-mindedness, the country will not be able to eliminate all social pressures at once. The state cannot eliminate all failures at once, but it can postpone them for a while. The ministry of tolerance will not provide a radical immediate solution — it is a long-term process.

Culture domination, as mentioned by some respondents, is the dark face of globalization. In the UAE, this dominance takes different forms. It started with the group-culture diversity and ended up with the power hegemony. The cultural domination is not the result of only presence of strangers, but also the consequence of the power hegemony and political decisions. In addition, the global media have a great impact on both societies and national sovereignty. However, people do not differentiate the domination determined by globalization and the domination determined by the media and social influences of individuals and group-cultures. There are positive and negative coin-sides of group-cultures. Some respondents

focused on the negative side and ignored the positive one. For instance, recently, the state has employed professional immigrants who have knowledge, experience and skills, who take efforts to learn local values and standards. Moreover, the very presence of immigrants challenges the locals and strengthen their social solidarity. However, the worst scenario mentioned by respondents is that immigrants would control the state by getting access to power and resources.

Certainly, as a majority, the outsiders can influence the decision-making. Usually, the majority has strong hold over the society with strong stand on the ground. In the UAE, immigrants exceed citizens more than nine times, but have rather indirect influence on the state policies. The power is in the hands of the minority — the locals, who control positions, resources and decision-making. So far, the influence of immigrants does not go beyond the cultural domination of everyday life. The question is whether immigrants have power to threaten and undermine local decisions, to change the strategic planning of the state? According to Gramsci, if a group of people has power, they can dominant the entire society — social institutions, beliefs, values and behaviors. This condition does not apply to the UAE. It is a welfare state, and the decision-makers control all facilities; immigrants do not have access to policy-making. They are permanent guests for a short period; even if some of them live in the UAE for a long time, they cannot influence decision-making.

However, people can have a hidden power — an invisible power with a visible influence. This argument can be applied to the UAE. Those who do not have power can still have influence. As a majority, immigrants can influence decision-making even without access to power, authority and control. Their culture dominates the society as a certain soft power. Logically, with little soft power or even without it, the dominant leading culture is the culture of the majority. Foreigners are there, and their presence is essential for the country — for implementing development projects on different levels. Their cultures, religions, values, norms and behaviors affect the persistence of the local culture. If the native people of the UAE wish for their culture to dominate the society, they have to be the majority. Will the UAE meet this condition? The answer is in between ‘yes’ and ‘no’: ether to be or not to be is the question.

The UAE lives in the dilemma of the unbalanced demographic structure — of locals and immigrants; therefore, international cultures and languages dominate the local ones. Citizens are still a minority and the share of immigrants grows. Social groups, values and behaviors are characterized by diversity and the lack of social cohesion. Despite this fact, the government tries to find a balance by changing policies and searching for alternatives. However, there is no easy choice left for the state to overcome the demographic crisis without revising development plans for promoting tolerance as a standard of acceptance would not result in social unity.

References

- [1] Al Orami S.Z. *UAE: Between Instilling Identity and Strengthening Belonging*. Emirates Center for Strategic Studies and Research; 2018 (In Arabic).
- [2] D’Appollonia A.C. *Migrant Mobilization and Securitization in the US and Europe. How Does It Feel to Be a Threat?* Palgrave Macmillan; 2015.

- [3] Freire P. *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. New York; 1970.
- [4] Heywood A. *Political Ideas and Concepts: An Introduction*. London; 1994.
- [5] Kathiravelu L. *Migrant Dubai: Low Wage Workers and the Construction of a Global City*. Palgrave Macmillan; 2016.
- [6] Mehta S. *This Land Is Our Land: An Immigrant's Manifesto*. Farrar, Straus and Giroux; 2019.
- [7] Mesoudi A. *Cultural Evolution: How Darwinian Theory Can Explain Human Culture and Synthesize the Social Sciences*. Chicago University Press; 2011.
- [8] Morgan S.P. Is low fertility a twenty-first-century demographic crisis? *Demography*. 2003; 4.
- [9] Santucci A. *Antonio Gramsci*. New York; 2010.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-837-846

Проблема социальных различий и социальной сплоченности в Объединенных Арабских Эмиратах*

С.З. Аль-Орайми

Университет Объединенных Арабских Эмиратов
15551, Аль-Айн, Абу-Даби, ОАЭ
(e-mail: s.aloraimi@uaeu.ac.ae)

Статья посвящена воздействию культурного разнообразия на уровень социальной сплоченности в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ). Эта богатая нефтью страна возникла в 1971 году как федерация семи эмиратов. Сегодня это небольшое государство, население которого составляет около 10 миллионов человек, а граждане — всего 10%. Доходы от нефтедобычи позволили ОАЭ добиться высочайших показателей в социальном и экономическом развитии за недолгую историю своего существования. В последние десятилетия страна переживает серьезные социальные изменения, несмотря на то что модернизационные процессы блокируются на высочайших уровнях государственного управления. Дело в том, что по причине исторически сложившейся демографической структуры ОАЭ всегда зависела от внешней рабочей силы. Квалифицированные и неквалифицированные работники прибывают в страну из соседних государств, этот приток продолжается несколько десятилетий, что не могло не изменить социально-демографическую структуру ОАЭ. После всемирного экономического кризиса 2008 года и последовавшего за ним глобального экономического спада в ОАЭ резко выросла численность населения. Квалифицированные работники со всего мира устремились в страну, и Дубай стал основным центром региональной торговли — сегодня его свободные экономические зоны считаются лучшей технологической базой для предпринимательской активности в сфере услуг и логистики. В ОАЭ живут представители более двухсот национальностей, причем большинство из них — это трудовые мигранты-мужчины. Нестабильная и несбалансированная демографическая структура определяет особое культурное доминирование — национальные культуры мигрантов доминируют над местной культурой. Демографический перекос в пользу мигрантов в структуре населения ОАЭ порождает своего рода дисгармонию. Эмиратцы ощущают себя в собственной стране меньшинством и предпочитают переезжать из старинных городов в пригородную зону, что создает множество конфликтных ситуаций. Все перечисленное не может не сказываться на уровне социальной сплоченности, общинной идентичности и прямом социальном взаимодействии составляющих общество культурных групп. Чтобы показать накопившиеся в ОАЭ социальные различия и противоречия, автор представляет результаты личных интервью и групповой дискуссии, в которых критическую оценку сложившейся ситуации дают те, кто оказался в центре изменений.

Ключевые слова: общество; культура; сплоченность; граждане; мигранты; большинство; меньшинство

* © Аль-Орайми С.З., 2020

Статья поступила 26.05.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-847-863

Риск-рефлексии как фактор выбора форм политического участия (по итогам всероссийского опроса)*

А.В. Алейников, Г.П. Артемов, А.Г. Пинкевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034
(e-mail: a.alejnikov@spbu.ru; g.artemov@spbu.ru; a.pinkevich@spbu.ru)

В фокусе внимания статьи — особенности восприятия и осмысления населением своей уязвимости перед опасностями, оценка рисков и угроз, уровня безопасности среды в контексте воздействия всех этих факторов на политические и социальные отношения. Проблематизируется круг вопросов, связанных с влиянием социально-демографических характеристик, политических установок, уровня и качества жизни на восприятие рисков. Фиксируются социальные, институциональные и политические основания восприятия риска. Цель статьи — выявление взаимосвязи между риск-рефлексиями представителей разных социальных групп российского общества и практиками политического участия. Статья основана на данных всероссийского опроса, проведенного в ноябре 2019 года с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка Санкт-Петербургского государственного университета «Социологические и интернет-исследования». В статье показано отношение россиян к реальным угрозам, актуальным для них в конкретный момент, готовность участвовать в массовых выступлениях и разных политических действиях. С помощью анализа z-значений выявлена возможная зависимость между структурой реальных угроз и готовностью представителей социальных групп участвовать в политических акциях. Продемонстрировано влияние на указанную проблематику возраста, профессиональной принадлежности, доходов респондентов. Авторы определили наличие групп, более склонных к неконвенциональным политическим действиям. Их потенциальная протестная активность связана не только с неудовлетворенностью уровнем и качеством жизни, но и с солидарностью с другими группами, с желанием улучшить нынешнюю ситуацию.

Ключевые слова: риски; угрозы; уровень безопасности; современное российское общество; политические действия; протестная активность

Необходимость урегулирования рисков всегда актуальна для общества и возложена в том числе на политиков — именно их просят разработать программы, в которых были бы взвешены выгоды и риски, так как в их распоряжении имеются необходимые методы сбора информации и технологические разработки. «Однако, когда дело доходит до принятия решений, они, как правило, прибегают к технике, на которую опирались с древности — интуиции. Качество их интуиции устанавливает верхний предел качества всего процесса принятия решений и, возможно, качества нашей жизни» [27. Р. 32].

* © Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г., 2020

Статья поступила 23.03.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

Теоретические и эмпирические усилия в изучении факторов, определяющих специфику восприятия риска в разных политических и социокультурных условиях, воздействия опасностей и угроз как на общество в целом, так и на межличностные отношения, взаимосвязи риск-рефлексий с характеристиками политического участия, имеют давнюю историю. Восприятие рисков, альтернативные версии и интерпретации угроз и опасностей — важнейший механизм социального конструирования идентичности, усиления социального неравенства и несправедливости, поскольку риски иерархичны и им в большей степени подвергаются слои общества, наименее способные к минимизации их последствий [28. С. 216]. Само обсуждение рисков, подчеркивал У. Бек, меняет не только наше социальное бытие и его восприятие, но и способы реализации политики [17]. Ключевой проблемой общества риска является политика распределения и компенсации рисков [2. С. 21].

Понимание и переживание рисков как элементов стратегий подготовки к непредсказуемым ситуациям, споры о природе рисков, способах управления ими и виновных в их появлении [29. С. 1] — база для выработки политических сценариев. В «поле риска» и рефлексий о рискогенности преломляются проблемы политического устройства и борьбы за власть. Например, в известных концептах «достойного правления» (good governance) и «недостойного правления» (bad governance) рассматриваются в том числе эффективность стратегического управления по осмыслению рисков и оценке готовности принять риск. «Когда люди сталкиваются с угрозами нежелательных экономических, социальных или политических изменений в будущем, они особенно склонны менять свои политическое поведение в попытке предотвратить угрозу» [25. С. 509]. В риск-рефлексивных практиках, личностном и социокультурном восприятии угроз, с одной стороны, оценивается опасность потерь или возможность выигрыша, степень готовности действовать «на грани фола» [22], реализации политических решений в условиях неопределенности. С другой стороны, риск-рефлексии (1) могут формировать «рискофобию», иррациональные чувства постоянной социальной тревоги и страха или, напротив, создавать упрощенное пространство представлений о реальных рисках и опасностях, иногда трансформирующееся в «рискофильство».

При таком подходе важно исследовать чувство страха, определяемое несправедливым распределением рисков и выгод от них [33], интерпретации и репрезентации травматических событий в символической политике, поскольку «именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, а вовсе не события сами по себе» [1. С.18]. «Общество риска становится таковым потому, что в нем распространены массовые страхи тотального типа, т.е. повсеместные и постоянные, почти рутинизированные и не требующие тщательной эмпирической интерпретации — они понятны любому члену общества (независимо от степени его экспертности в реалистичности угроз) благодаря средствам массовой информации, которые „нормализуют“ множество угроз» [11. С. 35].

В контексте конфликта политических сил «за определение, что рискованно, а что — нет» [15] ученые подчеркивают широкое использование угроз и опасностей в форме возложения вины и ответственности за них. Вместе с тем угрозы — важный аспект политической жизни: угроза — «потенциальная возможность потери чего-то ценного для личности, что предположительно влияет на защитное поведение» [24. С. 18]; угроза — мотиватор активизма, и восприятие угрозы в отношении элементов социального порядка может оказывать сильное влияние на установки и поведение (угроза как важный элемент мобилизации).

Показательна позиция М. Дуглас, которая, подчеркивая политические основания восприятия риска, выделяет трех адресатов (социальных агентов) обвинений в наступлении неблагоприятных событий: сами жертвы, нарушившие правила или запреты, политические соперники и внешние враги [19]. Их причастность доказывается не реальными действиями или бездействием, а самим фактом, например, обладания политическим или социальным статусом, причастность к которому воспринимается как угроза. Анализируя политизированные формы восприятия опасностей, она полагает, что риск «призывают на службу для выпадов против злоупотреблений власти; обвинение в создании обстановки риска — это дубинка для битья авторитетов, средство расшевелить ленивых бюрократов, вырвать возмещение для жертв» [7. С. 245].

С другой стороны, ситуация риска предоставляет «дополнительный шанс для деятельности и узурпации власти за рамками политической системы» [18. С. 35]. Демократическая система «оказывается перед худым выбором: или оказаться несостоятельной перед лицом систематически производимых опасностей, или под натиском авторитарных дисциплинарно-государственных „опорных точек“ аннулировать основные демократические принципы» [2. С. 97]. Эти «опорные точки» восприятия риска могут быть социальными (например, средства массовой информации) или институциональными (например, политические действия) [18].

Динамика современного политического процесса, продуцируемая социальными рисками, стимулирует конфронтацию социальных акторов и политических сообществ, «раскалывая общество по критерию наличия ресурсов противостояния и адаптации к неопределенности и угрозам, углубляя социально-структурную дифференциацию» [9. С. 711]. Именно в функциональном пространстве рисков и угроз возникают рефлексивные практики, легитимирующие политические действия.

Проблемное поле статьи конструируется несколькими исследовательскими вопросами: каковы социальные детерминанты и политические основания специфики восприятия риска разными социальными субъектами; как связан уровень протестного потенциала с разными компонентами адаптационных стратегий, которые можно зафиксировать в ситуациях неравного распределения риска; каков механизм взаимосвязи между идентификацией угроз и ориентацией на конвенциональные и неконвенциональные формы участия (неучастия)

в политике. Акцентируя внимание на этих вопросах, Бек подчеркивает, что «риски не упраздняют, а усиливают классовое общество» [2. С. 40], и солидарность «жертв рисков» может порождать мощные политические силы. Без ответов на эти вопросы невозможно понимание природы современных опасностей и угроз для стабильности государства, поскольку политически рефлексивные риски угрожают функционированию социальной структуры [17].

Таким образом, исследовательская проблема состоит в недостаточной изученности влияния политически отрефлексированных рисков на характер политического участия в российском «обществе риска». Согласно Беку «социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор: то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой» [2. С. 26]. Цель исследования — выявление взаимосвязи между риск-рефлексиями представителей разных социальных групп и практиками политического участия. В основе исследования лежит синтез методологических возможностей теорий восприятия риска (2) социальными субъектами, которые объединяет идея «вплетения риска» во властные отношения и «рискификации» социальных и политических проблем [21]. Авторы ориентируются на теории социокультурной жизнеспособности М. Дуглас и А. Вилдавски [20], отличий «объективного риска» и его субъективных оценок, «риска для себя» и «риска для других», «необоснованного оптимизма» и «нереалистического пессимизма» в восприятии рисков Л. Шоберга [26], стратегий «риска в действии» и «риска в мышлении» Д. Канемана [8], «режимов власти», рассматривающих зависимость восприятия риска от политического дискурса [23].

Наиболее продуктивной отправной точкой эмпирических исследований восприятия риска считается «психометрическая парадигма» [27], в которой зафиксированы значимые для риск-рефлексий характеристики риска: добровольность-недобровольность риска; отложенность воздействия — безотлагательность эффекта; знание-незнание о риске; контролируемость-неконтролируемость риска; новизна-неизвестность риска; катастрофичность (массовость) — хронический характер риска; приспособленность — страх перед риском; справедливость распределения рисков; наличие — отсутствие превентивного контроля; угроза будущим поколениям [5].

Не менее существенную роль для методологии нашего исследования играют теоретические экспликации П. Штомпки о разных проявлениях восприятия риска в акте доверия, которое представляет собой ставку «в отношении будущих непредвиденных действий других». «Культурный профиль риска», т.е. нормативное ожидание рискогенности, определяет доверие к институтам. В нашем исследовании акцент сделан на «системном» (общественном) доверии к социальным порядкам, структурам, режимам и организациям, а также на «процедурном» доверии к институциональным практикам и процедурам функционирования общества [14]. Обращение к методологии П. Бурдьё связано с необходимостью выделения «подпространства риска», которое представляет собой асимметричную структуру производства, воспроизводства, ранжирования и

распределения угроз и рисков, функционирующую «одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [3. С. 40].

Опираясь на приведенные подходы, мы можем установить место и роль восприятия рисков в выборе социальными группами форм политического участия, которое рассматривается в рамках классического подхода — как процесс воздействия социальных субъектов на результаты деятельности политической системы, влияние или попытка влияния на принятие политических решений и определение политической повестки [см., напр.: 6; 12].

Эмпирическую базу исследования составили материалы всероссийского телефонного опроса, проведенного в ноябре 2019 года с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования». Было опрошено 1620 человек старше 18 лет, проживающих во всех регионах России. Использовалась репрезентативная многоступенчатая выборка с контролем квот по полу, возрасту и месту проживания. В опросе изучались, в частности, оценки реальных угроз, а также готовность участвовать в массовых выступлениях и разных видах политических действий: сборе подписей под обращением к властям, митингах, пикетах, бойкотах, захвате зданий и блокаде дорог. Респондентам был предложен перечень угроз: потеря имущества, собственности, сбережений; ухудшение, утрата здоровья; стресс, одиночество; ощущение, что жизнь зашла в тупик; потеря работы, служебного положения, безработица; дискриминация по признаку пола, возраста, национальности, за религиозные, политические убеждения; экологические бедствия (попадание вредных веществ в воду, пищу, воздух, вырубка лесов).

Большинство (62,5%) опрошенных дают негативную оценку ситуации в стране (48,1% считают ее кризисной, 14,4% — катастрофической). Нормальной/благополучной ситуацию считают 31,9% респондентов (Рис. 1). К числу актуальных проблем респонденты отнесли следующие: низкий уровень жизни (низкая зарплата, низкие пенсии); безработица; дорогое медицинское обслуживание, отсутствие специалистов, дорогие лекарства; кризис межличностных отношений (агрессивность, безразличие, недоверие, бескультурье); коррупция; некачественное и дорогое образование; бездействие властей, кризис экономики, социальная несправедливость (Табл. 1).

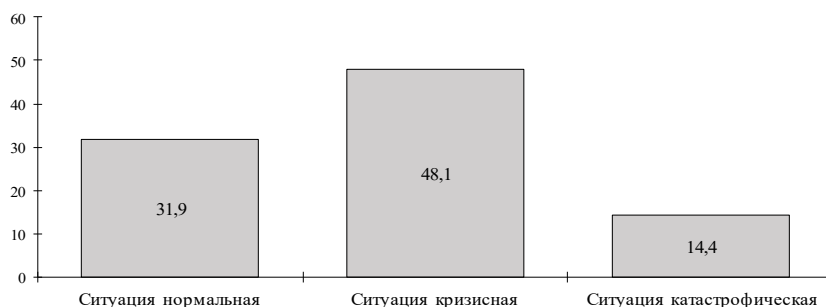

Рис. 1. Оценка ситуации в стране (%)

Таблица 1

**«Какие из проблем нашего общества тревожат Вас больше всего?»
(формулировки респондентов, в %)**

Низкий уровень жизни (обнищание населения, низкие зарплаты, рост цен)	18,6
Безработица	11,9
Пенсии низкие, пенсионная реформа	8,7
Дорогое медицинское обслуживание (отсутствие специалистов, дорогие лекарства)	8
Агрессия людей, безразличие, бескультурье, недоверие	6,9
Коррупция	6,4
Образование: качество, дороговизна, реформа	5,2
Бездействие властей	3,8
Экономика в кризисе, не развивается	3,1
Социальная несправедливость: не заботятся о старшем поколении, молодых семьях, молодежи	3

В ходе опроса были выявлены следующие угрозы в жизни респондентов: экологические бедствия (попадание вредных веществ в воду, пищу, воздух, вырубки лесов) — 55,1%; ухудшение, утрата здоровья — 50,4%; угроза войны со стороны других государств — 25%; потеря работы, служебного положения, безработица — 24,3%; потеря имущества, собственности, сбережений — 17,7%; стресс, одиночество, ощущение, что жизнь зашла в тупик — 17,7%; дискриминация по признаку пола, возраста, национальности, за религиозные, политические убеждения — 12,8% (Рис. 2). Многие (44,1%) считают, что при возникновении угрозы власти стараются ее «замалчивать», 13,5% — что власти «перекладывают ответственность на население», и только 27,2% — что «власти берут ответственность на себя».

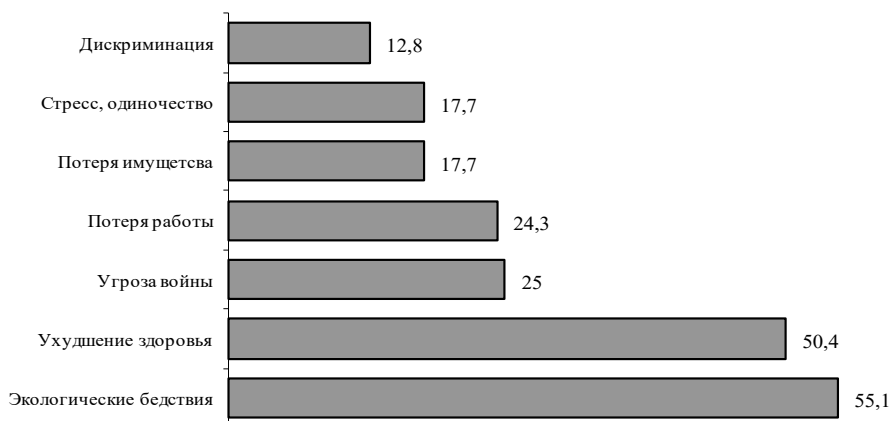

Рис. 2. Оценка реальных угроз (в %)

В случае наиболее вероятной и опасной угрозы респонденты готовы предпринять следующие действия: обсуждение с родными и знакомыми — 73,5%;

организация друзей и знакомых — 35,9%; обращение к властям — 32%; обращение к средствам массовой информации — 25,2%. В ситуации возможного риска (ущерба) 40% намерены активно протестовать, 15,1% надеются, что ситуация разрешится сама собой, 14,5% готовы смириться с ситуацией, так как не верят в возможность ее разрешения, а 9,5% собираются уехать из страны.

Для выявления зависимостей между структурой реальных угроз, отмеченных представителями социальных групп, и их готовностью участвовать в политических действиях использовался анализ z-значений (величина, демонстрирующая направление и степень отличия групповых показателей от средних по выборке; положительная величина «+» означает, что групповые показатели выше средних, отрицательная «-» — ниже средних). Сначала были вычислены частотные распределения по всем угрозам и видам действий для каждой группы, затем построена база данных, характеризующих наличие определенных угроз в жизни социальных групп и их готовность участвовать в определенных политических действиях и рассчитаны z-значения, отражающие степень и направление отличий конкретной группы от средних. На рис. 3–8 представлены диаграммы, построенные в соответствии с приведенным выше перечнем угроз и видов политического действия по группам опрошенных.

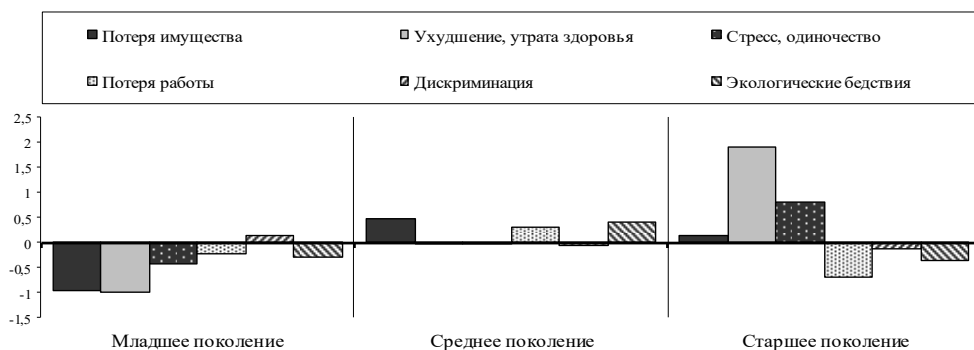

Рис. 3. Структура актуальных угроз в жизни по возрастам

На Рисунке 3 видно, что старшему поколению более свойственно отмечать угрозы здоровью, стресса и одиночества — у них максимальные положительные z-значения по оценке наличия этих угроз. Среднее поколение в большей степени отмечает наличие угрозы потери имущества и работы, угрозы экологических бедствий. Представители младшего поколения чаще других групп отмечают только угрозы дискриминации.

Согласно Рисунку 4 младшее поколение отличается большей степенью готовности участвовать в бойкоте властей, захвате зданий и блокаде дорог. Люди, относящиеся к среднему поколению, чаще склонны использовать такие формы, как сбор подписей под обращением к властям, участие в разрешенных митингах, пикетах и демонстрациях. Кроме того, они склонны участвовать в захвате зданий и блокаде дорог, но их положительное z-значение меньше, чем у младшего поколения. По участию в массовых акциях у обоих

поколений имеются практически нулевые z-значения, что свидетельствует об отсутствии существенных отличий от средних по выборке: участвовать в массовых акциях намерено около 40% опрошенных. Представители старшего поколения проявляют меньшую готовность участвовать в массовых акциях, реже допускают свое участие в бойкоте властей, захвате зданий и блокаде дорог (максимальные отрицательные z-значения). Старшее поколение готово участвовать в сборе подписей под обращением к властям в большей степени, чем представители младшего поколения, но в меньшей степени, чем представители среднего поколения. Участвовать в митингах, пикетах и демонстрациях они готовы в меньшей степени, чем представители среднего поколения. В целом старшее поколение, несмотря на наличие угроз в своей жизни, меньше других поколений склонно к активным политическим действиям.

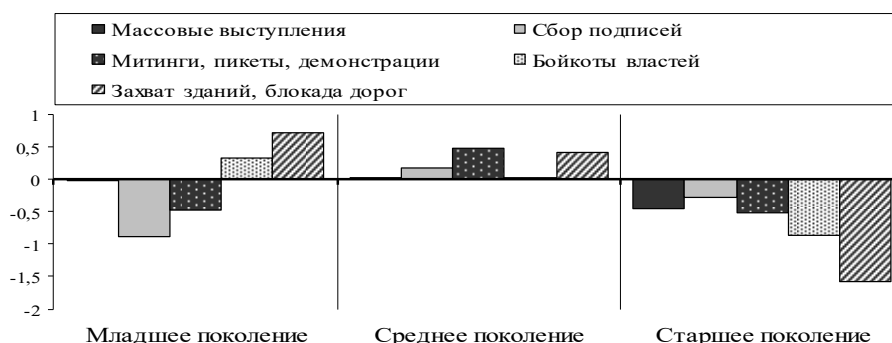

Рис. 4. Готовность поколений к участию в политических действиях

В пользу такого вывода свидетельствует и распределение ответов на вопрос о реакции на ситуацию возможного ущерба здоровью, имуществу и окружающей среде (Табл. 2). Среди старшего поколения выше доля тех, кто надеется на независимое от них разрешение ситуации и не верит в возможность разрешения ситуации (младшее поколение — 32,7%, среднее — 34,1%, старшее — 50,7%). Преобладающая часть младшего и среднего поколений в такой ситуации намерена активно протестовать или уехать из страны (соответственно 67,3% и 65,8%).

Таблица 2

Реакция поколений на ситуацию возможного ущерба здоровью, имуществу и окружающей среде (%)

Поколения	Скажите, пожалуйста, в ситуации возможного ущерба здоровью, имуществу, окружающей среде Вы:			
	Будете надеяться, что ситуация риска разрешится сама собой	Смиритесь с ситуацией, так как не верите в возможность ее разрешения	Будете активно протестовать	Уедете из страны
Младшее	15,9	16,8	43,6	23,7
Среднее	16,4	17,7	55,2	10,6
Старшее	29,2	21,5	47,4	1,8

Наряду с уровнем потенциальной активности поколений в ситуации угроз нужно оценить и характер этой активности: соотношение ориентации на конвенциональные (разрешенные законом) и неконвенциональные (незаконные) типы политического действия. К конвенциональным политическим действиям можно отнести сбор подписей под обращением к властям, разрешенные митинги, пикеты и демонстрации, к неконвенциональным — бойкот властей, захват зданий и блокада дорог. Массовые выступления для большинства опрошенных — разновидность конвенциональных политических действий. Результаты микроанализа таблиц сопряженности (сравнения знаков стандартизованных остатков — величин, показывающих степень отличия наблюдаемых частот от ожидаемых; значимыми считаются стандартизованные остатки $\geq \pm 1,65$; наличие значимого положительного стандартизованного остатка у респондентов, намеренных участвовать в массовых выступлениях, и респондентов, допускающих участие в других политических действиях, свидетельствует о том, что респонденты склонны выбирать данные альтернативы чаще, чем не намеренные и не допускающие участия в других видах политической действий) по вопросам об участии в массовых акциях и в других видах политических действий подтверждают данный вывод (Табл. 3).

Таблица 3

Соотношение участия в массовых выступлениях и в других видах политических действий

Участие в массовых выступлениях	Величины	Участие в сборе подписей под обращением		Участие в мирных, разрешенных митингах, пикетах, демонстрациях		Участие в бойкоте (отказ платить налоги, квартплату)		Участие в захвате зданий, блокаде дорог	
		Допускают	Не допускают	Допускают	Не допускают	Допускают	Не допускают	Допускают	Не допускают
Намерены участвовать	%	88	11,1	74,6	22,7	31,9	66,2	11,2	86,7
	Стандартизованный остаток	+3,6	-6	+8,7	-9,2	+6,9	-3,3	+5	-1,3
Не намерены участвовать	%	65,7	31	30,8	67,4	10,1	86,9	2,2	95,6
	Стандартизованный остаток	-3,3	+5,5	-8	+8,4	-6,3	+3,1	-4,6	+1,2
Итого	%	75,9	21,9	50,8	47	31,9	66,2	6,3	91,6

Анализ данных, приведенных в Таблице 3, позволяет сделать вывод о зависимости между альтернативами рассматриваемых вопросов. Большинство (более 2/3) респондентов, намеренных участвовать в массовых выступлениях, допускают свое участие в конвенциональных действиях: сборе подписей, разрешенных митингах, пикетах и демонстрациях. Только у 1/3 респондентов участие в массовых выступлениях сочетается с неконвенциональными действиями

(бойкот властей, захват зданий и блокада транспортных магистралей). Вероятно, у старшего поколения наличие угроз обуславливает преимущественно конвенциональную политическую активность, у младшего поколения — преимущественно неконвенциональную, а у среднего — их сочетание.

Данные на Рисунке 5 позволяют сделать вывод, что безработные чаще отмечают наличие в их жизни большинства угроз (максимальные положительные z-значения по угрозам потери имущества и работы, стресса и одиночества, ухудшения здоровья и дискриминации). У пенсионеров максимальные положительные z-значения по угрозе ухудшения здоровья и войны, стресса и одиночества. Учащиеся и студенты отличаются максимальными z-значениями по угрозам дискриминации и экологических бедствий. Представители всех остальных профессиональных групп значительно реже отмечают наличие в их жизни перечисленных угроз: у квалифицированных рабочих, специалистов с высшим образованием, занятых во внепроизводственной сфере и служащих без высшего образования минимальные z-значения по всем видам угроз. Остальные группы отмечают наличие угроз в их жизни в большей степени, чем квалифицированные рабочие, специалисты и служащие, но в меньшей степени, чем безработные и пенсионеры. Неквалифицированные рабочие чаще, чем в среднем по выборке, отмечают наличие угроз ухудшения здоровья, потери работы, дискриминации и экологических бедствий. Бизнесменов больше всего беспокоят угрозы потери имущества, дискриминации и экологических бедствий. Специалистов с высшим образованием, занятых на производстве, в большей степени, чем в среднем по выборке, беспокоят угрозы потери имущества, ухудшения здоровья и экологических бедствий. Госслужащие из всех угроз в несколько большей степени, чем в среднем по выборке, выделяют угрозу стресса и одиночества.

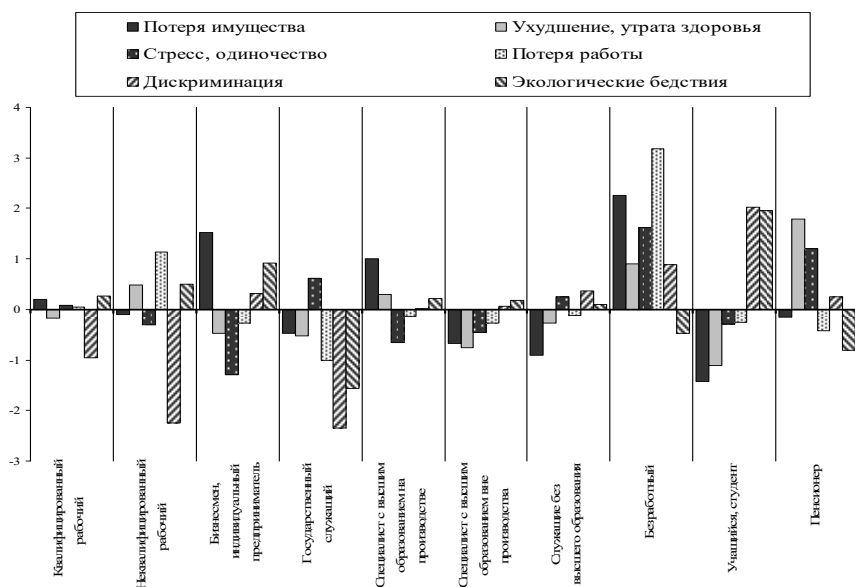

Рис. 5. Структура актуальных угроз в жизни профессиональных групп

Рисунок 6 показывает, что большую, чем в среднем по выборке, степень готовности участвовать в большинстве действий демонстрируют служащие без высшего образования (положительные z-значения по всем видам действий) и квалифицированные рабочие (положительные z-значения по 4 из 5 действий). Далее идут специалисты с высшим образованием, занятые на производстве, неквалифицированные рабочие, учащиеся и студенты (положительные z-значения имеются по 3 действиям из 5). У специалистов с высшим образованием, занятых вне производства, а также безработных наблюдаются положительные z-значения только по 2 из 5 видов действия, а у госслужащих и бизнесменов — только по 1. Пенсионеры проявляют меньшую готовность участвовать во всех видах действия (отрицательные z-значения).

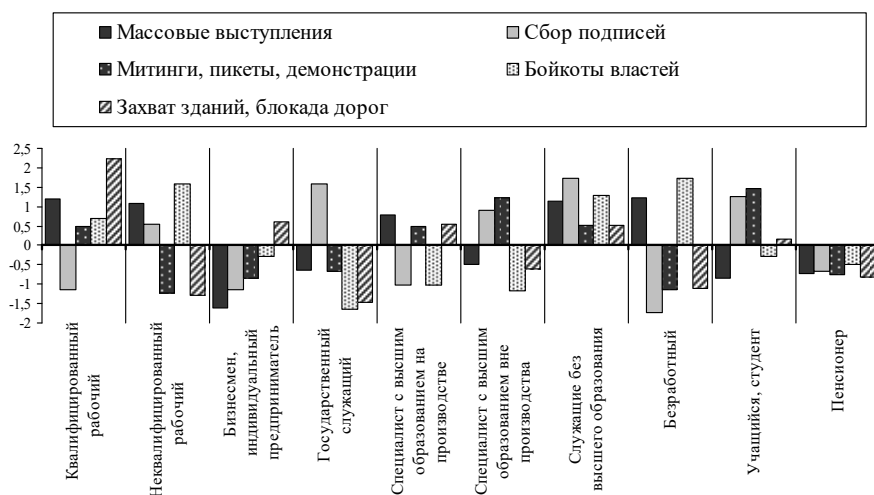

Рис. 6. Готовность профессиональных групп к политическим действиям

Как и в предыдущем случае, следует учитывать структуру потенциальной активности профессиональных групп — соотношение конвенциональных и неконвенциональных политических действий. У госслужащих, специалистов с высшим образованием, занятых вне производства потенциальная активность носит преимущественно конвенциональный характер, у бизнесменов — неконвенциональный характер (положительные z-значения только по захвату зданий и блокаде дорог). У остальных групп активность имеет смешанный характер — сочетания конвенциональных и неконвенциональных типов действия. Следует обратить внимание на низкие показатели потенциальной активности по всем видам действия у пенсионеров, по большинству видов действия — у безработных, бизнесменов и госслужащих, а также на высокие показатели потенциальной политической активности у служащих без высшего образования, квалифицированных рабочих и специалистов с высшим образованием на производстве.

На Рисунке 7 видно, что в наибольшей степени на наличие всех рассматриваемых угроз указывают низкообеспеченные респонденты (максимальные

положительные z-значения по всем видам угроз). Среднеобеспеченные респонденты чаще, чем в среднем по выборке, отмечают угрозы ухудшения здоровья, стресса и одиночества, высокообеспеченные — наличие угрозы дискриминации и экологических бедствий.

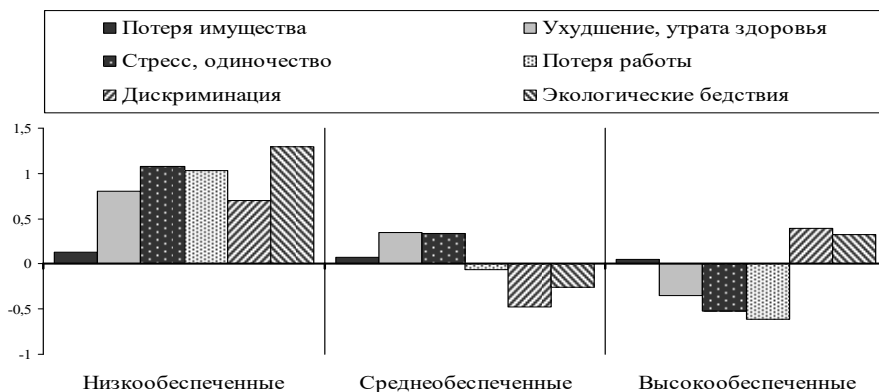

Рис. 7. Структура актуальных угроз по уровню достатка

Согласно данным на Рисунке 8, низкообеспеченные люди проявляют высокую готовность участвовать в 3 из 5 видов политических действий, особенно в бойкотах (максимальные положительные z-значения). У среднеобеспеченных, несмотря на высокую на фоне средней по выборке готовность участвовать в 3 из 5 видов действий, потенциальная политическая активность носит преимущественно конвенциональный характер — они в наименьшей степени склонны участвовать в бойкотах, захватах зданий и блокаде дорог. Высокообеспеченные люди проявляют наибольшую готовность участвовать в неконвенциональных действиях. Это значит, что основой неконвенциональной политической активности служит не только низкий доход, но и угроза снижения дохода в неблагоприятной социальной ситуации, в которой люди, независимо от уровня дохода, могут потерять имущество, сбережения, работу и социальный статус.

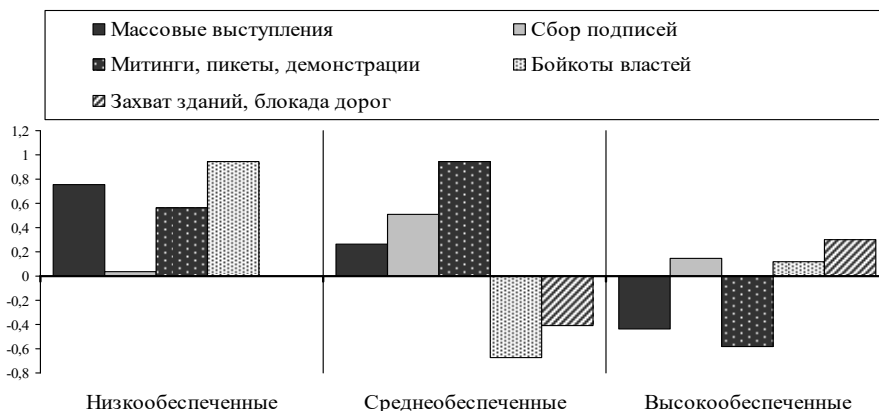

Рис. 8. Готовность к участию в политических действиях по уровню дохода

Таким образом, одним из существенных факторов, стимулирующих политическое участие, выступает дефицитарная потребность в политическом диалоге по проблемам принятия и избегания риска. Значительная часть респондентов фиксирует «риск-асимметрию», полагая, что власти при возникновении угроз перекладывают ответственность за их устранение на население. Исследование позволило выделить риск-рефлексии как специфический способ манифестирования социальной напряженности и ценностно-смысловой локализации форм политического участия. Наше исследование в целом подтверждает гипотезу Д. Миллер о наличии обратной связи «между восприятием угроз и толерантностью в отношении групп, которые представляют наибольшую угрозу социальному порядку... Связано это не с тем, что высока вероятность выполнения группой своих намерений, а с тем, что группа воспринимается как аморальная, не достойная доверия, связанная с насилием» [24. С. 17–18].

Формы участия социальных групп в политических действиях определяются в том числе спецификой «подпространства восприятия риска»: выявлены существенные различия в трактовках «рискованного», «назначения виновных» за угрозы и способах управления рисками. Например, для квалифицированных рабочих, специалистов и служащих, несмотря на относительно меньшее наличие в их жизни перечисленных угроз, характерна «риск-солидарность», поскольку в основе мотивации их участия в разных видах политических действий лежит стремление помочь другим устранить существующие в их жизни угрозы. Основой потенциальной протестной активности этих профессиональных групп служат не столько собственные лишения, сколько солидарность с теми группами населения, которые терпят лишения. Можно предположить, что эти профессиональные группы более негативно оценивают социальную безопасность и эффективность действий властей по обеспечению этой безопасности [13. С. 5]. В будущем мы планируем исследовать моральное измерение восприятия рисков, которое недавно стало предметом пристального научного интереса [16].

Представленные в статье данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения конфликта политических интересов в рискогенном социуме, асимметрии стратегий поведения и адаптации в ситуациях неопределенности, дифференциации параметров социальной приемлемости риска, последствий управленческих решений по нейтрализации или минимизации угроз. Это позволит определить универсальные и специфические рефлексивные практики групп в инструментальном конструировании рисков и наметить пути нейтрализации их манипулятивного потенциала, а также выработки рекомендаций органам власти по формированию стратегий подготовки к непредсказуемым ситуациям, воспитания толерантности к неопределенностям и социально приемлемому риску, усиления конструктивного и снижения деструктивного влияния риск-рефлексий в сфере управления и предупреждения социальной напряженности.

Примечания

- (1) Вслед за О.Н. Яницким мы понимаем риск-рефлексии двояко: «традиционно» (рефлексии массового и профессионального сознания) и «инновативно» (столкновение общества с последствиями рисков, с которыми оно не может справиться, ассимилировать или трансформировать, действуя в соответствии с существующими стандартами). Риск-рефлексия, опосредуя восприятие риска, определяет выработку стратегии и тактики социального субъекта в ситуации угрозы и неопределенности, является инструментом определения социальной приемлемости риска [15].
- (2) Статья не предполагает обзора определений риска, поскольку полноценный анализ существующих подходов — предмет отдельной статьи. Мы понимаем риск как угрозу, потенциальную возможность «будущих материальных, физических, психологических, социальных, духовных потерь (ущерб здоровью, жизни, имуществу), обусловленных субъективным решением» [10. С. 42]. Соответственно, восприятие риска есть «совокупность суждений, представлений и установок субъекта относительно риска, включает в себя процесс и результат оценки риска субъектом и вероятности возникновения будущей ситуации, ее определение как нежелательной или опасной» [4. С. 37].

Библиографический список

- [1] *Александр Д.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3.
- [2] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- [3] *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- [4] *Гаврилов К.А.* Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов. М., 2009.
- [5] *Гаврилов К.А.* Психометрическая парадигма в исследовании риска: перевод на русский язык и апробация на студенческой выборке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2.
- [6] *Гончаров Д.В.* Теория политического участия. М., 1997.
- [7] *Дуглас М.* Риск как судебный механизм // Thesis. 1994. Вып. 5.
- [8] *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков, 2005.
- [9] *Мозговая А.В.* Социальная сфера: вектор изменений, риски и адаптационные ресурсы (по материалам общероссийских мониторинговых исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
- [10] *Мозговая А.В.* Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе: Дисс. д.с.н. М., 2019.
- [11] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Патриотические настроения: дилемма «родина или государство» // ПОИСК. 2018. № 1.
- [12] *Холмская М. Р.* Политическое участие как объект исследования (Обзор отечественной литературы) // Политические исследования. 1999. № 5.
- [13] *Шлыкова Е.А.* Отношение к риску как дифференцирующий фактор выбора способа вынужденной адаптации // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4081>.
- [14] *Штомпка П.* Доверие – основа общества. М., 2012.
- [15] *Яницкий О. Н.* Социология риска. М., 2003.
- [16] *Bassarak C., Pfister H.-R., Böhm G.* Dispute and morality in the perception of societal risks: Extending the psychometric model // Journal of Risk Research. 2017. Vol. 20. No. 3.
- [17] *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetic in the Modern Social Order. Cambridge, 1994.
- [18] *Bodemer N., Gaissmaier W.* Risk perception // Sage Handbook of Risk Communication / Ed. by H. Cho, T. Reimer, K. McComas. L.A., 2015.
- [19] *Douglas M.* Risk and Blame. Essays in Cultural Theory. L.–N.Y., 1992.

- [20] *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley—L.A., 1982.
- [21] *Hardy C., Maguire S.* Organizing risk: Discourse, power, and “riskification” // *Academy of Management Review*. 2016. Vol. 41. No. 1.
- [22] *Lyng S.* Edgework, risk, and uncertainty // *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction* / Zinn J. (Ed.). Chichester, 2008.
- [23] *Lupton D.* Risk. L., 2013.
- [24] *Miller J.M.* Threats and opportunities as motivators of political activism // URL: <https://www.researchgate.net/publication/248079929>.
- [25] *Miller J.M., Krosnick J.A.* Threats as a motivator of political activism: A field experiment // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. No. 4.
- [26] *Sjöberg L.* Factors in risk perception // *Risk Analysis*. 2000. Vol. 20. No. 1.
- [27] *Slovic P.* The Perception of Risk. L., 2000.
- [28] *Tierney K.J.* Toward a critical sociology of risk // *Sociological Forum*. 1999. Vol. 14. No. 2.
- [29] *Tulloch J., Lupton D.* Risk and Everyday Life. L., 2003.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект №19-18-00115.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-847-863

Risk reflections as a factor for choosing forms of political participation (results of the all-Russian survey)*

A.V. Aleinikov, G.P. Artemov, A.G. Pinkevich

Saint-Petersburg State University
University Emb., 7–9, Saint-Petersburg, Russia, 199034
(e-mail: a.aleinikov@spbu.ru; g.artemov@spbu.ru; a.pinkevich@spbu.ru)

Abstract. The article focuses on the population’s perception and understanding of their vulnerability to dangers, assessment of risks, threats and environmental security in the context of all these factors influence on political and social relations. The authors consider a number of issues related to the influence of social-demographic characteristics, political attitudes, level and quality of life on the perception of risks; identify social, institutional and political grounds of risk perception. The article aims at identifying the relationship between risk reflections of different social groups in the Russian society and practices of political participation. The article is based on the data of the all-Russian survey conducted in November 2019 with the support of the Resource Center of the Science Park of the Saint Petersburg State University “Sociological and Internet Studies”. The authors show the attitude of Russians to real actual threats, their willingness to participate in mass protests and various forms of political action. Based on the analysis of z-values, the authors show a possible relationship between the structure of real threats and the willingness of social groups to participate in political actions, and also the impact of age, profession, and income on this relationship. The authors identified groups more inclined to non-conventional political action. Their potential protest is determined not only by dissatisfaction with the level and quality of life, but also by solidarity with other groups and the desire to improve the situation.

Key words: risks; threats; level of security; contemporary Russian society; political actions; protest activity

* © A.V. Aleinikov, G.P. Artemov, A.G. Pinkevich, 2020

The article was submitted on 23.03.2020. The article was accepted on 22.05.2020.

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00115.

References

- [1] Alexander J. Kulturnaya travma i kollektivnaya identichnost [Cultural trauma and collective identity]. *Sociologicheskyy Zhurnal*. 2012; 3 (In Russ.).
- [2] Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [3] Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [4] Gavrillov K.A. *Sotsiologiya vospriyatiya riska: opyt rekonstruktsii klyuchevykh podkhodov* [Sociology of Risk Perception: Key Approaches Reconstructed]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [5] Gavrillov K.A. Psichometricheskaya paradigma v issledovanii riska: perevod na russky jazyk i aprobatsiya na studencheskoj vyborke [Psychometric paradigm in risk research: Translation into Russian and testing on a student sample]. *Monitoring Obshhestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 2 (In Russ.).
- [6] Goncharov D.V. *Teoriya politicheskogo uchastija* [Political Participation Theory]. Moscow; 1997 (In Russ.).
- [7] Douglas M. Risk kak sudebny mekhanizm [Risk as a judicial mechanism]. *Thesis*. 1994; 5 (In Russ.).
- [8] Kahneman D., Slovic P., Tversky A. *Prinyatie resheniy v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases]. Kharkov; 2005 (In Russ.).
- [9] Mozgovaya A.V. Socialnaya sfera: vektor izmenenij, riski i adaptatsionnye resursy (po materialam obshcherossijskikh monitoringovykh issledovanij) [Social sphere: Vectors of change, risks and adaptation resources (results of all-Russian monitoring surveys)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [10] Mozgovaya A.V. Adaptatsiya k riskam transformatsionnykh protsessov v rossijskom obshchestve: Diss. d.s.n. [Adaptation to the Risks of Transformational Processes in Russia: DSc thesis]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [11] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Patrioticheskie nastroyeniya: dilemma “rodina ili gosudarstvo” [Patriotic mood: Dilemma ‘homeland or state’]. *POISK*. 2018; 1 (In Russ.).
- [12] Kholmanskaya M.R. Politicheskoe uchastie kak ob’ekt issledovaniya (Obzor otechestvennoj literatury) [Political participation as an object of research (a review of the Russian scientific literature)] *Political Studies*. 1999; 5 (In Russ.).
- [13] Shlykova E.A. Otnoshenie k risku kak differentsiruyushchy faktor vybora sposoba vyzhdennoj adaptatsii [Attitude to risk as a differentiating factor in choosing a method of forced adaptation]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4081> (In Russ.).
- [14] Sztompka P. *Doverie — osnova obshchestva* [Trust as a Foundation of Society]. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [15] Yanitsky O.N. *Sociologiya riska* [Sociology of Risk]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [16] Bassarak C., Pfister H.-R., Böhm G. Dispute and morality in the perception of societal risks: Extending the psychometric model. *Journal of Risk Research*. 2017; 20 (3).
- [17] Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetic in the Modern Social Order*. Cambridge; 1994.
- [18] Bodemer N., Gaissmaier W. Risk perception. Cho H., Reimer T., McComas K. (Eds.). *Sage Handbook of Risk Communication*. Los Angeles; 2015.
- [19] Douglas M. *Risk and Blame. Essays in Cultural Theory*. London–New York; 1992.
- [20] Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press; 1982.

- [21] Hardy C., Maguire S. Organizing risk: Discourse, power, and “riskification” *Academy of Management Review*. 2016; 41 (1).
- [22] Lyng S. Edgework, risk, and uncertainty. Zinn J. (Ed.). *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction*. Chichester; 2008.
- [23] Lupton D. *Risk*. London; 2013.
- [24] Miller J.M. Threats and opportunities as motivators of political activism. URL: <https://www.researchgate.net/publication/248079929>.
- [25] Miller J.M., Krosnick J.A. Threats as a motivator of political activism: A field experiment. *Political Psychology*. 2004; 25 (4).
- [26] Sjöberg L. Factors in risk perception. *Risk Analysis*. 2000; 20 (1).
- [27] Slovic P. *The Perception of Risk*. London; 2000.
- [28] Tierney K.J. Toward a critical sociology of risk. *Sociological Forum*. 1999;14 (2).
- [29] Tulloch J., Lupton D. *Risk and Everyday Life*. London; 2003.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876

Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления*

Л.А. Василенко¹, В.В. Зотов², С.А. Захарова¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119606, Россия

²Московский физико-технический институт
Институтский пер., 9, Долгопрудный, 141701, Россия
(e-mail: vasilenkola@mail.ru; om_zotova@mail.ru; sa.zakharova@igsu.ru)

Участвующее управление как возможность граждан принимать участие в управлении делами государства и общества может реализоваться в разных формах. Цель статьи — рассмотреть использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления. Проведенный анкетный опрос населения Москвы был направлен на диагностику потенциала социальных сетей в организации диалога и партнерства при решении общественно значимых вопросов, в том числе: готовности граждан к участию в социально-сетевом взаимодействии, возможностей социальных медиа по его организации, эффективности сложившейся практики взаимодействий. Исследование онлайн и офлайн активности показало: несмотря на общую удовлетворенность возможностями проявления личной инициативы при решении общественно значимых вопросов, респонденты не готовы ее проявлять; их активность в социальных сетях направлена на получение интересующей информации, в меньшей степени — на ее использование в общественно значимой деятельности, и совсем небольшая доля респондентов готова к «организующей» активности. Сопоставление оценок социальных сетей с позиции удобства обсуждения общественно значимых проблем и взаимодействия с органами власти показал, что ВКонтакте и Instagram — перспективные площадки для участвующего управления. В большинстве случаев москвичи входят в сетевые сообщества, образованные масс-медиа, общественными организациями или лидерами общественного мнения, очень редко — в сетевые сообщества органа власти. По мнению большинства опрошенных, социальные медиа во взаимодействиях с властями выполняют информативную функцию, привлекая внимание к общественно значимым проблемам, хотя важно также вовлекать граждан в решение этих проблем. Очевидна низкая эффективность социально- сетевого взаимодействия органов власти и населения. Результаты опроса фиксируют неудовлетворенность организацией диалога населения и органов управления в социально-сетевом пространстве. Респонденты отмечают важность развития диалогово-партнерских форм интернет-коммуникаций и отмечают низкий уровень их реализации. Работа портала «Активный гражданин» получает противоречивые оценки как площадка для электронного голосования, т.е. потенциал социальных медиа в становлении участвующего управления используется непродуктивно.

Ключевые слова: социальные медиа; сетевые сообщества; социально-сетевое взаимодействие; участвующее управление; публичное управление; социальная активность; публичные коммуникации

В XXI веке под влиянием цифровизации остро проявились новые угрозы социально-экономического развития, связанные с распространением информационно-телекоммуникационных технологий и формированием сетевых

* © Василенко Л.А., Зотов В.В., Захарова С.А., 2020

Статья поступила 15.07.2020 г. Статья принята к публикации 10.09.2020 г.

структур, а следовательно, и ростом сложности социальных процессов. «Новые вызовы человечеству — не столько в самом процессе цифровизации, сколько в его существующем типе, основанном на таких принципах управления, как формальная рациональность, прагматизм и меркантилизм, пренебрегающий жизненными мирами людей. Этот тип цифровизации был выбран под влиянием ценностей и норм благосостояния первой, второй и третьей промышленных революций, считавшихся „универсальными“, которые должны быть изменены сегодня» [10. С. 138].

Цифровизация коренным образом трансформирует общество и человека, порождая проблему управления ими. Для общества это выражается в виртуализации — создается новое пространство взаимодействий и активной коммуникации в виде порталов, сайтов, форумов, социальных сетей как поля для выражения личной позиции и формирования нового взгляда на социальные потребности. Соответственно, наполнение социальных сетей может выступать индикатором состояния общественных отношений, фильтруя смысловые оттенки и определяя направление информационных потоков [2]. В целом меняются отношения между технологиями и социальной жизнью, между знаниями, обществом и технологиями в цифровом мире [17. С. 11]. Проведенные за последние десять лет многочисленные исследования описали не только цифровое общество, но человека цифрового (*Homo Digitalis*): гаджеты стали привычным предметом жизни, количество сотовых операторов увеличивается, услуги сотовой связи и функциональные возможности телефонов с интернет-ресурсами расширяются, «оцифровывание» жизни продолжается [9. С. 71].

Глобализация и цифровизация расширяют виртуальное социальное пространство, предоставляя почти бесконечные возможности для развития новых культурных образов и распространяют новые ценности в обществе. Виртуальная реальность не менее социальна, чем объективная физическая. Главное ее отличие — в росте потенциальной энергии социума за счет накопления — объединения виртуальных активностей, которые предполагают сниженную социальную ответственность в силу слабости институтов, обеспечивающих социальный порядок и безопасность. Такие институты просто не успевают сформироваться в силу быстрого расширения информационных коммуникаций до глобальных масштабов. Очевидна подмена публичного демократического управления «фейковостью» — в СМИ публикуются не соответствующие реальности факты и якобы экспертные заключения, что в условиях цифровизации многократно усиливает декларативность управленческих действий [8. С. 6–15]. Самоорганизационные институты прошлого века не справляются с регулированием интернет-взаимодействия.

Социальные сети активно используются в публичном управлении. Учитывая популярность и удобство интерфейса социальных сетей, можно повысить скорость распространения информации, снизить неосведомленность населения о работе органов власти, усилить прозрачность их деятельности. Сегодня социальные сети все активнее используются чиновниками для

оперативного информирования населения, анализа результатов собственной деятельности, выявления общественно значимых проблем. Создаются краудсорсинговые платформы для участия граждан в деятельности муниципалитетов. Все это в совокупности повышает исследовательский интерес к использованию социальных медиа как инструмента взаимодействия государства и общества в контексте такого научного направления, как социология цифрового общества.

Вышеизложенное обуславливает поиск новой концепции социального управления как процесса воздействия на общество, социальные группы и отдельных индивидов с целью упорядочения их деятельности и повышения уровня организованности — без этого развитие демократии невозможно. Управление системами с нечеткой сетевой структурой невозможно без опоры на самоорганизацию, т.е. на поиск источника развития внутри самой системы. А.В. Тихонов и В.С. Богданов отвечают необходимость поворота от «цифрового регулирования» к «умному управлению» (smart government) с опорой на участие, партнерство, координацию, «организацию горизонтальных связей и отношений между преобразующей силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу» [12. С. 74–81]. К.В. Харченко констатирует возрастание роли концепции «мягкого управления» (soft power, soft government) [13], согласно которой управляющая система не осуществляет директивное управление, а модифицирует среду, в которой акторы принимают решения добровольно и через согласование общественных и своих интересов. Поскольку важно, чтобы управленческое воздействие было «переведено» в систему ценностей граждан, учитывало их нормы, ценности, мотивы, мнения, стереотипы и социальные ожидания, то актуализируется и концепция «менеджмента публичных ценностей» (public value management) [1; 11]. Отметим также идею «цифрового гражданства» (digital citizenship), согласно которой «цифровые граждане» выступают субъектами власти в киберпространстве, участвуя в сетях на разных уровнях общественной и политической жизни [18]. Еще одна концепция, предусматривающая вовлечение в публичное управление все новых акторов, — участвующего управления, которое требует четкого согласования систем ценностей в процессе коммуникаций и продуктивного взаимодействия граждан и органов власти [20. С. 62–72].

Социотехнической основой всех концепций выступают социальные медиа — совокупность всех интернет-площадок, которые предоставляют пользователям возможность устанавливать коммуникацию друг с другом, производить контент и выстраивать релятивные сети взаимодействия акторов публичного пространства в рамках совместной деятельности при решении общественно значимых проблем [4]. Соответственно, исследование готовности граждан и органов власти к реализации участвующего управления предполагает диагностику потенциала социальных медиа как совокупности социально-сетевых ресурсов, которая позволяет без «навязчивого» участия субъекта управления решать общественно значимые проблемы.

Для диагностики потенциала социальных сетей в сентябре–октябре 2020 года был проведен опрос населения Москвы как субъекта РФ, занимающего лидирующие позиции по уровню информатизации региона и цифровизации публичного управления. Опрос был проведен при помощи сервиса Google — было опрошено 450 респондентов старше 16 лет, выборка квотировалась по полу и возрасту. Достижение пропорциональности квот генеральной совокупности обеспечивалось рассылкой персональных приглашений респондентам, удовлетворяющим параметрам выборки. Диагностика потенциала социальных сетей состояла в определении текущего состояния социально-сетевого пространства публичных коммуникаций, готовности граждан к участию во взаимодействии с органами власти, уровня организации диалога и партнерства при решении общественно значимых вопросов, а также эффективности сложившейся практики взаимодействия органов власти и населения в социально-сетевом пространстве.

Уровень онлайн и офлайн активности как показатель готовности к участвующему управлению

Готовность граждан к взаимодействию в рамках релятивных сетей публичного пространства во многом определяется уровнем социальной онлайн и офлайн активности. Важным фактором участия граждан в публичном управлении выступает возможность проявления личной инициативы. Речь идет как о создании такой возможности со стороны органов власти, так и о личной заинтересованности. Так, удовлетворенность возможностями проявления личной инициативы при решении общественно значимых вопросов отмечает почти 41% респондентов, тогда как 48% скорее не удовлетворены (Рис. 1). Судя по ответам, возможности и желание проявить инициативу пока не находятся на одном уровне.

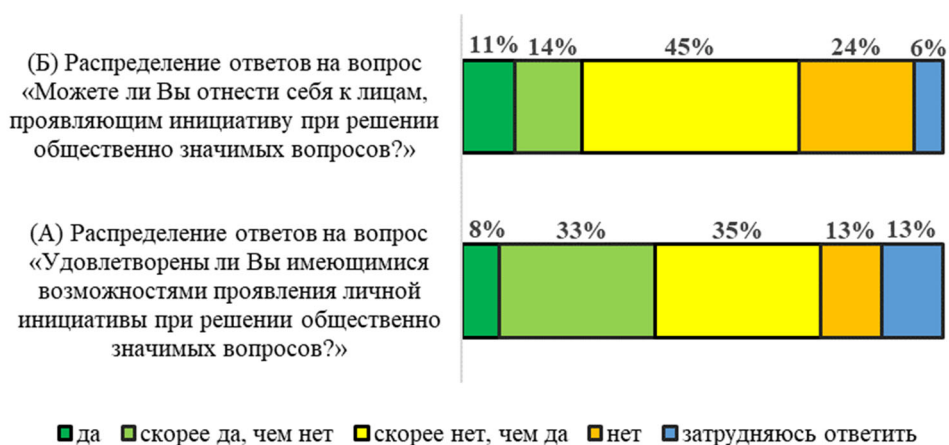

Рис. 1. Оценки личной инициативы (А) и условий для ее проявления (Б)

Как показывают данные ВЦИОМ, максимальный уровень вовлеченности в социальные сети наблюдается среди молодежи: в группе 18–24-летних ежедневно пользуются социальными сетями 91%, среди 25–34-летних таковых 69% [6], поэтому не случайно большая часть молодых респондентов рассматривает сеть как неотъемлемую часть повседневной жизни. Активность респондентов в социальных сетях (Табл. 1) в основном направлена на получение информации — чтение новостей и информационных сообщений, общение с друзьями и знакомыми, участие в тематических группах. В меньшей степени респонденты проявляют активность в какой-либо деятельности (обсуждение новостей и общественно значимых проблем, участие в отдельных акциях, поиск единомышленников, деловых партнеров и коллег). И совсем небольшая доля респондентов готова к проявлению активности: вовлечение участников сети в обсуждение общественно значимых тем, организация общественных акций, использование сети для самопрезентации и модерирование тематического социально-сетевых сообществ.

Таблица 1

«К какому типу интернет-общения Вы себя относите?», в %

Направленность	Вариант ответа	%
Получение информации	Я — человек только читающий новостные ленты	76%
	Я просто общаюсь с друзьями и знакомыми	66%
	Я — участник хотя бы одной тематической группы	32%
Участие в мероприятиях	Я участвую в обсуждении новостей и общественно значимых проблем	18%
	Я принимаю участие в отдельных акциях, организуемых другими участниками	20%
	Я ищу единомышленников и деловых партнеров	23%
Организация мероприятий	Я использую сеть для самопрезентации	15%
	Я привлекаю участников сети к обсуждению общественно значимых тем	8%
	Я организую участников сети на реализацию общественных акций (дел, мероприятий)	2%
	Я — модератор (организатор) тематической группы	5%

Социальные сети как площадки для диалога и партнерства

В обобщенном виде в документах ООН представлена концепция *democratic governance*, которая подчеркивает важность совместной работы граждан и власти (*participatory*), их консенсусного взаимодействия (*consensus oriented*) и подотчетности власти (*accountability*) [21]. Потенциальная сетевая активность стейкхолдеров в процессах публичного управления зависит, в первую очередь, от степени заинтересованности в событиях общественной жизни. Здесь особенно значима актуальная информация, способствующая осмысленности последующих совместных действий, однако только 15% опрошенных отметили, что они в курсе всех общественно значимых событий, 16% знают совсем немного, а большинство (61%) смотрят новости и знают об

основных событиях (Рис. 2). К сожалению, активность населения ограничивается кратковременным узнаванием о событиях, спектр которых меняется в зависимости от количества новостей.

Рис. 2. «Вы осведомлены об общественной жизни вашего населенного пункта?»

Основным источником информации об общественно значимых событиях выступают интернет-СМИ (86%) и социальные сети (70%), далее идет «неформальный» источник — знакомые, друзья, родственники («сарафанное радио» — 57%). Телевидение — основной источник новостей об общественно значимых событиях для 39%, радио — для 13%, печатные издания — для 6%. Власти также используют для привлечения внимания к своей деятельности социальные медиа, которые дают больше возможностей для распространения контента. Например, можно продублировать новость в разных социальных сетях, подать ее с определенным акцентом, применить разные инструменты продвижения, соответствующие определенным СМК, т.е. используя разные ресурсы и уровни подачи информации, органы власти представляют обществу результаты своей деятельности в различных ракурсах.

Жители Москвы предпочитают социальные сети ВКонтакте (32%) и Instagram (39%). Наиболее удобными сетями для обсуждения общественно значимых проблем они считают ВКонтакте (67%), Instagram (62%) и Facebook (28%), аналогичное распределение было получено и в вопросе о наиболее удобных социальных сетях для взаимодействия с органами власти — ВКонтакте и Instagram (около 60%), Facebook (31%) (Рис. 3).

Таким образом, опрос показал совпадение мнений респондентов о социальных сетях, которые удобны для обсуждения общественно значимых проблем и для взаимодействия с органами власти, и это их наиболее используемые аккаунты — в сетях ВКонтакте и Instagram. Эти две социальные сети имеют одинаковую силу влияния, поскольку приложение Instagram может использоваться на любом смартфоне и визуально — через изображения и видео — предоставляет быстрый доступ к происходящим событиям, а сеть ВКонтакте, российский аналог Facebook, удобна для реагирования. В

большинстве случаев респонденты входят в состав сетевых сообществ, образованных масс-медиа, общественными организациями или лидерами общественного мнения, редко кто является участником сетевого сообщества, образованного органами власти (Рис. 4).

* Вопрос предусматривал один вариант ответа
 ** Вопрос предусматривал несколько вариантов ответа

Рис. 3. Оценки социальных сетей

Рис. 4. Членство в сетевых сообществах, созданных...

Только четверть респондентов имеет опыт обсуждения общественно значимых проблем с органами власти, но подавляющее большинство выражает такую готовность (77%) (рис. 5).

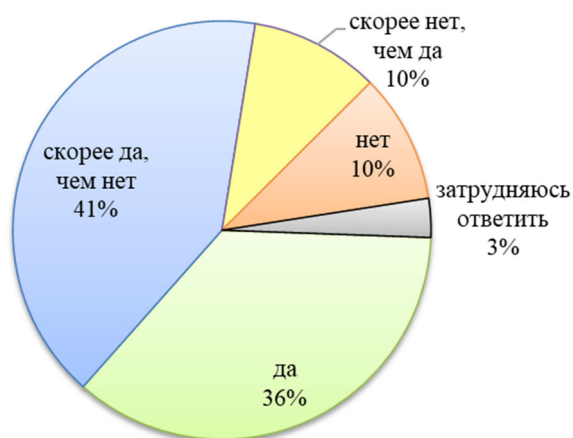

Рис. 5. «Если бы у Вас была такая возможность, Вы бы обратились в органы государственной и муниципальной власти посредством социальных сетей?»

По мнению большинства опрошенных, социальные сети способствуют, в первую очередь, привлечению внимания к общественно значимой проблеме, реже — объединению социально-активных граждан и обмену позитивным и негативным опытом взаимодействия с органами власти (Табл. 2).

Таблица 2

Оценки роли социальных медиа, в %

Варианты ответов	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	З/о	Индекс
привлечение внимания к общественно значимой проблеме	55	35	8	2	1	0,68
объединение социально-активных граждан	45	42	9	2	2	0,6
вовлечение граждан в процесс решения общественно значимых проблем	30	47	16	4	3	0,42
обмен позитивным и негативным опытом контактов с органами власти	45	29	17	6	2	0,44
содействие росту негативных тенденций и беспорядка в стране	16	26	34	22	1	-0,11
искажение общественного мнения	21	30	34	11	5	0,09
повышение доверия к органам власти	8	17	37	30	8	-0,32
формирование положительного мнения о деятельности власти	9	18	40	23	12	-0,24

Индекс согласия рассчитан по формуле $I = R_4 + 1/2 \cdot R_3 - 1/2 \cdot R_2 - R_1$, где R_4 — доля ответов «да»; R_3 — доля ответов «скорее да, чем нет»; R_2 — доля ответов «скорее нет, чем да»; R_1 — доля ответов «нет»

Первостепенными для опрошенных являются проблемы медицинского обслуживания и качества образования, не менее важны проблемы загрязнения окружающей среды и коррупция. Меньше всего горожан беспокоит уборка общественных территорий, видимо, потому что в столице эффективно реализуется программа городского благоустройства.

Эффективность коммуникации между гражданами и органами власти

Результаты опроса позволяют констатировать неудовлетворенность горожан организацией диалога органов власти с гражданами в социально-сетевом пространстве при решении общественно значимых проблем: для федерального уровня количество удовлетворенных — 27% (неудовлетворенных — 66%), для регионального — 35% (58%), для местного — 36% (56%). Оценка важности и удовлетворенности организацией отдельных форм интернет-коммуникаций между органами власти и гражданами представлена в Таблице 3. В тройку лидеров по важности вошли: проведение онлайн-опросов населения, интернет-приемная на официальном сайте органа власти, возможность задать вопрос и получить консультацию на сайте органа власти, возможность комментировать информационные сообщения органов власти. К наименее важным респонденты отнесли аккаунты рядовых сотрудников и руководителя органа власти в социальной сети.

Таблица 3

Оценка важности и удовлетворенность организацией форм интернет-коммуникаций между органами власти и гражданами

Формы интернет-коммуникаций	важность		организация	
	Среднее	% з/о	Среднее	% з/о
Раздел часто задаваемых вопросов и консультаций на сайте органа власти	3,75	18%	3,15	23 %
Интернет-приемная на сайте органа власти	3,78	13%	2,93	23 %
Форум, дискуссия на заданную тему на сайте органа власти	3,15	16%	2,70	28 %
Ссылка с официального сайта органа власти на аккаунт в социальной сети	3,51	18%	3,08	25 %
Интернет-площадка для выдвижения инициатив/предложений по решению проблем	3,73	14%	2,95	25 %
Аккаунт руководителя в социальной сети	3,22	17%	2,99	24 %
Аккаунт органа власти в социальной сети	3,38	14%	3,05	22 %
Аккаунт рядовых сотрудников органа власти	2,83	21%	2,57	29 %
Трансляция заседаний органов власти	3,34	15%	2,78	24 %
Ссылка с аккаунта в социальной сети на официальный сайт органа власти	3,27	16%	2,88	22 %
Возможность ставить лайки/дислайки	3,56	15%	2,98	21 %
Возможности комментировать информационные сообщения органов власти	3,76	14%	3,02	23 %
Проведение онлайн-опросов населения	3,82	13 %	3,02	23 %

Оценка по пятибалльной шкале, где высокие оценки говорят о большей важности и лучшей организации

Последний блок вопросов касался практик взаимодействия органов власти Москвы и с ее жителями, в частности, работы портала «Активный гражданин» (системы электронных опросов) [3]. С одной стороны, 42% ничего о нем не слышали, с другой — 34% «что-то слышали», 12% хорошо осведомлены, а 10% — пользователи этой площадки. Полезность данного инструмента большинством респондентов ставится под сомнение, так как, по их мнению, такие площадки лишь собирают информацию о проблемах (47%) и имитируют активную деятельность (42%), но не способны решать общественно значимые проблемы. Однако респонденты признают полезность онлайн-площадок и в подавляющем большинстве соглашаются с утверждениями, что интернет-площадки предназначены для быстрого донесения информации власти населению и, наоборот, — информацию о проблемах населения власти. Важнейшим препятствием для развития системы коммуникаций органов власти с гражданами в социальных сетях респонденты считают «недостаточную активность чиновников» (60%), каждый третий — «отсутствие навыков работы в социальных сетях», «неизучение мнений людей в сетевых сообществах», «отсутствие видимого эффекта работы в социальных сетях», «формальные ответы на обращения» или «несовпадение языка общения граждан и власти».

Таким образом, для развития участвующего управления необходимо не просто взаимодействие власти с населением, а организация их полноценного диалога и партнерства, чему могут способствовать социальные медиа — как важнейший ресурс, позволяющий повысить эффективность управления и снизить управленческие затраты. Взаимодействие с гражданами посредством социальных сетей повышает прозрачность действий власти и повышает социальную активность населения. Однако, к сожалению, несмотря на активное реформирование, системы государственного и муниципального управления пока не наладили эффективное интерактивное взаимодействие с институтами гражданского общества в сетевой среде [14. С. 171–182], что сегодня совершенно необходимо, учитывая развитие облачных хранилищ, больших данных, искусственного интеллекта и сетевых эффектов [19].

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00694.

Библиографический список

- [1] *Волкова А.В.* Современная публичность и публичные ценности: российские и зарубежные практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 1.
- [2] *Заславская О.Ю., Пучкова Е.С., Горохов С.В.* Социальные сети в пространстве города и жизни горожан // Городской университет в пространстве мегаполиса: коммуникационный аспект / Под ред. С.Н. Вачковой. М., 2018.
- [3] *Захарова С.А. Юдина Е.Н.* Краудсорсинговые технологии для развития гражданской активности в России (на примере проекта «Активный гражданин») // Вестник университета. 2016. № 1.
- [4] *Зотов В.В.* Конфигурирование как процесс управления капитализацией социально-сетевого пространства // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 4.

- [5] *Игнатьев В.И.* И грядет «другой» актер... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // *Социология науки и технологий*. 2019. Т. 10. № 1.
- [6] Каждому возрасту — свои сети // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691>.
- [7] *Кашина М.А., Василенко Л.А.* Фрактальность гендерных отношений и использование гендерного ресурса государственной политики и управления // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2.
- [8] *Кирдина-Чэндлер С.Г.* Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // *Journal for Institutional Studies*. 2017. Т. 9. № 4.
- [9] *Коломеец Т.В.* Homo Digitalis (человек цифровой) // *Национальные приоритеты России*. 2019. № 2.
- [10] *Кравченко С.А.* Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 3.
- [11] *Слатинов В.Б.* Реформирование государственной гражданской службы России в условиях «новой публичности»: проблемы и ограничения // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016. № 3.
- [12] *Тихонов А.В., Богданов В.С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // *Социологические исследования*. 2020. № 1.
- [13] *Харченко К.В.* Мягкое управление в современном обществе: тактика или стратегия? // *Технологии мягкого управления в социальных системах*. Белгород, 2007.
- [14] *Шилова В.А.* Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика. М., 2015.
- [15] *Argyros G.L., Grossman M., Rohatyn F.G.* *The Embassy of the Future*. Washington, 2007.
- [16] *Brynjolfsson E., McAfee A.* *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. N.Y.–L., 2016.
- [17] *Marres N.* *Digital Sociology. The Reinvention of Social Research*. Cambridge, 2017.
- [18] *Ruppert E., Isin E.* *Being Digital Citizens*. London, 2015.
- [19] *Siebl T.M.* *Digital Transformation: Survive and Thrive in an Era of Mass Extinction*. N.Y., 2019.
- [20] *Vasilenko L.A.* Fractal-synergetic approach to the research of entrepreneurship in the non-profit organizations // *Wisdom*. 2019. Vol. 12. No. 1.
- [21] What is Governance? // URL: <http://www.unes-cap.org/huset/gg/governance.htm>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876

Social media potential for developing participatory governance*

L.A. Vasilenko¹, V.V. Zotov², S.A. Zakharova¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119606, Russia

²Moscow Institute of Physics and Technology
Institutsky Per., 9, Dolgoprudny, 141701, Russia

(e-mail: vasilenkola@mail.ru; om_zotova@mail.ru; sa.zakharova@igsu.ru)

Participatory governance as an opportunity for citizens to take part in public management can be realized in different forms. The article considers the potential of social media in the development of

* © L.A. Vasilenko, V.V. Zotov, S.A. Zakharova, 2020

The article was submitted on 15.06.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

participatory management. The authors conducted a survey in Moscow to estimate the possibilities of social networks in establishing dialogue and partnership for solving urgent social problems, in particular, the people's readiness to participate in social-network interaction, approaches of networks to its organization, and efficiency of the current forms of such interaction. The study of online and offline activity showed that despite the general satisfaction with the possibilities of personal initiative in solving socially significant problems, the respondents are not ready to be socially active; their activity in social networks consists of obtaining information, sometimes — in its use for socially significant activities, and very rarely — in 'organizing' such activities. The comparison of social networks from the standpoint of the convenience for discussing socially significant issues and interaction with authorities showed that VKontakte and Instagram are promising platforms for participatory governance. In most cases, Muscovites participate in the network communities of the mass media, public organizations or public opinion leaders, very rarely — in the network communities of the authorities. According to the majority, in interaction with the authorities, social media perform an informative function by drawing attention to socially significant issues; however, it is also important to involve citizens in solving these problems. The low efficiency of the social-network interaction between the authorities and the population is obvious. The survey results indicate the general dissatisfaction with the organization of dialogue between the population and authorities in social networks. Respondents admit both the importance of developing dialogue-partner forms of Internet communications and the low level of their implementation. Thus, the portal 'Active Citizen' receives contradictory assessments as a platform for electronic voting, i.e., the potential of social media in the development of participatory governance is not used efficiently.

Key words: social media; network communities; social networking; participatory governance; public administration; social activity; public communications

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00694.

References

- [1] Volkova A.V. Sovremennaya publichnost i publichnye tsennosti: rossiyskie i zarubezhnyye praktiki [Contemporary publicity and public values: Russian and foreign practices]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2014; 1 (In Russ.).
- [2] Zaslavskaya O.Yu., Puchkova E.S., Gorokhov S.V. Sotsialnye seti v prostranstve goroda i zhizni gorozhan [Social networks in the city space and citizens' life]. *Gorodskoy universitet v prostranstve megapolisa: kommunikatsionny aspekt*. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [3] Zakharova S.A. Yudina E.N. Kraudsorsingovye tekhnologii dlya razvitiya grazhdanskoy aktivnosti v Rossii (na primere proekta "Aktivny grazhdanin") [Crowdsourcing technologies for developing civil activity in Russia (on the example of the 'Active Citizen')]. *Vestnik Universiteta*. 2016; 1 (In Russ.).
- [4] Zotov V.V. Konfigurirovanie kak protsess upravleniya kapitalizatsiey sotsialno-setevogo prostranstva [Configuring as a management tool for capitalization in social networks]. *Kommunikologiya*. 2019; 7 (4) (In Russ.).
- [5] Ignatiev V.I. I gryadet "drugoy" aktor... Stanovlenie tekhnosub'ekta v kontekste dvizheniya k tekhnologicheskoy singulyarnosti [And the 'other' actor will come... Development of the technological subject within the movement towards technological singularity]. *Sotsiologiya Nauki i Tekhnologiy*. 2019; 10 (1) (In Russ.).
- [6] Kazhdomu vozzrastu — svoi seti [Specific networks for each age]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (In Russ.).
- [7] Kashina M.A., Vasilenko L.A. Fraktalnost gendernykh otnosheniy i ispolzovanie gendernogo resursa gosudarstvennoy politiki i upravleniya [Fractality of gender relations and the use of the gender resource of public policy and management]. *Zhenshchina v Rossiyskom Obshchestve*. 2019; 2 (In Russ.).

- [8] Kirdina-Chandler S.G. Radikalny institutsionalizm i feykovaya ekonomika v XXI veke [Radical institutionalism and fake economics in the 21st century]. *Journal for Institutional Studies*. 2017; 9 (4) (In Russ.).
- [9] Kolomeets T.V. Homo Digitalis (chelovek tsifrovoy) [Homo Digitalis (digital man)]. *Natsionalnye Prioritety Rossii*. 2019; 2 (In Russ.).
- [10] Kravchenko S.A. Sotsiologiya v dvizhenii: vostrebovannost gumanisticheskogo tsifrovogo povorota [Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3) (In Russ.).
- [11] Slatinov V.B. Reformirovanie gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Rossii v usloviyakh “novoy publichnosti”: problemy i ogranicheniya [Reform of the state civil service of Russia under the ‘new publicity’: Challenges and limits]. *Srednerussky Vestnik Obshchestvennykh Nauk*. 2016; 3 (In Russ.).
- [12] Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. Ot “umnogo regulirovaniya” k “umnomu upravleniyu”: sotsialnaya problema tsifrovizatsii obratnykh svyazey [From ‘smart regulation’ to ‘smart management’: The social issue of feedback digitalization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 1 (In Russ.).
- [13] Kharchenko K.V. Myagkoe upravlenie v sovremennom obshchestve: taktika ili strategiya? [Soft management in the contemporary society: Tactics or strategy?]. *Tekhnologii myagkogo upravleniya v sotsialnykh sistemakh*. Belgorod; 2007 (In Russ.).
- [14] Shilova V.A. *Kommunikativnoe pole upravleniya: teoriya, metodologiya, praktika* [Communicative Field of Management: Theory, Methodology, Practice]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [15] Argyros G.L., Grossman M., Rohatyn F.G. *The Embassy of the Future*. Washington; 2007.
- [16] Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York–London; 2016.
- [17] Marres N. *Digital Sociology. The Reinvention of Social Research*. Cambridge; 2017.
- [18] Ruppert E., Isin E. *Being Digital Citizens*. London; 2015.
- [19] Siebl T.M. *Digital Transformation: Survive and Thrive in an Era of Mass Extinction*. New York; 2019.
- [20] Vasilenko L.A. Fractal-synergetic approach to the research of entrepreneurship in the non-profit organizations. *Wisdom*. 2019; 12 (1).
- [21] What is Governance? URL: <http://www.unes-cap.org/huset/gg/governance.htm>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-877-888

Роль страхования в социально-экономической системе*

Ж.В. Пузанова, М.А. Трифонова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: puzanova.zhanna@gmail.com; trifonova_mary@mail.ru)

В статье рассматривается положение и значение страхования в российской социально-экономической системе. Прежде всего, страхование связывают с защитой имущественных интересов индивидов при наступлении рискованных случаев. Существует большая классификация рисков, которая находится в тесной взаимосвязи с институтом страхования, и в статье проведен анализ некоторых видов риска с актуальными примерами. Страхование выступает одним из инструментов в системе управления рисками, однако текущая экономическая, политическая, социальная ситуация оказывает непосредственное воздействие на данную систему. Так, страховым компаниям в периоды нестабильности приходится приспосабливаться к состоянию экономики и материальным возможностям людей в приобретении страховых продуктов. Для страхования как вида деятельности характерны две группы функций: экономические и социальные. Главной задачей страхования остается реализация эффективных мер страховой защиты от наступления рискованных событий. Также в статье рассмотрена деятельность страховщиков в период 2012–2018 годов, а именно: число страховых компаний, уставной капитал, пик объема иностранных вкладов, страховые выплаты, операции перестрахования, страховые выплаты по рискам и т.д. Представлена классификация страхования — добровольное и обязательное — и обозначено содержание каждого вида. Данные социологических исследований позволили проанализировать особенности двух видов страхования, обозначив их роль в социально-экономической системе (задачи, функции и пр.).

Ключевые слова: страхование; риски; управление рисками; функции страхования; обязательное страхование; добровольное страхование

Страхование характерно для государств с развитой экономикой, оно является источником развития инвестиционной активности и предпринимательской деятельности, но в России процесс становления страхового дела не закончен. Многие процессы, происходящие в обществе, влияют на организацию страхования — прежде всего, это экономический кризис, политическая нестабильность, недостаточное вовлечение государства в развитие страхового рынка и др. [17. С. 83]. Современная экономическая система не может нормально работать и функционировать без материальных резервов, которые создаются страховщиками [9. С. 92]. Страхование — перспективная и интегрированная форма в финансовом секторе [24. С. 312]. Страховщики, предоставляя страховую защиту, накапливают денежные средства и используют их в

* © Пузанова Ж.В., Трифонова М.А., 2020

Статья поступила 24.07.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

качестве инвестиционных ресурсов. Рынок страховых услуг представляет собой один из крупнейших каналов перераспределения ресурсов и национального дохода. Страхование является источником материальной защиты главных интересов индивида. Таким образом, страхование — это экономические отношения между людьми, основывающиеся на защите имущественных интересов юридических и физических лиц при наступлении страховых случаев за счет денежного капитала фонда страховых компаний [10. С. 10].

Главной причиной появления страховых интересов является рискованный характер общественного производства [5. С. 140]. В настоящее время страхование — важное и необходимое средство, обеспечивающее общую экономическую стабильность и безопасность, развитие предпринимательства и непрерывность хозяйственной деятельности, эффективную защиту от многочисленных природных, техногенных и иных рисков, реализацию государственной социальной политики [23]. В 1997 году была принята программа развития страхования рисков, которая возникла из-за глобальных катастроф. Риск содержит в себе ситуацию, при которой порой нельзя точно спрогнозировать конечный результат, даже зная вероятность каждого возможного исхода [14. С. 77]. Можно выделить пять потенциальных угроз: геополитические, экологические, технологические, экономические и социальные.

Сегодня на первый план выходят риски, связанные с природными катаклизмами. Стихийные климатические изменения порой ставят перед учеными неразрешимые вопросы, и все меньше предприятий стараются проводить природоохранные мероприятия, направленные на снижение загрязнения атмосферы и водных ресурсов [4. С. 200]. Также к глобальным рискам следует отнести: социальное неравенство, старание населения и зависимость от современных технологий. Геополитические риски — это, прежде всего, применение оружия массового поражения и угрозы терроризма. Социальные риски связаны с массовой вынужденной миграцией: в настоящее время в странах Европы можно наблюдать большой приток мигрантов, прибывающих в страну в качестве беженцев или незаконным путем, что связано с ситуацией на Ближнем Востоке, в Сирии. К социальным рискам также можно отнести проблемы с питьевой водой и запасами других необходимых ресурсов. Экономические проблемы также представляют потенциальную угрозу, и прошлые кризисы мировой экономики тому подтверждение. В период кризиса не все организации и предприятия «остаются на плаву», многие становятся банкротами, что влечет массовое увольнение сотрудников. Люди получают статус безработных, многие становятся заложниками кредитов. Большую опасность содержит дифференциация на богатых и бедных. Технологические риски связаны с рисками кибератак, которые участились в последнее время [18. С. 46]. Под угрозу взлома персональных данных попадают как коммерческие, так и государственные структуры (например, в январе 2020 года под мощную кибератаку попал Сбербанк России). Развитие компьютеризации, инновационных технологий приводит к сокращению человеческого ресурса. Для России

характерен и ряд особенностей, связанных с техногенными рисками: ветхость жилья, угрозы взрыва бытового газа, повышенная опасность на дорогах — с каждым годом число таких рисков только возрастает.

В начале 2020 года мир охватила эпидемия в виде распространения коронавируса (covid-19). Все началось в конце декабря 2019 года, когда в Китае произошла мощная вспышка пневмонии неизвестного вида в городе Ухань. Изначально угроза не представлялась столь глобальной, однако быстрое распространение вируса заставило правительства многих стран перейти к оперативным и решительным мерам, особенно после заявления главы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Т.А. Гебрейесуса, что ситуация может быть охарактеризована как пандемия [8].

Страховой рынок занимает особое место в системе управления рисками. Однако экономический кризис оказал свое влияние и на него. Так, некоторые компании сократили филиалы и полностью поменяли стратегию развития. При этом возросла цена и на страховые продукты (как обязательного, так и добровольного страхования). Также страховщики связывают повышение цены с подорожанием автомобильных комплектующих. Авиационные риски также входят в сферу страхования. Ситуация, произошедшая с самолетом «Уральских авиалиний» — тому пример: при взлете в двигатель самолета попали птицы, слаженная и сплоченная работа командира и экипажа позволила посадить судно на кукурузное поле и эвакуировать людей на безопасное расстояние. Выплата по КАСКО за севший на кукурузное поле самолет составляет 46,1 млн долларов и будет крупнейшей для российского рынка авиастрахования за последние годы. За сгоревший 5 мая самолет SSJ100 «Аэрофлота» страховые выплаты составляют 43,5 млн долларов. За происшествие с самолетом SSJ100 «Якутии», который был сильно поврежден при жесткой посадке в октябре 2018 года, выплата составляет 17 млн, за Boeing 737 Utair, который в сентябре 2018 года выкатился за пределы взлетно-посадочной полосы аэропорта Сочи, — 14,5 [7].

Можно сказать, что страхование — институт, обеспечивающий защиту населения от наступления определенного рода рисков. Страхование выступает своего рода инструментом для инвестирования, обеспечивающим социальную защиту в условиях возможных рисков. Однако не все люди рассматривают страхование с точки зрения материальных вложений, получения прибыли и защиты собственных интересов — порой люди взаимодействуют только с обязательным страхованием, не имея полного представления о деятельности и возможностях всей системы.

Функции страхования можно разделить на две группы: экономические и социальные [19. С. 287–288]. Экономические: распределительная, которая содержит в себе три специфические функции (рисковая, предупредительная и сберегательная), контрольная, кредитная, инвестиционная. Рисковая функция страхования состоит в том, что наличие риска обеспечивает возможность страхования как социального института и модернизирует его в условиях современности. Страхование выступает эффективным инструментом управления практически

любыми рисками благодаря статистической базе данных [20. С. 23]. Предупредительная функция страхования — это способность страховых компаний снижать степень риска и отрицательных последствий страхового случая, принимая меры, предупреждающие рискованные события. Сберегательная функция основывается на том, что граждане нуждаются в страховой защите своих денежных средств, находящихся в банке. Контрольная функция опирается на целесообразное использование и устройство страхового фонда. Инвестиционная функция заключается в финансовом развитии страховой организации и возрастании капитала [21. С. 87].

К социальным функциям страхования относят, прежде всего, защитную функцию — в случае наступления страхового случая страховая организация берет на себя ответственность за возмещение ущерба. Другая важная функция — компенсаторная, т.е. покрытие затрат по страховому ущербу путем денежных выплат или других условий в рамках страхового договора. Функция социального контроля опирается на формирование общественного мнения в отношении страховой компании, где отражаются ее престижность и выполнение договорных обязательств.

Общественное развитие связано с появлением разного рода рисков: экономических, социальных, экологических, техногенных и иных, которые требуют создания эффективной системы страхования. Однако страховая система весьма уязвима и тесно связана с социально-экономическими и политическими процессами. Рыночные реалии диктуют условия трансформации и модернизации страхового рынка с учетом конкуренции и потребительского спроса. Главной задачей страхования является реализация эффективных мер страховой защиты интересов граждан и юридических лиц, обеспечивающих реальную компенсацию убытков в результате несчастных случаев, природных явлений, техногенных катастроф, аварий и происшествий [25. С. 44], а также защиту от потенциальных опасностей [6. С. 29].

Страховая система России довольно разнообразна и предоставляет человеку всевозможные способы защиты от нежелательных обстоятельств, даже несмотря на определенное отставание страховой системы от ряда европейских стран и США. Рассмотрим деятельность страховщиков в России с 2012 по 2018 годы [15] (Табл. 1). Первое, что следует отметить, — сокращение страховых компаний в два раза по сравнению с 2012 годом, когда их было 436, — на 2018 год цифра составляет 231, что может быть связано с экономической ситуацией, конкуренцией на страховом рынке, ужесточением ответственности и т.д. Большинство страховых компаний зарегистрировано в Москве: 2018 год — 127, 2017 — 128, 2016 — 149, 2015 — 181, 2014 — 200, 2013 — 204, 2012 — 218. Страховые компании сосредоточены и в других регионах России: Санкт-Петербург, Татарстан, Самарская, Московская, Кемеровская, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ростовская, Тюменская область, Хабаровский край и т.д. Самый большой уставный капитал страховых компаний наблюдался к концу 2016 года и составлял 228,3 млрд рублей, в 2018 году цифра составила 211 млрд. С 2012 года

произошло существенное сокращение иностранных вкладов: пик объема по иностранным вкладам приходится на 2014 год — 27,2 млрд рублей, к 2018 году цифра существенно сократилась — 14,4 млрд. В 2018 году страховщиками было заключено контрактов на 205,6 млн рублей — в несколько раз больше по сравнению с 2012 годом (140,7 млн). Сумма страховых премий (взносов) на 2018 год составила 1488,1 млрд рублей, на 2017 год — 1285 млрд, 2016 — 1190,6, 2015 — 1033,5, 2014 — 983,4, 2013 — 901, 2012 — 811. Объем страховых выплат по всем видам страхования в 2018 году составил 524 млрд рублей (102,1% к 2017 году), из них по договорам с нерезидентами — 4,8 млрд (95,6%). Самый большой коэффициент выплат (отношение страховых выплат к страховым премиям/взносам) приходится на 2015 год: по всем видам страхования — 49,7%, в том числе по добровольному страхованию — 47,3%, по обязательному — 57,6%.

В рамках рассматриваемых периодов страховщики осуществляли следующие операции перестрахования: 2018 год — 144, 4 компании занимались только перестрахованием, 2017 год — 158 (4 компании), 2016 — 183 (6), 2015 год — 239 (6), 2014 — 255 (12), 2013 — 297 (5), 2012 — 317 (11). Страховые выплаты по рискам в 2015 году составили 23,1 млрд рублей, в 2018 году — 21,4 млрд.

Из общего числа страховых компаний 42 компании в 2018 году осуществляли деятельность в сфере обязательного медицинского страхования, и по сравнению с 2012 годом их число сократилось в 1,5 раза. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) страховых организаций в 2018 году — 205,8 млрд рублей, в 2012 году это цифра была в 3 раза меньше. Чистая прибыль страховых компаний в 2018 году достигла отметки в 170,9 млрд рублей против 47,9 млрд в 2013 году. Кредитная и дебиторская задолженность страховых организаций в 2018 году составила 254,8 и 290,5 млрд рублей соответственно.

Существуют два вида страхования — обязательное и добровольное. Добровольное страхование основано на личном желании человека приобрести те или иные страховые услуги. Обязательное страхование осуществляется в соответствии с законодательством России.

Обязательное социальное страхование — это выплаты по обязательному социальному страхованию (граждане пенсионного возраста, инвалиды, травмы, несчастные случаи на производстве, рождение ребенка, декретный отпуск и т.д.); выплаты в случае непрофессиональной трудоспособности, смерти вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания; расходы вследствие временной нетрудоспособности человека или члена его семьи (временная нетрудоспособность, беременность и роды, рождение ребенка, уход за ребенком до достижения им полутора лет, смерть); государственные выплаты гражданам, имеющим детей; выплаты гражданам согласно их трудовому стажу в виде пенсионного вознаграждения; выплаты, связанные с затратами на использование медицинских услуг. Обязательное социальное страхование предоставляет гражданину России минимальную страховую гарантию от социальных рисков, независимо от уровня

заработной платы, социального положения, места жительства и состояния здоровья [1. С. 165].

Таблица 1

**Обзор деятельности страховщиков с 2012 по 2018 годы
(по результатам федерального статистического наблюдения по форме
№ 1-СК «Сведения о деятельности страховщика»)**

Показатели	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012
количество страховщиков	231	246	297	360	395	409	436
Москва	127	128	149	181	200	204	218
Санкт-Петербург	13	12	14	16	23	23	24
Татарстан	10	12	14	14	16	13	14
Самарская область	7	7	7	8	8	8	8
Московская область	6	9	15	19	29	33	31
Кемеровская область	5	–	–	8	8	10	13
Свердловская область	5	–	–	–	9	8	12
Ханты-Мансийский округ	–	6	6	–	–	–	–
Ростовская область	–	–	–	–	8	10	9
Тюменская область	–	–	–	–	–	11	11
Хабаровский край	–	–	–	–	–	7	8
число филиалов	3479	3886	3973	4863	4803	5178	5081
в пределах РФ	3314	3782	3693	4766	4772	4938	4874
уставный капитал (млрд руб.)	211	212,6	228,3	204,3	217	224,1	198,6
иностраннх вкладов (млрд руб.)	14,4	14	13,1	20	27,2	23	23,1
заключено договоров (млн)	205,6	194,1	171,8	144,7	157,9	139,1	140,7
сумма страховых премий/ взносов (млрд руб.)	1488,1	1285	1190,6	1033,5	983,4	901	811
объем страховых выплат (все виды страхования) (млрд руб.)	524	513,2	514,1	514	473,5	419,8	376,5
коэффициент выплат (отноше- ние выплат к премиям/взносам)	35,2%	39,9%	43,2%	49,7%	48,1%	46,6%	46,4%
по добровольному страхованию	30,2%	30,6%	35%	47,3%	45,1%	44,2%	44,8%
по обязательному страхованию	59%	79,1%	72,6%	57,6%	61,7%	57,2%	53,2%
операции перестрахования	144	158	183	239	255	297	317
перестрахование (кол-во компаний)	4	4	6	6	12	5	11
страховые выплаты по рискам (млрд руб.)	21,4	12,6	16,8	23,1	20	12,4	12,1
обязательное медицинское страхование (количество)	42	44	56	59	59	63	71
страховые резервы (млрд руб.)	1839,3	1463,8	1730,1	1106,8	889,5	779,4	645,5
сальдированный финансовый результат (млрд руб.)	205,8	117,4	115,2	129,5	62,7	45,1	68,7
чистая прибыль (млрд руб.)	170,9	141,1	118,1	110,9	65,5	47,9	–
кредитная задолженность (млрд руб.)	254,8	222,5	151	173,8	164,4	137,4	–
дебиторская задолженность (млрд руб.)	290,5	282,2	346	357,7	366,9	255,6	–

Обязательное государственное страхование — это страхование жизни и здоровья следующих лиц: военнослужащих; сотрудников полиции; прокуроров; сотрудников Следственного комитета; сотрудников и должностных лиц таможенных органов; Президента, прекратившего исполнение полномочий; сотрудников органов внешней разведки; судей, арбитражных заседателей, присяжных заседателей, судебных исполнителей, должностных лиц правоохранительного или контролирующего органа; сотрудников федерального органа государственной охраны; сотрудников учреждения или органа уголовно-исполнительной системы; сотрудников и работников противопожарной службы; сотрудников органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов; должностных лиц Счетной палаты; работников налоговых органов.

Другие виды обязательного страхования включают в себя: выплаты ОСАГО (обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств); выплаты в случае неисполнения банками обязательств по вкладам; выплаты, связанные с причинением вреда жизни или здоровью в результате проведения клинических исследований; выплаты, связанные с причинением вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров метрополитена; выплаты, связанные с прекращением туроператорской деятельности по причине невозможности исполнения туроператором обязательств по договорам; выплаты в результате аварии на опасном объекте; выплаты в результате несчастных случаев на воздушном судне (жизнь и здоровье членов экипажа; жизнь и здоровье либо имущество третьих лиц при эксплуатации воздушного судна, повреждение груза и т.д.); риск ответственности специализированного депозитария и управляющих компаний перед Пенсионным фондом и управляющими компаниями за нарушения, вызванные ошибками, небрежностью или умышленными противоправными действиями (бездействием) работников либо иных лиц; выплаты в результате убытков заказчика кадастровых работ и/или третьих лиц; выплаты согласно закону о несостоятельности (банкротстве) и др.

Согласно данным ВЦИОМа от 21 ноября 2018 года, полученным в рамках исследования «Отношение россиян к обязательному медицинскому страхованию и своему здоровью», 52% респондентов знают, что имеют право на бесплатную медицинскую помощь в рамках системы обязательного медицинского страхования (ОМС), что является одной из главных социальных гарантий государства. 92% пользуются полисом ОМС. 56% использовали его менее года назад для получения медицинской помощи. 2% заявили, что у них нет полиса ОМС. Наиболее востребованы застрахованными по ОМС следующие функции страховых представителей — контроль за качеством медицинских услуг, соблюдением сроков госпитализации (48%) и информирование (42%) [3].

Добровольное страхование — это, прежде всего страхование имущества: квартир, дач, танхаусов, жилых домов, комнат, бань, сооружений, коммерческой недвижимости; движимого имущества (киноаппаратура, видео-, аудио- и электронная техника; компьютерная техника; музыкальные инструменты;

библиотека; скульптуры; инструменты (пилы, шуруповерты, газонокосилки, дрели, мойки высокого давления); мягкая мебель и т.д.). Также к добровольному страхованию относят КАСКО (расширенное страхование транспортных средств от ущерба, хищения или угона), добровольное медицинское страхование (несчастные случаи, туризм, спорт и др.) [22. С. 1077–1082], личное страхование (добровольное пенсионное страхование, например) [2. С. 3], страхование жизни и здоровья, земельных участков (участок, элементы ландшафтного дизайна, конструктивные элементы, инженерное оборудование и др.). По согласованию страховщика со страхователем страховке подлежат наличные деньги в любой валюте, драгоценные металлы в слитках и право-подтверждающие документы (паспорт, права).

Левада-Центр провел в 2019 году общероссийское исследование «Отношение россиян к страхованию недвижимости и страховые случаи»: треть опрошенных (34%) отмечает, что с их жильем случались более или менее серьезные проблемы. Распространенность происшествий зависит от места проживания: в частных домах проживает пятая часть опрошенных (22%), остальные 78% — в многоквартирных домах. Респонденты, которые проживают в квартире, прежде всего, сталкивались с повреждениями водой — 53% заливали соседи, у 21% наблюдались повреждения в квартире. 34% страдали от перепада электрического напряжения. Те, кто проживал в частных домах, называли наиболее частой причиной аварии перепад напряжения (40%). Каждый пятый респондент страдал от пожара или возгорания, реже россияне сталкиваются с преступлениями с недвижимостью (15%) и стихийными бедствиями (14%).

Только 7% респондентов страхуют недвижимость, хотя треть затрагивали проблемы с жильем. 3% страхуют жилье в рамках ипотечных договоров или самостоятельно. Страхование недвижимости характерно для жителей частных домов, но доля такого населения не превышает 10%. Лишь у 8% респондентов есть застрахованная недвижимость. Самая распространенная сфера страхования — медицинская (ОМС и ДМС) — 90%, далее идет страхование транспортных средств — 23%. Лишь 5% не пользуются никакими видами страхования [16].

Таким образом, страхование можно рассматривать как экономическую категорию, как сферу услуг и как финансовую категорию. Страхование — это финансовые отношения между страхователем и страховщиком, закрепленные договором. Денежные средства аккумулируются в страховых фондах, которые служат для возмещения страхового ущерба. Страхование выступает одним из инструментов социальной защиты от рисков — с последующим возмещением денежных средств в случае убытков. В соответствии с законодательством существуют обязательные виды страхования, а добровольное страхование осуществляется по личной инициативе — исходя из желаний и материальных возможностей человека. Экономическая ситуация заставляет страховые компании подстраиваться под рынок, а также под интересы и ожидания потребителей страховых услуг [11. С. 46–51].

Библиографический список

- [1] *Алехина Е.С.* Сравнительная характеристика обязательного социального страхования и добровольного личного страхования в Российской Федерации // Вестник БУПК. 2008. № 1.
- [2] *Бахматов С.А., Бородавко Л.С., Семенова Е.В.* Пенсионное страхование как актуальное направление развития страхования жизни в современных условиях // *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 1.
- [3] Бесплатная медицина и ОМС как гарантии нормальной жизни россиян // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9440>.
- [4] *Богачев А.И.* Проблемные аспекты и перспективы развития отечественной системы страхования экологических рисков // Вестник ВГАУ. 2017. № 3.
- [5] *Быкова Н.Н.* Сущность страхования и механизм реализации имущественного страхования на современном этапе // Вестник НГИЭИ. 2016. № 12.
- [6] *Васюкова Л.К.* Инвестиции как форма реализации предупредительной функции страхования // Вестник ХГАЭП. 2011. № 1.
- [7] *Воробьев А.* «Альфастрахование» заплатит за посадку самолета на кукурузное поле \$46,1 млн // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/09/20/811681-alfastrahovanie>.
- [8] ВОЗ объявила о пандемии коронавируса // URL: <https://www.rbc.ru/society/11/03/2020/5e6912ac9a794726b69d8ea7>.
- [9] *Глинкина Е.В.* Развитие страхового рынка в условиях кризиса // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. № 11–3.
- [10] *Марчева И.А.* Страхование. Нижний Новгород, 2012.
- [11] *Нарбут Н.П., Матвеева В.М., Онзимба Ленюно Ж.Б.* Взаимодействие государства и бизнеса: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 3.
- [12] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2.
- [13] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [14] *Носова Ю.С., Капустинский Е.В., Ярыльченко Д.В.* Риски страхования // Научные труды КубГТУ. 2015. № 13.
- [15] Обзор деятельности страховщиков (по результатам федерального статистического наблюдения по форме № 1-СК «Сведения о деятельности страховщика») // URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/strah-org_n.htm.
- [16] Отношение россиян к страхованию недвижимости и страховые случаи // URL: <https://www.levada.ru/tag/sobstvennost>.
- [17] *Пузанова Ж.В., Корнаухова Ю.С.* Компетентностный подход в образовательной и управленческой практике: модели компетенций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 1.
- [18] *Резанова Л.В.* Страховой рынок и особенности страхования рисков в современной России // Дневник науки. 2019. № 11.
- [19] *Силласте Г.Г.* Социология страхования // Безопасность Евразии. 2003. № 1.
- [20] *Тарасова Ю.А.* Страхование. М., 2017.
- [21] *Тепкаева З.З.* Экономическая сущность и функции страхования // Успехи современной науки. 2017. Т. 3. № 1.
- [22] *Толмачев Д.А., Горбунов С.В., Ефремов Л.С.* Добровольное медицинское страхование в структуре личного страхования в России // Синергия наук. 2017. № 18.
- [23] *Трифонова М.А.* Риски как угрозы. Обеспечение безопасности для современного общества (на примере России и США) // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1.
- [24] *Трифонова М.А.* Изучение отношения молодежи к институту страхования в России // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. Тюмень, 2017.

[25] Юргенс И.Ю. Роль и место страхования в экономике России // Экономические стратегии. 2002. Т. 4. № 1.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках госзадания № 075-00167-20-03 Министерства науки и высшего образования «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму».

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-877-888

The role of insurance in the social-economic system*

Zh.V. Puzanova, M.A. Trifonova

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

(e-mail: puzanova.zhanna@gmail.com; trifonova_mary@mail.ru)

Abstract. The article considers the position and meaning of insurance in the social-economic system of Russia. Insurance is associated primarily with protection of the property interests under risky events. There is a large classification of risks, which is closely related to the insurance institution, and the authors analyze some types of risks providing relevant contemporary examples. Insurance is a means of the risk management system; however, the current economic, political, and social situation has a direct impact on the insurance system. Thus, in periods of instability, insurance companies have to adapt to the economic situation and financial possibilities of people to purchase insurance products. Insurance as a type of activity performs two groups of functions — economic and social. The main task of insurance is to implement effective measures of insurance protection from risky events. The article also considers activities of insurers in Russia from 2012 to 2018: the number of insurance companies, the authorized capital, the peak volume of foreign deposits, insurance payments, reinsurance operations, etc. The authors present two types of insurance — voluntary and compulsory — and consider the features of each type. The data of sociological surveys allows to analyze these features and to identify the role of voluntary and compulsory insurance in the social-economic system (tasks, functions, and so on).

Key words: insurance; risks; management of risks; functions of insurance; compulsory insurance; voluntary insurance

Funding

The research was supported by the state assignment No. 075-00167-20-03 of the Ministry of Science and Higher Education “Social-humanitarian grounds for countering extremism”.

References

- [1] Alekhina E.S. Sravnitel'naya kharakteristika obyazatel'nogo sotsial'nogo strakhovaniya i dobrovol'nogo lichnogo strakhovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Comparative description of compulsory social insurance and voluntary personal insurance in Russia]. *Vestnik BUPK*. 2008; 1 (In Russ.).
- [2] Bakhmatov S.A., Borodavko L.S., Semenova E.V. Pensionnoe strakhovanie kak aktualnoe napravlenie razvitiya strakhovaniya zhizni v sovremennykh usloviyakh [Pension insurance as an actual direction of life insurance development in contemporary conditions]. *Baikal Research Journal*. 2019; 10 (1) (In Russ.).

* © Zh.V. Puzanova, M.A. Trifonova, 2020

The article was submitted on 24.07.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

- [3] Besplatnaya meditsina i OMS kak garantii normalnoy zhizni rossiyan [Free medicine and compulsory medical insurance as a guarantee of normal life for Russians]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9440> (In Russ.).
- [4] Bogachev A.I. Problemnye aspekty i perspektivy razvitiya otechestvennoy sistemy strakhovaniya ekologicheskikh riskov [Problematic aspects and prospects for the development of the national system of environmental risks insurance]. *Vestnik VGU*. 2017; 3 (In Russ.).
- [5] Bykova N.N. Sushchnost strakhovaniya i mekhanizm realizatsii imushchestvennogo strakhovaniya na sovremennom etape [The essence of insurance and the mechanism of property insurance at the present stage]. *Vestnik NGIEI*. 2016; 12 (In Russ.).
- [6] Vasyukova L.K. Investitsii kak forma realizatsii predupreditel'noy funktsii strakhovaniya [Investments as a form of the preventive function of insurance]. *Vestnik KhGAEP*. 2011; 1 (In Russ.).
- [7] Vorobiev A. "Alfastrakhovanie" zaplatit za posadku samoleta na kukuruznoe pole \$46,1 mln [Alfastrakhovanie will pay \$46.1 million for landing an aircraft in the corn field]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/09/20/811681-alfastrakhovanie> (In Russ.).
- [8] VOZ ob'yavila o pandemii koronavirusa [WHO announced the coronavirus pandemic]. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/03/2020/5e6912ac9a794726b69d8ea7> (In Russ.).
- [9] Glinkina E.V. Razvitie strakhovogo rynka v usloviyakh krizisa [Development of the insurance market under the crisis]. *Aktualnye Voprosy Ekonomicheskikh Nauk*. 2010; 11–3 (In Russ.).
- [10] Marcheva I.A. *Strakhovanie* [Insurance]. Nizhny Novgorod; 2012 (In Russ.).
- [11] Narbut N.P., Matveeva V.M., Onzimba Lenyungo Zh.B. Vzaimodeystvie gosudarstva i biznesa: postanovka problem [Interaction between the state and business: Key issues]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 3 (In Russ.).
- [12] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennyye plany rossiyskikh studentov: ozhidaniya i opaseniya v professional'noy sfere [Life plans of Russian students: Expectations and fears in the professional sphere]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2 (In Russ.).
- [13] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears of Russian students: Possibilities of the empirical study]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [14] Nosova Yu.S., Kapustinsky E.V., Yarylenko D.V. Riski strakhovaniya [Insurance risks]. *Nauchnye trudy KubGTU*. 2015; 13 (In Russ.).
- [15] Obzor deyatel'nosti strakhovshchikov (po rezul'tatam federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya po forme No. 1-SK "Svedeniya o deyatel'nosti strakhovshchika") [Review of the activities of insurers (based on the results of the federal statistical observation No. 1-SK "Information on the activities of the insurer"). URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/strah-org_n.htm (In Russ.).
- [16] Otnoshenie rossiyan k strakhovaniyu nedvizhimosti i strakhovye sluchai [The attitude of Russians to the real estate insurance and insured cases]. URL: <https://www.levada.ru/tag/sobstvennost> (In Russ.).
- [17] Puzanova Zh.V., Kornaukhova Yu.S. Kompetentnostny podkhod v obrazovatel'noy i upravlencheskoy praktike: modeli kompetentsiy [Competence-based approach in educational and management: Models of competencies]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 1 (In Russ.).
- [18] Rezanova L.V. Strakhovoy rynek i osobennosti strakhovaniya riskov v sovremennoy Rossii [Insurance market and features of risk insurance in contemporary Russia]. *Dnevnik Nauki*. 2019; 11 (In Russ.).
- [19] Sillaste G.G. Sotsiologiya strakhovaniya [Sociology of insurance]. *Bezopasnost Evrazii*. 2003; 1 (In Russ.).
- [20] Tarasova Yu.A. *Strakhovanie* [Insurance]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [21] Tepkaeva Z.Z. Ekonomicheskaya sushchnost i funktsii strakhovaniya [The economic essence and functions of insurance]. *Uspekhi Sovremennoy Nauki*. 2017; 3 (1) (In Russ.).

- [22] Tolmachev D.A., Gorbunov S.V., Efremov L.S. Dobrovolnoe meditsinskoe strakhovanie v strukture lichnogo strakhovaniya v Rossii [Voluntary medical insurance in the structure of personal insurance in Russia]. *Sinergiya Nauk*. 2017; 18 (In Russ.).
- [23] Trifonova M.A. Riski kak ugrozy. Obespechenie bezopasnosti dlya sovremennogo obshchestva (na primere Rossii i SShA) [Risks as threats. Ensuring security for the contemporary society (on the example of Russia and the United States)]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2020; 1 (In Russ.).
- [24] Trifonova M.A. Izuchenie otnosheniya molodezhi k institutu strakhovaniya v Rossii [The study of the youth's attitude to the institution of insurance in Russia]. *Dinamika sotsialnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva: regionalnye aspekty*. Tyumen; 2017 (In Russ.).
- [25] Yurgens I.Yu. Rol i mesto strakhovaniya v ekonomike Rossii [The role and place of insurance in the Russian economy]. *Ekonomicheskie Strategii*. 2002; 4 (1) (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-889-904

Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики*

О.Б. Божков¹, А.М. Никулин², И.К. Полещук²

¹Социологический институт — филиал ФНИСЦ РАН
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: olegbozh@gmail.com; harmina@yandex.ru; poleshchuk-ik@ranepa.ru)

На основе обзора литературы о соотношении кооперации и самоорганизации в сельском развитии России и других стран мира, а также с учетом новейших тенденций международного кооперативного движения в статье анализируются материалы социологических исследований, проводившихся в 2005–2008, а затем в 2018–2019 годы в девяти сельских районах пяти субъектов Российской Федерации: Ленинградской, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Тверской областей Северного Нечерноземья. Эмпирические исследования представляли собой повторные кейс-стади, основанные на сочетании количественных и качественных методик. Авторы рассматривают историческую и современную специфику кооперации и самоорганизации Нечерноземья в сравнении с другими российскими регионами; характеризуют теоретические и практические различия между понятиями «кооперация», «самоорганизация», «взаимопомощь»; предлагают использовать понятие «симбиоз» для аналитического объяснения парадоксов взаимодействия традиций и инноваций в практиках сельской кооперации и взаимопомощи. В заключительной части статьи представлены конкретные эмпирические примеры из социологических исследований в Северном Нечерноземье, на основе которых дается оценка эффективности кооперации местных предпринимателей и сельских сообществ в сочетании с мерами и программами государственной поддержки в кооперативной сфере. Авторы особенно подчеркивают важность симбиоза формальных и неформальных практик кооперации на местах, что требует проведения чрезвычайно гибкой кооперативной политики, которая призвана преодолеть наследие исключительного бюрократического советского регулирования и возродить историческое наследие местной самоорганизации сельских сообществ.

Ключевые слова: кооперация; самоорганизация; взаимопомощь; симбиоз; колхоз; неформальная экономика; экономическая политика; сельские сообщества

Сельская кооперация, взаимопомощь и самоорганизация

В наших полевых исследованиях сельского предпринимательства в регионах сельского Нечерноземья, в интервью с сельскими респондентами нам приходилось часто затрагивать вопросы кооперации на селе. Обобщая полученные ответы, можно привести такой типичный набор мнений: кооперация — это, наверное, хорошо, но колхозы советских времен развалились, деятельность потребительской кооперации почти незаметна, о кредитной кооперации мы

* © Божков О.Б., Никулин А.М., Полещук И.К., 2020

Статья поступила 24.05.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

слышали, но страшно связываться с какими-то кооперативными кредитами; в целом на селе кооперация нужна, но из-за разобщенности и недоверия между сельскими жителями, фермерами и предпринимателями, из опасений связываться с официальной бюрократической отчетностью кооперация у нас развита слабо. Этот типичный скептический ответ о сельской кооперации можно услышать не только на Русском Севере, но и во многих других регионах сельской России, и исследователи кооперативного движения находят ему достаточно много объяснений [см.: 6; 9].

Что касается исторического кооперативного опыта России, то в начале XX века происходил бурный и разнообразный рост отечественной сельскохозяйственной кооперации, который был деформирован и прерван советскими экономическими экспериментами. Национализация и коллективизация привели, с одной стороны, к исчезновению многих форм и отраслей кооперации; с другой стороны, к огосударствлению и бюрократизации кооперации. В результате после распада СССР постсоветские колхозы и потребкооперация в большинстве случаев оказались неспособны успешно развиваться в новой рыночной конкурентной среде, особенно в условиях тяжелейшего экономического кризиса 1990-х годов, а также невнятной и противоречивой государственной аграрной политики. Впрочем, и новые рыночные кооперативные формы, например, кредитные кооперативы, оказались малоуспешными вследствие накопившегося разочарования и недоверия населения к понятию «кооперация», тем более что становление новых кредитных кооперативов также требовало значительных финансовых средств, высокого профессионализма кооперативных кадров, государственных гарантий и общественного энтузиазма — всего, чего до сих пор не хватает в российском сельском развитии.

Неудачи современной кооперации нельзя списывать исключительно на тягостно огосударственное советское кооперативное наследие или непродуманную постсоветскую кооперативную политику. Не только в сельской России, но в большинстве регионов мира социально-экономический дух времени веет отнюдь не в кооперативном направлении, испытывая на прочность кооперативные заветы и запутывая поиски новых кооперативных решений. Мировая сельскохозяйственная кооперация находится на тревожном распутье, и на основе опыта сельскохозяйственной кооперации ЕС и других стран можно выделить ключевые тенденции ее развития в мире: «корпоративизация кооперативов — они все больше уходят от социальных идей и все больше ориентируются на методы и формы управления, присущие корпорациям; угасание исторической значимости кооперативов — агрохолдинги, альтернативные виды фермерских объединений, ассоциации, союзы, самостоятельное фермерство и др. на протяжении нескольких десятилетий замещают кооперативные формы в сельском хозяйстве; снижение потребности в кооперативах в условиях развития личного транспорта, связи, адресной государственной поддержки и финансирования некоммерческих организаций, сельских консультационных служб, прямых продаж, развития цифровых технологий... — множество сервисов „под ключ“»

может просто снимать для фермера необходимость кооперироваться; глобализация — сельскохозяйственные рынки все больше концентрируются, семена, удобрения, техника, розничные и оптовые продажи, логистика... становятся все больше открыты для крупного капитала, выдержать конкуренцию с которым у мало капитализированных кооперативов не получается; конвергенция — кооперативные принципы зачастую проникают и в коммерческие организации., которые порой могут в большей степени демонстрировать кооперативные принципы работы, чем формальные кооперативы, которым не удается воплотить кооперативные идеи на практике; разнообразие — в различных странах и отраслях активно используются различные формы кооперативов, методы управления ими и государственной поддержки; огосударствление — многие крупнейшие кооперативы становятся проводниками государственной сельскохозяйственной политики и уже не могут называться кооперативами в чистом виде; отсутствие идентичности — во всем мире кооперативы теряют свою идентичность, нет общепринятых понятий, определений, принципов, практических моделей, законов» [11].

Если во всем мире и даже в традиционно развитых кооперативных сообществах Запада настали столь непростые для кооперативов времена, то что уж говорить о сельскохозяйственной кооперации России, в основном утратившей огосударствленные советские ресурсы, но не приобретшей взамен ресурсы социально-рыночно ориентированной кооперации. Впрочем, следует помнить, что со времен славных теорий и практик кооперации А.В. Чаянова именно кооперативы порой стремились стать «третьей» силой между институтами государства и рынка, выступая в роли посредника между государственными и рыночными стихиями и стараясь сформировать особую институциональную регионально-отраслевую хозяйственную культуру поддержки и развития, прежде всего, местных сельских домохозяйств и локальных сообществ [17].

В современном виде чаяновская идеология кооперации была развита в концепции эксполярных/неформальных экономик Т. Шанина, утверждавшего, что между глобальными институциональными силами нашего времени — государством и рынком — существует значительный, но малозаметный и малоизученный мир неформальных экономик домохозяйств и сообществ, часто со своими кооперативными практиками [7]. Из эксполярной концепции экономик следует, что разнообразные неформальные институты кооперации — от традиционных деревенско-соседских отношений взаимопомощи до неформальной заботы социально ориентированных местных предприятий и предпринимателей о порядке и благоустройстве сельских территорий — часто оказываются повседневной силой сохранения и развития местной сельской жизни, особенно в условиях провалов официальной, формальной политики сельского развития [15].

Из этой концепции также следует, что поиски компромисса, признание права эксполярных экономик домохозяйств взаимодействовать в легальных и

равноправных партнерских отношениях с государством и рынком через создание специальных институциональных проектов локального развития будет способствовать созданию более устойчивой среды для сохранения и развития сельских территорий. В разных российских регионах вырабатываются и апробируются разнообразные практики взаимодействия местных домохозяйств и сообществ с государственной, муниципальной властью, бизнесом, например, в реализации грантовых проектов территориального общественного самоуправления и других региональных форм самоорганизации сельского населения [1].

Сельские кооперативы: проблемы дифференциации и стагнации

Когда мы говорим о российских сельскохозяйственных кооперативах, нельзя забывать об аграрно-региональном разнообразии нашей страны. К сожалению, статистика российской сельскохозяйственной кооперации в региональном разрезе неполна и фрагментарна. Например, если мы посмотрим на карту зарегистрированных сельскохозяйственных потребительских кооперативов по субъектам Российской Федерации (Рис. 1), то обнаружим, во-первых, сильную региональную дифференциацию, во-вторых, скромные показатели потребительской кооперации в регионах Северо-Запада.

Рис. 1. Число сельскохозяйственных потребительских кооперативов на 1 января 2018 года (по данным государственной регистрации)

Мы видим, что в группу лидеров входят, кроме богатых природными и аграрно-экономическими ресурсами южных плодородных регионов, и регионы рискованного и спорадического сельского хозяйства. Такая природно-

экономическая и национальная парадоксальная поляризация может объясняться созданием благоприятных организационных и финансовых условий для потребительских кооперативов не только на плодородном юге, но и в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока, а также в ряде национальных республик с льготным кредитованием кооперации. Конечно, важен и субъективный фактор кооперативной энергичности как регионального руководства, так и самих кооператоров, поэтому, видимо, ряд южных богатых и дотационных северных регионов не вошли в лидеры сельскохозяйственной потребительской кооперации. В явно отстающие регионы по уровню развития потребительских кооперативов попали северные территории с неблагоприятными условиями ведения сельского хозяйства, а также северо-запад — Мурманская и Псковская области. В целом северо-западные регионы (за исключением Вологодской области) находятся среди территорий умеренного и низкого уровня кооперативного развития [9]: в составе 35 отстающих оказались Архангельская, Ленинградская, Новгородская, Тверская, Псковская области, Республики Карелия и Коми.

Обратимся к динамике развития кооперативов в Северо-Западном федеральном округе (Табл. 1).

Таблица 1

Количество кооперативов в Северном Нечерноземье в 2015–2018 годы [6]

Регионы	2015	2016	2017	2018
Северо-Западный федеральный округ	268	255	233	214
Республика Карелия	2	2	1	1
Республика Коми	13	12	11	10
Архангельская область	24	23	17	16
Ненецкий автономный округ	19	18	18	18
Вологодская область	81	77	71	69
Калининградская область	14	14	10	8
Ленинградская область	13	12	11	10
Мурманская область	2	2	3	3
Новгородская область	24	22	20	18
Псковская область	75	72	70	60
Санкт-Петербург	1	1	1	1
Центральный федеральный округ	848	758	728	693
Тверская область	126	111	96	120

В последнее время количество кооперативов во всех регионах Северного Нечерноземья медленно и неуклонно снижается. Лидерами по количеству кооперативов являются Вологодская и Тверская область, последняя, впрочем, административно находится уже в Центральном федеральном округе. Лидерство

Вологодской области можно объяснить как исторически мощной кооперативной традицией, берущей начало в успехах еще дореволюционных маслодельных кооперативных артелей, так и тем, что область является одним из лидеров аграрного производства всего Нечерноземья. Лидерство Тверской области можно объяснить ее выгодным географическим положением между двумя российскими столицами. Конечно, внутри каждой области Северного Нечерноземья можно обнаружить собственную внутреннюю дифференциацию районов по развитию сельскохозяйственных кооперативов.

Мы стремились обследовать районы внутриобластной глубинки, расположенные на удаленных перифериях областей [4], т.е. в силу природно-экономических условий «центр — периферия» экономически слабо развитых относительно, например, районов вблизи областных центров (Рис. 2).

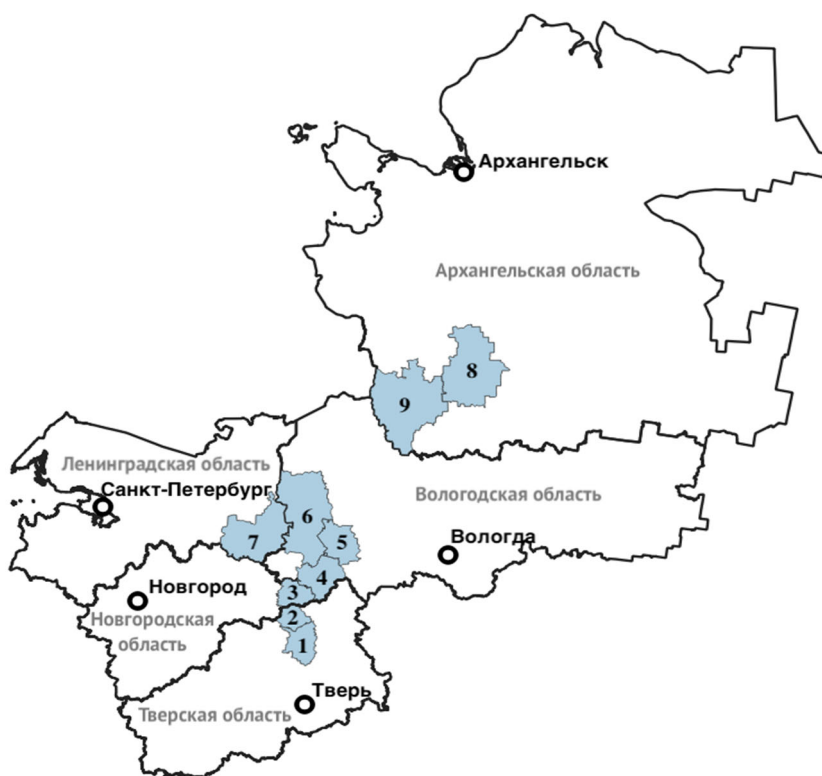

Рис. 2. Зона обследованных районов

I — Тверская область, II — Новгородская, III — Вологодская, IV — Ленинградская
Районы: 1 — Максатихинский, 2 — Лесной, 3 — Пестовский, 4 — Устюженский, 5 — Кадуйский,
6 — Бабаевский, 7 — Бокситогорский, 8 — Няндомский, 9 — Каргопольский
(все районы — типичная сельская периферия, максимально удалены от областных центров)

В Таблице 2 представлены сведения о формах организации и собственности хозяйств, в которых проводились обследования. К прочим отнесены ЗАО, ОАО, АО и т.д., многие из которых уже ушли в прошлое. Кроме того, в 2005–2008 годы исследования в Архангельской области не проводились.

Формы организации и собственности обследованных хозяйств

2005–2008	Районы	Колхоз	СПК	КФХ	ООО	Прочие	Всего
Тверская область	Максатихинский	3	12			3	18
	Лесной	4	2	4			10
Новгородская область	Пестовский	10	1	3			14
Вологодская область	Устюженский		4	2	3	3	12
	Кадуйский		1		4		5
	Бабаевский	6		2	1	2	11
Ленинградская область	Бокситогорский				1	2	3
Всего		23	20	11	9	10	73
2018-2019	Районы	Колхоз	СПК	КФХ	ООО	Прочие	Всего
Тверская область	Максатихинский		2	5		3	10
	Лесной	3	1	1			5
Новгородская область	Пестовский	1		8	3	1	13
Вологодская область	Устюженский		2	3	2	3	10
	Кадуйский		1	1	2		4
	Бабаевский	4		6			10
Ленинградская область	Бокситогорский			13	4		17
Архангельская область	Няндомский		1	1	2		5
	Каргопольский			1	2		3
Всего		8	6	37	11	7	69+8

Большинство наших респондентов, представители этих предприятий, когда речь заходила о кооперативах, утверждали, что местная сельскохозяйственная кооперация развита слабо и неэффективна. С другой стороны, официальные представители областной и районной власти подчеркивали, что на местах есть органы, курирующие вопросы поддержки и развития сельскохозяйственной кооперации. Имеются соответствующие страницы областных и районных сайтов, на которых (пусть не часто) размещается и обновляется общая статистическая информация о кооперативах и их поддержке [см., напр.: 3; 5]. Респонденты утверждали, что для развития кооперации нужно больше инвестиций из федерального бюджета — с этими деньгами удалось бы преодолеть кооперативную пассивность, недоверие и равнодушие.

Официальные кооперативные мероприятия и реальные кооперативные практики

Те, кто занимается сельским предпринимательством, формируют в деревне информационно-кооперативный социальный слой [4]. Зона наших обследований охватывает обширную территорию — примерно 250 км с запада на восток и столько же с севера на юг. Нас удивил тот факт, что в разговоре в Устюженском районе («дальний восток» Вологодчины), когда мы без имен вспомнили случай из жизни предпринимателя из северной части Бабаевского района (крайняя северо-западная точка Вологодской области), наш респондент неожиданно спросил: «Это случайно не мой друг Сережа Юшкевич?», а

мы имели в виду именно его. В наших интервью немало свидетельств взаимопомощи между фермерами и бывшими колхозами. Взаимопомощь можно рассматривать и как частный случай кооперации. Принципиальная разница состоит в том, что взаимопомощь, как правило, бескорыстна (если человек, оказавший помощь, требует деньги, значит, воспринимает помощь как услугу, работу, которая должна быть оплачена), тогда как кооперация предполагает определенный экономический эффект. Кроме того, взаимопомощь обычно привязана к конкретной ситуации, чаще спонтанной, хотя и требует согласования места и времени взаимодействия. С дореволюционных времен и примерно до 1950-х годов в российских деревнях существовал институт помочи (совместный неоплачиваемый добровольный труд крестьян, нередко принимавший форму ритуального праздника) — эта социальная практика ярко описана советскими писателями-деревенщиками, например, Ф. Парфеновым и В. Беловым.

Кооперация требует функциональной определенности и четко оговоренных правил (например, Устава кооператива). Теоретик крестьянской кооперации А.В. Чаянов выделяет ряд основных функциональных направлений кооперативной деятельности: сбытоснабженческие; кредитные; транспортные; перерабатывающие; строительно-ремонтные; по использованию техники; по снабжению кормами, запчастями, семенами, элитным скотом, электричеством, водой и т.д. [16]. Но с функциональной определенностью и четко оговоренными правилами часто возникают сложности, тем более в условиях, когда государственная поддержка сельских предпринимателей, как правило, выборочна, недостаточна и обременена излишним контролем и жесткими условиями.

Приведем несколько примеров. Так, фермер из деревни Бойлово Кадуйского района Вологодской области с небольшими приключениями получил грант в 1,4 млн рублей — как начинающий предприниматель. По его словам, если бы он знал, сколько это добавит ему мороки, не стал бы связываться. Можно вспомнить историю банкротства фермера из Борисово-Судского (Бабаевский район), который имел неосторожность взять большой кредит в Россельхозбанке для развития производства; историю картофелевода из деревни Никола (Устюженский район), взявшего в аренду землю, заросшую лесом, и получившего незаслуженный штраф в полмиллиона рублей. Безусловно, такие печальные опыты в сельской местности быстро становятся общеизвестными и не способствуют кооперативному единению.

Почему же сельские предприниматели (за исключением очень немногих) предпочитает действовать в одиночку? Понятно, что здесь имеется целый комплекс причин, но немаловажно слабое знание действующего законодательства. Уследить за постоянно изменяющимися законами — дело нелегкое. Так, 131-й закон о местном самоуправлении, принятый в 2003 году, за 17 лет претерпел более ста изменений; 193-й закон о сельской кооперации, принятый в 1995 году, менялся каждый год, а в некоторые годы по 2–3 раза, и

претерпел в общей сложности 27 изменений и дополнений. По сути, закон о местном самоуправлении был переписан, но не стал существенно лучше. Напротив, местное самоуправление, особенно сельское, оказалось фактически бесправным. Что касается закона о сельской кооперации, то уже в первой его статье, где определены основные понятия, некоторые из определений требуют просто перевода на понятный русский язык или, по крайней мере, детального разъяснения.

Приведем пример из Максатихинского района Тверской области — законодательных проблем для кооператива в получении им грантовой поддержки. В марте 2019 года депутат Госдумы С.В. Максимова, находясь в рабочей поездке по району, посетила СПК «Тифинский» для встречи с тружениками села, где побеседовала с руководителем Алексеем Шаталовым, сообщившим, что за два месяца 2019 года валовое производство молока в его хозяйстве составило 36 тонн, надой на корову — 429 килограммов; в кооперативе имеются два трактора, автомобиль, тракторный прицеп, две косилки, сеялка, пресс-подборщик; среднесписочный состав — 15 человек; средняя зарплата — 10 тысяч рублей. Дальнейший разговор в конторе хозяйства был зафиксирован в местной прессе: *«Положение у нас очень сложное. Из-за убыточного баланса мы не можем рассчитывать на льготные кредиты. А брать кредит в банке под 17% — значит, загнать себя в кабалу. Грантовая поддержка также не касается СПК. Вот и получается, что с каждым годом выживать становится все труднее. Надо как-то законодательно поддерживать малых сельхозпроизводителей»*. *«Вам надо попробовать перерегистрироваться в фермерское хозяйство или создать кооператив из фермерских хозяйств, тогда легче будет получить финансовую поддержку»*, — заметила депутат. *«Мы думаем об этом... Но надо сделать все грамотно, а то есть примеры, когда подобный переход заканчивался полным развалом хозяйства. Если у Вас есть знающие юристы или положительные примеры перерегистрации, помогите нам. У руководителя, коллектива есть желание работать, но нужна „дорожная карта“, которая поможет выйти из кризиса, даст надежду, что в наших непростых условиях можно жить и трудиться»* [10].

Независимо от официального кооперативного контроля на селе действуют местные неформальные практики сохранения и развития основ взаимопомощи и кооперации. Одна из таких практик — сохранение атрибутов колхозного кооперативизма под руководством частного предпринимателя в новых рыночных условиях в рамках одной деревни. Другая практика — симбиоз солидарных действий мелких предпринимателей лесопереработки и молочного производства в рамках одного района.

Колхоз Каргополья как неформальный союз предпринимателя с местным сообществом

Каргополье — южная территория Архангельской области и исторически один из самых далеких районов регулярного сельского хозяйства на севере

России, где за полвека исчезло почти 120 сельских поселений. Яркий пример противодействия неуклонному исчезновению северной деревни — судьба Ступино. Сегодня это самая удаленная деревня Каргополья, расположенная в гуще архангельских таежных лесов на берегу живописного Покровского озера, в 150 километрах от райцентра и в 90 километрах от ближайшего железнодорожного пункта. Деревня была основана в XVIII веке — по берегам озера Ильинского и вытекающих из него речек появлялись так называемым «кустом» мелкие деревеньки в 10–15 дворов. Деревня Ступинская оказалась в центре куста и в советское время превратилась в небольшую центральную усадьбу местного колхоза. К концу советского периода в Ступинской жило чуть более 400 человек, сегодня — 200.

По своему экономико-географическому положению в сельской экономике Ступинская невыгодно расположена, но живет и даже развивается среди остальных давно исчезнувших или стремительно исчезающих населенных пунктов Каргополья. Безусловно, в исчезновении сел и деревень важны объективные, внешние факторы экономико-географического местоположения, но не менее важны факторы социальной и культурной организации местного общества. В целом ряде российских регионов в последние десятилетия отмечалась более высокая выживаемость сельских поселений, сохранивших традиционные ценности сельских миров: этнические, религиозные, общинные.

На первый взгляд, Ступинская не обладает особыми сельскими традиционалистскими добродетелями. Это не старообрядческое село, держащееся укорененной религиозной дисциплины, не татарское или башкирское село, в котором значимы ценности традиционного этнического уклада сельской жизни. В Ступинской до сих пор преобладают местные жители, но в условиях глобальной рыночной экономики и сурового северного Нечерноземья должны быть особые причины сохранения местного сообщества. К таковым относятся, прежде всего, личностные факторы сплочения и развития сообщества. Уже в позднесоветское время одним из таких влиятельных факторов, типичных для колхозных сообществ, стал толковый хозяин — председатель колхоза. Им оказался ступинский уроженец, руководивший ступинским хозяйством с середины 1960-х до конца 1980-х годов. При нем социальное пространство Ступинской обрело те формы, которые до сих пор сохраняются. В советские времена небольшой ступинский колхоз исправно и ладно специализировался на молочном животноводстве, органично сочетаемом с экономической личных подсобных хозяйств и лесных промыслов. Депрессивные постсоветские сельские 1990-е годы оказались тяжелыми и для Ступинской — с крахом плановой экономики ступинское общественное хозяйство фатально разрушалось, а его руководители не могли найти пути сбыта молока и обновления производства.

На рубеже 2000-х годов ступинская сельская экономика стремилась к банкротству, выживая лишь благодаря интенсификации самообеспечения в личных подсобных хозяйствах и заработками на лесозаготовках. В это время

начался исход местных жителей, а среди оставшихся разрастались негативные практики пьянства и хулиганства. После банкротства бывшего колхозного хозяйства ему была подарена вторая жизнь с приходом кризисного управляющего А.Н. Холодкова, возглавившего СПК «Сельскохозяйственная артель (колхоз) „Ступинское“». Ему удалось в короткий срок получить кредиты для реанимации хозяйственной деятельности двух молочных ферм, традиционно для этих мест сочетая производство молока с лесопереработкой. В скором времени ступинские фермы стали одними из самых производительных не только в районе, но и в Архангельской области. За явные хозяйственные успехи, поддержание и развитие социальной сферы Ступинской Холодков был избран депутатом Законодательного собрания Архангельской области, что добавило ему определенный административный ресурс для дальнейшего развития ступинской экономики.

Как это свойственно многим сельскохозяйственным предпринимателям постсоветской поры, Холодков успешно сочетает элементы капиталистического менеджера и советского хозяйственника. Например, он приобрел в собственность значительную часть паевого имущества бывшего колхоза, ныне СПК, став фактически главным собственником предприятия, но при этом он старательно поддерживает идеологию исторической преемственности своей деятельности с колхозным управлением. На стенах конторы сельхозпредприятия висят стенды с фотографиями, документами, графиками как колхозной поры, так и современной. Сам председатель перед работниками хозяйства и жителями села всячески подчеркивает ценность колхозных и советских традиций.

Хотя роль руководителя хозяйства велика, надо отметить и активизм других жителей деревни. Например, именно в Ступинской одним из первых был построен сельский храм. Здесь оказалось достаточно деятельное и инициативное религиозное сообщество, возглавляемое церковным старостой. Кроме православной общины, в Ступинской проявила себя и территориальная организация самоуправления (ТОС), реализовав несколько проектов по благоустройству деревни (например, ТОС принял участие в сооружении небольшой деревянной гостиницы для туристов и гостей).

Значимым событием в жизни Ступинской стала неудачная попытка рейдерского захвата местного сельхозпредприятия, предпринятая бизнесменами-лесопромышленниками из Архангельска. Семь лет назад рейдеры на джипах, преодолев апрельскую распутицу дороги, нагрянули в момент проведения общего собрания трудового коллектива с критикой руководителя Холодкова и щедрыми предложениями по скупке паев у местных работников для смены собственника. «Варяги» обещали «золотые горы» в случае их прихода к власти. Руководитель предприятия и идущее за ним большинство работников все же полагали, что неожиданных покупателей интересовала быстрая и хищническая вырубка окрестных лесов с распродажей мясомолочной отрасли ступинской экономики. В результате большинство ступинцев проявило солидарность с руководителем, предпочтя тут же ему продать свои земельные паи — председатель получил контрольный пакет в управлении собственностью предприятия.

В настоящее время экономика Ступинской по-прежнему сохраняет все отвоеванные позиции и проводит модернизацию двух молочных ферм, чьи надои остаются стабильно высокими. Председателю хозяйства удается сочетать занятость работников в лесозаготовках и молочном животноводстве. Используя административный ресурс депутата, он выбивает дополнительные дотации на развитие не только экономической, но и социальной сферы Ступинской. ГОСы и местная церковная община успешно реализуют проектные инициативы по благоустройству села. Таким образом, комбинация толкового руководителя местного сельскохозяйственного предприятия с неутраченной способностью к активистской деятельности местного сообщества способствовали отстаиванию и развитию автономного существования этой локальной территории, прежде всего, через институциональную структуру СПК — бывшего колхоза.

Неформальный кооперативный симбиоз предпринимателей

Практика симбиотического социально-экономического контроля и перераспределения местных ресурсов сельских сообществ основана на сосуществовании и взаимопроникновении локальных отраслей местного хозяйства, сращивании формальных и неформальных социально-экономических практик капитала. Как правило, симбиотические модели свойственны нечерноземным регионам России, периферийным территориальным зонам, но все же не таким «медвежьим углам», как вышеописанный каргопольский СПК. Кроме того, сообщества симбиотических моделей часто являются центрами сельских муниципальных образований, а иногда даже сельскими райцентрами.

Рассмотрим симбиотические практики на примере Тарногского района Вологодской области [2]. Примером неформального симбиотического кооперативизма является Тарногский городок — райцентр, расположенный на северо-восточной периферии области. В нем проживает чуть больше трех тысяч жителей. С точки зрения формальных экономико-географических характеристик это невыгодное расположение — вдали от областного центра, железной дороги и федеральной автомобильной трассы. Тем не менее, показатели экономического развития этого района — одни из самых стабильных и успешных в Вологодской области. На наш взгляд, причины успеха — искусное симбиотическое неформальное кооперирование хозяйственных отраслей и социальных институтов.

Так, в Тарногском городке и его окрестностях на протяжении последних десятилетий успешно сосуществуют лесопереработка и сельское хозяйство малых и семейных предприятий, рассредоточенных по окрестным кустовым селениям (10–15 дворов). В 2016 году в районе работало 95 малых лесоперерабатывающих предприятий, которые занимались кустарной обработкой древесины для местного рынка, производством пиломатериалов с разветвленной системой контрагентов, переработкой отходов деревообработки (топливные брикеты, подстилки для скота, наполнители для туалетов). Также в Тарногском районе работает 11 малых молочных предприятий, созданных на руинах

советских колхозов. Большинство молочных предприятий аффилированы с местной лесопереработкой. В целом здесь считается, что лесом заниматься выгоднее, чем сельским хозяйством, поэтому районная муниципальная власть навязывает и поощряет симбиоз предприятий лесного и сельского хозяйства. Немаловажную роль играет сохранившийся с советских времен местный молокозавод — у производителей молока нет проблем со сбытом продукции. Молокозавод снабжает молоком и маслом не только районы Вологодской области, но и некоторые районы Архангельской области.

Таким образом, гибко симбиотически интегрированная система взаимодействия малых предприятий лесной и сельскохозяйственной отраслей обеспечивает устойчивое развитие Тарногского городка. Причем это сообщество не автаркично: тарногские переработчики — известные поставщики лесоматериалов на строительных рынках даже Москвы. В зависимости от рыночной конъюнктуры, малые тарногские предприятия умело совершают маневры по перераспределению трудовых и финансовых ресурсов между лесоперерабатывающими и сельскохозяйственными отраслями. Другая причина экономических успехов Тарногского городка на фоне в целом депрессивных соседних районов — особое качество местного социального капитала, ориентированного, прежде всего, на гибкое и квалифицированное совмещение лесопереработки, сельскохозяйственной занятости и лесных промыслов (сбор дикоросов). В результате численность жителей Тарногского городка за последние тридцать лет практически не изменилась, оставаясь у границы в 3200 человек, что является очень хорошим показателем на фоне значительной постсоветской депопуляции большинства сел северного Нечерноземья.

Крупный бизнес — как лесной, так и сельскохозяйственный — пока обходит стороной эту местность. В лесном деле крупному бизнесу не хватает тарногского леса, изрядно повырубленного за последние десятилетия. Кроме того, крупному бизнесу привлекательней инвестировать деньги в оставшееся с советских времен предприятие крупного леспромхоза, чем иметь дело с каждым из девяноста мелких лесных предприятий. Хотя крупный лесной агрохолдинг — более высокопроизводительное предприятие, использующее более мощную и современную технику, чем мелкие лесоперерабатывающие хозяйства, последние обеспечивают району более высокую занятость местного населения, производят более разнообразный ассортимент продукции по сравнению с лесным холдингом, ориентированным, прежде всего, на выпуск массовой, но, как правило, однообразно стандартизированной продукции. Наконец, малые лесоперерабатывающие предприятия платят налоги сразу в местный районный бюджет.

Как показывают общероссийские исследования [см., напр.: 8; 14] и изучение сельскохозяйственных кооперативов в отдельных районах [см., напр.: 12; 13], кооперация в России находится в состоянии застоя. Конечно, сказывается

многолетний исторический груз ошибок советского огосударствления кооперации, до сих пор определяющий забюрократизированность кооперативной деятельности в центре и на местах, а также частое недоверие и апатию населения по отношению к кооперативным начинаниям. Для успешного развития кооперативных форм, помимо компетентных и преданных делу кооперации лидеров, необходима благоприятная локальная и региональная среда, в которой кооперация способна к укреплению и развитию. Как показало наше исследование в Северо-Западном регионе, там, где исторически сохранилось больше кооперативных исторических корней (например, кооперативный «бренд» регионального развития в Вологодской области или солидарность малых сообществ в Архангельской области), имеется больше возможностей для успешного и устойчивого развития кооперации. И пусть часто она носит неформальный характер, значительно отклоняясь от классических кооперативных чаяновских канонов столетней давности, главное, что такая кооперация надежно обеспечивает выживание и развитие местных домохозяйств, малых форм бизнеса и локальных сообществ сельской России. Кроме того, как свидетельствует исторический и современный опыт кооперативного развития, его успех невозможен без широкой популяризации успешных примеров возникновения и развития различных форм кооперации.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

Библиографический список

- [1] *Аверкиева К.В.* Можем вместе! Реализация общественных инициатив по-тотемски // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 4.
- [2] *Аверкиева К.В.* Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.
- [3] *Бажанова И.* «От развития кооперации — к улучшению качества жизни на селе» // URL: <http://dvinanews.ru/-tbr91110>.
- [4] *Божков О.Б., Троцук И.В.* Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2018. Т. 18. № 4.
- [5] В Архангельской области создан центр компетенций в сфере сельского хозяйства // URL: <https://region29.ru/2019/07/18/5d305f15764de972f20b3c62.html>.
- [6] *Куракин А.А.* 20 лет закону «о сельскохозяйственной кооперации» // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1.
- [7] Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина и др. М., 1999.
- [8] О состоянии сельских территорий Российской Федерации в 2015–2018 годах. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. М., 2018.
- [9] *Овчинцева Л.А.* Возможные направления кооперативного развития в регионах Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2018. № 5.
- [10] *Озеров Е.* Селу нужна помощь // Вести Максатихи. 26 марта 2019 года.
- [11] *Соболев А.В., Пахомов В.М., Рыкалин А.С.* Сельскохозяйственные кооперативы: институциональный и региональный подтекст // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2020. № 1.

- [12] *Троцук И.В.* Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 4.
- [13] *Троцук И.В.* Мониторинги развития сельских территорий: «количество», «качество» или их сочетание? // Материалы IX Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир». М., 2019.
- [14] *Троцук И.В.* Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3.
- [15] *Фадеева О.П.* Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. 2019. № 4.
- [16] *Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. М., 1989.
- [17] *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-889-904

Agricultural cooperation in the Northern Non-Black-Earth Region: formal and informal practices*

O.B. Bozhkov¹, A.M. Nikulin², I.K. Poleshchuk²

¹Sociological Institute — branch of the FCTAS RAS
7th *Krasnoarmeiskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia*

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: olegbozh@gmail.com; harmina@yandex.ru; poleshchuk-ik@ranepa.ru)

Abstract. Based on the review of the research on the relationship between cooperation and self-organization in the rural development of Russia and other countries, and also taking into account the recent trends in the international cooperative movement, the authors present the results of the sociological research conducted in 2005–2008, and then in 2018–2019 in nine rural areas of five subjects of the Russian Federation: Leningrad, Vologda, Novgorod, Arkhangelsk and Tver Regions of the Northern Non-Black-Earth Region. These empirical studies were comparative case studies based on a combination of quantitative and qualitative approaches. The authors consider the historical and contemporary specifics of cooperation and self-organization of the Non-Black-Earth Region as compared to other Russian regions; identify theoretical and practical differences between the concepts ‘cooperation’, ‘self-organization’, ‘mutual assistance’; propose to use the concept ‘symbiosis’ for the analytical explanation of paradoxes of the interaction of traditions and innovations in practices of rural cooperation and mutual assistance. In the final part of the article, the authors provide empirical examples from their sociological studies in the Northern Non-Black-Earth Region, which prove the efficiency of cooperation between local entrepreneurs and rural communities, especially provided measures and programs of the state support to cooperation. The authors emphasize the importance of the symbiosis of formal and informal local cooperative practices, which requires an extremely flexible cooperative policy in order to overcome the legacy of the Soviet bureaucratic overregulation and to revive the historical legacy of the local self-organization of rural communities.

Key words: cooperation; self-organization; mutual assistance; symbiosis; collective farm; informal economy; economic policy; rural communities

* © O.B. Bozhkov, A.M. Nikulin, I.K. Poleshchuk, 2020

The article was submitted on 05.05.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-00568 “Models of interaction of agricultural business and local authorities: Mechanisms of reproduction of the entrepreneurs’ stratum and informal economy in the Non-Black Earth Region”.

Referenses

- [1] Averkieva K.V. Mozhem vmeste! Realizatsiya obshchestvennykh initsiativ po-totemski [We can do it together! Community initiatives in the Tot'ma style]. *Russian Peasant Studies*. 2019; 4 (4) (In Russ.).
- [2] Averkieva K.V. Simbioz selskogo i lesnogo khozyaystva na staroosvoennoy periferii Nechernozemiya: opyt Tarnogskogo rayona Vologodskoy oblasti [Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black-Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4) (In Russ.).
- [3] Bazhanova I. “Ot razvitiya kooperatsii — k uluchsheniyu kachestva zhizni na sele” [“From the development of cooperation to improving the quality of rural life”]. URL: <http://dvinanews.ru/-tbr91110> (In Russ.).
- [4] Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [5] V Arkhangel'skoy oblasti sozdan tsentr kompetentsiy v sfere selskogo khozyaystva [In the Arkhangel'sk Region, there is a new center of competencies in agriculture]. URL: <https://region29.ru/2019/07/18/5d305f15764de972f20b3c62.html> (In Russ.).
- [6] Kurakin A.A. 20 let zakonu “o selskokhozyaystvennoy kooperatsii” [20 years of the Law “On Agricultural Cooperation”]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (1) (In Russ.).
- [7] *Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russian and the World]. Pod red. T. Shanina i dr. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [8] O sostoyanii selskikh territoriy Rossiyskoy Federatsii v 2015–2018 godakh. Yezhegodny doklad po rezultatam monitoringa [On the State of Rural Areas of the Russian Federation in 2015–2018. Annual Monitoring Report]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [9] Ovchintseva L.A. Vozmozhnye napravleniya kooperativnogo razvitiya v regionakh Rossiyskoy Federatsii [The prospects for the development of cooperatives in regions of the Russian Federation]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*. 2018; 5 (In Russ.).
- [10] Ozerov E. Selu nuzhna pomoshch [Village needs help]. *Vesti Maksatikhi*. March 26, 2019 (In Russ.).
- [11] Sobolev A.V., Pakhomov V.M., Rykalin A.S. Selskokhozyaystvennyye kooperativy: institutsionalny i regionalny podtekst [Agricultural cooperatives: Institutional and regional subtext]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*. 2020; 1 (In Russ.).
- [12] Trotsuk I.V. Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Possibilities of the case study method in the study of rural social problems]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 4 (In Russ.).
- [13] Trotsuk I.V. Monitoringi razvitiya selskikh territoriy: “kolichestvo”, “kachestvo” ili ikh sochetanie? [Rural development monitorings: “Quantity”, “quality”, or a combination of both?]. *Materialy IX Grushinskoy konferentsii “Sotsialnaya inzheneriya: kak sotsiologiya menyaet mir”*. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [14] Trotsuk I.V. Putevoditel po postsovet'skoy agrarnoy reforme v Rossii: ob'ektivnoe i sub'ektivnoe izmerenie selskoy zhizni [A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (3) (In Russ.).
- [15] Fadeeva O.P. Sibirskoe selo: ot formal'nogo samoupravleniya k vyzhdennoy samoorganizatsii [Siberian village: From formal self-administration to the forced self-organization]. *ECO*. 2019; 4 (In Russ.).
- [16] Chayanov A.V. *Kratky kurs kooperatsii* [Short Course on Cooperation]. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [17] Chayanov A.V. *Osnovnye idei i formy organizatsii selskokhozyaystvennoy kooperatsii* [Main Ideas and Forms of Agricultural Cooperation]. Moscow; 1927 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-905-918

Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект)*

Г.Б. Кошарная, Н.В. Корж

Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, Пенза, 440026, Россия
(e-mail: k-galina1@yandex.ru; natalya.korzha@mail.ru)

На современном этапе модернизации российского общества интерес ученых привлекает социальное самочувствие населения, которое свидетельствует об удовлетворенности разными сторонами жизни. Позитивное социальное самочувствие, особенно молодежи, — важный показатель стабилизации общественного развития. Обобщив различные теоретико-методологические подходы, авторы осуществили структурную операционализацию концепта «социальное самочувствие». В статье раскрывается содержание категории «социальное самочувствие», анализируются его индикаторы и факторы, влияющие на социальное самочувствие студенческой молодежи российского региона. Актуальность изучения социальных настроений молодого поколения обусловлена необходимостью целенаправленной работы по формированию позитивного социального самочувствия молодежи, поскольку будущее развитие нашей страны во многом зависит от того, как сегодняшняя молодежь оценивает свое настоящее и какие планы строит на будущее. Основная цель исследования — выявление факторов, значимо влияющих на социальное самочувствие студенческой молодежи, и определение их взаимосвязи. Исследование было проведено с использованием количественных (анкетирование) и качественных (фокус-группы) методов. Последние позволили более оценить приоритетность факторов для студенческой молодежи. По итогам опроса была разработана факторная модель социального самочувствия провинциальной студенческой молодежи; показано, что на ее социальное самочувствие первоочередное влияние оказывают такие факторы, как возможность трудоустройства, образование, здоровье и реализации жизненных стратегий. Результаты качественного исследования подтвердили, что студенческая молодежь озабочена своей востребованностью на рынке труда, возможностью самореализации, распространением девиантных практик. Исследование показало, что в целом среди выпускников вузов преобладают тревожные настроения. Необходим постоянный мониторинг социального самочувствия молодого поколения, который позволит отслеживать динамику изменения факторов, в наибольшей степени влияющих на социальное самочувствие молодежи, для предотвращения социальной напряженности в региональном социуме.

Ключевые слова: социальное самочувствие; студенческая молодежь; социальное настроение; материальное благополучие; образование; трудоустройство; здоровье

Современное российское общество характеризуется постоянными трансформациями практически во всех сферах жизнедеятельности. Изменения, происходящие в социуме, и их последствия отражаются на настроениях отдельных индивидов, групп и в целом населения. В связи с этим анализ

* © Кошарная Г.Б., Корж Н.В., 2020

Статья поступила 24.05.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

удовлетворенности положением в обществе и оценок социальной действительности приобретает особую актуальность. О социальном самочувствии начали говорить с середины 1960-х годов, а в социологический дискурс данный концепт вошел в 1980-е годы [7; 24]. Однако активные исследования в этой области начались только в 1990-е годы в связи с политическими и социально-экономическими реформами в стране [14. С. 40–45]. Анализ публикаций по проблеме социального самочувствия показал, что данный феномен многогранен и зависит от целого ряда факторов. Рассматривая данный феномен, социологи выделяют несколько подходов: социальное самочувствие как состояние удовлетворенности разными аспектами жизнедеятельности, как интегральная системная характеристика жизненной стратегии и как основа социального настроения [21. С. 72–77]. Соответственно, измерение социального самочувствия предполагает целый комплекс индикаторов [см., напр.: 15; 16; 17; 26]. Следует также учитывать, что социальное самочувствие может различаться у отдельных социально-демографических групп в рамках одного и того же периода времени, а также у всего населения на разных этапах развития общества.

Приведем несколько определений социального самочувствия в российских исследованиях: «состояние переживания по поводу комфортности или дискомфорта своего бытия в социуме» [14. С. 40–45], которое зависит от целого ряда факторов (трудовая сфера, социальная защита, жилищные проблемы, образование и здоровье) — они могут быть поделены на внутренние/субъективные (жизненная стратегия, идентификация, состояние здоровья и т.д.) и внешние/объективные (уровень образования, материальное благосостояние, профессиональная занятость, уровень безопасности и т.д.) [25. С. 481–489]. Многие авторы считают важным фактором уровень социальной адаптации — от того, насколько успешно личность адаптируется к социально-экономическим, политическим и культурным условиям, зависит ее оценочное суждение о реальности. Так, М.К. Горшков определяет «социальное самочувствие как показатель адаптации и социокультурной интеграции личности с обществом» [22. С. 15]. П.М. Козырева выделяет три составляющие индекса социального самочувствия: «индекс удовлетворенности и стабильности, индекс самооценки статусно-престижной идентичности и индекс самооценки здоровья» [9. С. 24–36]. В зависимости от уровня социальной адаптации выделяет такие типы социального самочувствия, как оптимистичное (активное), приспособительное (обыденное), пассивное (безучастное, инертное) и пессимистичное (отрицательное, негативное) — от стратегии адаптации зависит отношение личности к социальным изменениям [6].

Обобщив подходы отечественных социологов к социальному самочувствию, можно представить следующую его структурную операционализацию (Табл. 1):

Социальное самочувствие населения: структурная операционализация

Критерии		Индикаторы
Объективные (внешние)	Материальное благополучие	Удовлетворенность доходами; уровень жизни; удовлетворенность жилищными условиями; наличие собственности
	Безопасность	Удовлетворенность характером социальных отношений; удовлетворенность состоянием окружающей среды; уровень медицинской помощи; образование; уровень социальной защиты
	Трудовая и профессиональная активность	Гарантии занятости; конкурентоспособность; профессиональное самоопределение; возможности трудоустройства; стратегии на рынке труда
Субъективные (внутренние)	Идентичность	Самооценка и самосовершенствование; социальный статус; представление о будущем; адаптивность
	Общение	Социальные связи; взаимопомощь; солидарность; доверие; гражданская ответственность
	Эмоционально-психологическое состояние	Уровень комфортности; социальный оптимизм/пессимизм; локус контроля; уверенность в себе; стремление к созданию семьи; конфликтность; состояние здоровья; отдых и досуг

Анализируя социальное самочувствие населения, многие авторы по результатам исследований разрабатывают его типологии, например, такие «метатипы» социального самочувствия, как «конфронтирующие, дискомфортные, толерантные и комфортные» [3. С. 52–67]. В зависимости от социально-демографических характеристик человек относится к тому или иному метатипу (возраст, материальное положение, образование). В трудовой сфере выделяют следующие типы социального самочувствия молодежи: «карьерера», «мобилизация», «стабильность», «негативные ожидания», «альтернативная реализация»; в семейной — «критический», «проблемный», «стабильный» и «позитивный» [19. С. 50–55], причем решающее влияние на социальное самочувствие оказывают уровень дохода и образования, профессиональный статус и профессиональная мобильность. Таким образом, социальное самочувствие можно определить как эмоционально-оценочное отношение акторов (состояние удовлетворенности, комфортности) к конкретной социальной реальности в конкретный период времени и в конкретном регионе. Поскольку данное понятие достаточно широкое и включает набор индикаторов, исследователи фокусируются на отдельных социальных группах — молодежь [17; 19], рабочие [1; 2], пожилые [8; 12], люди с ограниченными возможностями [4] и т.д.

Изучение социального самочувствия студенческой молодежи Пензенского региона проводилось методом анкетирования и фокус-групп. Опрос был проведен в 2019 году на квотной выборке в 356 респондентов. Фокус-группы были проведены со студентами разных вузов и курсов, чтобы уточнить оценки и мнения по вопросам социального самочувствия молодого поколения.

Итак, одним из главных факторов, определяющих социальное самочувствие, по мнению большинства исследователей [2; 3; 9; 10; 27], является уровень материального благополучия, что подтвердил опрос студенческой молодежи (Табл. 2).

Таблица 2

**«Что более всего может оказать влияние на Ваше позитивное социальное самочувствие?»
(по курсам обучения, в %)**

Жизненные цели	Курс обучения				
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс, магистр
Высокий заработок, материальное благополучие	36,6	37,9	43,7	36,4	33,6
Создание собственного бизнеса	24,1	27,5	24,1	29,6	27,8
Достижение высокого профессионализма	26,3	21,5	20,5	20,4	29
Признание окружающих, слава	6,4	6,4	5	6,7	4,8
Власть, возможность командовать людьми	6,6	6,2	6,8	6,9	4,8

Опрос показал, что студенты, независимо от курса обучения, ориентированы, прежде всего, на материальное благополучие (от 33% до 44%). Почти треть ориентирована на создание собственного дела, т.е. выявлен значительный предпринимательский потенциал студенческой молодежи. Собственный бизнес более интересует бакалавров 4 курса и магистров (30% и 28%). Меньше всего студенческая молодежь стремится к славе (от 5,8% до 6,7%) и власти (от 4,8% до 6,9%). Кроме того, студенты ориентированы на достижение высокого профессионализма в определенной сфере.

Материальный достаток — основной фактор, влияющий на социальное самочувствие молодежи. Материальное благополучие часто трактуется как набор благ, который может позволить индивиду удовлетворять свои потребности. У молодых людей этих потребностей достаточно, и студенты стремятся к достижению, прежде всего, этой цели. Большинство понимают, что ее достижение возможно с помощью хорошей работы или создания собственного бизнеса — они и оказываются первоочередными факторами успешной самореализации. Студенты рассматривают в качестве главного средства достижения социального статуса и материального достатка трудовую деятельность. Еще во время обучения у будущего специалиста формируется образ «идеальной работы»: *«Для меня хорошая работа — это когда интересно ею заниматься, достойная оплата труда, дружный коллектив, хорошие условия труда»*. *«Мои требования к будущей работе: интерес к выполняемой деятельности, возможность творческого подхода, нормальный социально-психологический климат в коллективе, достойный уровень оплаты труда, который позволит мне удовлетворять свои потребности»*. *«Хорошая работа для меня — это, прежде всего, та работа, которую ты знаешь и делаешь с удовольствием. К тому же правильно выбранная работа способствует самореализации и карьерному росту. Вторым важным фактором при выборе работы является заработная плата. Что касается коллектива, лично для меня он не играл бы важную роль»*.

Для молодых людей важно, чем они будут заниматься в будущем, поэтому многие отмечают, что работа должна быть интересной и, конечно, хорошо оплачиваемой. Условия труда, коллектив не являются приоритетными требованиями к «хорошей работе», вероятно, вследствие отсутствия реального опыта работы в трудовом коллективе.

Образование также считается фактором, определяющим социальное самочувствие, но важность хорошего образования для трудоустройства признают только 41%. Более 30% считают, что для получения достойной работы образование не имеет решающего значения. Однако большинство молодых людей желают получить именно высшее образование, а иногда даже несколько. Такое стремление зачастую связано с требованиями работодателей — им нужен непрерывно развивающийся специалист, компетентный, с нестандартным подходом к решению производственных задач [5]. Образование сегодня считается основным средством наращивания человеческого капитала, определяющего конкурентоспособность личности и устойчивое развитие государства. Молодым людям высшее образование позволяет не только получить профессиональные знания, усвоить навыки и умения, но и развить в себе личные качества, необходимые для дальнейшей профессиональной мобильности.

Мотивы получения высшего образования у студентов различны, но обсуждение в фокус-группах позволило определить, почему большинство молодежи выбирает высшее профессиональное образование. *«В современной ситуации, не имея высшего образования, у человека мало шансов найти хорошую работу».* *«В выборе профессии, выборе, куда пойти учиться после школы, для меня главную роль сыграли родители. Они настояли на поступлении в вуз. Мне же кажется, что диплом — формальный документ, подтверждающий компетентность в определенной области».* *«Высшее образование дает старт для профессиональной карьеры. Имея хорошее образование, можно найти высокооплачиваемую работу, приобрести определенный статус. Если специалист в своей области хочет продвигаться, ему придется получать высшее образование по профилю, поэтому, многие идут на заочное отделение, уже имея хорошую работу».* Безусловно, не все признают важность высшего образования на этапе обучения, но большинство молодежи поступает именно в вузы.

Таким образом, обсуждение в фокус-группах показало, что мотивы получения образования у студенческой молодежи достаточно разные, однако приоритетными остаются мотивы, связанные с возможностью успешно конкурировать на рынке труда. Анкетирование же обнаружило гендерные различия в оценке значимости высшего образования (Рис. 1).

Так, молодежь получает высшее образование либо ради достойной работы (девушки и юноши — по 23%), либо для профессионального роста (27% и 24%). Однако девушки чаще считают, что образование позволит им не только удачно трудоустроиться, но и обрести определенный статус (19% против 9%). Вероятно, это связано с тем, что женщинам сложнее выстроить

карьеру, чем мужчинам — несмотря на декларируемое гендерное равенство, в профессиональной сфере сохраняются скрытые ограничения для женщин. Социокультурные нормы и гендерные стереотипы фиксируют разницу в социальных ролях как в трудовой сфере, так и за ее пределами.

Рис. 1. «Как Вы считаете, какую роль в жизни человека играет высшее образование?» (в %)

14% юношей и 8% девушек считают, что высшее образование на что не влияет и ничего не дает. Возможно, на этапе обучения не все студенты могут оценить значимость высшего образования, так как не применяют его на практике. Однако все молодые люди признают, что образование — один из главных факторов жизненного успеха. С возрастом ценность полученного образования возрастает: так, для студентов-магистров (36%) наличие хорошего образования стоит на первом месте, а у бакалавров набирает от 11% до 16% (Табл. 3). Вероятно, это объясняется тем, что магистры уже вышли на рынок труда и смогли оценить значение полученного образования.

Таблица 3

«Какие условия являются лично для Вас наилучшими для достижения успеха?» (в %)

Условия, способствующие достижению успеха	Курс обучения				
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс, магистр
Собственные усилия	29,2	34	31,6	30,3	6
Наличие хорошего образования	11,1	13,8	14	15,7	36
Материальная обеспеченность семьи	11,1	8,2	8,8	4,5	22
Наличие хороших связей	18,1	18,2	24,6	20,8	10
Продуманные планы на будущее	23,6	18,2	19,3	17,4	24
Зависит от случая, стечения обстоятельств	6,9	7,5	1,8	10,7	0

Для молодого возраста характерны переменчивость в намеченных целях, амбициозность, тем не менее, каждый определяет свои жизненные стратегии исходя из ценностных ориентаций. Достижение намеченных планов, их реализация, конечно, определяют то, как человек себя ощущает. Перед молодыми людьми открывается много возможностей, но их реализация зависит от целого ряда условий. Так, многие студенты считают, что реализовать жизненные планы можно, если их четко продумать, но эта уверенность снижается к выпускному курсу у бакалавров (с 24% на 1 курсе до 17% на 4 курсе) и возрастает у магистров (24%). По мнению бакалавров, важным условием успеха является наличие связей и знакомств (так считает почти четверть респондентов). Для магистров данная позиция не характерна — они в меньшей степени полагаются на себя (6%) и на хорошие связи (10%), отмечая, что нужно не только продумать свои планы, но и получить хорошее образование, а также иметь материальную поддержку семьи. Кстати, бакалавры не считают, что материальное благополучие семьи — фактор будущего успеха (от 11% на 1 курсе до 4,5% на 4 курсе), а 22% магистров считают его важным фактором жизненного успеха.

Ценность образования для студентов в том, что оно позволяет найти достойную работу, продвинуться по карьерной лестнице, добиться определенного статуса. Кроме того, молодые люди видят связь между будущим трудоустройством и достижением жизненных целей — это материальный достаток и собственный бизнес. Приоритетные цели могут быть достигнуты при условии занятия выгодной позиции на рынке труда. От того, насколько будет интересна трудовая занятость, зависит профессиональная самореализация, от того, как труд будет оплачиваться, зависит материальный достаток.

Практически все исследователи при анализе социального самочувствия называют такой показатель, как здоровье, подчеркивая, что образ жизни и стратегии успеха в значительной степени зависят от здоровья [27. С. 554–559], т.е. здоровье — один из индикаторов комплексной оценки социального самочувствия. Здоровье (24%) как ценность занимает второе место после семьи (30%) (Рис. 2).

Отношение к здоровью — это самооценка физического и психического состояния через набор показателей: «самооценка здоровья; медицинская информированность; место здоровья в структуре жизненных ценностей; наличие или отсутствие у индивида вредных привычек; экологические установки; наличие стрессов и т.п.» [23. С.113–117]. Характерной чертой молодого возраста является склонность к рискованному поведению — именно в молодом возрасте человек подвержен формированию зависимости от вредных привычек. Однако фокус-группы показали, что мнения респондентов разделились. *«Мне кажется, что состояние здоровья современной молодежи можно оценить как среднее. Сейчас, конечно, модно вести здоровый образ жизни, заниматься спортом, правильно питаться, однако стрессы и экология оказывают негативное влияние на молодое поколение». «Лично я и мои друзья ведем активный образ жизни, постоянно посещаем спортивный зал, участвуем в спортивных*

мероприятиях университета». *«Несмотря на то, что молодые люди пытаются вести здоровый образ жизни, достаточно много молодежи имеют вредные привычки, такие как курение, употребление алкоголя, наркотиков. Особенно это распространено в подростковой среде. В связи с этим молодое поколение не отличается хорошим здоровьем». «Я не могу оценивать состояние здоровья всей молодежи. Но могу сказать, что молодые люди и спортом занимаются, и имеют вредные привычки».* С одной стороны, многие молодые люди стремятся к здоровому образу жизни, он входит в моду. С другой стороны, наркотики, психотропные вещества распространяются в основном среди молодежи.

Рис. 2. «Какие жизненные ценности имеют для Вас сегодня наибольшее значение?» (в %)

В настоящее время важным для развития страны является преодоление постоянно возникающих кризисов, что возможно только при условии выработки значительным числом людей успешных моделей социально-экономического поведения, основанных на личностных, профессионально-квалификационных и социальных ресурсах. В связи с этим на социальное самочувствие молодых людей влияет их адаптируемость к реалиям. Результаты опроса показали, что для большей части региональной студенческой молодежи характерно тревожное состояние вследствие наличия проблем, решение которых студенчеству представляется сложным.

Эти проблемы можно разделить на две группы: первая связана с материальным благополучием и востребованностью на рынке труда. Молодые люди хотят независимости, в том числе в финансовом плане, еще обучаясь в вузе. *«Современную молодежь тревожат проблемы востребованности в трудовой деятельности и финансовая обеспеченность. После окончания вуза хотелось бы найти работу с достойной оплатой труда, однако из-за отсутствия опыта с этим могут возникнуть проблемы».* *«Проблем в современном обществе много, и все они касаются и молодых людей. Однако наиболее остро для*

нас стоят проблемы самореализации и недостаток финансовых средств. Получив образование, хочется устроиться на работу по специальности, профессионально реализоваться. Материальный достаток позволил бы дополнительно развиваться, путешествовать». «Я считаю, что молодое поколение заботится о своем материальном положении и социальном статусе. Каждый хочет иметь отдельное жилье, машину, путешествовать — все это доступно, только если есть материальный достаток. Многие стремятся самореализоваться в профессии, чтобы получить определенный статус в обществе».

Студенческую молодежь, в первую очередь, тревожит проблема трудоустройства. Получив образование, молодые специалисты хотят найти достойную работу, которая помогла бы им в реализации жизненных и профессиональных планов, причем в решении этой проблемы ключевую роль молодежь отводит государству (Табл. 4). И даже материальная обеспеченность семьи не влияет на мнения респондентов, что государство должно помогать в трудоустройстве молодых специалистов после окончания учебного заведения, а молодой специалист будет выбирать — воспользоваться этой помощью или нет. Часть респондентов хотела бы (от 13% до 15%), чтобы каждому после получения диплома было предоставлено место работы, и только малая доля (от 3,9% до 2,4%) полагаются только на себя и считают, что государство не обязано им помогать.

Таблица 4

«Считаете ли Вы, что государство должно помогать в трудоустройстве?» (в %)

Роль государства в трудоустройстве граждан	Материальная обеспеченность респондентов			
	Денег хватает только на питание и товары первой необходимости	Денег хватает на покупку товаров длительного пользования, однако приобретение автомобиля, квартиры нам недоступно	Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы сделать дорогостоящую покупку	3/0
Да, государство обязано трудоустраивать всех граждан	13,7	14,9	14,3	13,3
Государство должно давать всем возможность трудоустройства, а там уже кто хочет — может воспользоваться	82,4	81,6	83,3	84,3
Нет, никто никому ничего не должен	3,9	3,4	2,4	2,4

Эти данные подтверждают, что трудоустройство для студентов — проблема. Молодые люди хотели бы, чтобы после получения диплома у них была стопроцентная возможность трудоустроиться — с помощью личных знакомств или государства, что гарантировало бы определенную защиту на рынке труда. Здесь прослеживается влияние характера рынка труда в

провинциальном регионе, который препятствует успешному трудоустройству, способствует росту безработицы и социальной напряженности.

Вторая группа молодежных проблем связана со здоровьем — распространением алкоголизма, наркомании и табакокурения, игровой зависимости. Молодые люди считают, что даже без собственных вредных привычек они становятся пассивными участниками девиантных практик. *«Для молодых людей очень важно выделиться. И чаще всего они это делают через вредные привычки. Меня больше всего тревожит проблема курения и алкоголизма, сама я не имею таких привычек, но страдаю от зависимых от них людей». «Современная молодежь не всегда осознает проблемы, которые сама для себя и создает. Так, алкоголизм, наркомания распространены среди молодых людей. Попробовав алкоголь или наркотики, человек не задумывается о своем будущем, о пагубных последствиях». «Я считаю, что сейчас существует одна проблема для всех — и для молодежи, и для старшего поколения. Это проблема экологии и загрязнения окружающей среды. Плохая экология влияет на здоровье людей, их долголетие!».*

Молодые люди осознают пагубность вредных привычек и загрязнения окружающей среды — как негативно влияющих на здоровье, а оно имеет приоритетное значение в жизни любого человека, позволяя ему ставить и добиваться определенных целей.

Подводя итог, отметим, что социальное самочувствие молодежи определяется совокупностью внешних (объективных) и внутренних (субъективных) факторов при доминировании последних. Кроме того, в условиях модернизации российского общества населению, особенно молодежи, приходится постоянно адаптироваться к переменам, и успешность адаптации влияет на социальное самочувствие. По результатам исследования были выделены взаимосвязанные факторы, которые в наибольшей степени влияют на социальное самочувствие региональной молодежи (Рис. 3): трудовая сфера, материальное благополучие, образование, реализация жизненных стратегий, состояние здоровья. Так, образование выступает средством получения высокооплачиваемой работы, та, в свою очередь, позволяет получить доход, а материальные средства дают возможность реализовывать намеченные планы.

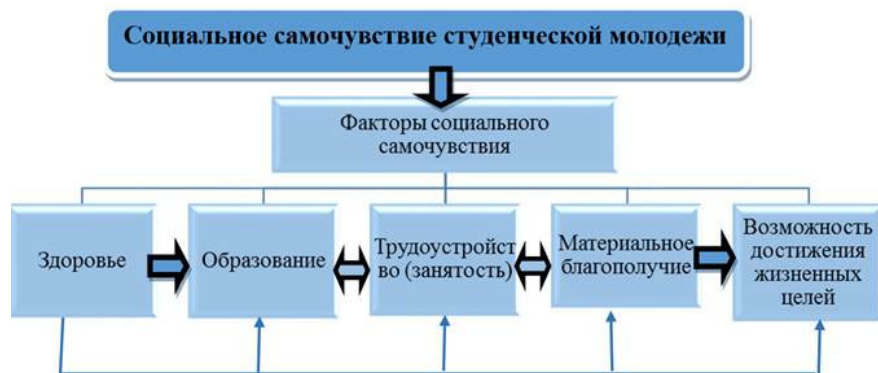

Рис. 3. Факторная модель социального самочувствия студенческой молодежи

На социальное самочувствие студентов первоочередное влияние оказывает их положение в трудовой сфере — выход на рынок труда. Все остальные показатели социального самочувствия зависят от решения данной проблемы. Несовпадение спроса и предложения специалистов разных профессий, сокращение штатов, ликвидация или реорганизация предприятий привели к невостребованности активной молодежи или же к вынужденной смене сфер деятельности и профессий. В условиях модернизации российского общества адаптацию молодежи можно отслеживать с помощью индикаторов социального самочувствия. Эти знания особенно важны для властных структур, чтобы иметь представление, насколько выпускники вузов смогут приспособиться к новым условиям, имеются ли у них субъективные ресурсы для адаптации на рынке труда.

Библиографический список

- [1] *Бессокирная Г.П.* Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3.
- [2] *Бочаров В., Васькина Ю.* Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2.
- [3] *Воронин Г.Л.* Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 6.
- [4] *Воронин Г.Л., Захаркина Т.Н., Лакомова А.* Социальное самочувствие лиц с ограниченными возможностями здоровья и отношение студенческой молодежи к инвалидности (на примере Нижегородской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2.
- [5] *Голенкова З.Т., Кошарная Г.Б., Кошарный В.П.* Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 2.
- [6] *Гриценко Г.Д.* Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum: общественные науки. 2014. № 6.
- [7] *Кобозева Н.Н.* Социальное самочувствие как социологическая категория // Вестник СГУ. 2007. № 50.
- [8] *Ковалева Н.Г.* Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7.
- [9] *Козырева П.М.* Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6.
- [10] *Козырева Т.В., Иващенко Т.С., Братцева О.А.* Материальное благополучие как индикатор социального самочувствия молодежи (на примере ХМАО-Югры) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 6.
- [11] *Корж Н.В., Каримова Л.Ф.* Проблемы молодежной занятости в Поволжском регионе // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 1.
- [12] *Кошарная Г.Б., Щанина Е.В.* Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
- [13] *Магун В.С., Гимпельсон В.Е.* Стратегии адаптации рабочих на рынке труда // Социологические исследования. 1993. № 9.
- [14] *Михайлова Л.И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3.

- [15] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ожидания и опасения российского студенчества в профессиональной сфере: результаты эмпирического проекта // ПОИСК. 2014. № 4.
- [16] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [17] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
- [18] Пензенская область в цифрах — 2018. Статистический справочник. Пенза, 2019.
- [19] *Петрова Л.Е.* Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12.
- [20] *Резник Т.Е., Резник Ю.М.* Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12.
- [21] *Соловей А.П., Шухно Е.В.* Интерпретация и операционализация концепта «социальное самочувствие» // Синергия. 2018. № 4.
- [22] Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М.К. Горшкова. М.—СПб., 2011.
- [23] *Сочнев А.В.* Поведенческие факторы здоровья молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 1.
- [24] *Суняйкина О.Н.* Понятие «социальное самочувствие» в социологии // Вестник Мордовского университета. 2011. № 3.
- [25] *Сурнина Н.Н., Волченкова Е.В.* Сущность социального самочувствия // Общество. Наука. Инновации. Киров, 2019.
- [26] *Троцук И.В., Королева К.И.* Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1.
- [27] *Усова Е.Н.* Социальное самочувствие: теоретико-методологические подходы к исследованию (обзор) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2017. № 13.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-905-918

Social well-being of the student youth (regional aspect)*

G.B. Kosharnaya, N.V. Korzh

Penza State University
Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russia
(e-mail: k-galina1@yandex.ru; natalya.korz@mail.ru)

Abstract. At the present stage of the Russian modernization, social well-being indicates satisfaction with various aspects of life, which makes it a focus of sociological research. Positive social well-being, especially of the youth, is an important indicator of social stabilization. The authors considered different theoretical-methodological approaches to provide a structural operationalization of social well-being. The article presents the content of this concept, its indicators, and factors that affect the social well-being of students in the Russian region. The relevance of studying the social mood of the younger generation is determined by the need to ensure the positive social well-being of the youth, because the future development of our country depends on how the youth evaluates their present and what plans they have

* © G.B. Kosharnaya, N.V. Korzh, 2020

The article was submitted on 24.05.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

for the future. The research was to identify both factors that affect the social well-being of students and their relationship. The study combined quantitative (survey) and qualitative (focus groups) methods. The latter allowed to assess the priority of various factors for students. Based on the survey results, the authors developed a factor model of the social well-being of provincial students, which presents as the key factors employment opportunities, education, health and implementation of life strategies. The results of the qualitative study showed that students are worried by their chances in the labor market, possibilities of self-realization, and deviant practices among the youth. In general, there are anxious moods among university graduates. The authors believe that there should be a monitoring of the social well-being of the younger generation, which would allow to see changes in factors of the greatest impact on the social well-being and, thus, to prevent social tensions in the regional society.

Key words: social well-being; student youth; social mood; financial well-being; education; employment; health

References

- [1] Bessokirnaya G.P. Sotsialnoe samochuvstvie rabochikh [Social well-being of workers]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2008; 3 (In Russ.).
- [2] Bocharov V., Vaskina Yu. Sotsialnoe samochuvstvie molodykh rabotnikov promyshlennykh predpriyatiy: indikatory i faktory [Social well-being of young workers of industrial enterprises: Indicators and factors]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2017; 15 (2) (In Russ.).
- [3] Voronin G.L. Sotsialnoe samochuvstvie rossiyan (1994–1996–1998 gg.) [Social well-being of Russians (1994-1996-1998)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2001; 6 (In Russ.).
- [4] Voronin G.L., Zakharkina T.N., Lakomova A. Sotsialnoe samochuvstvie lits s ogra-nichennymi vozmozhnostyami zdoroviya i otnoshenie studencheskoy molodezhi k inva-lidnosti (na primere Nizhegorodskoy oblasti) [Social well-being of persons with disabilities and the attitude of students to disability (on the example of the Nizhny Novgorod Region)]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2019; 2 (In Russ.).
- [5] Golenkova Z.T., Kosharnaya G.B., Kosharny V.P. Vliyanie obrazovaniya na povy-shenie konkurentosposobnosti rabotnikov na rynke truda [The impact of education on workers' competitiveness in the labor market]. *Integratsiya Obrazovaniya*. 2018; 22 (2) (In Russ.).
- [6] Gritsenko G.D. Sotsialnoe samochuvstvie i sotsialnaya adaptatsiya: sootnoshenie ponyatiy [Social well-being and social adaptation: Relationship of concepts]. *Universum: Obshchestvennye Nauki*. 2014; 6 (In Russ.).
- [7] Kobozeva N.N. Sotsialnoe samochuvstvie kak sotsiologicheskaya kategoriya [Social well-being as a sociological category]. *Vestnik SGU*. 2007; 50 (In Russ.).
- [8] Kovaleva N.G. Pozhilye lyudi: sotsialnoe samochuvstvie [Elderly people: Social well-being]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2001; 7 (In Russ.).
- [9] Kozyreva P.M. Sotsialnaya adaptatsiya naseleniya Rossii v postsovet-sky period [Social adaptation of the Russian population in the post-Soviet period]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2011; 6 (In Russ.).
- [10] Kozyreva T.V., Ivashchenko T.S., Brattseva O.A. Materialnoe blagopoluchie kak indikator sotsialnogo samochuvstviya molodezhi (na primere KhMAO- Yugry) [Material well-being as an indicator of the social well-being of the youth (on the example of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra)]. *Istoricheskaya i Sotsialno-Obrazovatel'naya Mysl*. 2019; 11 (6) (In Russ.).
- [11] Korzh N.V., Karimova L.F. Problemy molodezhnoy zanyatosti v Povolzhskom regione [Issues of the youth employment in the Volga Region]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2017; 5 (1) (In Russ.).
- [12] Kosharnaya G.B., Shchanina E.V. Faktory deprivatsii pozhilykh lyudey v sotsialno-trudovoy sfere: regionalny aspekt [Deprivation factors for the elderly in the social-labor sphere: A regional aspect]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3) (In Russ.).
- [13] Magun V.S., Gimpelson V.E. Strategii adaptatsii rabochikh na rynke truda [Adaptation strategies of workers in the labor market]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1993; 9 (In Russ.).

- [14] Mikhaylova L.I. Sotsialnoe samochuvstvie i vospriyatie budushchego rossiyanami [Russians' social well-being and perception of the future]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 3 (In Russ.).
- [15] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Ozhidaniya i opaseniya rossiyskogo studenchestva v pro-fession-alnoy sfere: rezultaty empiricheskogo proekta [Expectations and concerns of the Russian students in the professional sphere: Results of the empirical project]. *POISK*. 2014; 4 (In Russ.).
- [16] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [17] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opasenyi (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2) (In Russ.).
- [18] Penzenskaya oblast v tsifrah — 2018 [Penza Region in Numbers — 2018]. Penza; 2019 (In Russ.).
- [19] Petrova L.E. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi [Social well-being of the youth]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2000; 12 (In Russ.).
- [20] Reznik T.E., Reznik Yu.M. Zhiznennyye strategii lichnosti [Life strategies of the personality]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1995; 12 (In Russ.).
- [21] Solovey A.P., Shukhno E.V. Interpretatsiya i operatsionalizatsiya kontsepta “sotsialnoe samochuvstvie” [Interpretation and operationalization of the concept ‘social well-being’]. *Siner-giya*. 2018; 4 (In Russ.).
- [22] *Sotsialnoe samochuvstvie naseleniya v usloviyakh reform: regionalny aspekt* [Social Well-Being of the Population Under Reforms: A Regional Aspect]. Pod red. M.K. Gorshkova. Moscow–Saint Petersburg; 2011 (In Russ.).
- [23] Sochnev A.V. Povedencheskie faktory zdoroviya molodezhi [Behavior factors of the youth health]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2007; 1 (In Russ.).
- [24] Sunyaykina O.N. Ponyatie “sotsialnoe samochuvstvie” v sotsiologii [The concept ‘social well-being’ in sociology]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta*. 2011; 3 (In Russ.).
- [25] Sumina N.N., Volchenkova E.V. Sushchnost sotsialnogo samochuvstviya [The essence of social well-being]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii*. Kirov; 2019 (In Russ.).
- [26] Trotsuk I.V., Koroleva K.I. Neочеvidnye ogranicheniya sotsiologicheskoy otsenki blagopoluchiya: rezultaty metodicheskogo eksperimenta [Non-obvious limitations of the sociological study of well-being: Results of the methodological experiment]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2020; 19 (1) (In Russ.).
- [27] Usova E.N. Sotsialnoe samochuvstvie: teoretiko-metodologicheskie podkhody k is-sledovaniyu (obzor) [Social well-being: Theoretical-methodological approaches (review)]. *Saratovskiy Nauchno-Meditsinsky Zhurnal*. 2017; 13 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-919-928

Приоритеты студентов российских вузов: обучение, семья, работа*

И.Б. Назарова¹, М.П. Зеленская²

¹ Высшая школа экономики
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

² Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

На материалах проведенного в 2018 году опроса российских студентов в статье обозначены их представления о развитии жизненных траекторий, в том числе — о взаимоотношениях молодых людей, вступлении в брак, создании семьи, рождении детей, ответственности за поступки в межличностном пространстве, взаимодействии с родителями, получении образования и выстраивании карьеры. Авторы выбрали метод виньеток с включением пяти факторов-ценностей, связанных с определением жизненной траектории обучающихся. Использование виньеток и логистической регрессии позволило подтвердить наиболее значимые ценности студентов (независимые переменные) по их одобрению поступков героев виньеток (зависимая переменная). В период обучения в бакалавриате получение высшего образования является приоритетом по сравнению с созданием семьи, рождением ребенка, трудоустройством и поддержкой родителей. Ценность образования важнее ценности создания семьи в 2,3 раза и важнее рождения ребенка в 3,1 раза. При оценке поступков предпочтение образования более характерно для юношей. Замужество и создание семьи в студенческие годы одобряют, прежде всего, девушки. Одобрение вступления в брак и создания семьи у юношей составляет 29%, у девушек — 96%, рождение ребенка — соответственно, 19% и 30%, включенность в занятость приветствуется только для девушек-героинь виньеток (21%), а важность поддержки родителей — только для юношей. Образование имеет безусловный приоритет для всех респондентов, но для девушек в студенческие годы одобряется более насыщенная траектория: получение высшего образования, создание семьи, рождение ребенка, наличие работы или подработки. В традиционном понимании семья и дети — важная составляющая жизни, но для современной девушки необходим и модернистский выбор — нацеленность на карьеру, включение в занятость.

Ключевые слова: студенты; молодежь; виньетки; социальные представления; семья; образование

У значительной части молодежи отправные точки жизненной траектории намечаются в период обучения в вузе — получение образования, начало трудовой деятельности, развитие личных отношений, выбор брачного партнера, вступление в брак, в некоторых случаях — рождение ребенка. Вместе с тем молодые люди выбирают приоритеты, ранжируя или совмещая их в соответствии с жизненными ценностями. Например, в рейтинге стратегий достижения успеха студенты поставили на первое и второе места открытие собственного

* © Назарова И.Б., Зеленская М.П., 2020

Статья поступила 26.03.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

дела («создать свой бизнес» — 69,6%) и освоение профессиональных навыков («хорошо учиться, а затем профессионально работать» — 54,3%) [5]. Более половины студентов в России работают, и основной мотив совмещения работы и учебы — не обеспечение себя материально, а приобретение опыта (61% против 43%) [8].

Важными составляющими жизни для студентов являются создание семьи и рождение ребенка, причем ключевым стимулом является желание иметь семью, которое усиливается при наличии работы и постоянного дохода [9]. Однако в то же время снижается ценность юридического брака [3].

Активность студенческой молодежи в определении своей жизненной траектории в период получения высшего образования стало причиной выбора студентов в качестве исследуемой группы — для изучения социетальной реакции студентов на поведение своих ровесников (потенциальных одноклассников, однокурсников или обучающихся в другом российском вузе) в тех или иных ситуациях, связанных с развитием жизненных траекторий. При этом их опыт в части принадлежности к одной социальной группе (студенческой молодежи) схож: обучение, материальная и моральная зависимость от родителей, начало формирования личных отношений, карьерные планы и другие очевидные для большинства студентов характеристики. Исследование социальных установок позволяет понять приоритеты молодых людей в период обучения и проанализировать взаимосвязь между мнением студентов и их характеристиками, в том числе — в гендерном разрезе. В 2018 году было опрошено 404 студента бакалавриата РУДН — университета, который по соотношению обучающихся жителей Москвы, Московской области и регионов типичен для столичных вузов, т.е. можно предположить, что результаты опроса будут релевантны и для других российских вузов.

В качестве метода был выбран опрос из двух частей: 1) изучение установок с использованием закрытых и открытых вопросов и получение информации о социально-экономических и демографических характеристиках респондентов; 2) изучение представлений студентов о развитии жизненных траекторий, репродуктивном поведении, взаимоотношениях между молодыми людьми, вступлении в брак, создании семьи, рождении детей, ответственности за поступки в межличностном пространстве, взаимодействии с родителями, получении образования и выстраивании карьеры.

Эмпирические исследования ценностей и убеждений сложны в методологическом плане, поскольку затрагивают теоретические и философские вопросы о связи индивидов с социальными структурами, о том, в какой мере действия человека отражают его мировоззрение (и может ли эта связь быть вербализована), каким образом действия людей формируются культурными предписаниями и идеологическими силами. Эти проблемы усугубляются ограничениями опросных методик (формулировки и кодирование вопросов, «грубые» шкалы измерения) [12]. В исследованиях общественного мнения сложно избежать амбивалентности, которая часто возникает у респондентов

в принятии решений и суждениях на основе абстрактной и ограниченной информации. В таких случаях целесообразно использовать метод виньеток — кратких историй, описаний гипотетических героев, находящихся в определенных отношениях и обстоятельствах [см., напр.: 10]. Метод помогает респонденту дать более конкретный ответ, чем на краткий вопрос в анкете (приближает респондента к реальному суждению о ситуации) [16]. Вопрос о гипотетических героях и ситуациях в виньетках в некоторой степени позволяет избежать отсылки к личным отношениям и узнать мнение по сензитивным вопросам, что также позволяет снять ограничения личного опыта и обстоятельств [13].

Виньетки помогают извлечь материал об общих понятиях и правилах, какими должны быть отношения в обществе, например, мораль семейных отношений [19]. Конечно, респонденты могут не придерживаться высказанного взгляда на ситуацию безоговорочно и при любых обстоятельствах, поскольку изучать мнение о ситуации — это не то же самое, что задавать человеку вопрос о том, что он лично будет делать или мог бы сделать в аналогичной ситуации [13]. Тем не менее, в некоторых случаях респонденты давали в отношении действий героев виньеток ответы, схожие с тем, как они сами вели бы себя в реальной жизни [18]. Выражая мнение о том, как должны поступить другие люди, респонденты обычно имеют обоснование, почему следует поступить именно так, и каждый реагирует на ситуацию в виньетках в соответствии со своими культурными, эмоциональными особенностями, ценностными ориентациями и установками [15; 17].

В нашем исследовании в каждой виньетке присутствуют герои — парень и девушка, находящиеся в определенных личных (романтических) отношениях, развивающихся позитивно, негативно или нейтрально. Анализ литературы [см., напр.: 7; 14] и интервью (предваряющее опрос) со студентами определили выбор пяти основных факторов-ценностей для включения в виньетки — они определяют развитие жизненной траектории молодых людей в период студенчества: 1) обязательное получение высшего образования (продолжение, завершение обучения в вузе или отказ от него); 2) включение в занятость (наличие или отсутствие работы, подработки); 3) вступление в брак (отношение к развитию романтических отношений и созданию семьи); 4) поддержка родителей, в том числе в вопросах получения образования, начала трудовых отношений, создания семьи, рождения ребенка; 5) рождение ребенка (планирование, принятие решения о его рождении или отказ от рождения, включая аборт).

Были составлены 32 истории (действия-ситуации), описывающие все возможные комбинации отобранных факторов как для девушки, так и для юноши. Число способов выбора равно n^k , где: $n=2$, а k = число признаков, т.е. $2^5=32$. Соответственно, респондентам было предложено оценить 32 истории для каждого героя: получилось 32 истории юношей и 32 истории девушек. Всего студенты отвечали на 64 вопроса по 32 виньеткам. После каждой истории использовалось два набора вопросов: правильно ли в указанной ситуации

(1) поступила девушка, (2) поступил юноша. В отношении действий каждого героя респондент давал ответ «да, правильно» («1»), «нет, не правильно» («0») или «зависит от обстоятельств». В последнем случае респондента просили уточнить, от каких обстоятельств это может зависеть [см., напр.: 13]. Таким образом, получилось 64 ответа о поведении юношей и девушек, которые варьируют по пяти дихотомическим признакам (факторам-ценностям) [см., напр.: 6].

Факторы, включенные в описание ситуаций, статистически независимы, т.е. не коррелируют друг с другом. При выборе переменных мы отказались от включения в виньетки такого важного фактора, как материальная обеспеченность, поскольку он может быть связан с такими факторами, как занятость (подработка студента) или родительская поддержка. Но фактор материального благополучия в виньетках присутствует косвенно, когда говорится о том, что студенту помогают (могут помочь) родители или он подрабатывает. Иными словами, избежать отсутствия взаимосвязи или ошибочного суждения о влиянии фактора бывает сложно.

В виньетках представлен контекст (дополнительные детали), что позволяет респондентам стандартизировать предложенные детали [12]. В качестве контекста выступают дополнительные факторы обстоятельств и взаимоотношений, в том числе третьих лиц — родителей, которые способны повлиять на взаимоотношения. В сложных виньетках, связанных с установками и проблематичными жизненными обстоятельствами, невозможно исключить влияние второстепенных факторов, описывающих контексты. Например, поддержка родителей может быть не только материальной, но и психологической, влияя на выбор студентов с большей силой, чем просто материальный фактор.

В каждой виньетке о факторе говорится как о присутствующем в жизни героя или отсутствующем (например, герой мог подрабатывать или не подрабатывать). Факторы присутствуют в ситуации виньеток как данность или как выбор, например, герой подрабатывал или решил начать подрабатывать, продолжить обучение в вузе или бросить университет. В одной истории поступки героев могут быть похожими или разными: например, оба героя принимают решение начать подрабатывать или один из героев начинает подрабатывать, а второй сосредоточен на учебе и подрабатывать не собирается. Персонажи и сюжетная линия виньеток должны быть правдоподобными, но во многих исследованиях присутствуют истории, события которых могут восприниматься респондентами настороженно [12]. В нашем случае наибольшей критике подверглась самая трагичная история, герои которой расстаются и принимают решение бросить университет. Вместе с тем в ходе обсуждения истории во время пилотажа стало понятно, что и такие нетипичные истории случаются.

Сложность подготовки виньеток потребовало проведения двух пилотажей, в рамках которых с респондентами были обсуждены истории, герои и терминология. К каждому из героев у респондентов складывалось определенное отношение: симпатия, антипатия, сочувствие и др. В подготовительный период истории переписывались несколько раз — пока не стали краткими (без

лишних разъяснений) [см., напр.: 14] и однозначно понятными, включая и характеристики героев. В ходе обсуждения стало очевидно, что участники пилотажа хотели бы видеть, прежде всего, благополучное развитие взаимоотношений студентов, но приводили и негативные примеры из реальной жизни.

Пример виньетки: Виктор и Алина — магистранты. Девушка — отличница, работает в престижной компании. Виктор подрабатывает официантом. Родители — малообеспеченные пенсионеры. Девушка забеременела: ребята женятся, ждут ребенка. В академический отпуск и декрет идет Виктор, а Алина продолжает учебу и строит карьеру, став добытчиком в семье. Вопрос 1: считаете ли Вы позицию Алины верной? Вопрос 2: считаете ли Вы позицию Виктора верной? В данной виньетке присутствуют факторы включения в трудовую деятельность и получение образования у девушки. Родители помогать в уходе за ребенком и материально молодой семье не смогут (это очевидно по тому, что парень отказывается от учебы и работы, чтобы заниматься ребенком). Присутствуют факторы создания семьи и рождения ребенка.

Итак, половина студентов бакалавриата, участвовавших в исследовании, еще не начали строить личные отношения с противоположным полом (53,1%), треть (36,2%) встречаются, 5,5% живут вместе, но брак не оформили, 1,7% состоят в браке. Хотели бы жениться или выйти замуж 86,6% молодых людей, 13,4% брак не планируют. Для большинства оптимальный возраст вступления в брак — 23–25 лет (44%), для каждого десятого — не позднее 22 лет, 28,4% хотели бы связать себя узами брака в более зрелом возрасте. Средний возраст для юношей — 23 года (медиана — 26, максимальный возраст — 40), для девушек — 22 года (медиана — 24, максимальный возраст — 35). Большинство планируют найти спутника жизни, создать семью, воспитывать детей (84,4%), 15,6% детей не планируют. Из тех, кто хочет выйти замуж (жениться), только 5,7% заявили, что не желают иметь детей. Идеальная модель семьи не совпадает с ожидаемой: желают детей больше, чем ожидают: практически каждый четвертый хотел(а) бы иметь многодетную семью — троих детей [эти данные сопоставимы с другими исследованиями: 7].

Для анализа данных на основе одних и тех же опросников были созданы две базы: респондентов (404 анкеты опрошенных студентов) [см.: 14]; реакций на каждый фактор виньетки (25856 наблюдений/ответов — 32 виньетки повторяются 404 раза, т.е. 12928, но в отношении каждой виньетки даются два ответа — юноши и девушки). Каждый фактор в обеих базах представлен дихотомическими переменными, что позволяет использовать логистическую регрессию.

Согласно первой базе респонденты показали как положительную, так и отрицательную реакцию на поступки каждого героя историй, описанных в виньетках. Ранжирование ответов по положительной реакции позволило определить уровень консенсуса в отношении приоритетов героев виньеток. Ответы респондентов были разделены на четыре основные группы: 1) ядро — поведение молодых людей, которое получило максимальное одобрение —

соответствует высокому уровню консенсуса в студенческой группе (более 59% положительных ответов — одобряют поступок юноши и одобряют поступок девушки), и чаще всего это связано с выбором героями в качестве приоритета образования и основных российских ценностей — создания семьи, начала трудовой карьеры; 2) интегрирующий резерв — 45–59% одобряют поступки героев виньеток, которые выбирают образование; 3) оппонирующий дифференциал — 30–44,9% одобряют все варианты развития событий в зависимости от обстоятельств; в половине случаев оправдывают отказ от обучения, создания семьи, ребенка, работы и помощи родителей; 4) конфликтная периферия (менее 30%) — респонденты чаще остальных одобряют поступки, связанные с отказом от обучения [использована методология Н.И. Лапина по определению консенсуса в обществе: 4; 6].

Результаты дискриминантного анализа пошаговым методом для выборки в целом по второй базе показывают, что три из пяти исходных факторов-ценностей оказывают статистически значимое влияние на конечный результат — вывод, который делают студенты в отношении поступков героев виньеток (правильно они поступают или нет, выбирая получение высшего образования, вступление в брак/создание семьи, рождение ребенка, взаимоотношения с родителями). Фактор наличия работы/подработки и фактор поддержки родственников не обладают разделяющими дискриминирующими особенностями, позволяющими делать вывод о поступках героев в целом по выборке (Табл. 1).

Таблица 1

Результаты дискриминантного анализа, критерии равенства групповых средних

Факторы — ценности	Лямбда Уилкса	Разность средних значений	Значимость
1. Брак/семья	0,989	269,93	0,000
2. Образование	0,910	2466,44	0,000
3. Работа/подработка	1,000	4,03	0,045
4. Поддержка родителей	1,000	2,80	0,094
5. Рождение ребенка	0,999	34,55	0,000

Для факторов ценностей 1 и 2 характерна значимость $***p < 0,001$ и значение статистики Уилкса в интервале $[0, 1]$, что свидетельствует о хорошей дискриминации (разность средних значений наибольшая).

Аналогичная процедура была проведена в гендерном разрезе. Когда юноши-студенты дают ответы в отношении поступков юношей, то значимы факторы, характеризующие получение образования, создание семьи и поддержку родителей. При анализе ответов девушек в отношении юношей значимы факторы получения образования, создания семьи и включения в трудовую деятельность. При анализе ответов юношей в отношении девушек и девушек в отношении девушек значимы факторы образования, создания семьи, работы/подработки и рождения ребенка.

Подтвердить наиболее значимые ценности для студентов позволяет логистическая регрессия, где в качестве зависимой переменной выступило

«одобрение респондентами поступков героев при наличии факторов-ценностей»), а в качестве независимых — факторы-ценности и пол. Анализ проводился три раза при наличии пяти факторов-ценностей в качестве независимых переменных: 1) для всей выборки в отношении поступков юношей и девушек в целом (зависимая переменная «одобрение поступков героев»); 2) зависимая переменная «одобрение респондентами поступков юношей»; 3) зависимая переменная «одобрение респондентами поступков девушек» (Табл. 2). Каждый анализ включал две модели: первая содержала все факторы-ценности в качестве независимых переменных, во вторую модель вводилась контрольная переменная — пол.

Таблица 2

Коэффициенты логистической регрессии для зависимых переменных (факторов) «вступление в брак/создание семьи», «рождение ребенка» (Exp (B))

Независимые переменные/факторы (ценности и пол респондента)	Зависимые переменные — одобрение респондентами поступков (при наличии факторов — независимых переменных)					
	всех героев		юношей		девушек	
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 4	модель 5	модель 6
Брак/семья	1,58***	1,59***	1,29***	1,29***	1,96***	1,96***
Образование	3,63***	3,64***	3,44***	3,44***	3,87***	3,88***
Работа/подработка	1,05	1,05	-0,92*	-0,99*	1,21***	1,21***
Помощь родственникам	1,05	1,05	1,08*	1,08*	1,02	1,02
Рождение ребенка	1,19***	1,19***	1,09*	1,09*	1,30***	1,30***
Юноши, 30,4%		1,23***		1,22***		1,24***
Постоянная	-0,23***	0,21***	-0,29**	-0,27***	-0,18***	-0,16***
R-квадрат Кокса и Снелла для всех моделей: $p < 0,001$	0,1	0,101	0,087	0,088	0,119	0,121
Включено в анализ N (всего 25856)	24939	24939	12451	12451	12488	12488
-2 Log-правдоподобие	30891,16	30843,02	15627,86	15604,96	15167,88	15142,58

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$

В период обучения в бакалавриате получение высшего образования как приоритета по сравнению с созданием семьи, рождением ребенка и включением в занятость очевидно (модель 1, 2). Фактор-ценность образования (3,63) важнее ценности создания семьи (1,58) в 2,3 раза и важнее рождения ребенка в 3,1 раза. При оценке поступков девушек это отношение равно 2, а при оценке поступков юношей — 2,6 (модели 5, 6). Замужество и создание семьи в студенческие годы одобряется, прежде всего, для девушек (независимо от пола респондента). Вероятность одобрения респондентами поступка юноши при вступлении в брак/создании семьи — 29% (модель 3, 4), девушки — 96% (модель 5, 6). Рождение ребенка, вероятно, поддерживается как для девушек (30%), так и для юношей (19%). Включенность в занятость приветствуется только для девушек (21%). Выбор помощи родственников поддерживается только для юношей (сложно содержать семью без поддержки старшего поколения). Образование имеет безусловный приоритет для всех респондентов,

но для девушек в целом одобряется одновременный выбор нескольких траекторий: обучение, создание семьи, рождение ребенка и занятость. При характеристике родительства девушки демонстрируют как позитивные, так и негативные представления, при этом дети являются доминантой сформированного образа семьи, а процесс их воспитания пронизан идеей полезности [1]. В целом с 2007 года главным остается получение образования до вступления в брак, на втором месте — хорошая работа по профессии, причем значимость образования повысилась и для юношей, и для девушек — девушки, как и юноши, хотят быть образованными и экономически независимыми [3].

Метод виньеток позволил исследовать обыденные представления студентов о приоритетах сверстников в период обучения в вузе в совокупности с жизненными ориентирами на получение образования, включение в занятость и коммуникации с близкими людьми (родителями, партнером). В зависимости от ситуаций и участников виньеток студенты готовы поддерживать или не поддерживать действия сверстников в разных жизненных ситуациях. Большинство студентов планируют свою жизнь и одобряют поступки других студентов в соответствии с традиционными ценностями: создание семьи, рождение детей, включение в трудовую деятельность. Однако в качестве основной ценности студенты определили получение высшего образования. Замужество и создание семьи в студенческие годы одобряется, прежде всего, для девушек, что согласуется с желанием большинства девушек выйти замуж и родить ребенка в более молодом возрасте, чем у юношей.

Образование имеет безусловный приоритет для всех респондентов. Но для девушек в целом одобряется одновременный выбор нескольких траекторий: обучение, создание семьи, рождение ребенка и занятость. Это может быть связано с тем, что в традиционном понимании для женщин семья и дети должны быть на первом месте, но для современной девушки желателен одновременно традиционный и модернистский выбор — не отказываться ни от семьи, ни от карьеры. И девушкам, выбравшим карьеру (завершение обучения, работу) и семью (рождение ребенка), бывает сложно все совместить.

Библиографический список / References

- [1] Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7 / Bagirova A.P., Shubat O.M. Semiya i roditelstvo skvoz prizmu mneniy studentok [Family and parenting through the prism of female students' opinions]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*. 2017; 7 (In Russ.).
- [2] Гурко Т.А., Орлянский С.А., Тарченко В.С. Поведение и установки студентов в частной сфере // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 / Gurko T.A., Orlyansky S.A., Tarchenko V.S. Povedenie i ustanovki studentov v chastnoy sfere [Behavior and attitudes of students in the private sphere]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2019; 4 (In Russ.).
- [3] Гурко Т.А., Тарченко В.С. Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7 / Gurko T.A., Tarchenko V.S. Dinamika brachnykh ustanovok i planov *Sotsiologicheskiye issledovaniya studentov* [Dynamics of students' marriage attitudes and plans]. *Sociologicheskiye Issledovaniya*. 2019; 7 (In Russ.).

- [4] *Лалин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6 / Lapin N.I. Kak chuvstvuyut sebya, k chemu stremyatsya grazhdane Rossii [How Russians feel and what they strive for]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2003; 6 (In Russ.).
- [5] *Михайлова Е.А., Черкасова Т.В.* Ценностно-мотивационные ориентации студентов в современных социально-политических реалиях (на примере Республики Башкортостан) // Социологический журнал. 2015. № 2 / Mikhailova E.A., Cherkasova T.V. Tsennochno-motivatsionnye orientatsii studentov v sovremennykh sotsialno-politicheskikh realiakh (na primere Respubliki Bashkortostan) [Students' value-motivational attitudes in the contemporary social-political realities (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. *Sociologichesky Zhurnal*. 2015; 2 (In Russ.).
- [6] *Назарова И.Б., Зеленская М.П.* Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7 / Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Brak, semiya, obuchenie: ustanovki i predstavleniya studentov [Marriage and family: Students' attitudes and representations]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2019; 7 (In Russ.).
- [7] *Назарова И.Б., Зеленская М.П.* Исследование репродуктивных установок студенческой молодежи (обзорная статья) // Ежегодник ИНИОН РАН / Под ред. В.И. Герасимова. Ч. 3. Вып. 12. М., 2017 / Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Issledovanie reproduktivnykh ustanovok studencheskoy molodezhi (obzornaya statiya) [Study of the reproductive attitudes of the student youth (review article)]. *Ezhegodnik INION RAN*. Pod red. V.I. Gerasimova. Ch. 3. Vyp. 12. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [8] *Нарбут Н.П., Пузанова Ж.В., Ларина Т.И.* Жизнь студента в европейском измерении // Социологические исследования. 2017. № 5 / Narbut N.P., Puzanova Zh.V., Larina T.I. Zhizn studenta v evropeyskom izmerenii [The student's life in the European dimension]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2017; 5 (In Russ.).
- [9] *Панова Е.А., Андриушина Е.В., Григорьева Н.С.* Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) // Государственное управление. 2019. № 77 / Panova E.A., Andryushina E.V., Grigorieva N.S. Semeynye strategii sovremennoy rossiyskoy studencheskoy molodezhi (rezultaty komparativnogo analiza dannykh oprosa za 2008 i 2019 gg.) [Family strategies of the contemporary Russian student youth (results of the comparative analysis of the 2008 and 2019 survey data)]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2019; 77 (In Russ.).
- [10] *Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г.* Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4 / Puzanova Zh.V., Tertyshnikova A.G. Metod vinietok v sotsiologicheskikh issledovaniyakh: metodologicheskie printsipy i metodicheskie resheniya [The vignettes technique in sociological research: Methodological principles and technical solutions]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15 (4) (In Russ.).
- [11] *Троцук И.В., Парамонова А.Д.* «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2016. Т. 16. № 3 / Trotsuk I.V., Paramonova A.D. "Status" instituta sem'i v sovremennom obshchestve i semeyno-brachnye tsennosti molodezhi ["Status" of family institution in the contemporary society, and family and marriage values of the youth]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4) (In Russ.).
- [12] *Alexander C.S., Becker H.J.* The use of vignettes in survey research. *Public Opinion Quarterly*. 1978; 42 (1).
- [13] *Finch J.* The vignette technique in survey research. *Sociology*. 1987; 21 (1).
- [14] *Ganong L.H., Coleman M.* Multiple segment factorial vignette designs. *Journal of Marriage and Family*. 2006; 68 (2).
- [15] *Jones C., Aronson E.* Attribution of fault to a rape victim as a function of respectability of the victim. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973; 26.
- [16] *Nosanchuk T.A.* The vignette as an experimental approach to the study of social status: An exploratory study. *Social Science Research*. 1972; 1.

- [17] Ponza M., Duncan G.J., Corcoran M., Groskind F. The guns of autumn?: Age differences in support for income transfers to the young and old. *Public Opinion Quarterly*. 1988; 52 (4).
[18] Rahman N. Caregivers' sensitivity to conflict: The use of vignette methodology. *Journal of Elder Abuse and Neglect*. 1996; 8.
[19] Voysey M. *A Constant Burden: The Reconstruction of Family Life*. London; 1975.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-919-928

Priorities of the student youth: Education, family, work*

I.B. Nazarova¹, M.P. Zelenskaya²

¹Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Abstract. Based on the data of the survey conducted in 2018, the authors present the Russian students social ideas on possible life trajectories, including relations between young people, marriage, creating a family, birth of children, responsibility for actions in the interpersonal space, interaction with parents, education and career. The authors chose the vignettes technique based on five factors-values describing the student life trajectory. The use of the vignette technique and logistic regression allowed to prove the most significant values of students (independent variables) based on their approval of the actions of the vignette actors (a dependent variable). During the undergraduate period, getting a higher education is a priority compared to starting a family life, having a child, employment and parental support. The value of education is 2.3 times more important than the value of creating a family, and 3.1 times more important than having a child. When evaluating the vignette actions, the priority of education over family creation is more typical for boys. Marrying and creating a family during the student years are approved primarily for girls. The probability of the approval of a young man marrying or starting a family is 29%, while the approval of a girl in the same situation — 96%; childbirth is supported for both girls (30%) and boys (19%), employment — rather for girls (21%), parental support — rather for boys. Education is an absolute priority for all respondents; however, for girls during their student years a more intense life trajectory is approved — getting a higher education, starting a family life, having a child and a job or a part-time job. In the traditional perspective, family and children are an important component of women's life; however, the girl should have a modernist choice too — with a focus on career and employment.

Key words: students; youth; vignettes; social representations; family; education

* © I.B. Nazarova, M.P. Zelenskaya, 2020

The article was submitted on 26.03.2020. The article was accepted on 22.05.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-929-938

Mass hysteria and incidence rate control in the organized groups (RUDN University approach)*

N.O. Danilina, A.S. Klimenko, Sh. Gulova, V.A. Seryapov, S.V. Nazyuta

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: danilina-no@rudn.ru; klimenko-as@rudn.ru;
gulova-sh@rudn.ru; va.seriapov@gmail.com; nazyuta-sv@rudn.ru)

Abstract. The article presents the results of the comprehensive study of methods for countering mass panic and explosive morbidity in the organized community (on the example of a number of activities implemented at the RUDN University during the ‘first wave’ of the covid-19 pandemic). The authors used elements of theoretical and empirical, sociological and experimental methods of research. After the World Health Organization (WHO) declared a pandemic of the new coronavirus in March 2020, the world will never be the same — most aspects of social interaction have changed, and the RUDN University could not stay away from global and all-Russian trends. In the article, the concept of dealing with stress and mass panic is considered not at the individual level, but at the level of the full-size medical institution with a multinational and multicultural community of 9000 people, completely isolated from the society. The authors managed to develop a model of doctor’s behavior, which proved to be effective when working with the younger generation (aged 18 to 35), including foreign students; provided an opportunity to control (to a certain limit) the mood of the masses on the entrusted territory, to ensure adherence to treatment and emotional support at all its stages. Due to the patient’s feeling of control over his condition, understanding of what is happening and, as a result, the development of critical perception of all information, the negative impact of the mass panic reaction was significantly reduced. Therefore, the authors achieved a disciplined organized community that followed all quarantine and isolation instructions, which significantly smoothed the peak of the incidence curve.

Key words: new coronavirus infection; pandemia; hysteria; mass media; organized community; model of doctor’s behavior

In the era of globalization, information technologies, mass media and social networks became the primary means of publicizing community issues. Sources open to uncontrolled publications have a counterproductive influence on the public opinion and contribute to the growth of stress of those influenced by unreliable information [7]. Thus, under the pandemic and the high level of media misinformation, healthcare professionals faced a new task — to work not only with the patient, but also with the media and social environment, which has a significant impact on the public opinion. Mass consciousness is a set of values, attitudes and patterns [2]. In the theoretical sociology, there are fundamental patterns of social functioning, such as the theory of social anomie and the social model of stress,

* © N.O. Danilina, A.S. Klimenko, Sh. Gulova, V.A. Seryapov, S.V. Nazyuta, 2020
The article was submitted on 28.06.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

which explain psychopathological conditions of social upheavals [8; 15]. In other words, social stress is an integral reaction to processes connected to the destabilization of society's mood.

The first official use of stress concepts is presented in *Man under Stress* by Grinker and Spiegel (1945), who studied emotional consequences of captivity called 'military neurosis'. Its most common symptoms were increased fatigue, aggression, depression, impaired memory and inability to concentrate. Research in this area was continued by Wolff who studied psychosomatic disorders in the wider social-cultural context, and developed a 'medical' model of stress, which has been successfully applied in medical-social and medical-sociological research since the 1970s [17]. Today, sociology of medicine focuses on the medical-sociological understanding of health and illness, such as: social health of the population and its factors, the influence of social processes and institutions, including the healthcare system, and relations of the nurse, doctor, patient and his relatives.

Sociology of medicine in an applied field of both medicine and sociology. For instance, Olisen (1968) identifies the following concepts of medical sociology: stress, socialization, professionalism, social organization, dominance, role and behavior of the patient during illness, medical and social culture, variability of the social system, deviance. Olisen defines the theory of the social organization of stress as the 'middle-range theory' [10]. Today, there is growing criticism of the American sociological research tradition as underestimating the worldview aspect due to focusing on cognitivism, interactionism and psychoanalysis and ignoring everyday social challenges [12]. However, the development of high technologies, in particular, in the medical and diagnostic field, allows to involve millions of people in the medical-social functioning, which denies the use of previous theoretical concepts for explaining the new prevailing stereotypes and patterns of social behavior.

In this article, we consider stress and mass panic at the level of the full-size medical institution with an international and multicultural community of 9000 people isolated from the society. This unique study became possible during the pandemic and self-isolation which produced unstable changes in all spheres of social life. In the short term, at the family level, they can lead to family violence, affect the physical and mental health of younger people, who are the main group in the RUDN University, thus, causing loss of motivation and self-confidence, worsening depressions, increasing stress and conflicts at the interethnic and intercultural level, leading to hysteria and mass panic. The negative emotional state of patients significantly reduces the efficiency of complex measures taken to fight the covid-19 pandemic [3].

The Outpatient Polyclinic Center of the RUDN University (hereinafter — OPC) is a multidisciplinary clinic that provides health care and specialized care to the assigned population on the outpatient basis. OPC specializes on checking the health condition of the RUDN University employees and students, conducting periodic and preventive medical examinations and high-quality medical services,

preventing occupational diseases, increasing the awareness of risk factors and their timely prevention (Figure 1). The OPC aims at the high-quality medical care in all areas of outpatient observation and treatment.

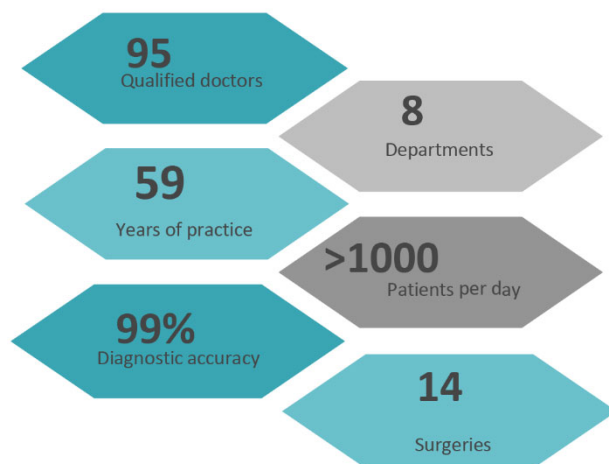

Fig. 1. Statistical data about the OPC

Patients of the OPC are an international, multicultural community (students and employees), which consists of representatives of almost all countries of the world: 3300 people from Asia, 1500 — from Europe, 2200 — from Africa, 1500 — from the Middle East, and so on. The age and gender structure of the patient community is presented in Figure 2.

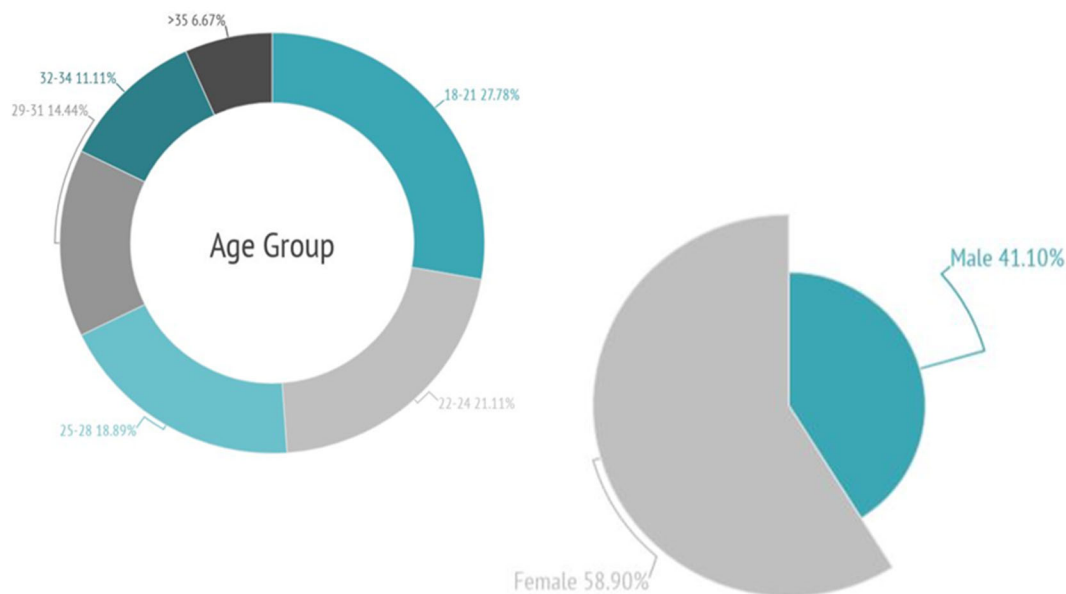

Fig. 2. Age and gender structure of the patient community

As a team, we learned to work out not only with patients but also with employees. The increased workload on medical institutions, predicted by the Chinese healthcare professionals, determined the need to reorganize the entire work of the medical institution, which included effective planning of the work of medical workers, providing them with the necessary protective equipment, and education. The whole reorganization process was based on the daily incoming data from our and foreign colleagues and WHO professionals. We created a group of medical workers who never worked in a pandemic but showed willingness to learn and exchange experience.

The standard organization of work in the outpatient clinic is the so-called ‘joint-individual activity’ with the focus on one’s result and individual achievements since each specialist works in the isolated office with patients of only his profile. The weak point of this approach is organization of team-like activities of specialists who know their specialty well, but do not understand the peculiarities of their colleagues’ work and concentrate on their activities rather than the goals of the organization as a whole [11]. Under the pandemic, it was not possible to continue outpatient reception of the ‘joint-individual’ type, since the work of the outpatient center was completely reorganized — isolated specialists were removed from offices and united into a team. For more effective interaction and optimization of human resources, we started an experiment in the Agile framework — a set of methods and practices for the flexible management and organization of work of small groups in combination with their both liberal and democratic management, which is effective due to iterative execution, interaction of team members and quick reaction to changes in the workspace.

The Scrum method was introduced as the basis for the new doctor’s behavior model. Sutherland introduced this approach for IT and business planning [14]; however, the RUDN University team analyzed available sources and manuals on Agile-Scrum, and concluded that under the pandemic, this approach could work for the medical institution. Scrum methodology is inherently heuristic. It is based on constant learning and adaptation to changing factors. According to Scrum, the team is not aware of the full scope of work to be done at the beginning of the project but can evolve and adapt working methods by learning from experience. The Scrum framework provides freedom to adapt to the changing conditions and requirements. The workflow provides for possible drastic changes in priorities and short reporting cycles, so-called ‘sprints’, which contributes to the continuous learning and improvement.

The team is divided hierarchically: there are project managers and executors — ‘T-shaped people’, i.e., completely interchangeable specialists as parts of the mobile system of the team. This feature distinguishes Scrum from other related Agile methodologies, since if one of the ‘T-shaped people’ leaves, the team will be still fully functional in all areas.

This methodology is based on visual facilitation — with artefacts and rituals that contribute to better assimilation and memorization. Opportunities for implementation

of the next sprint are determined at the beginning of it at the Sprint Planning Meeting, and by using the Scrum Poker method (an assessment technique based on reaching an agreement mainly to assess the complexity of the work ahead or the tasks to be solved), and cannot be changed throughout the whole sprint. At the same time, a fixed short sprint ensures the workflow predictability and flexibility [4; 5; 6; 13].

The results of adaptation of this technique for the RUDN University team are as follows: product — a ready-made scheme of diagnostics, treatment and prediction; MVP — minimum viable product, in our case the minimum for diagnosis and treatment; increments — additions to the MVP that bring it to the state of a finished product — phenotyping, a scale for predicting risks; Klimenko A.S., head of the OPC, — product owner, responsible for it; abstract patient — stakeholder, the user of the product; list of phenotyping, prediction scale, etc. — a plan for bringing the MVP to the product; when the product owner and the stakeholder discuss what can be added to the MVP — backlog grooming; physicians — the product development team, and they can replace each other, i.e. they are ‘T-shaped people’, who have the same skills and always help each other; Elena Kuzmenko, Chief Nurse — Scrum Master, who preserved the team ethics; a conversation at the beginning of the week — planning; daily discussion in the TEAMS group chat — a stand-up; analysis of clinical cases — a retrospective; time spent per patient — a sprint length; discharge of a patient — a demonstration, the stakeholder’s assessment of the product; new patient arrival — start (Figure 3).

Over the past 3 months, more than 500 patients with a confirmed diagnosis of the new coronavirus covid-19 were patients of the the RUDN OPC, and 10 patients in serious condition were hospitalized on time. The methods of interaction in the workplace and methods of infection control introduced by the medical staff proved to be an effective solution — a zero incidence of covid-19 was achieved among employees in the direct contact with patients with coronavirus, not a single case of incorrect diagnosis was recorded, and the mortality of patients in the outpatient setting was avoided.

The comparison of types of the OPC patients show that before coronavirus, the OPC worked mainly within the dispensary prophylactic system (10% — emergency patients, 30% — outpatient work, 60% — paperwork), under the covid-19 pandemic, 85% of patients were in the acute stage of the disease and required immediate medical treatment (10% — outpatient work, 10% — paperwork).

Residents of dormitories live in the area of high population density; it is not designed for proper isolation; therefore, its residents are at a greater risk of contracting the coronavirus compared to those who live in the apartment-type buildings which provide more opportunities for isolations. In these conditions, the targeted dissemination of relevant information about the contagiousness of the disease, preventive measures and social security is of particular importance, since patients who found symptoms similar to those of coronavirus were immediately exposed to aggression from their neighbors in the area of residence, experienced negative public attitude due to the media information, which is often misleading

and disorienting, filled with fake content that provokes panic [4]. The severity of the negative reaction to patients with coronavirus is commensurate with the rejection of HIV patients, with a similar development mechanism — arising from the lack of awareness, constant escalation of the situation in the media, inappropriate information on social networks and media in general [5].

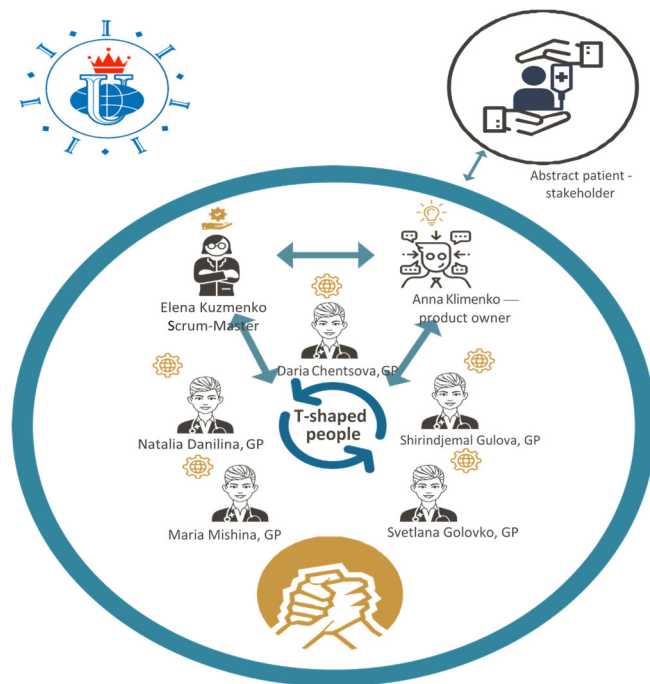

Fig. 3. Agile structure of the medical team

Based on the available data on the mechanisms for the development of mass panic and on the risk factors under the pandemic, the RUDN University team developed a seven ‘I’ method to work with patients — ‘Information, Involvement, Inclusion, Integrity, In Touch , Isolation, Individual Approach’ (Figure 4).

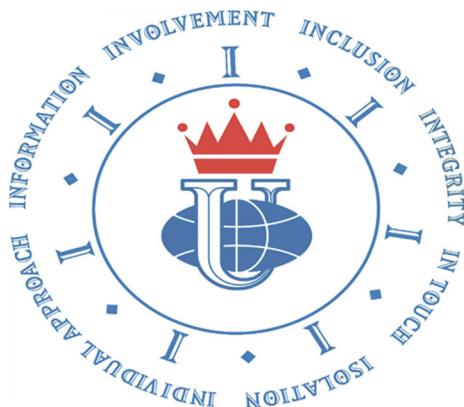

Fig. 4. The emblem of the RUDN team

Information — every employee or student of the RUDN University had the opportunity to contact the OPC and receive up-to-date information on covid-19, hygiene and safety rules, actions in case of detection a coronavirus; the RUDN University team printed leaflets and information booklets based on the official information approved by the Rospotrebnadzor.

Involvement — patients placed in isolation and quarantine after contacts with covid-19 or mildly ill were offered interactive tasks in the format of diaries, tests and assignments — for the qualitative assessment of their well-being.

Inclusion — a multinational multicultural team of volunteer doctors, residents and RUDN University graduates was created, and all its members wanted to contribute to the fight against coronavirus. They were provided with all necessary equipment and practical training. The entire medical team of the OPC collaborated with volunteer doctors, helped them to resolve difficult situations and answer any questions during work.

Integrity — straightforwardness and sincerity in communication, without softening or embellishing facts about the patient's condition. Expectations and concerns about the results of laboratory and clinical studies were discussed with the patient, his opinion and understanding of the situation were taken into account; thus, patients developed a more serious attitude to their current status and a persistent adherence to treatment.

In Touch — with the support of modern communication technologies and social networks, constant communication was established with patients in audio and video formats, and also as daily face-to-face consultations and patronage. Especially useful was the Teams — a part of the Office 365 provided by the RUDN University, which united employees and students into a single network. This allowed to keep in touch with patients, monitor their state of health and severity of their condition, instantly take action and provide psychological support.

Isolation — all patients with pronounced catarrhal symptoms were subject to immediate isolation; however, they had access to all the above-mentioned measures, including full access to available information about their current condition and constant contact with medical personnel. Thereby, we received patients' voluntary consent to isolation, their adherence to follow all quarantine rules, understanding of the importance of their role both in their treatment and in the overall outcome of the pandemic, and maintaining of the positive emotional state during isolation and therapy. For the duration of the pandemic, a dormitory block was provided for isolation, where all patients with catarrhal symptoms and confirmed coronavirus were accommodated. Isolated students and staff were provided with five meals a day, medication, online assignments, and daily patronage, in addition to being in touch with the Teams 24/7.

Individual Approach — to every patient and his needs; emphasis was placed on working with his fears, thoughts, worldview, and cultural characteristics.

A significant part of the patients were first-year students who did not speak Russian at the sufficient level and, under the stress, were reluctant to contact

specialists. To solve this problem, we turned to the methods of working with patients who have impairment of speech, hearing or with difficulties in communicative behavior, in particular, to practices for young people with autism spectrum disorders, based on the work by Bondi and Frost, who developed the PECS method (Picture Exchange Communication System) (Figure 5). The PECS system was developed as a teaching tool for children with autism to help and develop a rapidly absorbing, self-activating, functional communication system. Its theoretical roots combine the principles of the applied behavior analysis and the guidelines in the field of alternative and complementary communication. This approach has several potential advantages over simulation-based strategies (both vocal and gesture) and character selection strategies. The system starts with the exchange of simple pictures and logically quickly builds the structure of the ‘proposal’. The system works both ways, being equally adapted for asking simple questions and for formulating answers and commenting [18]. This system turned out to be effective for foreign students who do not speak Russian and helped to establish contact in the ‘doctor-patient’ link. As auxiliary methods, individual tests were used to assess the psycho-emotional state of patients, such as Luscher color test, Wong-Baker scale of faces and anxiety scale, but they turned out to be less effective than the PECS, which allowed a better assessment of the physical condition, clinical examination and timely first aid in case of suspicion of deterioration.

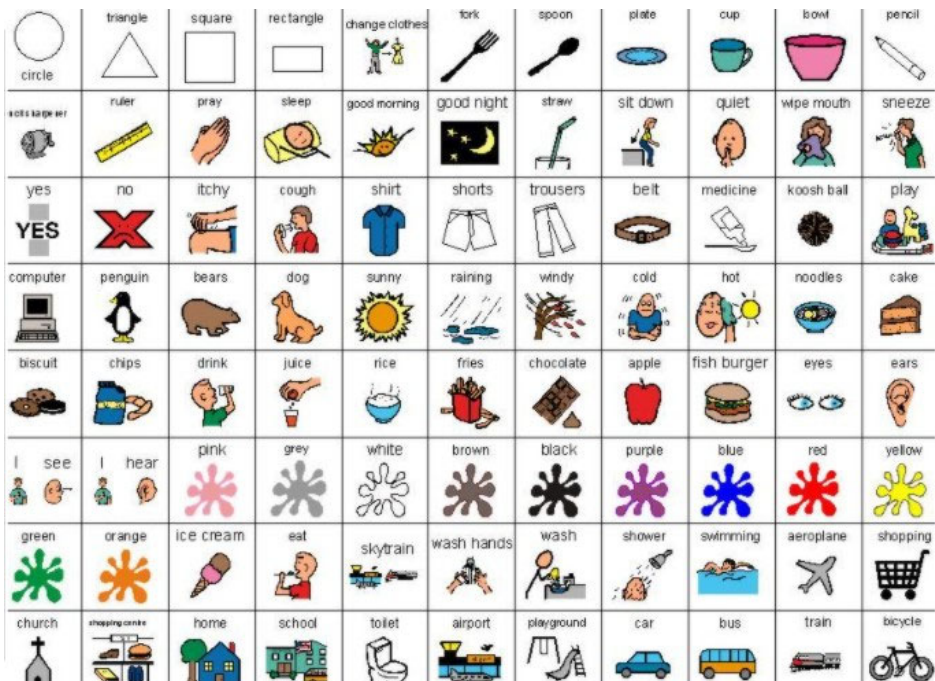

Fig. 5. An example of the PECS sheet used for communication

Thus, positive results and efficiency in the fight against coronavirus were achieved due to the well-coordinated work of the team of medical personnel under

the confident and sensitive management of the leadership, who monitored and provided the necessary support at all stages of the examination and treatment, used methods of flexible management, organization of team-work and an individual empathic approach to treatment. The team mode of work in the suitable environment, organization of the working process, acceptance of their roles by each member of the team made it possible to organize the optimal model for combating the pandemic not only by doctors but also by patients. All patients of the OPC gained more respect for doctors and other support services of the RUDN University, thus, showing maximum intentional assistance to the social system of the University in general and the medical system of in particular at every stage of their work. Positive communication, based on trust in the ‘doctor-patient’ relationship according to the basic Hippocratic principle to treat a person rather than a disease, served as a basis for developing a sense of security for patients, which, in turn, allowed healthcare professionals to fulfill their tasks in a calm atmosphere that significantly influenced the positive dynamics in the treatment of every patient and contributed to the successful results in the fight against the covid-19 pandemic in the entrusted area.

Acknowledgements

The authors would like to express deep gratitude to all employees and volunteers of the Outpatient Polyclinic Center for their effort, work, and respect. Thank you, dear colleagues!

References

- [1] Book H.E. Empathy: Misconceptions and misuses in psychotherapy. *American Journal of Psychiatry*. 1988; 145.
- [2] Grushin B.A. *Massovoe soznanie: Opyt preodolenija i problemy issledovanija* [Mass Consciousness: Coping Experience and Research Challenges]. Moscow; 1987 (In Russ.).
- [3] Holmes E.A., O'Connor R.C., Perry V.H. et al. Multidisciplinary research priorities for the covid-19 pandemic: A call for action for mental health science. *Lancet Psychiatry*. April 15, 2020. URL: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30168-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30168-1).
- [4] Malakanova O.A., Skobeleva O.V. Rechevoj ekstremizm v novyh media: k postanovke problemy [Speech extremism in the new media: Setting an agenda]. Jubilejny sbornik nauchnyh trudov prepodavatelej, aspirantov i magistrantov sociologicheskogo fakulteta Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Samara; 2014 (In Russ.).
- [5] Maman S., Campbell J., Sweat M.D., Gielen A. The intersections of HIV and violence: Directions for future research and interventions. *Social Science and Medicine* 2000; 50.
- [6] McKenna D. *The Art of Scrum: How Scrum Masters Bind Dev Teams and Unleash Agility*. Aliquippa; 2016.
- [7] McLuhan H.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media: The Extensions Of Man]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [8] Merton R.K. Basic research and potentials of relevance. *American Behavioral Scientist*. 1963; 6 (9).
- [9] Nazaretjan A.P. *Psihologija stihijnogo massovogo povedeniijaaretjan* [Psychology of Spontaneous Mass Behavior]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [10] Olisen V., Whittaker E. *The Silent Dialogue: A Study in the Social Psychology of Professional Socialization*. San Francisco; 1968.
- [11] Peltokorpi A., Linna M., Malmström T., Torkki P., Lillrank P.M. Five focus strategies to organize health care delivery. *International Journal of Health Care Quality Assurance*. 2016; 29 (2).
- [12] Pflanz M.A Critique of Anglo-American medical sociology. *International Journal of Health Services*. 1974; 4 (3).

- [13] Rubin K. *Essential Scrum: A Practical Guide to the Most Popular Agile Process*. Addison-Wesley Professional; 2012.
- [14] Sutherland J. *Scrum: The Art of Doing Twice the Work in Half the Time*. Crown Business; 2014.
- [15] Viner R. Putting stress in life: Hans Selye and the making of stress theory. *Social Studies of Science*. 1999; 29 (3).
- [16] Wilson K., Bell C., Wilson L., Witteman H. Agile research to complement agile development: A proposal for an mHealth research lifecycle. *NPJ Digital Medicine*. 2018; 1.
- [17] Wolff H.H. Basic psychosomatic concepts. *Postgraduate Medical Journal*. 1971; 47.
- [18] Wong C., Odom S.L., Hume K., Cox A.W., Fetting A., Kucharczyk S., Brock M.E., Plavnick J.B., Fleury V.P., Schultz T.R. Evidence-Based Practices for Children, Youth, and Young Adults with Autism Spectrum Disorder. URL: <https://fpg.unc.edu/node/6614>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-929-938

Контроль паники и взрывной заболеваемости в организованных коллективах (подход РУДН)*

Н.О. Данилина, А.С. Клименко, Ш. Гулова, В.А. Серяпов, С.В. Назюта

Российский университет дружбы народов»
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: danilina-no@rudn.ru; klimenko-as@rudn.ru;
gulova-sh@rudn.ru; va.seriapov@gmail.com; nazyuta-sv@rudn.ru)

В статье представлены результаты комплексного авторского исследования методов противодействия массовой панике и взрывной заболеваемости в условиях организованных коллективов (на примере целого ряда мероприятий, реализованных на базе РУДН в период «первой волны» пандемии covid-19). Авторами были использованы элементы теоретических и эмпирических, социологических и экспериментальных методик исследовательской работы. После того, как в марте 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию новой коронавирусной инфекции, мир уже никогда не будет прежним — изменилось большинство аспектов социального взаимодействия, и РУДН не мог остаться в стороне от глобальных и общероссийских тенденций. В статье концепция взаимодействия со стрессом и массовой паникой рассмотрена не на индивидуальном уровне, а на уровне работы полноразмерного медицинского учреждения с многонациональным и многокультурным сообществом из 9000 человек, полностью изолированным от остального социума. Авторам удалось разработать модель поведения врача, которая доказала свою эффективность при работе с населением молодого возраста (в возрасте от 18 до 35 лет), включая иностранных студентов, предоставила возможность контролировать (до определенного предела) настроение масс на вверенной территории, обеспечить более высокую приверженность лечению и эмоциональную поддержку на всех этапах лечения. Благодаря формированию у пациента ощущения контроля над своим состоянием, понимания происходящего и, как следствие, развития критического восприятия всей поступающей информации удалось значительно уменьшить негативное влияние массовой панической реакции. Как следствие, в доступном для наблюдения сообществе была выработана четкая дисциплина в соблюдении карантинных и изоляционных мер, что существенно сгладило пик кривой заболеваемости.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция; пандемия; паника; средства массовой коммуникации; организованное сообщество; модель поведения врача

* © Данилина Н.О., Клименко А.С., Гулова Ш., Серяпов В.А., Назюта С.В., 2020
Статья поступила 28.06.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-939-952

«Серебряное» образование как ресурс развития региона*

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; borges75@mail.ru)

Цель статьи — анализ образовательного уровня, потребностей и активности людей «третьего возраста» и готовности региона к развитию практик «серебряного» образования. Объект исследования — такие практики в одном российском регионе (Свердловской области) и готовность пенсионеров и предпенсионеров к их освоению. В основу исследования положена авторская концепция «серебряного» образования как ресурса сохранения и развития социальной общности людей «третьего возраста». Теоретический фундамент исследования — интеграция ключевых положений теорий образования для взрослых, непрерывного образования, человеческого капитала и ресурсности. Основные методы исследования: анализ данных образовательной и демографической статистики, нормативных актов и государственных программ, вторичный анализ данных социологических исследований, опрос жителей Свердловской области старше 45 лет, экспертный опрос. Была выдвинута гипотеза, согласно которой «серебряное» образование пока не способно выполнить роль ресурса регионального развития, поскольку ни сама общность «третьего возраста», ни регион не готовы к этому в полной мере. В качестве основных результатов исследования в статье представлены: трактовка социальной общности «третьего возраста» и ее образовательного уровня; образовательные потребности и активность «третьего возраста»; готовность региона к развитию практик «серебряного» образования. Сфера применения результатов — государственная политика в интересах старших поколений и развития региона. Сделан вывод о необходимости разработки концепции системы «серебряного» образования в регионе и на ее основе — политики повышения качества образовательного капитала людей «третьего возраста».

Ключевые слова: «серебряное» образование; регион; социальная общность; «третий возраст»; пенсионеры; предпенсионеры; образовательный капитал; ресурс; образовательный уровень; образовательные потребности

Российские регионы имеют большой демографический ресурс людей «третьего возраста», которые демонстрируют рост трудовой и образовательной активности. Для полноценного их включения в экономическую и социокультурную жизнь региона необходимо вовлечение их в систему непрерывного образования. Между тем сложившиеся в регионах разрозненные практики и

* © Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., 2020

Статья поступила 19.05.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

подходы к организации образования людей «третьего возраста» и их занятости пока не создали основания для превращения «серебряного» образования в элемент региональной системы непрерывного образования и ресурс социально-экономического и социокультурного развития.

На фоне пандемии коронавируса и мирового экономического кризиса, с которым сопряжен кризис российской экономики в национальном и региональном масштабе, регионы сталкиваются с новыми вызовами и усилением прежних. Среди них — трансформация структуры экономики и рынка труда, безработица, миграционный отток молодежи в столичные города и за границу, снижение притока трудовых мигрантов, истощение трудовых ресурсов, кризис малого и среднего бизнеса и др. В этих условиях качество человеческого капитала разных групп населения и максимизация вклада в их образование должны стать фактором преодоления кризиса [8; 24. С. 16]. Особое место в решении этой задачи занимает одна из массовых социальных общностей — люди «третьего возраста», включающая в себя представителей пенсионного и предпенсионного возраста. От их социального, экономического и социально-психологического благополучия зависит благополучие региона в целом.

Однако в новых сложных условиях возникает риск переориентации государственной политики, внимания работодателей и иных субъектов социально-экономической жизни регионов с вопросов образования на решение иных важных проблем. Существует опасность, что треть населения (пенсионеры и предпенсионеры) будет вновь подвергнута эксклюзии, а начинания в сфере «серебряного» образования сойдут на нет. «Серебряное» образование в ситуации социально-экономической неопределенности становится не менее, а более востребованным ресурсом развития [10]. Появляется возможность адаптировать этот капитал к происходящим изменениям, конвертировать его в другие виды капитала, востребованные изменяющейся экономикой и обществом [18; 21].

Исследование возможностей развития «серебряного» образования базируется на интеграции ключевых положений концепции образования для взрослых и непрерывного образования [1; 5; 19; 20; 22], теорий социальной общности [6] и человеческого капитала [16; 17] и ресурсном подходе [11]. На основе этих теоретических положений была разработана концепция «серебряного» образования как ресурса сохранения и развития социальной общности «третьего возраста» [3] — это реально существующая, массовая, эмпирически фиксируемая, относительно единая и самостоятельная совокупность (взаимосвязь) людей, объединенных по демографическим, социокультурным, экономическим основаниям и находящихся в возрасте перехода от завершения зрелости к старости [2]. Для представителей рассматриваемой социальной общности характерны такие признаки, как осознание принадлежности к старшему возрасту, особые условия жизнедеятельности (пенсия, альтернативная трудовая занятость, невысокие доходы, проблемы со здоровьем), снижение скорости жизненных и социальных процессов, ограничение мобильности.

Структура социальной общности «третьего возраста» дифференцирована по нескольким основаниям — возраст, образование, включенность в труд и пр. Особое методологическое значение мы придаем ее возрастной структуре, образованной пенсионерами, включая подгруппу «молодых» пенсионеров, и предпенсионерами (люди, чей срок выхода на пенсию составляет не более пяти лет). Ресурсы и возможности «третьего возраста» и перспективы «серебряного» образования во многом обусловлены процессами в возрастной группе 45+. И хотя мы не включаем ее в общность «третьего возраста», мы рассматриваем проблемы «серебряного» образования во взаимосвязи с образовательной активностью поколения 45+.

Ключевое понятие авторской концепции — «серебряное» образование: совокупность образовательных практик для людей «третьего возраста», благодаря которым осуществляется их ресоциализация и адаптация к меняющимся условиям жизни. «Серебряное» образование включает в себя многообразные виды образования, различающиеся по уровню (среднее профессиональное, высшее), направленности (основное и дополнительное профессиональное, общекультурное), степени формализации (формальное, неформальное, информальное), технологиям (традиционное, дистанционное, смешанное), целям (профессиональное, досуговое и др.). «Серебряное» образование рассматривается с позиций системного подхода — как часть системы непрерывного образования; институционального — как специфический социальный институт, удовлетворяющий образовательные потребности большой социальной общности; деятельности — как сфера образовательной активности людей «третьего возраста». Ключевой характеристикой «серебряного» образования выступает его ресурсность, т.е. совокупность потенциальных и реальных возможностей, обеспечиваемых за счет получения или актуализации образования и необходимых для удовлетворения социальных потребностей «третьего возраста». Ресурсный потенциал «серебряного» образования позволяет сформировать новые или раскрыть имеющиеся личностные и социальные качества «третьего возраста», необходимые для поддержания уровня их жизни [14; 15].

Эмпирическая база статьи представлена результатами социологического исследования, проведенного в Свердловской области в 2019–2020 годы под руководством авторов статьи с использованием микс-стратегии. Был проведен анализ данных образовательной и демографической статистики, отражающей количественные и качественные характеристики людей старше 45 лет. Источником данных послужили отчеты за 2015–2019 годы, размещенные на официальных сайтах Федеральной службы государственной статистики и Свердловскстата. Определялась динамика численности населения старшего возраста в России и Свердловской области, проводился сравнительный анализ уровня образования разных возрастных групп населения.

В декабре 2019 — феврале 2020 года был проведен опрос жителей Свердловской области старше 45 лет (выборка квотная, N — 512 человек). Выборкой были охвачены жители основных типов муниципальных образований области

(мегаполиса, больших, средних и малых городов, поселков и сельских поселений). Инструментарий включал блоки вопросов, посвященных образовательному статусу респондентов, их готовности включаться в разные виды образования, их образовательным потребностям и способам их реализации (образовательным стратегиям). Данные сопоставлялись с результатами вторичного анализа тематически близких социологических исследований, а также с результатами контент-анализа веб-сайтов рекрутинговых агентств и публикаций СМИ по проблемам возрастных работников и «серебряного» рынка труда.

В ходе исследования были изучены документы государственной образовательной и социальной политики в отношении россиян старшего возраста: нормативные акты и государственные программы, разработанные на федеральном уровне и в Свердловской области. В частности, были проанализированы законы об образовании, занятости, Стратегия долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года, 7 национальных проектов и 5 государственных программ, реализующихся в Свердловской области. Документы отбирались по двум критериям: наличие образовательной составляющей; указания на категорию «третьего возраста». Методика анализа предполагала выделение в документах тезисов, разделов, целевых показателей и критериев финансирования, соотносимых с ключевыми словами «старшее поколение», «пенсионеры», «образование для людей „третьего возраста“».

В процессе начавшейся пенсионной реформы доля представителей «серебряной» общности, включенных в трудовые процессы, растет на фоне увеличения численности людей старшего возраста в целом по стране и в ее регионах (Табл. 1). В 2019 году численность россиян пенсионного возраста составляла почти 38 млн, предпенсионного — около 11 млн; в Свердловской области соответственно 1,128 млн и 265 тысяч. Данные Таблицы 1 свидетельствуют, что демографические характеристики региона идентичны общероссийским. Далее мы покажем, что характеристики образования свердловчан «третьего» возраста также аналогичны общероссийским. Это позволяет экстраполировать некоторые тенденции изменений «серебряной» общности с общероссийского уровня на региональный и наоборот. Так, общим трендом трансформации «серебряной» общности является рост ее численности и усложнение структуры. По прогнозам демографов, численность людей «серебряного» возраста в ближайшие годы значительно возрастет, в том числе за счет включения мужчин и женщин предыдущей возрастной группы, и составит треть населения [4. С. 149–150]. Другой общей характеристикой является гендерный дисбаланс структуры «серебряной» общности: женщин значительно больше, чем мужчин, во всех возрастных группах «серебряной» общности Свердловской области. Принимая во внимание более высокий, чем у мужчин, уровень образовательной и трудовой активности женщин, это обстоятельство необходимо учитывать при организации «серебряных» образовательных практик и создании образовательной среды для людей предпенсионного и пенсионного возраста.

Распределение численности населения России и Свердловской области по полу и возрасту на 1 января 2019 года (тыс. чел.)

Возраст, лет	Мужчины и женщины		Свердловская область	
	РФ	СО	Мужчины	Женщины
45–49	9674	280	132	148
50–54	9021	246	113	133
55–59	10811	303	132	171
60–64	10027	298	121	177
65–69	8179	259	97	162
70 и старше	13797	400	111	289
Население в возрасте:				
моложе трудоспособного*	27430	849	435	414
трудоспособное**	81362	2337	1215	1122
старше трудоспособного***	37989	1128	329	799

* — мужчины и женщины в возрасте 0–15 лет

** — мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины в возрасте 16–54 лет

*** — мужчины в возрасте 60 лет и старше, женщины в возрасте 55 лет и старше

Изменение структуры общности людей «третьего возраста» сопряжено с трансформацией ее места на рынке труда и в профессиональной структуре региона. Изменяется образ жизни «серебряного» возраста, иными становятся его потребности в культурном и социальном обслуживании. Появляются новые модели потребительского поведения и стандарты жизни старшего поколения. Исследования в Свердловской области показывают, что укрепление позитивной возрастной идеологии способствует повышению личностной и профессиональной самооценки [7. С. 131], и такой социокультурный контекст актуализирует у «третьего» возраста потребности в образовании.

Наши исследования фиксируют появление у поколения 45-летних свердловчан серьезной озабоченности по поводу своего предпенсионного и пенсионного будущего и выработку стратегий поведения, снижающих риски. Возникновению этих рисков, в частности, способствует «омоложение» возрастной дискриминации — распространения ее новых форм на группу 45+. Другим фактором является недоверие к деятельности государства по защите россиян старшего возраста. Одной из реакций на ситуацию становится формирование у представителей группы 45+ стратегий активного включения в непрерывное образование. Можно прогнозировать, что через несколько лет они войдут в «серебряную» общность и укрепят представления о «серебряном» образовании как способе самоутверждения на новом этапе жизни.

Создание условий для включения в образование людей «третьего возраста» требует анализа их образовательного уровня и их образовательных потребностей. Данные Таблицы 2 позволяют сравнить образование этой общности в России и в Свердловской области и показать распределение населения старше 45 в регионе по уровню образования. Сравнение структуры населения старших возрастных групп в России и Свердловской области говорит о несущественных различиях.

Таблица 2

Образовательный уровень групп людей предпенсионного и пенсионного возраста в РФ и Свердловской области (в % от указавших уровень образования в группе)

Возраст, лет	Высшее образование		СПО		Общее среднее		Без образования	
	РФ	СО	РФ	СО	РФ	СО	РФ	СО
45–49	29,8	25,1	50,0	54,8	20	20	0,2	0,1
50–54	25,6	21	51,3	54,7	22,9	24,2	0,2	0,1
55–59	22,6	17,8	51,1	53,5	26,2	28,6	0,1	0,1
60–64	21,1	15,3	48,4	49,8	30,4	34,8	0,1	0,1
65–69	21,5	16,5	44,8	45	33,6	38,4	0,1	0,1
70 и более	14,4	13,4	27,8	28,6	56,9	57,3	0,9	0,7
Всего население 45+	22	17,7	44,7	46,5	33	35,5	0,3	0,3

Очевидно, что удельный вес лиц с высшим и средним профессиональным образованием в предпенсионных и пенсионных группах неуклонно снижается — от 29,8% (45–49 лет) до 14,4% (старше 70 лет). Кроме того, существует значительный разрыв в численности людей «серебряной» общности, имеющих высшее и среднее профессиональное образование — у ряда возрастных групп он более чем двукратен. Так, в возрастной группе 50–54 лет удельный вес имеющих высшее образование — 25,6%, среднее профессиональное — 51,3%, в группе 55–59 лет соответственно 22,6% и 51,1%, 60–64 лет — 21,1% и 48,4%, 65–69 лет — 21,5% и 44,8%, 70 лет и более — 14,4% и 27,8%. Еще большие разрывы наблюдаются в Свердловской области: доля имеющих среднее профессиональное образование во всех возрастных группах в 2–3 раза выше, чем имеющих высшее образование. Очевидно, что через несколько лет уровень образования «серебряной» общности региона повысится в связи с вливанием в нее значительного числа представителей поколения 45+ и предпенсионеров с высшим и средним профессиональным образованием, что закономерно повлечет изменение образовательных потребностей и стратегий «серебряной» общности.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что у «серебряной» общности региона уже сейчас наблюдается существенный потенциал и ресурс роста как среднего профессионального, так и высшего образования. По данным нашего опроса, хотели бы повысить уровень образования 36,1%. При этом 7% свердловчан старшего возраста хотели бы получить среднее профессиональное, а 26% — высшее образование. Это желание возникает по разным причинам, в том числе и потому, что в свое время людям это не удалось сделать. Людей заставляют продолжить обучение сдвиг выхода на пенсию на 5 лет, требования работодателей и личное желание «быть в форме».

50,4% людей «третьего возраста» в регионе не хотят учиться, 13,5% затруднились с ответом. Исследование подтверждает сильное негативное действие социальных стереотипов, подавляющих образовательную активность группы «третьего возраста». Кроме того, у большинства пенсионеров и предпенсионеров наблюдается высокий уровень усталости и профессиональное

выгорание. У половины отсутствуют социокультурные паттерны образования через всю жизнь, но есть чувство бесполезности продолжения образования в условиях несформированности «серебряного» рынка труда.

Обратимся к той части «серебряной» общности, которая проявляет интерес к образованию. Почти половина опрошенных (49%) связала мотивацию к получению образования с желанием продолжить трудовую жизнь или трудоустроиться. Большинство предпочли бы продолжить образование в заочной форме (39,8%) или с помощью дистанционных технологий (36,7%). За последние 12 месяцев проходили обучение и повышали свой образовательный уровень 27,3% — эти данные сопоставимы с результатами европейских исследований [23. С. 638]. Спектр направлений и форм обучения представлен в Таблице 3.

Таблица 3

Направления и формы образования людей старшего возраста в Свердловской области за последние 12 месяцев (%)

Прошли профессиональную переподготовку, повышение квалификации	53,5
Занимались самообразованием (читали профессиональные книги и журналы, знакомились с информацией в Интернете, изучали онлайн-курсы, смотрели/слушали учебные передачи)	19
Обучались на курсах дополнительного образования (вождения, иностранных языков, компьютерных курсах, курсах вязания, шитья, рисования, вокала, танцев, спортивных курсах, фото-курсах и т.д.)	16,9
Посещали просветительские курсы (финансовой, правовой грамотности, лекции и мастер-классы в библиотеках, музеях, клубах по интересам и т.д.)	12,7
Обучались в университете	9,2
Обучались в среднем профессиональном учебном заведении	2,1

Свыше половины опрошенных определили ДПО в качестве главного направления образовательной деятельности за последний год. Понятно, что этот вид образования характерен для работающих или стремящихся найти работу. Для них же характерно и активное использование в самообразовании Интернета, изучение литературы по профессии, прослушивание онлайн-курсов. Обращает на себя внимание тот факт, что 9,2% опрошенных обучается в университетах и 2,1% — в организациях СПО.

Важная проблема «серебряного» образования — отношение государства и родственников, прежде всего, финансовая поддержка как значимое условие реализации образовательных потребностей и стратегий людей старшего возраста. Подавляющее большинство людей «третьего возраста» не в состоянии самостоятельно оплачивать образование и справедливо надеются на помощь государства. 85,7% полагают, что государство как инициатор пенсионной реформы должно помочь людям старшего возраста получить образование бесплатно. Только 14,1% готовы самостоятельно оплачивать обучение в вузе, 4% — в колледже. Каждый десятый мог бы оплатить ДПО. Что касается близких людей, то они в основном оказывают моральную поддержку, — 72,2% уверены, что

они ее получают (или уже получают). На деньги родных пожилые россияне, как правило, не рассчитывают.

Основными факторами, определяющими возможности развития «серебряного» образования в Свердловской области, выступают региональная политика, региональный рынок труда и готовность системы образования. По результатам исследования привлекательности рынка труда пенсионеров в регионах России в 2019 году Свердловская область заняла 33 место в рейтинге 79 регионов (набрав 48,4 из 100 баллов) и поднявшись с 37 места (2018). Обобщая статистические данные и экспертные оценки, можно заключить, что «серебряный» рынок труда в регионе демонстрирует противоречивые тенденции: с одной стороны, повышается трудовая активность «третьего» возраста; с другой стороны, происходит его «вымывание» с рынка труда или концентрация в «теневом» и вторичном его сегменте, что влечет прекаризацию «серебряного» труда и недоиспользование образовательного капитала людей «третьего» возраста. Образование одной части свердловчан «третьего возраста» оказывается избыточным для вторичного и «теневого» рынка труда, другой части — недостаточным для конкурентоспособности в первичном сегменте.

Государственная политика содействия занятости в регионе стимулирует развитие тех направлений и видов «серебряного» образования, которые компенсируют дисбалансы рынка труда. По стратегической направленности эту политику можно назвать реактивной — это односторонняя реакция на сигналы рынка труда. Региональные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения не выполняют важнейшей управленческой функции, актуальной в социально-экономической неопределенности, — не занимаются регулированием и развитием «серебряного» рынка труда и трудовых ресурсов, а «подгоняют» образовательный профиль «третьего» возраста под сложившийся рынок труда.

В целом в регионе сформированы рамочные нормативно-правовые основы «серебряного» образования, однако документы, принятые в интересах старшего поколения, содержат ряд существенных «изъянов». Во-первых, часть положений имеет декларативный характер, т.е. не обеспечены качественными и количественными целевыми показателями, а также достаточным объемом финансирования [13]. Во-вторых, документы не отражают динамику численности населения «третьего возраста» в Свердловской области, его реальные образовательные интересы и потребности, а ориентированы преимущественно на интересы и потребности государства [2]. В-третьих, документы не носят концептуального характера и не обеспечивают системного и перспективного развития системы «серебряного» образования во взаимосвязи с социально-экономическими и социокультурными тенденциями. В частности, документы затрагивают только сферу ДПО и не развивают возможности обучения людей «третьего возраста» по основным образовательным программам высшего и среднего профессионального образования.

Кроме того, нормативные документы не учитывают тенденции увеличения в структуре «серебряной» общности доли людей, имеющих высокий уровень образования. Как состоявшиеся профессионалы они вряд ли захотят обучаться менее престижным профессиям, имеющим более низкие квалификационные требования и обеспечивающим более низкий уровень заработной платы. Индивидуальная организация обучения людей с высшим и средним профессиональным образованием пред- и пенсионного возраста с использованием государственных субсидий теоретически возможна, но трудно реализуема на практике. Чаще всего такая форма обучения требует инициативы работодателя, т.е. доступна лишь тем, кто работает в организации и кого работодатель решил обучить в соответствии со своими кадровыми потребностями. Образовательные траектории той части «серебряной» общности, которые обучаются по направлению от службы занятости, ограничены списком рекомендованных образовательных программ, который утверждается региональными органами власти.

Государственная политика в интересах граждан старшего возраста должна иметь стратегическую направленность и конструировать систему «серебряного» профессионального образования в регионе как часть системы непрерывного образования. В реальности же, согласно принятым документам, свердловчане предпенсионного и пенсионного возраста имеют возможность реализовать свое право на бесплатное ДПО только один раз и только в формате краткосрочных курсов. Такая организация обучения не способствует развитию в регионе системы непрерывного «серебряного» образования.

Потенциальную организационную базу для развития «серебряного» образования в Свердловской области составляют организации СПО и вузы, реализующие основные программы профессионального образования и ДПО. В регионе, прежде всего в областном центре, работают многочисленные государственные, корпоративные, коммерческие и некоммерческие организации, реализующие программы ДПО. Однако реально вовлечена в практики «серебряного» образования только малая часть образовательных организаций — в основном несколько колледжей Екатеринбурга и Нижнего Тагила.

Такая ситуация обусловлена, во-первых, высокими требованиями государства к образовательным организациям, с которыми могут быть заключены договоры на обучение людей «третьего возраста», и конкурентоспособностью организаций в условиях системы государственных тендеров. Во-вторых, многие вузы, колледжи, учебные центры организационно и методически не готовы к деятельности в сегменте «серебряного» образования. Важен и финансовый фактор, обуславливающий отсутствие интереса к «серебряному» образованию со стороны образовательных организаций, особенно вузов, — невысокая стоимость обучения (норматив на человека — не более 54 тысяч рублей) при высоких затратах на этапе создания условий для запуска образовательной программы и на этапе ее реализации.

Работодатели из коммерческого сектора, самостоятельно (без участия государства) организующие обучение персонала своих организаций, чаще

всего не обращаются в государственные образовательные учреждения. По мнению экспертов, им выгоднее или удобнее осуществлять узкопрофильное повышение квалификации работников в корпоративных учебных центрах, коммерческих и некоммерческих организациях, оказывающих образовательные услуги, соответствующие специфическим запросам работодателей. Кроме того, в коммерческих организациях чаще практикуется приглашение консультантов, тренеров, коучей. При этом возрастные сотрудники не выделяются в отдельную группу, а обучение заточено на формирование специфических компетенций, необходимых для той или иной категории работников независимо от их возраста.

Обучение сотрудников «третьего возраста» в коммерческих организациях должно стать важной составляющей «серебряного» образования в регионе, поскольку позволяет сохранять людей этого возраста на рабочих местах и поддерживать на высоком уровне их трудовую и профессиональную активность. Такой сценарий трудовой жизни на пенсии наиболее благоприятен для них. В то же время статистика показывает, что инвестиции работодателей в социальные корпоративные программы, включая образование, невелики — ежегодно не превышают 0,3% от фонда оплаты труда. В законах и государственных программах федерального и регионального уровня отсутствуют меры поддержки тех, кто самостоятельно (без государственных субсидий) инвестирует в образование сотрудников старшего возраста.

В структуре региональной экономики в последние годы активно развивается некоммерческий сектор, производящий широкий спектр услуг и удовлетворяющий разные социально-экономические и социальные потребности региона [9]. Так, существенный вклад в социально-экономическое развитие региона вносит волонтерский труд, и в этом секторе НКО наиболее развиты «серебряные» образовательные практики. К моменту открытия в 2018 году регионального Центра «серебряного» добровольчества на базе Ресурсного центра «Сила Урала» в городах Свердловской области насчитывалось более 7 тысяч волонтеров старшего возраста, которые проходили образовательную подготовку. Цель таких программ — подготовка профессиональных волонтеров по разным направлениям: медицинское, спортивное, юридическое, социально-бытовое, педагогическое и творческое. По сути, профессиональное добровольчество выступает альтернативной формой занятости — некоммерческий сектор не только организует обучение людей «третьего возраста», но и выступает привлекательной для них сферой занятости, поскольку испытывает дефицит квалифицированных кадров (руководителей, бухгалтеров, юристов). Профессионализация сектора НКО влечет за собой увеличение в нем количества людей старшего возраста, обладающих богатым жизненным и профессиональным опытом [12. С. 40].

Проведенное исследование позволило определить не только проблемы образования для людей «третьего» возраста, но и условия его мобилизации

как ресурса регионального развития. Первое условие — формирование концептуального видения «серебряного» образования. Позитивный сценарий развития «серебряной» общности возможен в случае применения в отношении «серебряного» образования системных организационных мер и инвестиций. Конечно, есть риск, что первоочередные меры по спасению национальной и региональной экономики отодвинут на задний план многие социальные, в том числе образовательные, проекты и программы, имеющие отсроченный и неочевидный эффект. Однако если не будет создана концепция системы «серебряного» образования в стране и регионах, а на ее основе — грамотная политика повышения образовательного капитала «третьего возраста», то негативный сценарий будущего людей «третьего возраста» будет реализован с большой степенью вероятности.

Второе условие мобилизации ресурсности «серебряного» образования — привлечение к разработке и реализации его концепции всех заинтересованных акторов — органов власти, работодателей из всех секторов региональной экономики, представителей «третьего возраста» и общественности. Интересы всех социальных акторов должны быть учтены и согласованы в поле «серебряного» образования. Оно также должно быть интегрировано с предыдущими ступенями образования в целях формирования культуры непрерывного образования у всего взрослого населения — это третье условие обеспечит мотивацию и готовность возрастных групп 45+ и предпенсионеров к активной трудовой и общественной жизни.

Перспективы «серебряного» образования определяются прогнозом развития экономики, рынка труда и социокультурной сферы. События 2020 года сломали картину ближайшего будущего российского общества. Потребуется немало интеллектуальных усилий для формирования новой социальной, экономической, культурной реальности и сценария интеграции в нее людей «серебряного» возраста. Мы можем пока только обозначить некоторые тренды, которые необходимо учесть при разработке концепции «серебряного» образования. Прежде всего, это усиление трансформаций рынка труда и мира профессий. Исследователи прогнозируют исчезновение многих профессий, которые обеспечивали глобальную взаимосвязь стран и мобильность (туризм, перевозки, индустрия развлечений, трудовая миграция и др.). Вместе с тем прогнозируется увеличение значимости занятости в общественном секторе и тех профессий, которые могут существовать в удаленном режиме. Для людей «третьего» возраста в этой ситуации кроются как риски, так и возможности, и их баланс должна обеспечить проактивная государственная политика в отношении образования «третьего» возраста, имеющая опережающий и регулирующий характер.

Другой тренд — изменение образования, его уход в тотальный онлайн-формат, который сейчас проходит своеобразную проверку. Ресурсный дефицит актуализирует возможности электронного и дистанционного обучения маломобильных и малоресурсных групп старшего поколения, рассредоточенных

территориально. Возможно, востребованными станут практики взаимного обучения и самообразования, подтвержденные системой признания результатов такого образования [8. С. 117]. Однако онлайн-технологии не являются абсолютной панацеей для «серебряного» образования, их качество и возможности будут протестированы и оценены людьми «третьего» возраста. В быстроменяющейся ситуации трудно строить точный прогноз регионального развития, но мы уверены, что образование останется для «серебряной» общности одним из самых надежных способов повышения ее жизнестойкости.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00096 «Образование как ресурс сохранения и развития социальной общности людей „третьего возраста“».

Библиографический список / References

- [1] *Абрамова Н.Б.* Социологические интерпретации концепции «непрерывного профессионального образования взрослых» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 3 / Abramova N.B. Sociologicheskie interpretatsii kontseptsii “nepreryvnogo professionalnogo obrazovaniya vzroslykh” [Sociological interpretations of the concept ‘continuous professional adult education’]. *Zhurnal Sotsiologii i Socialnoj Antropologii*. 2011; 14 (3) (In Russ.).
- [2] *Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.* Профессиональное образование для людей «серебряного возраста» // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 10 / Ambarova P.A., Zborovsky G.E. Professionalnoe obrazovanie dlya lyudej “serebryanogo vozrasta” [Vocational education for ‘third age’]. *Obrazovanie i Nauka*. 2019; 21 (10) (In Russ.).
- [3] *Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.* Роль образования в сохранении и развитии социальной общности людей «третьего возраста» // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2 / Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Rol obrazovaniya v sohraneni i razviti i socialnoj obshchnosti lyudej “tretiego vozrasta” [The role of education in preserving and developing the social community of the ‘third age’]. *Vestnik PNIPIU. Socialno-Ekonomicheskie Nauki*. 2019; 2 (In Russ.).
- [4] *Вишневецкий А.Г., Щербакова Е.М.* Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 2 / Vishnevsky A.G., Shcherbakova E.M. Demografiya: za i protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [Demography: Pros and cons of raising the retirement age]. *Zhurnal Novej Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2019; 2 (In Russ.).
- [5] *Диденко Д.В., Ключарев Г.А.* О ресурсах российской модернизации: роль непрерывного образования в процессе накопления капиталов // Общество и экономика. 2012. № 11 / Didenko D.V., Klyucharev G.A. O resursah rossijskoj modernizatsii: rol nepreryvnogo obrazovaniya v protsesse nakopleniya kapitalov [Resources of Russian modernization: The role of continuing education in capital accumulation]. *Obshchestvo i Ekonomika*. 2012; 11 (In Russ.).
- [6] *Зборовский Г.Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009 / Zborovsky G.E. *Teoriya socialnoj obshchnosti* [Theory of Social Community]. Yekaterinburg; 2009 (In Russ.).
- [7] *Касьянова Т.И., Воронина Л.И., Резер Т.М.* Образовательный потенциал российских граждан пожилого возраста // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 2 / Kasyanova T.I., Voronina L.I., Rezer T.M. Obrazovatelny potentsial rossijskih grazhdan pozhilogo vozrasta [Educational potential of the Russian seniors]. *Obrazovanie i Nauka*. 2020; 22 (2) (In Russ.).
- [8] *Коршунов И.А., Гапонова О.С., Гапонова Н.С.* Обучение и образование взрослых в контексте экономического развития регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1 /

- Korshunov I.A., Gaponova O.S., Gaponova N.S. Obuchenie i obrazovanie vzroslykh v kontekste ekonomicheskogo razvitiya regionov [Adult training and education in the context of the regional economic development]. *Ekonomika Regiona*. 2019; 15 (1) (In Russ.).
- [9] Мухаметов П.С., Кузьмина О.В. Проблемы развития третьего сектора Свердловской области. Взгляд изнутри // Вопросы управления. 2018. № 3 / Mukhametov P.S., Kuzmina O.V. Problemy razvitiya tretiego sektora Sverdlovskoy oblasti. Vzglyad iznutri [Issues of the third sector development in the Sverdlovsk Region. The insider perspective]. *Voprosy Upravleniya*. 2018; 3 (In Russ.).
- [10] Образование пожилых людей как ресурс развития региона. Омск, 2012 / *Obrazovanie pozhilykh lyudej kak resurs razvitiya regiona* [Education of the Older Generation as a Resource for the Regional Development]. Omsk; 2012 (In Russ.).
- [11] Сорочкин Н.С. Ресурсный подход в изучении роли наемных работников в социальном партнерстве: к методологии исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 1 / Sorokin N.S. Resursny podhod v izuchenii roli naemnykh rabotnikov v socialnom partnerstve: k metodologii issledovaniya [Resource approach in the study of the employees' role in social partnership: Methodology of research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2018; 11 (1) (In Russ.).
- [12] Харитоновна Е.Г. Особенности развития «третьего сектора» в России: профессионализация кадров НКО-сообщества // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1 / Kharitonova E.G. Osobennosti razvitiya “tretiego sektora” v Rossii: professionalizatsiya kadrov NKO-soobshchestva [Features of the ‘third sector’ development in Russia: Professionalization of the NGO staff]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2016; 1 (In Russ.).
- [13] Шаброва Н.В. Государственная образовательная политика в отношении людей «третьего возраста»: проблемы и противоречия // Вопросы управления. 2019. № 3 / Shabrova N.V. Gosudarstvennaya obrazovatel'naya politika v otnoshenii lyudej ‘tretiego vozrasta’: problemy i protivorechiya [Public education policy for the ‘third age’: Challenges contradictions]. *Voprosy Upravleniya*. 2019; 3 (In Russ.).
- [14] *Challenges of Aging: Pensions, Retirement and Generational Justice*. Ed. by C. Torp. Palgrave; 2015.
- [15] Craciun C., Gellert P., Flick U. Aging in precarious circumstances: Do positive views on aging make a difference? *Gerontologist*. 2017; 57 (3).
- [16] Gennaioli N., LaPorta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Human capital and regional development. *Quarterly Journal of Economics*. 2013; 128 (1).
- [17] Heckman J.J. Policies to foster human capital. *Research in Economics*. 2000; 54 (1).
- [18] Hofacker D. Older workers in a globalizing world: An international comparison of retirement and late-career patterns. *Western Industrialized Countries*. Northampton; 2010.
- [19] Istance D. Learning in retirement and old age: An agenda for the 21st century. *European Journal of Education*. 2015; 50 (2).
- [20] Jamieson A. Retirement, learning and the role of higher education. *International Journal of Lifelong Education*. 2016; 35 (5).
- [21] Lessenich S. From retirement to active aging: Changing images of old age in the late twentieth and early twenty-first centuries. *Challenges of Aging: Pensions, Retirement and Generational Justice*. Palgrave; 2015.
- [22] Midtsundstad T., Nielsen R.A. Lifelong learning and the continued participation of older Norwegian adults in employment. *European Journal of Education*. 2019; 54 (1).
- [23] Schmidt-Hertha B., Mueller M. Occupational and educational biographies of older workers and their participation in further education in Germany. *Australian Journal of Adult Learning*. 2017; 57 (3).
- [24] Waltner-Toews D. Life-long education — learning without limits. *Human Capacity for Transformational Change: Harnessing the Collective Mind*. London; 2014.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-939-952

«Silver» education as a resource for regional development*

G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

Mira St., 19, Yekaterinburg, 620002, Russia

(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; borges75@mail.ru)

Abstract. The article considers the educational level, needs and activities of the ‘third age’, and the readiness of the Sverdlovsk Region to develop practices of ‘silver’ education. The object of research — practices of ‘silver’ education in the region and the readiness of pensioners and pre-retirees to participate in them. The research is based on the authors’ concept of ‘silver’ education as a resource for preserving and developing the social community of the ‘third age’. The theoretical framework of the study combines the key ideas of the theories of adult education, continuing education, human capital and resource capacity. Main research methods are analysis of educational and demographic statistics, regulations and government programs, secondary analysis of sociological data, a survey in the Sverdlovsk Region (respondents older than 45 years), and an expert survey. According to the authors’ hypothesis, today the regional system of ‘silver’ education cannot serve as a resource for its development, since neither the ‘third age’ community nor the region is ready for it. The authors present the following main results of the research: interpretation of the ‘third age’ social community and estimates of its educational level; educational needs and activities of the ‘third age’ in the Sverdlovsk Region; the readiness of the region to develop practices of ‘silver’ education. The results of the research can be useful for the public policy in the interests of the older generation and the regional development. The authors conclude that it is necessary to develop a concept of the regional ‘silver’ education system and a corresponding policy for improving the quality of the ‘third age’ educational capital.

Key words: ‘silver’ education; region; social community; ‘third age’; pensioners; pre-retirees; educational capital; resource; educational level; educational needs

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-19-011-00096 “Education as a resource for preserving and developing the ‘third age’”.

* © G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova, 2020

The article was submitted on 15.06.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966

Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании*

А.М. Осипов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. реки Мойка, 48, Санкт Петербург, 191186, Россия

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
ул. Б. Санкт-Петербургская, 41, Великий Новгород, 173003, Россия
(e-mail: osipov.al58@gmail.com)

Избыточность, интенсивность и формализация «бумажной работы» в образовании стали его болезненной стороной: получили распространение образовательная бюрократия и «мания оценивания» при игнорировании социальной миссии образования, бумажный прессинг и бумажный геноцид как барьеры прогресса и управляемости отрасли. В статье представлены итоги межрегионального исследования управленческих информационных потоков в российской системе образования: анализируются материалы репрезентативных опросов и хронометража нагрузок основных должностных групп, экспертные оценки и документооборот в системе образования с позиции теории бюрократии и концепции институциональных функций образования. Так, избыточность информационных потоков в российской школе превышает более чем в 20 раз функциональные потребности управления. Число видов документов, создаваемых учителем, в среднем достигает 95, а их трудоемкость сопоставима с учебной нагрузкой. Основная масса собираемой информации не является достоверной и не используется в институциональных целях, но служит инструментом поддержания управленческого всевластия и избыточного персонала. Источником бумажного прессинга и бумажного геноцида в системе образования стала управленческая стратегия, игнорирующая общественную миссию образования и его социальную эффективность. Эта стратегия выражает бюрократическое недоверие к работникам образования, к возможностям общественно-государственного управления. Утвердившиеся на ее основе практики приводят к нерелевантности, недостоверности и неэффективности информационных потоков, к деформации социальных отношений и профессиональной культуры учительства, к масштабному выгоранию и уходу кадров из образования. Выявленная стратегия управления стала тупиком для российской системы образования, системным препятствием для сохранения ее потенциала и развития в условиях растущей глобальной конкуренции.

Ключевые слова: система образования; управление образованием; бюрократия; бюропатология; информационные потоки; бумажный прессинг; общественная миссия

С термином «бюрократия», возникшим накануне Великой Французской революции для обозначения власти чиновников как группы, связана обширная научная литература [1]. Почти одновременно бюрократия стала рассматриваться не только как совокупность чиновников, относящихся к государственным ведомствам и учреждениям, но и как особый инструмент

* © Осипов А.М., 2020

Статья поступила 16.03.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

формализованного управления нижестоящими уровнями общественной системы. При этом ключевым смыслом в самом термине и социальном феномене бюрократии является ее реальная, всеобъемлющая и неоспоримая власть, возвышение над управляемыми группами и организациями при любом (феодалном, капиталистическом, социалистическом) иерархическом устройстве общества.

Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» развил умозрительные суждения об интеграционной миссии бюрократии [3. С. 213, 311]. К. Маркс с позиций политического анализа раскрыл иную роль бюрократии — она «подменяет реальные цели общества своими формальными целями, государственные задачи превращаются в канцелярские, а канцелярские в государственные» [6. С. 271]. Веберовский «идеальный тип» универсальной технологии управления и соответствующей ей социально-профессиональной группы чиновников в индустриальном обществе [2; 18; 23; 24] тяготеет к суждениям Гегеля. Позже Р. Мертон утверждал, что чиновничество выстраивает механизмы независимости от граждан и даже достигает господства, но из-за приверженности иерархической организации и жестко формализованным нормам управления демонстрирует, по Т. Веблену, «вышколенную недееспособность» к принятию решений, соответствующих потребностям общества [7. С. 326–327]. Чиновничество, добившись независимости от гражданского общества, следует своим групповым интересам настолько жестко, что игнорирует интересы других, и в этом смысле возникает тирания — как наиболее жесткая форма бюрократии [16]. При такой форме власти чиновничество с помощью средств формализации (отчетности, документального сопровождения процессов управления и т.п.) создает имитацию полезной деятельности, но не ограничивается этим. При бюрократии имитация становится наиболее поощряемой формой деловых отношений и профессионально-трудовых взаимодействий, и все управление сводится к выполнению переменчивых канцелярских задач, сформулированных самими чиновниками.

Важной особенностью автономии, тирании и социальной безответственности бюрократии в системе образования является то, что эффективность этой системы, в отличие от реального сектора экономики, объективно отложена во времени. Умозрительное, антинаучное сведение этой отдачи только к нематериальной, духовной жизни лишь усиливает безответственность и тиранию бюрократии. Социология опровергает подобную редукцию, ставя вопрос об институциональных функциях образования [10; 12] и намечая подходы к оценке бюропатологий в образовании. С позиции зарубежных ученых бюропатология выражается в росте безответственности и коррупции, в отчуждении персонала и институтов гражданского общества от выработки решений, в деформации организационно-нормативной структуры и профессиональных культур [22; 25], в болезненном социальном расслоении персонала [19]. Для отечественной науки проблема бюропатологии в образовании является новой и заслуживает проработки по всем институциональным функциям образования и его элементам как

социальной системы [12. С. 108–114, 121–138]. Опираясь на данные специального исследования, обозначим проявления бюрократологий в образовании в трех сферах — информации, экономики и права.

Информационные бюрократологии

Бюрократический менеджмент в недостаточной мере владеет информацией, характеризующей основные процессы и состояния управляемой системы. Недостаточная информированность, при общеизвестной избыточности информационных потоков в образовании, подтверждает нерелевантность этих потоков и отсутствие у отраслевого менеджмента профессиональной компетентности для управления сложной системой образования. Причем недостаточная информированность проявляется в разных — концептуальных, стратегических и инструментальных, прикладных — сторонах управления. Топ-менеджмент не предпринимает усилий к снижению бумажного вала в образовании.

Структура информационно-управленческих потоков имеет серьезные дисфункции: утвержденный Минобрнауки России ведомственный перечень документов в 2018 году включал 1684 вида (группы) документов, из них лишь 11% прямо или косвенно затрагивают образовательный процесс. Современный школьный учитель, работающий на 1,5 ставки, в среднем в неделю тратит на бумажную работу не менее 11 часов, а в течение учебного года создает в среднем 95 видов документов.

Материалы экспертных опросов свидетельствуют, что, во-первых, ни один из менеджеров и специалистов органов управления образованием не владеет развернутым представлением о миссии образования в обществе, т.е. о круге ответственности образования как института (как он влияет на общество, за что отрасль и ее элементы должны нести ответственность перед обществом и государством). Кстати, ни один документ, включая и «Закон об образовании», не содержит общей или строгой научной доктринальной трактовки этой миссии, и организация практической деятельности всего менеджмента оказывается не связана с чем-либо, за что образование отвечает в обществе.

Во-вторых, «совокупный менеджмент» не знает хотя бы приблизительно общего числа видов документов, на регулярной основе создаваемых учителем, а также общего числа видов отчетов, требуемых от нижестоящих органов и организаций (школ). Министр просвещения О.Ю. Васильева на встрече с педагогическими работниками в Новгородском государственном университете в ноябре 2018 года не смогла ответить на вопрос, сколько документов постоянно создает школьный учитель, но сообщила, что скоро учитель будет заполнять всего 3–4 вида документов. Как и министр, все опрошенные руководители и специалисты региональных и муниципальных органов управления образованием не знают, сколько отчетов в год сдают нижестоящие отраслевые органы и организации. Бюрократический менеджмент не систематизирует даже учет и регистрацию продуктов бумажной работы, не говоря уже об их содержательном анализе и профессиональном использовании. В итоге

расчетное отношение числа целесообразных (по официальному перечню) отчетов и их общей массы на уровне школы составляет 1:24.

Экономические бюрократологии

В сугубо экономическом плане бюрократологии в образовании проявляются, во-первых, в якобы «скрытых» от менеджмента и политических элит материально-экономических и финансовых нецелесообразных издержках (потерях) и, во-вторых, в экономически не обоснованных (дисфункциональных) перекосах в осуществляемом менеджментом распределении госбюджетных ресурсов. Правда, общая картина таких бюрократологий требует специальных экономических исследований образования как отрасли, а они в нашей стране не ведутся. В данном случае мы располагаем лишь фрагментарными фактическими и расчетными данными.

Бюджетное финансирование подавляющего большинства муниципальных школ в регионах России (кроме столичного региона и нескольких мегаполисов) исходит из подушевого норматива в сумме 1500 рублей в год на ученика. Этого бюджетного ресурса обычной школе хватает лишь на оплату вывоза мусора, обязательных медицинских осмотров персонала, части приобретаемой литературы и телефонной связи. Отдельными статьями муниципальный орган управления образованием оплачивает коммунальные услуги (водоснабжение, отопление), системы пожарной безопасности и «тревожную кнопку», санитарную обработку школы от вредителей. Все прочие ресурсы школа «изыскивает сама», включая расходы на текущий и косметический ремонт зданий и классных комнат, эстетическое оформление, озеленение и обслуживание пришкольной территории, покупку офисной техники, литературы и канцтоваров, фильтров и питьевой воды, мебели и элементов благоустройства (цветы, кашпо, стенды), командировки персонала и групповые поездки детей, обеспечение внутренних мероприятий. Во всем этом школы, как и прочие учреждения системы образования, вынуждены надеяться на спонсоров и родителей, реже — на гранты.

Заниженные тарифы оплаты труда позволяют учителю высшей квалификации при нагрузке в одну ставку зарабатывать лишь минимальный прожиточный уровень. По экспертным расчетам, в сумме идущих от родителей «добровольных пожертвований», оформляемых типовыми договорами, расходы на бумажную работу учителей составляют ежегодно около 2,5 млрд рублей, а обычная городская школа (с контингентом около 1,3 тысяч человек) в месяц выполняет около 10 тысяч часов уроков и 4,5 тысячи часов бумажной работы силами педагогического и административного персонала. Национальный проект «Образование» (2019–2024) с бюджетом около 150 млрд рублей в год, сконструированный и утвержденный кабинетными специалистами без обсуждения с экспертными сообществами, не предусматривает покрытие описанных выше расходов или решительное улучшение оплаты труда персонала.

Нормативно-правовые бюропатологии

Главное проявление правовых бюропатологий в российском образовании — диспропорции распределения полномочий. Эта патология отражена в зарубежной социологии как «стратификация власти» [12]. Картина распределения этих полномочий имеет вид перевернутой пирамиды, в которой низовой элемент — образовательное учреждение — лишен прав, кроме распределения подушевого фонда. Образовательные организации не могут влиять ни на принципы госбюджетного финансирования, ни на образовательные и профессиональные стандарты, ни на кадровую политику, ни на планирование развития. Но вышестоящие органы управления не защищают школы ни от судебных преследований по искам, находящимся вне юрисдикции школ (например, просрочки платежей за коммунальные услуги), ни от бумажного вала многочисленных ведомств, ни от неадекватно низких уровней оплаты труда и массовых перегрузок учебной и бумажной работой, тем самым вызывая массовое выгорание персонала.

Минобрнауки присвоило себе к 2015 году около двухсот полномочий, выходящих за рамки «Закона об образовании» [5. С. 34]. Сверхконцентрация власти топ-менеджмента сочетается с отсутствием реальной ответственности как за результаты образовательной политики, так и за злоупотребления и правонарушения.

Ниже описаны общие социально-системные проявления бюропатологии — на основе фактов и научных оценок, в том числе «теории праздного класса» и «вышколенной недееспособности» бюрократии (Т. Веблен), «профессионального психоза» (Дж. Дьюи), дисфункций бюрократии (Р. Мертон). Это описание механизмов бюропатологий в системе образования позволяет анализировать их глубинные причины, а также способы их предотвращения.

1. Уход топ-менеджмента от ответственности, в том числе индивидуальной, коллективной и ведомственной, правовой и моральной. Бюропатология проявляется в легитимированной безнаказанности, например, за провальное руководство национальной системой образования. Безнаказанность противоречит, как правило, публичным выводам экспертных сообществ и научных форумов, которые бюрократический топ-менеджмент игнорирует многие годы (пример — критика проекта «модернизации образования»). Такой уход возможен потому, что ключевым критерием успешного топ-менеджера в бюрократическом понимании является не достижение заявленных целей или количественных и качественных макросоциальных результатов, а неукоснительное исполнение утвержденных свыше нормативов (законов, регламентов, планов работ и мероприятий, установленных сроков принятия мер, должностных и организационных инструкций).

Такой уход возможен в условиях анонимности, деперсонализации принимаемых решений и программ. Характерным примером деперсонализации служит национальный проект «Образование» с бюджетом в 784,5 млрд рублей (на 2019–2024 годы). В Паспорте проекта сообщается дата его принятия

и орган, утвердивший данную версию (Президиум Госсовета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам), но на 94 страницах нет указания, кем был разработан проект, проходил ли он широкое обсуждение, независимую экспертизу. Паспорт проекта, содержащий десять федеральных проектов, в случае предварительного обсуждения или экспертизы наверняка вызвал бы опровержения целесообразности и достижимости поставленных в нем задач.

Уход от правовой и социально-нравственной ответственности облегчается сверхвысокой концентрацией полномочий бюрократического менеджмента, при которой принимаемые им решения и соответствующие процедуры не выносятся на обсуждение институтов гражданского общества — для получения своевременных и строгих профессиональных экспертных оценок. Уход от ответственности облегчен независимостью бюрократии от общества, отсутствием развитых практик государственно-общественного управления и научной экспертизы вопреки колоссальному экспертному потенциалу современной российской науки. Образовательная бюрократия, по сути, продлевает свою монополию на выработку и принятие общественно значимых решений в управлении образованием и в распределении общественных ресурсов, выделяемых государством на цели образования. Но при этом она не обеспечивает достижение целей общества в вопросах качества, эффективности и доступности образования, конкурентоспособности системы образования с учетом ее потенциала. Пользуясь присвоенными властными полномочиями, бюрократия практикует закрытую кадровую политику, в основе которой — поддержание личной преданности менеджера вышестоящему руководителю и сплоченности управленческой команды (аппарата), а не профессиональные качества и опыт.

2. Топ-менеджмент, опираясь на присвоенные полномочия, угнетает творческую активность и инициативность персонала сети органов и учреждений системы образования, чем существенно ослабляет интеллектуальный потенциал всей отрасли. Ушли в далекое прошлое регулярные уездные, губернские и республиканские съезды учителей и научно-практические конференции по животрепещущим вопросам, в которых ключевую роль играли коллективное профессиональное мнение и самоорганизация учителей или исследователей образования, а не головные учреждения или бюрократические органы управления. И хотя в стране проходят сотни вузовских, межрегиональных, республиканских и международных научно-практических конференций педагогического профиля, ни одна из них за последние два-три десятилетия не поднимала в качестве центральных вопросы социальной ценности педагога, его профессиональных нагрузок, справедливой оплаты труда, качества управления, бумажного прессинга в образовании. Отсутствие внимания к этим вопросам, в том числе в педагогических журналах, выражает позицию большинства авторитетных исследователей и руководителей академической и вузовской педагогики и их зависимое положение в отраслевой иерархии.

Исчезает роль коллегиальных форм профессионального обсуждения насущных проблем, аналитической работы по наиболее сложным сюжетам развития и экспертных рекомендаций в области образовательной политики. Почти единственной формой делегированного представительства стали районные и областные «августовские педсоветы» — жестко спланированные мероприятия с официальными презентациями, повестку которых диктует вышестоящий орган управления, т.е. топ-менеджмент подавляет возможную критику негативных результатов бюрократического управления.

3. Неспособность топ-менеджмента к достижению позитивных, тем более прорывных результатов в образовании, институциональной эффективности образования. Эта неспособность вытекает из подмены управленческих компетенций топ-менеджмента: политические элиты законодательно утверждают в этих компетенциях и на практике закрепляют приоритет универсального менеджмента, игнорирующего стаж и опыт работы на разных должностях в отрасли, основательную научно-теоретическую подготовку и понимание общественной миссии (институциональных функций) образования, достигнутый личный профессиональный авторитет работника. Универсальный менеджмент сводит эти компетенции к документальному достижению показателей, намеченных вышестоящим органом управления.

В структуре бюрократического управления отсутствуют функциональные подразделения, ответственные за экспертную оценку деятельности подведомственной отрасли, включая оценку эффективности управления. Такая ответственность перекладывается на внешние экспертные ведомства вроде счетных палат разных уровней — внешняя критическая экспертная оценка поступает с опозданием. Так, российское общество лишь в 2019 году узнало из сообщений Счетной палаты о том, что министерства, ответственные за развитие образования и науки, являются самыми закрытыми в информационном плане из более чем двадцати федеральных ведомств.

Бюропатология заставляет обратить внимание на две взаимодействующие профессиональные группы — управляемых и управляющих. Первая — масса рядовых работников образования (учителя, преподаватели, учебно-вспомогательный персонал) — составляет социальную базу отрасли, вторая (менеджеры) не ведет образовательную деятельность, но занимает вершинное положение в отраслевой иерархии. Нельзя понять разносторонние, абсурдные и застойные проявления бюропатологии, если не рассматривать менеджеров как сплоченную группу, чьи интересы расходятся с общественными потребностями, экспертным знанием и даже здравым смыслом. Бюропатология отчасти освещена в отечественной и зарубежной литературе: вскрыты рост нерациональной деятельности и пустой бумажной работы, спад экономической эффективности и управляемости, деформации профессиональных отношений и ответственности [14; 20; 22; 25].

Однако корпусу менеджеров несвойственна социально-экономическая однородность. Строго иерархическое распределение полномочий порождает

реальное расслоение в этом корпусе, однако жесткая и детальная регламентация всей совокупности профессиональных практик на уровне учреждений и должностей приучает к сплоченности и беспрекословной норме «начальник всегда прав». Повседневные ситуации ценностного диссонанса в содержании этих практик могут вести к социально-нравственной аномии и личностно-ролевым конфликтам. Для их компенсации у менеджеров одного уровня возникают локальные неформальные сообщества с признаками интеллектуальной независимости и иронии в отношении господствующих практик. Эти сообщества готовы хотя бы отчасти защищать ценности отраслевой профессиональной культуры даже вопреки давлению иерархической структуры. Но публичные отступления от иерархической лояльности означают индивидуальную дезадаптацию в этой структуре и влекут выпадение работников из нее.

Национальная бюрократия, по мнению зарубежных социологов критического (конфликтологического) направления, включена в реализацию стратегии «теневых хозяев образовательной политики» и управляемого «всемирного общества» [17]. Такие предостережения высказывались и ведущими российскими учеными — по поводу перевода системы образования на рыночные рельсы [5; 9]. Не трактуя ситуацию в жанре теории мирового заговора, напомним, что наднациональные финансово-рыночные структуры, как и аффилированные с ними политические и экспертные институты, поддерживали кредитами и грантами реформы национальных систем образования в неолиберальном направлении. «Наднациональные организации прямо вступили в борьбу с национальными и общественными организациями за контроль над образованием», а конкурентоспособность национальных экономик, кроме мировых лидеров, сокращалась [21. С. 289], что доказывает слабость образовательной бюрократии. Известным исключением служит Финляндия, сумевшая удержать школьную систему от неолиберального реформирования и сохранить лидирующие позиции в образовании [4. С. 217–252].

Если ключевым признаком идеального типа бюрократии в российском образовании служит некая универсальная технология управления, то ее существенной чертой является закрытость для общества [11], а также игнорирование базовых теорий образования и основ научного управления, важнейший элемент которого — предварительная экспертиза и апробация системных нововведений. Вместо экспертизы бытует научная критика последствий бюрократических программ модернизации образования в России.

Еще в начале XX века М. Вебер отнес учителей к полупрофессионалам из-за отсутствия у них сильной социальной организации, контроля над отраслевыми стандартами, механизмами профессионализации и принятием решений, влияния на жизнь «клиентов» (что отличает учительство от «подлинных профессионалов», например, врачей, юристов, военных специалистов). Признаки полупрофессионализма прорабатываются в зарубежной социологии профессий [23]: считается, что в среде учительства они не преодолены ни в индустриальном обществе [15], ни в информационном [23]. Эти признаки присущи и

российскому учительству [8; 12], т.е. полупрофессионализм кроется либо в природе профессии, либо в насыщенной патологиями отраслевой среде.

Рассмотренные выше проявления бюропатологий в образовании могут быть поняты и оценены в контексте соотношения нормы (оптимального функционирования образования как отрасли) и отклонений. Такое понимание основано на «общей теореме» Р. Мертона о соответствии структуры (организации) ее функциям [7. С. 183] и на концепции институциональных функций образования [10]. Ситуация в образовании с начала XXI века усугубляется бумажным прессингом. Его патологическое следствие — отступление большинства персонала отрасли перед немногочисленной, но сплоченной «бумажной армией» и принятие авторитарных по форме и неолиберальных по содержанию трансформаций. Даже эффективные учителя проигрывают и уходят из системы бюрократического оценивания [26]. «Бумажный прессинг и бумажный геноцид... достигли такой фазы, которая предшествует прорыву благостных бюрократических покровов, опутывающих и обездвигивающих всю систему образования — наследницу некогда лучшей в мире советской, российской школы» [5. С. 198]. Бумажный прессинг обусловлен рядом освоенных бюрократией теорий неолиберального толка: рыночной глобализации, глобальной интеграции и стандартизации, отмирания национально-государственной специфики, компетентностного и вариативного обучения. Сплоченность бюрократии связана с ее стремлением сохранить властные привилегии и полномочия в распределении ресурсов и проявляется в корпоративной самозащите.

Разные источники рисуют удручающую картину бумажного прессинга. Попытаемся оценить по результатам межрегионального исследования [5. С. 173–197, 207–214], которое позволяет судить об объемах, структуре и степени избыточности информационных потоков, основных противоречиях бумажной работы, моделях и ценностях, укореняющихся в профессиональной среде при бюропатологии. Предпосылкой эффективного управления образованием является научное определение границ ответственности этой подсистемы в обществе. В социологии эти границы описываются комплексом институциональных функций [5. С. 114–152], однако труды по образовательному менеджменту обходят их стороной. Соотнесенность управленческих стратегий и информационных потоков с комплексом функций — один из критериев научного управления и условие его эффективности. Игнорирование научных основ обрекает управление на слепоту «универсального» менеджмента, совпадающую, однако, с его групповыми интересами [5. С. 153–172]. Рассмотрим основные противоречия «бумажной работы».

1. Избыточный и скрытый характер бумажной работы обусловлен ее ненормированным форматом, выполнением как в рабочее, так и в нерабочее время, в сочетании с преподаванием, отдыхом, досуговым общением, питанием и пр. В отношении бумажной работы нет документов с перечнем ее видов и стандартов, технологических рекомендаций, нормативов расхода

времени, регламентов контроля. Учителя при большой нагрузке стремятся к максимальной экономии времени и любые его лакуны наполняют привычной «писаниной» документов, учитываемых администрацией школы. Около половины бумажной работы ведется в сочетании с уроками, отдыхом и другими видами домашней жизнедеятельности. Ее «скрытый» характер ложится экономическим грузом на родителей обучающихся. При государственном недофинансировании школ расходы на покупку канцелярских товаров и офисной техники, как и ее обслуживание, покрываются «добровольными взносами» родителей. В итоге городская школа с контингентом в 1300 обучающихся организует ежемесячно около 10 тысяч часов аудиторных занятий детей и около 4,3 тысяч часов бумажной работы. Несколько более приемлемые пропорции наблюдаются в сегменте профессионального образования.

2. Сведение большей доли бумажной работы к регистрации ее продуктов — неизбежное следствие ее избыточных объемов. В крупной городской школе учителя создают за год около 320 тысяч страниц «внутренних» документов, на простую вычитку которых (по 100 страниц в день) нужно 13 работников, в масштабе страны — 172 тысячи дополнительных ставок. Поэтому естественно, что анализ информации подменяется неполным учетом документов, что хорошо известно на местах. Принуждение образовательных организаций к созданию всяческих отчетов превратилось в межведомственную традицию, а бумажный прессинг — в тяжелое, трудоемкое занятие для менеджмента.

3. Слабая упорядоченность и нерелевантность информационных потоков влекут крупные потери материальных, человеческих ресурсов и времени при общей хронической трудовой перегруженности, что признается большинством работников и администраторов. Не существует регламента для трафика информационных обменов в системе образования — он становится круглосуточным («мы оводсапились»), но сохраняется жесткое администрирование в отношении нижестоящих уровней и наказания за нарушения сроков отчетности, например на портале «дневник.ру», что усиливает напряженность в учительских коллективах. Нет и ведомственных ограничений объема информационных потоков. В городской школе число регистрируемых за год «входящих» составило 1903 (11 тысяч страниц), «исходящих» — 1200. По мнению большинства школьных администраторов, за последние два–три года объем отчетности возрос в несколько раз. В низовых звеньях системы значительная часть сообщений «сверху» воспринимается как информационный шум. Около половины всей управленческой информации является дублирующей. В итоге 80% персонала считает, что бумажная работа плохо организована и мешает работе системы образования.

4. Скрытое сопротивление работников, трудовых коллективов, локального менеджмента тяготам «бесполезной» бумажной работы проявляется в методах подлога — «кооперации», шаблонизации документов, «взятию сведений с потолка». В школе учитель должен составить больше десяти рабочих программ, но «кооперация» позволяет ему вдвое-втрое снизить бумажный

прессинг; шаблоны давно представлены в социальных сетях — признание бесполезности бумажной работы заставляет закрывать глаза на такой массовый подлог. При достижении критической массы негативного восприятия бумажной работы может возникать общее психологическое отторжение отчетности как необходимого элемента профессиональной и корпоративной деятельности, приобретающее устойчивые коллективные формы и практики.

5. Невозможность проверки продуктов бумажной работы и их низкая достоверность осознается всеми, кто создает документы и «ставит галочки». В отношении низкой достоверности многих продуктов бумажной работы (кроме финансовой, кадровой и материально-технической отчетности) сложился консенсус основных групп персонала. Лишь каждый четвертый администратор школы считает, что работник, не выполнивший своей бумажной работы, заслуживает служебного наказания. Однако при этом успешная отчетность ценится учителями вдвое выше действительных результатов обучения, что говорит об определенном распаде ценностного ядра профессиональной культуры учительства. Менеджеры системы образования, зная о недостоверности бумажной работы, и не стремятся анализировать все ее продукты, по сути, считая их макулатурой.

6. Бумажная работа превратилась в предмет особых моделей и стратегий в межличностных и профессиональных отношениях. Большинство субъектов образовательной системы (88%) считает, что эта работа не оплачивается должным образом, причем сохраняется многократная разница в средней недельной длительности бумажной работы учителей. В отдельных школах (во всех регионах) менеджмент планомерно минимизирует бумажную работу: улучшает обеспечение офисной техникой, ведет обучение передовым методам документооборота, оптимизирует внутренние информационные потоки, что, впрочем, лишь отчасти снижает бюрократический бумажный прессинг. С другой стороны, организация бумажной работы используется как инструмент социального контроля: подчас администратор закрывает глаза на недостатки продуктов бумажной работы, а в иных же ситуациях «придирами» к этим продуктам принуждает подчиненных к лояльности. В итоге одни «тянут ляжку» по 20–30 часов в неделю, другим «сходит с рук» небрежность при 4–6 часах бумажной работы.

7. Избыточность бумажных нагрузок в целом осуждается, но не порождает ни управленческого действия, ни социального движения и тем более «взрыва». Общая пассивность в отношении бумажного прессинга объясняется его неравномерностью в разных группах персонала и отчасти его скрытым характером. Бюрократия также использует преданность педагогов своей профессии, мобилизуя их терпение и оправдывая бумажный прессинг инновационными процессами в образовании и обществе.

8. Массовое выгорание персонала, прежде всего учителей, стало социальным следствием бумажного прессинга в системе образования. Этому выгоранию сопутствует неудовлетворенность государственной образовательной

политикой. Бумажный геноцид среди мотивов ухода из профессии вышел на первое место наряду с неудовлетворенностью оплатой труда, и приток молодых учителей в школы лишь замещает выбывающих из профессии, но не устраняет дефицит учителей.

Персонал системы образования, включая менеджеров разных уровней, уже привык к неизбежной абсурдности управленческих информационных потоков. Миллионы людей с вузовскими дипломами и учеными степенями, стремясь сохранить любимую работу и профессионально-трудовые позиции, перестают сопротивляться иррациональному всевластию топ-менеджмента и той стратегии образовательной и научной политики, которая противоречит сохранению и развитию интеллектуального потенциала российского общества. Информационно-управленческие потоки в российском образовании вошли в состояние кризиса, перестали служить коррекции образовательной политики и, при огромных затратах на их поддержание и низкой достоверности, постоянно создают колоссальные объемы неиспользуемых документов. Корень проблемы скрыт в бюрократической концентрации полномочий топ-менеджмента, выражающей его групповую заинтересованность и противоречащей интересам развития системы образования. Информационные потоки демонстрируют целый комплекс бюрократических патологий: выходят за рамки миссии и ответственности образования, содержат институциональные дисфункции и «шумовые» перегрузки, недостоверны и неэффективны для обеспечения качества образования и управления системой образования, служат орудием административного прессинга и имитации управляемости.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00047.

Библиографический список / References

- [1] Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М., 2009 / *Burokratiya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni* [Bureaucracy in the Contemporary World: Theory and Reality]. Ed. by V.N. Shevchenko. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [2] Вебер М. Политика как призвание и как профессия // Избранные произведения. М., 1990 / Weber M. Politika kak prizvanie i professia [Politics as a vocation]. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [3] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990 / Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [4] Глобальная социология образования / Под ред. А.М. Осипова. Великий Новгород, 2015 / *Globalnaya sotsiologiya obrazovaniya* [Global Sociology of Education]. Ed. by A.M. Osipov. Veliky Novgorod; 2015 (In Russ.).
- [5] Информация в управлении образованием: теоретические проблемы / Под ред. А.М. Осипова, П.А. Бояджиевой. СПб., 2019 / *Informatsiya v upravlenii obrazovaniem: teoreticheskie problemy* [Information in Educational Management: Theoretical Issues]. Ed. by A.M. Osipov, P.A. Boyadjieva. Saint Petersburg; 2019 (In Russ.).
- [6] Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1 / Marx K. K kritike gegelevskoi filosofii prava [Contribution to the critique of Hegel's philosophy of law]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Moscow; 1955. Vol. 1 (In Russ.).

- [7] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006 / Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [8] Осипов А.М. Учителство в контексте социологии образования // Социологические исследования. 2018. № 3 / Osipov A.M. Uchitelstvo v kontekste sotsiologii obrazovaniya [Teachers in the context of sociology of education]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 3 (In Russ.).
- [9] Осипов А.М. «Троянские кони» нелиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. № 8 / Osipov A.M. “Trojanskije koni” neoliberalizma v obrazovanii [“Trojan horses” of neoliberalism in education]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 8 (In Russ.).
- [10] Осипов А.М., Иванова В.А. Институциональные функции — пороговая проблема социологии образования // Социологические исследования. 2016. № 1 / Osipov A.M., Ivanova V.A. Institutsionalnye funktsii — porogovaya problema sotsiologii obrazovaniya [Institutional functions — a threshold challenge of contemporary sociology of education]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 1 (In Russ.).
- [11] Открытость государства в России. Экспертный доклад / Otkrytost gosudarstva v Rossii [Openness of the State in Russia. Expert Report]. URL: <http://audit.gov.ru/page/government-openness> (In Russ.).
- [12] Социология образования / Под ред. А.М. Осипова. М., 2019 / *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education]. Ed. by A.M. Osipov. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [13] Шереги Ф.Э. Педагоги общеобразовательных организаций: труд или повинность? // Социологические исследования. 2016. № 1 / Sheregi F.E. Pedagogi obshheobrazovatelnykh organizatsiy: trud ili povinnost? [Teachers of educational organizations: Labor or duty?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 1 (In Russ.).
- [14] Bennett J.T., Johnson M.H. Paperwork and bureaucracy. *Economic Inquiry*. 1979; 17 (3).
- [15] Entzoni A. *The Semi-Professions and Their Organization: Teachers, Nurses, Social Workers*. New York; 1969.
- [16] Fitzgerald T. The tyranny of bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*. 2009; 37 (1).
- [17] Hartman E. The shadow sovereigns of global education policy: A critique of the world society approach. *Journal of Education Policy*. 2019; October.
- [18] Kvachev V. From Weberian bureaucracy to networking bureaucracy. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (2).
- [19] Lee E.M. “Where people like me don’t belong”: Faculty members from low-socioeconomic-status backgrounds. *Sociology of Education*. 2017; 90 (3).
- [20] Lumby J. Distributed leadership and bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*. 2017; 47 (1).
- [21] McGinn N. The impact of supranational organizations on public education. *International Journal of Educational Development*. 1994; 14 (3).
- [22] Parlar H., Cansoy R. The effect of bureaucratic school structure on teacher leadership culture: A mixed study. *Educational Sciences: Theory and Practice*. 2017; 17 (6).
- [23] Saks M.M., Adams T.L. Neo-Weberianism, professional formation and the state: Inside the black box. *Professions and Professionalism*. 2019; 9 (2).
- [24] Serpa S., Ferreira C.M. The concept of bureaucracy by Max Weber. *International Journal of Social Science Studies*. 2019; 7 (2).
- [25] Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility. *Curriculum Inquiry*. 2018; 48 (5).
- [26] Wronowski M.L., Urick A. Examining the relationship of teacher perception of accountability and assessment policies on teacher turnover during NCLB. *Educational Policy Analysis Archives*. 2019; 27.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966

Bureaupathology and paper pressing in the Russian education*

A.M. Osipov

Hertzen Russian State Pedagogical University
Moika River Emb., 48, Saint Petersburg, 191186, Russia

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
B. St. Petersburg St., 41, Veliky Novgorod, 173003, Russia
(e-mail: osipov.al58@gmail.com)

Abstract. The redundancy, intensity and formalization of ‘paperwork’ in education have become its painful feature: educational bureaucracy and ‘evaluation mania’ ignore the social mission of education, paper pressure and paper genocide are barriers to its progress and manageability. The article presents the results of an interregional study of managerial information flows in the Russian education system: it analyzes data of representative surveys and timing of the workloads of the main personnel groups, expert assessments, document flows in the education system in the perspective of the theory of bureaucracy and institutional functions of education. Thus, the redundancy of information flows in the school system exceeds the functional needs of management by more than 20 times. The number of the types of documents written by the teacher reaches 95 on average, and their labor intensity is comparable to teaching. Most of the collected information is not reliable and is not used for educational purposes; it is rather a means to ensure the managerial omnipotence and excess personnel. The key source of paper pressure and paper genocide in the education system is the management strategy that ignores the social mission of education and its social efficiency. This strategy expresses bureaucratic distrust to educators and to the possibilities of public-private administration. Practices based on this strategy lead to irrelevant, unreliable and ineffective information flows, deformed social relations and professional culture of teachers, their widespread burnout and outflow from education. The identified management strategy is a dead end for the Russian education system and an obstacle for preserving its potential and development under the growing global competition.

Key words: education system; education management; bureaucracy; bureaupathology; information flows; paper pressing; social mission

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00047.

* © A.M. Osipov, 2020

The article was submitted on 16.03.2020. The article was accepted on 22.05.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976

Антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности*

А.П. Вихрян¹, М.В. Федоров²

¹Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук
ул. Гарибальди, 21б, Москва, Россия, 117335

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: michalich2005@rambler.ru; fedorovrudn@mail.ru)

В статье рассмотрена актуальная научная проблема, имеющая выраженную практическую направленность и связанная с антикоррупционным просвещением молодежи, которое позиционируется авторами в качестве важного фактора обеспечения социальной (общественной) безопасности как неотъемлемой части национальной безопасности. Авторы определяют антикоррупционное просвещение как специфический вид деятельности органов власти и институтов гражданского общества, направленный на повышение осведомленности населения о негативно-социальной сути коррупции, правовом и социальном механизмах противодействия ей, а также формирование основ антикоррупционного мировоззрения в качестве элемента «социального иммунитета» граждан. В последнее время появилось множество публикаций по проблематике антикоррупционного просвещения, в том числе молодежи. Они затрагивают разные его аспекты, анализируют практические проблемы, связанные с его реализацией, выявляют его эффективность, показывают роль правоохранительных органов в антикоррупционном просвещении молодежи и т.п. Однако до сих пор представители научно-экспертного сообщества не рассматривали его под тем углом зрения, что представлен в статье. Авторы, являясь членами Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля», трактуют антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности, как важный инструмент профилактики радикализации сознания молодежи. Именно эта радикализация питает экстремизм и терроризм, которые выступают в качестве реальных угроз социальной безопасности. В статье содержатся конкретные рекомендации по развитию законодательной базы антикоррупционного просвещения. Авторы считают, что органам государственной власти и институтам гражданского общества следует более активно (и неформально) вовлекать в антикоррупционное просвещение молодежно-студенческое сообщество, продуманно и грамотно использовать научно-творческий потенциал молодежи.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение; молодежь; коррупция; социальная безопасность; институты гражданского общества; радикализация

Сегодня коррупция представляет собой поистине глобальную проблему. Возникнув одновременно с институтом государства, коррупция — в различных видах и формах — существовала во все эпохи и у всех народов. Ни одному обществу на протяжении ни одного исторического периода не удалось

* © Вихрян А.П., Федоров М.В., 2020

Статья поступила 01.06.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

избежать ее. Коррупции подвержены все формы управления, причем ее проявления варьируют от мелкого использования влияния для оказания услуг до институционального взяточничества, подчиняющего своим правилам все государство.

Несмотря на то, что в России базовый закон о противодействии коррупции был принят еще в декабре 2008 года, положив начало формированию полноценного антикоррупционного законодательства и Национальных планов противодействия коррупции (принимаются, как правило, на два года), коррупция остается для российского государства и общества серьезной проблемой. В пункте 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года, коррупция отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности, а главная цель обеспечения социальной (общественной) безопасности — сохранение социально-политической стабильности [13. С. 5].

Государственная власть в последние годы прилагает значительные усилия в борьбе с коррупцией и экстремизмом, но вместо снижения уровня коррупции сохраняется тенденция ее роста, усиливается ее влияние на радикальные и экстремистские настроения. Причиной роста экстремизма, кроме безработицы, является и коррупция в органах власти [10. С. 41, 43]. На наш взгляд, в реалиях современной России нельзя не принимать во внимание серьезное воздействие коррупционных проявлений на поведение граждан, особенно молодежи. Выступая в качестве одного из ключевых факторов социальной аномии, коррупция подрывает основы общественной безопасности, которая является составной и неотъемлемой частью национальной безопасности.

Более того, коррупция как крайне негативный социально-политический феномен играет роль своеобразного «козыря» («неубиваемого» аргумента — «все куплено!»), которым пользуются представители экстремистских организаций в рекрутинге (вербовке) новых сторонников. В ходе «промывки мозгов» потенциальных «неофитов», как правило, при помощи новейших телекоммуникаций, создающих виртуальную реальность (социальных сетей), они делают упор на коррупцию, стремясь доказать молодому человеку, что у него нет никаких шансов стать успешным, подняться в социальном лифте в «насквозь коррумпированном» обществе. Тем самым новоявленные и подозрительно заботливые «учителя жизни» стараются привнести в неокрепшее сознание молодого человека ложные идеологемы экстремистской идеологии, концептуальный вектор которых обычно направлен на акцентирование «несовершенств окружающего мира», «социальной несправедливости» и т.п.

Таким образом, коррупция — один из концептов, активно эксплуатируемых в экстремистской деятельности («информационный экстремизм»). Коррупция наносит колоссальный морально-духовный ущерб представителям молодежи, которые в силу специфики психосоциального развития остро воспринимают социальную несправедливость и несовершенства окружающего мира, что служит исходным и существенным мотивационным моментом для

радикализации сознания молодых людей. Радикализация, в свою очередь, подпитывает экстремистское мировоззрение и крайние формы его проявления — терроризм. Оба социально-политических феномена представляют серьезные угрозы для социальной (общественной) безопасности [7. С. 74–78; 8. С. 60–82; 11], что нашло отражение в Концепции общественной безопасности 2013 года.

Одной из востребованных форм участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции является антикоррупционное просвещение, а также формирование основ антикоррупционного правосознания молодежи в русле государственной политики, направленной на усиление в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. На наш взгляд, сегодня антикоррупционное просвещение возведено в ранг государственной политики, о чем наглядно свидетельствует, в частности, распоряжение Правительства «Программа по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2019 год», принятая 29 января 2019 года. В числе запланированных мероприятий: разработка Концепции антикоррупционного воспитания (формирования антикоррупционного мировоззрения у обучающихся) и плана ее реализации; проведение открытых уроков и классных часов с участием сотрудников правоохранительных органов; размещение на портале «Российская электронная школа» перечня фильмов антикоррупционной направленности; проведение специальных вебинаров для родителей. Однако следует отметить, что базовый Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года не содержит понятия «антикоррупционное просвещение», а также «антикоррупционное воспитание» и «антикоррупционная пропаганда».

Мы провели анализ антикоррупционного законодательства всех субъектов Российской Федерации, чтобы выявить в региональных антикоррупционных законах понятие «антикоррупционное просвещение» и его определения. Как показали результаты анализа, в 17 субъектах (20%) антикоррупционное законодательство содержит понятие «антикоррупционное просвещение»; из 85 субъектов только 10 (12%) имеют антикоррупционные законы, в которых зафиксировано определение этого понятия — Республики Алтай и Дагестан, Чувашская Республика, Архангельская, Белгородская, Брянская, Воронежская, Новосибирская, Омская область и Ненецкий автономный округ. В антикоррупционных законах Республики Карелия, Костромской и Ярославской областей не содержится определение антикоррупционного просвещения, но указано, в каких целях (формирование антикоррупционного мировоззрения, нетерпимости к коррупционному поведению, повышение уровня правосознания и правовой культуры) и посредством чего оно осуществляется (антикоррупционное образование и антикоррупционная пропаганда). В Законе «О регулировании отдельных вопросов противодействия коррупции в Рязанской области» понятие «антикоррупционная пропаганда» отождествляется с пропагандой; в Законе «О дополнительных мерах по противодействию коррупции в Санкт-Петербурге» антикоррупционное просвещение трактуется в

качестве обобщенного понятия, включающего в себя антикоррупционное образование, антикоррупционную пропаганду и информирование о противодействии коррупции. В тексте антикоррупционных законов Республики Бурятия и Свердловской области содержится только упоминание антикоррупционного просвещения. Зачастую вместо термина «антикоррупционное просвещение» применяются понятия «антикоррупционное образование» и «антикоррупционная пропаганда», хотя они не идентичны.

Представляется интересным уточнение базовых концептов-оснований, используемых региональным законодателем при конструировании того или иного определения. Например, в дефинициях антикоррупционного просвещения в антикоррупционных законах Чувашской Республики, Брянской, Воронежской, Новосибирской, Омской и Рязанской областей в качестве концепта-основания выступает понятие «деятельность», т.е. при формулировании законодательных определений был использован так называемый «деятельностный подход». В аналогичных дефинициях в антикоррупционном законодательстве Республики Алтай, Архангельской области и Ненецкого автономного округа базовым стало понятие «распространение» (знаний, информации). В антикоррупционных законах Республики Дагестан и Белгородской области роль основания играет понятие «процесс» (обучения и воспитания). Следовательно, контент-анализ определений понятия «антикоррупционное просвещение» в региональном законодательстве показывает отчетливую дифференциацию методических подходов, но в большинстве определений используется деятельностный подход.

В последнее время появилось значительное количество публикаций по проблематике антикоррупционного просвещения — они затрагивают разные аспекты этого специфического вида социальной деятельности [1]. Большинство авторов анализируют практические проблемы, связанные с реализацией антикоррупционного просвещения, выявляют его эффективность, показывают роль правоохранительных органов в антикоррупционном просвещении молодежи, анализируют зарубежный опыт и т.п. Некоторые исследователи рассматривают одновременно антикоррупционное просвещение и антикоррупционное воспитание [5. С. 47–53; 12. С. 188–190].

Следует подчеркнуть, что среди представителей научно-экспертного сообщества (как правило, юристов) доминирует точка зрения, согласно которой антикоррупционное просвещение носит правовой характер, например, представляет собой «систему распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленную на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры» [6. С. 49]. На наш взгляд, это утверждение носит дискуссионный характер, поскольку, кроме юридической формулировки «в отношении неопределенного круга лиц»,

приведенное определение ничем не отличается от определений социологического или политологического плана. Более того, наличие в ней таких категорий, как мировоззрение, сознание, культура, в полной мере детерминирует отнесение данного определения к разряду философских, социокультурных или психологических.

Существует мнение, что антикоррупционное просвещение следует рассматривать в тесной связке с правовым просвещением — как «в широком плане процесс передачи информации юридического содержания» [3. С. 107]. На наш взгляд, трудно согласиться с этим тезисом, поскольку как раз «в широком плане» антикоррупционное просвещение целесообразно рассматривать шире, чем просто в качестве «процесса передачи информации юридического содержания». Чтобы добиться максимальной эффективности антикоррупционного просвещения, следует организовать системное и постоянное распространение знаний, имеющих междисциплинарный (мультидисциплинарный) характер. Ведь важны не только юридические знания из сферы антикоррупции (хотя никто не возражает против их приоритета), но и достоверные сведения, например, исторического плана, раскрывающие истоки коррупции. А разве не важны философские знания о сути коррупции как социального феномена? Почему мы должны отказываться от использования в антикоррупционном просвещении, прежде всего молодежи, политологических знаний или социологической информации (опросов на антикоррупционную тематику)? Более того, игнорирование того или иного пласта знаний может привести (и уже приводит) к искажению достоверной и целостной информационной панорамы, связанной с раскрытием природы коррупции. Например, потенциальный отказ от использования результатов исследований психологов не позволит создать достоверный обобщенный психологический портрет коррупционера и/или корруптера.

Кроме того, попытка придать тождественный характер понятиям «антикоррупционное просвещение» и «правовое просвещение» не оправдана и с научных позиций. В частности, в антикоррупционном законодательстве Калининградской, Калужской и Тульской областей содержится упоминание о правовом просвещении в контексте противодействия коррупции. Но в антикоррупционных законодательных актах понятие «правовое просвещение» применяется в самостоятельном значении и не увязано с антикоррупционным просвещением. По мнению ряда авторов, последнее представляет собой деятельность компетентных субъектов правоотношения (представителей органов государственной и муниципальной власти), направленную на антикоррупционное воспитание и образование при помощи соблюдения антикоррупционных стандартов поведения, формирования антикоррупционного мировоззрения и повышения общего уровня правосознания и правовой культуры граждан [9. С. 49].

В целом соглашаясь с такой трактовкой антикоррупционного просвещения, следует признать, что в нем отсутствует ряд важных составляющих. Во-первых, эта трактовка не отражает участие в указанной деятельности некоммерческих (общественных) организаций в качестве институтов гражданского

общества. Во-вторых, приведенное определение имеет в большей степени правовой характер: с одной стороны, это его достоинство; с другой — оно не «захватывает» такие существенные аспекты антикоррупционного просвещения, как формирование «социального иммунитета», профилактика радикализации сознания молодежи, которая, в свою очередь, является значимым фактором обеспечения социальной (общественной) безопасности.

По мнению Р.И. Васильева, «антикоррупционное просвещение — это просветительская деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений и граждан по передаче и распространению в обществе антикоррупционного мировоззрения и формированию у его субъектов соответствующего поведения, сознания и культурных ценностей» [2. С. 137]. Автор, будучи сторонником деятельностного подхода, тем не менее, делает акцент на формировании у субъектов антикоррупционного мировоззрения соответствующего поведения, сознания и культурных ценностей, т.е. использует и аксиологический (ценностный) подход.

На наш взгляд, значение антикоррупционного просвещения (прежде всего молодежи) вытекает также из необходимости профилактики радикализации сознания молодого поколения. Именно радикализация сознания на почве аномии, подобно невидимой радиации, способна стать реальным дестабилизирующим фактором и представлять серьезную угрозу социальной безопасности любого государства, независимости от уровня его политического и социально-экономического развития. Соответственно, целесообразно сформулировать следующее определение антикоррупционного просвещения: специфический вид социальной деятельности органов власти и институтов гражданского общества, направленный на повышение осведомленности населения о природе коррупции как негативного социального феномена, информирование о правовом и социальном механизмах противодействия ей и формирование основ антикоррупционного мировоззрения в качестве органичной части «социального иммунитета» граждан. Антикоррупционное просвещение молодежи — составная часть общего просвещения, поэтому для повышения эффективности антикоррупционного просвещения крайне важно активное и неформальное вовлечение в него молодежно-студенческого сообщества и продуманное использование его научно-творческого потенциала.

В завершение статьи сделаем несколько общих выводов и выскажем ряд рекомендаций по законодательному обеспечению антикоррупционного просвещения в России. Во-первых, сегодня антикоррупционное просвещение возведено в ранг государственной политики — реализуется правительственная «Программа по антикоррупционному просвещению обучающихся». С момента принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» прошло более 11 лет и возникла настоятельная потребность в антикоррупционном просвещении, прежде всего молодежи. Кроме того, произошли определенные трансформации в общественном сознании, в частности, по отношению к

коррупции как негативному социальному явлению. Принимая во внимание эти обстоятельства, следует рекомендовать российскому законодателю внести соответствующие поправки в Федеральный закон «О противодействии коррупции», в частности, добавив в текст понятия «антикоррупционное просвещение», «антикоррупционное воспитание» и «антикоррупционная пропаганда» с соответствующими определениями.

Во-вторых, как показал анализ действующего антикоррупционного законодательства, только пятая часть регионального законодательства содержит понятие «антикоррупционное просвещение» и только 12% субъектов имеют антикоррупционные законы, в которых зафиксированы определения данного понятия. Следует рекомендовать региональному законодателю также внести поправки в региональные антикоррупционные законы, интегрировав в них понятие «антикоррупционное просвещение» с определением (если они отсутствуют).

В-третьих, контент-анализ трактовок антикоррупционного просвещения в региональном законодательстве показал дифференцированные методические подходы к его определению, хотя в большинстве случаев используется деятельностный подход. Иными словами, региональный законодатель корректно трактует это понятие в качестве одного из видов социальной деятельности.

В-четвертых, несмотря на то, что проблематика антикоррупционного просвещения вызывает повышенный интерес российских авторов, как правило, она не рассматривается в контексте обеспечения социальной безопасности.

В-пятых, нельзя забывать о взаимосвязи противодействия коррупции и обеспечения социальной безопасности, поскольку коррупция — одна из существенных предпосылок аномии, прежде всего, у молодежи. В свою очередь, аномия порождает радикализацию сознания молодежи, а радикализация — живительная подпитка радикализма, экстремизма и терроризма. В схематичном виде рассматриваемую взаимосвязь можно представить так: коррупция — аномия — радикализация — экстремизм/терроризм.

В-шестых, в заданном контексте следует еще раз обратить внимание научно-экспертного сообщества, органов власти, институтов гражданского общества и широкой общественности на исключительную пагубность коррупции, отравляющей сознание молодежи. Каждый человек должен осознать, что коррупция — это не просто латентное преступление (передача банальной взятки через посредников, пресловутые «откаты» и т.п.), не только сухие цифры безрадостной статистики коррупционных проявлений в масштабах страны, а источник социальных конфликтов и нестабильности. По этой же причине представляется недостаточной правовая трактовка антикоррупционного просвещения — оно требует междисциплинарного подхода.

Библиографический список

- [1] Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования. Красноярск, 2018.
- [2] *Васильев Р.И.* Анализ дефиниции «антикоррупционное просвещение» в законодательных актах субъектов Сибирского федерального округа // Развитие территорий. 2016. № 3–4.

- [3] *Воронцов С.А.* Об организации антикоррупционного просвещения в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1.
- [4] *Волосова Н.Ю.* Молодежные программы противодействия коррупции и создание информационной антикоррупционной среды: некоторые размышления и опыт // Педагогический журнал. 2016. № 4.
- [5] *Землин А.И.* О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. 2014. № 2.
- [6] *Кабанов П.А.* Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4.
- [7] *Кашиник О.И., Брызгалова А.А.* Теоретические аспекты социальной безопасности // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 4.
- [8] *Колотова Н.В.* Социальная безопасность как элемент национальной стратегии // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 1.
- [9] *Мхитарян Т.Г., Тюрина А.В.* Антикоррупционное просвещение: понятие и содержание // Научные разработки: евразийский регион. М., 2018.
- [10] *Павлинов А.В.* Коррупция и экстремизм в Российской Федерации: общность детерминации и проблемы повышения эффективности противодействия // Криминологический журнал БГУЭП. 2011. № 2.
- [11] *Румачик И.А.* Социальная безопасность современной России: вызовы и угрозы. Пятигорск, 2017.
- [12] *Стукало О.Г., Терехина А.В., Горбатова И.П.* Антикоррупционное просвещение и воспитание обучающихся // Противодействие коррупции: правовое обеспечение, основные аспекты и антикоррупционные стандарты поведения в научных и образовательных организациях. Саратов, 2018.
- [13] *Цыганов В.В., Шульц В.Л.* Социология общественной безопасности: теория и высокие гуманитарные технологии общественной безопасности при изменениях и пределах роста. М., 2014.
- [14] *Шиврина Т.Б., Жукова Ю.С.* Проблемы антикоррупционного просвещения и воспитания в высших учебных заведениях // Дневник науки. 2019. № 10.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976

Anti-corruption education as a factor of social security*

A.P. Vikhryan¹, M.V. Fedorov²

¹Center for Security Studies of the RAS
Garibaldi St., 21b, Moscow, Russia, 117335

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: michalich2005@rambler.ru; fedorovrudn@mail.ru)

Abstract. The article considers an urgent scientific issue with a clear practical orientation and related to the anti-corruption education of the youth, which is defined as an important factor of social (public) security as an integral part of national security. The authors define anti-corruption education as a specific type of social activity of the authorities and civil society institutions, which aims at raising

* © A.P. Vikhryan, M.V. Fedorov, 2020

The article was submitted on 01.06.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

public awareness of the nature of corruption as a negative social phenomenon, of legal and social mechanisms to combat it, and at developing the anti-corruption worldview as an element of ‘social immunity’. There is a significant number of publications on the anti-corruption education, especially of the youth. They consider various aspects of this type of social activity, analyze its implementation, assess its efficiency, show the role of law enforcement agencies in the anti-corruption education of the youth, etc. However, representatives of the scientific-expert community have not yet considered the anti-corruption education in the perspective that the authors suggest. The authors, as members of the National Committee for Public Control, an interregional public organization promoting the implementation of anti-corruption programs, interpret anti-corruption education as a serious factor of social security, as an important tool for preventing radicalization of the youth consciousness. It is the radicalization that nourishes extremism and terrorism which are real threats to social (public) security. The article provides some recommendations for developing legislation of anti-corruption education. The authors believe that public authorities and civil society institutions should more actively (and not formally) involve the student youth in anti-corruption education and use the scientific-creative potential of the younger generation.

Key words: anti-corruption education; youth; corruption; social security; civil society institutions; radicalization

References

- [1] *Aktualnye problemy antikorrupsionnogo prosveshcheniya i antikorrupsionnogo obrazovaniya* [Actual Issues of Anti-Corruption Education]. Krasnoyarsk; 2018 (In Russ.).
- [2] Vasiliev R.I. Analiz definitsii “antikorrupsionnoe prosveshchenie” v zakonodatelnykh aktakh sub’ektov Sibirskogo federalnogo okruga [Analysis of the ‘anti-corruption education’ definition in the legislation of the subjects of the Siberian Federal District]. *Razvitie Territorij*. 2016; 3–4 (In Russ.).
- [3] Vorontsov S.A. Ob organizatsii antikorrupsionnogo prosveshcheniya v Rossijskoj Federatsii [Organization of anti-corruption education in the Russian Federation]. *Severo-Kavkazskiy Yuridicheskiy Vestnik*. 2015; 1 (In Russ.).
- [4] Volosova N.Yu. Molodezhnye programmy protivodejstviya korruptsiii i sozдание informatsionnoj antikorrupsionnoj sredy: nekotorye razmyshleniya i opyt [Youth anti-corruption programs and the information anti-corruption environment: Some reflections and experience]. *Pedagogicheskiy Zhurnal*. 2016; 4 (In Russ.).
- [5] Zemlin A.I. O novatsiyah i deformatsiyah antikorrupsionnogo prosveshcheniya i vospitaniya v sovremennoj Rossii [Innovations and deformations of anti-corruption education in contemporary Russia]. *Protivodejstvie Terrorizmu. Problemy XXI Veka*. 2014; 2 (In Russ.).
- [6] Kabanov P.A. Antikorrupsionnoe prosveshchenie kak sredstvo protivodejstviya korruptsiii: ponyatie i sodержanie [Anti-corruption education as a means of countering corruption: Concept and content]. *Aktualnye Problemy Ekonomiki i Prava*. 2014; 4 (In Russ.).
- [7] Kashnik O.I., Bryzgalina A.A. Teoreticheskie aspekty socialnoj bezopasnosti [Theoretical aspects of social security]. *Innovatsionnye Proekty i Programmy v Obrazovanii*. 2014; 4 (In Russ.).
- [8] Kolotova N.V. Socialnaya bezopasnost kak element natsionalnoj strategii [Social security as an element of national strategy]. *Trudy Instituta Gosudarstva i Prava RAS*. 2013; 1 (In Russ.).
- [9] Mkhitaryan T.G., Tyurina A.V. Antikorrupsionnoe prosveshchenie: ponyatie i sodержanie [Anti-corruption education: Concept and content]. *Nauchnye razrabotki: evrazijskiy region*. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [10] Pavlinov A.V. Korruptsiya i ekstremizm v Rossijskoj Federatsii: obshchnost determinatsii i problemy povysheniya effektivnosti protivodejstviya [Corruption and extremism in the Russian Federation: Common determination and ways to increase the efficiency of counteraction]. *Kriminologicheskiy Zhurnal BGUEP*. 2011; 2 (In Russ.).
- [11] Rumachik I.A. *Socialnaya bezopasnost sovremennoj Rossii: vyzovy i ugrozy* [Social Security of Contemporary Russia: Challenges and Threats]. Pyatigorsk; 2017 (In Russ.).

- [12] Stukalo O.G., Teryokhina A.V., Gorbatova I.P. Antikorrupsionnoe prosveshchenie i vospitanie obuchayushchihsya [Anti-corruption education of students]. *Protivodejstvie korrupszii: pravovoe obespechenie, osnovnye aspekty i antikorrupsionnye standarty povedeniya v nauchnyh i obrazovatelnyh organizatsiyah*. Saratov; 2018 (In Russ.).
- [13] Tsyganov V.V., Shults V.L. *Sociologiya obshchestvennoj bezopasnosti: teoriya i vysokie gumanitarnye tekhnologii obshchestvennoj bezopasnosti pri izmeneniyah i predelah rosta* [Sociology of Public Security: Theory and High Humanitarian Technologies of Public Security under Changes and Growth Limits]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [14] Shivrina T.B., Zhukova Yu.S. Problemy antikorrupsionnogo prosveshcheniya i vospitaniya v vysshih uchebnyh zavedeniyah [Issues of anti-corruption education in the higher education]. *Dnevnik Nauki*. 2019; 10 (In Russ.).

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984

Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски?*

И.А. Вершинина, А.В. Лядова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991
(e-mail: urbansociology@yandex.ru; annaslm@mail.ru)

Статья представляет собой рецензию на книгу Деборы Лаптон «Данные о себе: больше, чем просто человеческая перспектива» (Нью-Йорк: Полити Пресс, 2019). Эта работа — логичное продолжение других трудов автора, где затрагиваются вопросы изменения повседневной жизни под влиянием информационных технологий, продуцирующих все больше разных данных, в том числе персональных. Актуальность данной темы не вызывает сомнений, поскольку значение цифровых технологий в жизни современного общества постоянно растет, что стало еще более очевидным во время нынешней пандемии. Высокие темпы цифровизации быстро меняют привычный для нас мир, новые технологии расширяют наши возможности, однако их использование наряду с пользой и очевидными преимуществами несет и новые риски. Лаптон предлагает оригинальную трактовку симбиоза человека и его цифровых данных, рассматривая их в контексте теории неоматериализма и приходя к выводу, что наши «живые» данные о себе — больше, чем просто персональные характеристики, поскольку они «больше-чем-человеческие». Жизнь в цифровом мире, сконструированном данными, становится новой реальностью для современного человека.

Ключевые слова: Дебора Лаптон; цифровизация; персональные данные; информационные технологии; здоровье

В 2019 году была опубликована работа Деборы Лаптон, профессора Центра социальных исследований в области здравоохранения и социальной политики Университета Нового Южного Уэльса «Данные о себе: больше, чем просто человеческая перспектива» [12]. Цифровизация привела к распространению технологий и услуг, которые генерируют большие объемы информации, что вызвало интерес социологов, среди которых и Лаптон — ее внимание сосредоточено на проблеме цифровых данных. Книга представляет собой оригинальное исследование социальных практик, формирующихся вследствие постоянного увеличения количества личной информации в цифровом виде, а также отношения людей к данной ситуации, и является, по сути, продолжением размышлений автора о цифровизации человеческой жизни, представленных в вышедших ранее работах — «Цифровая социология» [14],

* © Вершинина И.А., Лядова А.В., 2020

Статья поступила 02.07.2020 г. Статья принята к публикации 10.09.2020 г.

«Количественное „Я“: социология селф-трекинга» [14], «Цифровое здоровье: критика и междисциплинарные перспективы» [13].

Безусловно, в современном мире новые цифровые коммуникационные каналы лидируют во всех сферах человеческой жизни, трансформируя привычную структуру социального взаимодействия и повседневные практики и образуя множественные связи вне традиционных измерений времени и пространства [7. С. 37]. В качестве примера обусловленности современного бытия цифровыми коммуникациями можно привести трансформацию повседневности под влиянием коронавирусной пандемии: онлайн-консультации с врачом, онлайн-занятия, онлайн-покупки, обмен опытом болезни и выздоровления — вот лишь небольшой список тех практик, которые получили мощный цифровой отклик в небольшой промежуток времени. Цифровизация форсировалась сложившейся ситуацией, ускоряя внедрение дистанционных технологий в образовании [8] и на рынке труда [18], к чему прежде многие относились скептически. Новая реальность формируется не только на институциональном уровне (экономические системы, механизмы управления и контроля) — происходит индивидуализация сетевого общества, новые технологии усиливают его интерактивный эффект, способствуя все большей вовлеченности и сплоченности людей в виртуальных группах [7. С. 235–238].

Использование особого языка и способов общения неминуемо влечет изменение социальной природы человека, поскольку новый взгляд на людей и мир отражается в зеркале Интернета [7. С. 237–238]. Исследователи отмечают, что данные оказывают все большее влияние на формирование идентичности и повседневную жизнь, которой мы часто даже можем управлять [20]. Очевидно, что на всех уровнях онлайн-взаимодействия цифровые данные создают «цифровой портрет» индивида — появляется «киборг», т.е. человек, взаимоинтегрированный с технологиями [7. С. 238].

Цифровизация вызывает определенные опасения, связанные с появлением новых способов контроля и управления, что формирует определенный негативный тренд в восприятии новых технологий как со стороны индивидуальных пользователей, так и в научно-общественных кругах, где встречается антиутопическое видение будущего — цифровизация ведет к усилению контроля, а персональные данные становятся его инструментом [20]. Лаптон не поддерживает такую точку зрения и полагает, что необходимо рассматривать другую сторону цифровизации — появление дополнительных возможностей «заботы о людях»: данные, полученные благодаря новым технологиям, могут и должны работать на благо человечества. Публикации Лаптон — это не только изложение результатов проведенных исследований, но и попытка переориентировать социальный анализ цифровых технологий с «концепции страха» на «концепции заботы». В частности, смартфоны, собирающие огромное количество цифровых данных о людях, способны помочь им лучше оценить свои возможности и поставить более достижимые цели, тем самым оптимизируя разные аспекты их жизни [12. С. 4], в том числе состояние

здоровья, физическую форму и т.д., что поможет создать «улучшенных» людей, способных построить постчеловеческое будущее [3].

Поэтому неудивительно, что в книге Лаптон предлагает довольно позитивный взгляд на биосоциоцифровую природу человека. Она решительно выступает против того, чтобы рассматривать происходящие изменения как угрозу ограничения жизненных возможностей и нанесения вреда благополучию, а также в контексте появления новых форм социального неравенства и эксплуатации, как часто утверждают средства массовой информации, используя по отношению к цифровизации повседневной жизни такие термины, как «аддикция», «патология», «токсичность», «контроль» и «вооружение», т.е. утверждая, что люди не обладают свободой воли в отношении своих личных данных и, оставляя «цифровые следы», становятся объектами манипуляции [16. С. 3166–3167]. Подобная позиция средств массовой информации может объясняться тем, что они освещают преимущественно многочисленные скандалы, связанные с утечками личных данных, которые привлекают внимание широкой общественности.

Результаты исследования Лаптон свидетельствуют, что большинство людей не согласны с утверждением, что их цифровые профили содержат исчерпывающую информацию о них, и склонны полагать, что значительная часть аспектов их «настоящего я» защищена от утечки и внешнего контроля их цифровых данных. Респонденты, опрошенные Лаптон, видят не только риски, но и преимущества в том, что часть их персональных данных доступна не только им. Есть множество способов, с помощью которых персональные данные могли бы облегчить их жизнь, например, позволяя принимать некоторые решения от их имени, что экономит их время. Конечно, речь не идет о принятии жизненно важных решений, но сформированные на основе их запросов специальные предложения, скидки и целевая реклама могут быть полезны. Как правило, пользователи прекрасно понимают, что такие компании, как Facebook и Google, используют их персональные данные для рекламы, но многие считают эти методы в основном полезными и удобными, хотя методы подбора контекстной рекламы нуждаются в доработке.

Особенно перспективным Лаптон считает использование цифровых технологий в медицине [13; 15; 17], поскольку современным пользователям доступно множество цифровых технологий, позволяющих непрофессионалам находить информацию о здоровье, делиться ею и даже генерировать новую. Приложения, фитнес-платформы и мобильные датчики посредством специальных функций помогают пользователям самостоятельно отслеживать такие характеристики, как пульс, масса тела, температура, количество сжигаемых калорий и даже эмоциональный фон. Широкий спектр цифровых устройств и программного обеспечения предлагает разные варианты мониторинга состояния здоровья, уровня физической активности и т.д.

Кроме того, пользователи активно прибегают к онлайн-инструментам и ресурсам — как традиционным (поисковые системы и веб-сайты), так и

новым (приложения, гаджеты и социальные сети) — для поиска медицинской информации. Хотя существует опасность, что кто-то может использовать современные технологии в качестве замены экспертной медицинской консультации и практиковать самолечение, тем не менее, в большинстве случаев это лишь дополнение к квалифицированной медицинской помощи: онлайн-ресурсы расширили доступ непрофессионалов к медицинским экспертным знаниям, но не могут их заменить.

В последние годы все большее распространение получают практики самоконтроля (селф-трекинга) в сфере здоровья, которые также связаны с использованием цифровых технологий [15; 17] и позволяют детально фиксировать много аспектов повседневной жизни. По мнению Лаптон, эти данные многофункциональны — могут рассказать правду, расширить возможности, заставить чувствовать себя под контролем, помочь стать более организованным, заставить измениться, объединиться, чтобы генерировать новые идеи, обеспечивать ориентиры, следить за развитием и т.д. — постепенно формируется новая «цифровая онтология», определяющая отношение людей к своему телу.

Лаптон считает, что самоконтроль — новый вид социальной практики, формирующейся в процессе тесного взаимодействия человека и цифровых устройств, результатом чего становятся не только записываемые цифровые данные, но и новое восприятие себя и своего тела на основе информации, полученной от разных устройств. Анализируя практический смысл самоконтроля, она апеллирует к М. Фуко, согласно которому это особые техники, используемые индивидами и позволяющие им «совершать определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, преобразуя себя ради достижения состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [2. С. 99–100]. В этом контексте селф-трекинг может быть рассмотрен как одна из технологий улучшения своего телесного и психологического состояния.

Однако Лаптон предостерегает от веры во всемогущество цифровых технологий и призывает дополнять их советами квалифицированных специалистов, тем более что многие приложения и устройства пока не могут предложить персонализированный подход и опираются на усредненные данные. Например, большинство шагомеров запрограммировано на ежедневную цель в 10 тысяч шагов, независимо от обстоятельств пользователя, а расчет «персонализированного» потребления калорий, как правило, основан на средних показателях для больших групп (например, женщин 20–25 лет), а не на реальных физиологических показателях и метаболизме конкретного отдельного человека [19. С. 269]. Тем не менее, не следует игнорировать цифровые технологии, помогающие собирать и анализировать большие массивы данных, которые могут не только способствовать здоровьесберегающему поведению на основе селф-трекинга, но и предоставлять ценную для врачей информацию — для своевременной постановки диагноза.

Врачебное сообщество заинтересовано в сотрудничестве, а не в том, чтобы его заменили цифровые технологии. Так, во многих развитых странах мира ожирение и диабет оказались в фокусе инициатив в сфере цифрового здравоохранения и программ медицинского страхования, призванных вовлекать пациентов в режимы самоконтроля [19. С. 271]. Очевидно, что в развивающихся странах, где ожирение и диабет встречаются значительно реже, сфера применения цифровых технологий должна быть иной, поскольку здесь актуальны не проблемы индивидуального образа жизни, а доступ к базовому медицинскому обслуживанию и низкая цифровая грамотность. Таким образом, универсальных, полезных для всех технологий нет, их востребованность во многом обусловлена ситуацией. Например, в условиях пандемии covid-19 цифровые технологии стали активно использоваться, чтобы отслеживать контакты носителей вируса и вовремя изолировать их для минимизации угрозы дальнейшего распространения заболевания. Более того, накопленные данные поставили вопрос о персонализированной медицине — оказалось, что гораздо эффективнее лечить не заболевание, а пациента с его индивидуальными особенностями здоровья. Наряду с этим особую роль в ситуации пандемии сыграли онлайн-сервисы, направленные на организацию работы в дистанционном режиме и удовлетворение таких повседневных потребностей, как питание, оплата счетов, занятия фитнесом в домашних условиях, виртуальный досуг и т.п.

Свой подход к цифровым данным Лаптон обозначает как концепцию «живых» данных. Зачастую цифровые данные, создаваемые с помощью специальных программ и технических устройств, воспринимаются как нематериальные объекты, не затрагивающее чувства — кажется, что здесь не на что смотреть, касаться, слышать, обонять или пробовать на вкус [12. С. 30]. Предпринимаются попытки описания новых форм информации как онтологической сущности, однако термин «данные» подразумевает восприятие их как сырья, для которого используется особый способ просмотра и обработки. Поэтому, даже несмотря на то, что цифровые технологии генерируют информацию о телах людей, социальных связях, эмоциях, практиках и предпочтениях, преобладающий дискурс, как правило, обезличивает и дегуманизирует данные. Лаптон считает это ошибкой, так как данные создаются пользователями, на основе их восприятия, опыта общения и интерпретации. Поэтому, хотя эта информация предстает в нематериальном виде, она одушевлена и составляет неотъемлемую часть нашей жизни [12. С. 40]: несмотря на неизбежность технологизации жизни, этот процесс нельзя рассматривать односторонне — возникает и обратный эффект «очеловечивания» цифровых данных через их восприятие и использование другими людьми.

Лаптон убеждена, что это новый формат отношений между материальным и нематериальным миром: люди живут со своими личными данными и совместно развиваются — цифровая среда меняется под влиянием их потребностей и опыта. Лаптон разрабатывает теорию «живых», или материализованных, данных, основывая свои взгляды на концепции нового материализма, а

также апеллируя к антропологии материальной культуры, которая анализирует существовавшие прежде практики одушевления нематериальных объектов в разных культурных традициях. Новый материализм рассматривается в гуманитарных и социальных науках как одно из важнейших течений на стыке исследований по философии, культуре, естествознанию и социологии, в рамках которых происходит переосмысление представлений о материи — так называемый «поворот к материальному» [9]. Этот поворот подчеркивает материальность мира, включая социальную реальность, что отличает его от постструктурализма. Последователи нового материализма особую роль в новой жизненной реальности придают способности неодушевленных вещей, или актантов (Б. Латур), изменять наше восприятие окружающего мира [1].

Разрабатывая свой подход к пониманию цифровых данных, Лаптон рассматривает их, а также цифровые устройства, как «живые» объекты, которые создают вместе с пользователями особые формы социальной реальности, т.е. ставит под вопрос онтологические границы бинарного мира и пытается понять, как люди трактуют социальное и живое в цифровой среде. Используя примеры из проведенных ею эмпирических исследований, Лаптон разрабатывает неоднозначный подход к взаимодействию человека и цифровых данных, анализируя способы и практики, которые пользователи применяют для создания и ввода данных о себе, наделяя их, с одной стороны, частью своего Я, а с другой — создавая новый образ, который получает самостоятельную жизнь [12. С. 128–133]. По ее мнению, цифровые коллекции персональных данных — это особый продукт взаимодействия человека и технологий, который никогда не «умирает», а продолжает жить в действиях других агентов, формируя особую форму реальности.

Предлагая «живое» прочтение цифровых данных, Лаптон подчеркивает, что, во-первых, данные о жизни людей чрезвычайно динамичны, часть из них остается «живыми» и продолжает циркулировать в цифровом мире даже после смерти людей; во-вторых, данные конструируют знание о людях и потому служат источником новой информации, которая благодаря им получает «жизнь»; в-третьих, данные влияют на жизни людей, корректируя принимаемые решения и совершаемые действия; наконец, персональные данные — это формы человеческого существования, способствующие коммодификации информации как составляющей цифровой экономики [12. С. 6].

Анализируя «жизненный путь» персональных данных в цифровом мире, Лаптон проводит аналогии с костными останками: они являются носителем биоинформации, умелое прочтение которой может многое поведать об их обладателе, то же происходит и с личными данными, которые, по сути, также выступают как новый тип человеческих останков, в которых отпечатались история их владельца. Некоторые пользователи отмечают, что их способность к самовыражению потенциально может быть ограничена осознанием, что цифровая информация долговременна и может использоваться другими для вынесения суждений о них [16. С. 3174]. Тем самым цифровизация

действительно заставляет нас менять модели поведения, поскольку многие связанные с ней риски заставляют людей быть осторожными в том, какие цифровые следы они оставляют.

Таким образом, Лаптон демонстрирует, что наши «живые» данные о себе являются «больше-чем-персональными» — они «больше-чем-личные» и «больше-чем-человеческие» [12. С. 121]. Жизнь в цифровом мире, сконструированном данными, становится новой реальностью для современного человека. Поэтому ключевой вопрос, который задает автор: а что в условиях активной цифровизации жизненного мира понимается под личными данными? Только данные банковского счета или весь профиль в сети Facebook? Уровень доверия в цифровом мире во многом зависит от концепции «персональных данных», которая позволяет понять, есть ли угроза конфиденциальности личной жизни или нет, насколько наши действия являются результатом субъективного мотива, а не медийного манипулирования, причем доступ к личным данным может быть получен нелегально и без нашего ведома вследствие распространения хакерства и других киберпреступлений (яркий пример киберскандала — обнаружение Э. Сноуденом ряда секретных документов), хотя более важны для Лаптона положительные последствия цифровизации.

В целом замысел автора состоял в том, чтобы продемонстрировать не только то, что люди могут делать с данными, но и что они могут узнать из данных о себе, как данные могут влиять на чувства, движения и реакции людей в «более-чем-человеческом» мире [12. С. 122]. Книга предлагает оригинальную интерпретацию взаимоотношений человека и техники в условиях цифровизации, акцентируя внимание на том, как цифровые данные формируют жизненный мир современного человека, и ставя вопросы, которые сегодня требуют системного и критичного социологического осмысления.

Библиографический список

- [1] Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь, 2018.
- [2] Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2.
- [3] Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.
- [4] Barad K. Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter // *Journal of Women Culture and Society*. 2003. Vol. 28. No. 3.
- [5] *Material Powers: Cultural Studies, History and the Material Turn* / Ed. By J. Bennett, P. Joyce. New York, 2010.
- [6] Coole D., Frost S. Introducing the new materialisms // *New Materialisms: Ontology, Agency, and Politics* / Ed. by D. Coole, S. Frost. Durham, 2010.
- [7] Dijk J. van. *The Network Society. Social Aspects of New Media*. London, 2006.
- [8] Dobrinskaya D.E., Vershinina I.A., Kurbanov A.R. Education in the network society: Challenges and prospects // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2017. Vol. 124.
- [9] Dolphijn R., Tuin I. van der. *New Materialism: Interviews and Cartographies*. Ann Arbor, 2012.
- [10] Gamble C., Hanan J., Nail T. What is new materialism? // *Angelaki*. 2019. Vol. 24. No. 6.
- [11] Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford, 2005.

- [12] *Lupton D.* *Data Selves: More-Than-Human Perspectives.* New York, 2019.
- [13] *Lupton D.* *Digital Health: Critical and Cross-Disciplinary Perspectives.* London–New York, 2018.
- [14] *Lupton D.* *Digital Sociology.* New York, 2014.
- [15] *Lupton D.* *The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking.* Malden, 2016.
- [16] *Lupton D.* Thinking with care about personal data profiling: A more-than-human approach // *International Journal of Communication.* 2020. Vol. 14.
- [17] *Lupton D.* Data mattering and self-tracking: What can personal data do? // *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies.* 2020. Vol. 34. No. 1.
- [18] *Martynenko T. S., Vershinina I. A.* Digital economy: The possibility of sustainable development and overcoming social and environmental inequality in Russia // *Espacios.* 2018. Vol. 39. No. 44.
- [19] *Ruckenstein M., Dow Schüll N.* The datafication of health // *Annual Review of Anthropology.* 2017. Vol. 46.
- [20] *Sadowski J.* *Too Smart: How Digital Capitalism is Extracting Data, Controlling Our Lives, and Taking Over the World.* Cambridge, 2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984

Data in the digital world: New opportunities or additional risks?*

I.A. Vershinina, A.V. Liadova

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia
(e-mail: urbansociology@yandex.ru; annaslm@mail.ru)

Abstract. The article is a review of the book by Deborah Lupton *Data Selves: More-Than-Human Perspectives* (New York: Polity Press, 2019), which continues the author’s analysis of the same issues of changes in daily life under the impact of information digital technologies due to producing an increasing amount of various data including personal. This is an urgent issue due to the growing importance of digital technologies in the life of contemporary society, which became even more obvious under the current pandemic. Fast digitalization changes our everyday world, new technologies expand our capabilities; however, in addition to obvious benefits and advantages, new technologies also bring new risks. Lupton develops an original interpretation of the symbiosis of man and his digital data — she considers this symbiosis in the framework of the theory of neomaterialism and concludes that our personal ‘living’ data is ‘more-than-personal’ and ‘more-than-human’. Therefore, life in the digital world constructed by data becomes our new social reality.

Key words. Deborah Lupton; digitalization; personal data; information technology; health

* © I.A. Vershinina, A.V. Liadova, 2020

The article was submitted on 02.07.2020. The article was accepted on 10.09.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-985-995

Цифровое поколение*

Т.В. Лебедева, А.А. Субботин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, 1, стр. 13А, Москва, Россия, 119991
(e-mail: shonohova@rambler.ru; aasubbotin@yahoo.com)

Социологические исследования показывают, что поколение Интернета утратило бунтарский дух и стало более толерантным. Почему так произошло, что это означает и как скажется на перспективах общества, поможет понять книга Джин Твенге «Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни» (М.: РИПОЛ классик, 2019). Рецензия призвана кратко систематизировать наблюдения автора из США и сравнить их с происходящим в России — чтобы понять, насколько отличаются подростки разных стран, и что важнее — глобализация или национальные особенности. В рецензии затронуты такие важные темы монографии, как изолированность айдженеров от внешнего мира, изменение отношения подростков к наличию прав и употреблению алкоголя, снижение сексуальной активности и вовлеченности в социальную жизнь. Автор отмечает в новом поколении и положительные качества, например, терпимость к отличающимся от них людям, трудолюбие в сочетании с меньшими карьерными и финансовыми запросами. Хотя книга посвящена поведению подростков и молодежи из среднего класса США, большая ее часть применима и к отечественным реалиям и может быть полезна родителям и преподавателям нашей страны. Книга может привлечь и самих айдженеров, так как написана понятным языком и содержит множество наглядных графиков, что позволит поколению подростков познать себя.

Ключевые слова: айдженеры; поколение I; межпоколенческие различия; миллениалы; социальная жизнь; США; Россия

*Не выходи из комнаты!
... Запрись и забаррикадируйся
... от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.
Иосиф Бродский*

Их называют «первая в истории когорта цифровых аборигенов» (с. 1), потому что те, кто появился на свет начиная с 1995 года, не представляют жизнь без компьютерной техники, особенно переносных гаджетов, и Всемирной паутины. На заре появления столь блестящих возможностей даже аналитикам казалось, что они послужат обществу знания, но ситуация складывается иначе. И все замечают, что поколение Интернета утратило бунтарский дух и стало более толерантным. Джин Твенге, профессор Калифорнийского университета, используя данные американской социологии и работая

* © Лебедева Т.В., Субботин А.А., 2020

Статья поступила 24.06.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

с американскими подростками, уже в заглавии книги назвала постмиллениалов «поколение iGen», т.е. «поколение I», «поколение айджен», айдженеров (с. 22). Существенны ли отличия отечественных i-тинейджеров от их американских сверстников? Мы сравним доводы Твенге с отечественными реалиями. Необходимо отметить, что В.В. Радаев (к которому мы будем апеллировать), характеризуя миллениалов [8. С. 49; 10], предлагает несколько иное распределение по годам рождения, включая в эту группу и появившихся в 2000 году, тогда как значительная часть статистики и наблюдений Твенге относится к тем, кто родился между 1995 и 2000 годами.

Твенге, как и большинство исследователей, считает границы поколений условными из-за отсутствия согласованного мнения по этому вопросу. Многое зависит от семейных обстоятельств и личной психологии не меньше, чем от среды: особенности индивида могут быть более характерны для предыдущего или последующего поколения. Поэтому автор предлагает читателям пройти тест на принадлежность к iGen (с. 27). Американские базы данных Youth Risk Behavior Surveillance, American Freshman Survey и General Social Survey, собранные за несколько десятков лет и использованные в книге, позволяют составить обобщенный и потому релевантный образ определенной когорты.

Обработка огромного массива данных социологических опросов позволила увидеть тенденции, которые могут быть полезны, например, для работодателей или для оценки рынка товаров и услуг, на изменения которого влияют когорты (с. 30). В использованных базах данных репрезентативно представлено население США во всем своем поколенческом, расовом, поселенческом и доходном разнообразии (с. 26). По мнению автора, молодежь поколения I составляет в населении страны около 24% (с. 27), поэтому их нужно слушать и стараться понять — это будущее страны. Для большей убедительности Твенге взяла интервью у 23 айдженеров — учеников средних школ и учащихся колледжей — и провела опрос 250 первокурсников, на протяжении книги цитируя их. В издании также содержатся десятки графиков, позволяющих не только наглядно представить особенности поколения I, но и сравнить их с предшествующими поколениями (с. 29). Методологические подходы и методические приемы, использованные Твенге, могут быть успешно применены российскими социологами (к сожалению, без аналогичных баз социологических данных, сформированных за десятилетия). Эти подходы позволили автору показать такие особенности поколения I, как медленное взросление, виртуальность коммуникаций, неуверенность, нерелигиозность, изолированность, нестабильность, неопределенность, инклюзивность и независимость.

Автор предостерегает читателей от позиции, что якобы все изменения негативны по природе (с. 29) и что культурные изменения затрагивают только поколение I (с. 31). Например, распространение Интернета настолько затронуло значительную часть населения планеты, что послужило главным отличительным признаком третьего тысячелетия. Распространение Всемирной паутины повлияло и на название последнего на настоящий момент

взрослеющего поколения — это пока единственное поколение, которое на протяжении всей своей жизни всегда и везде могло пользоваться Интернетом, включая iPhone и iPad. Первая буква в названии этих устройств торговой марки Apple, обозначающая Интернет, и была использована для обозначения подрастающего поколения. Однако автор, используя словосочетание «поколение iGen», под буквой «i» подразумевала и индивидуализм (англ. — individualism), характерный для выросшей на гаджетах молодежи. Индивидуализм был присущ и их предшественникам — миллениалам, у которых выражены наиболее бунтарски, и даже предшествующему поколению X. Однако iGen не только демонстрируют окружающим свое «I» (англ. — я) (что скорее характерно для рожденных в 1980-е как бунт или эгоизм, «зацикленность на собственном „я“ и его изображениях в социальных медиа» — с. 10), но и защищают его не столько от взрослых, сколько от мира в целом. Такая черта обусловлена низкой стрессоустойчивостью, объясняет Твенге и пытается проследить истоки столь распространенной психологической проблемы.

Заслуживает внимания версия автора, что, во-первых, психика Homo Sapiens не успела приспособиться к новым технологиям. Во-вторых, поколение I начинает ими пользоваться слишком рано, чтобы понимать все потенциальные опасности здоровью, поэтому депрессия стала особенностью современности. Этот вывод подтверждают и наблюдения исследователя М. Фишера (с. 11) (он покончил с собой в год публикации книги Твенге в 2017 году). Очевидно, что общедоступность Интернета равна общедоступности информации, в том числе негативной, поэтому айдженеры любят разнообразные триггеры (в новом значении — предупреждения о факторе эмоционального воздействия). В России введена Возрастная классификация информационной продукции [3], которая расставляет градации доступности печатной продукции, фильмов и концертов от 0+ до 18+.

I — первая буква не только продукции Apple, но и сервиса Instagram, которому в книге посвящено немало нелестных страниц. Критике подвергается не сам факт существования платформы, а то, как подростки используют ее себе во вред. «Думаю, мы любим свои телефоны больше, чем реальных людей» (с. 16: Афина, 13 лет). Обеспеченные и необеспеченные подростки проводят одинаковое количество времени в Интернете, но очень мало — на улице: они все реже выбираются из дома без родителей (с. 35). Одна из причин состоит в том, что общество в целом выбрало стратегию «медленной жизни» (slow life strategy), в которой принято иметь мало детей, но уделять большое внимание их воспитанию и образованию (с. 41).

Согласно Твенге, 10 важнейших особенностей поколения I таковы: неспешность (затянувшееся детство или медленное взросление); Интернет (много времени проводится в телефонах); заочное общение (все меньше личного общения); неуверенность (рост психических расстройств); нерелигиозность (потеря интереса к религии); изолированность и приземленность; финансовая незащищенность (новое отношение к работе); неопределенность

(новый взгляд на отношения и на детей); инклюзивность (учет интересов всех членов общества, терпимость, всеобщее равенство и свобода слова); независимость (в политических взглядах) (с. 18). Основные отличия айдженеров от миллениалов автор разместила на своем сайте Twenge FAQ's [11], а в 2010 году даже открыла компанию «iGen Consulting» по психологическому консультированию (с. 23).

Многие из выделенных автором особенностей поколения айджен объясняются глобальностью капитализма и повсеместным распространением массовой культуры, которые, например, породили новое отношение к материальному миру, труду и доходам. Как показали исследования Твенге, при более позднем начале работы айдженеров интересуют не столько карьерные перспективы (стремление миллениалов), а получение дохода (с. 239, 247). Это поколение любит владеть вещами, но все реже считает нужным покупать их только потому, что они есть у друзей или в их окружении (с. 253). Айдженеры чрезвычайно практичны, т.е. хотят покупать только полезное и долгосрочное. Подобный подход вполне согласуется со стратегией медленной жизни, которая обусловлена в том числе непрерывным ростом потребностей в связи с экономическим развитием общества и необходимостью родителей дольше заниматься воспитанием детей.

Согласно данным Твенге, в малодетных семьях, где у детей затягиваются детство, отрочество и юность, происходит культурный сдвиг в сторону индивидуализма: чем дольше длится период опеки детей родителями, тем более выраженными индивидуалистами дети становятся в будущем (с. 62). При этом родительская гиперопека, которая воспринималась бы поколением X и многими миллениалами как «стокгольмский синдром», для айдженеров вполне естественна. По сути, лучшими друзьями нового поколения являются не сверстники или братья и сестры, а родители, помогающие морально и материально не только при совместном проживании, но и после переезда детей из родительского дома — не только в общежитие в годы учебы (например, звонки родителей по утрам, чтобы разбудить на занятия), но и после окончания обучения (родители приезжают хлопотать по хозяйству). Многие студенты в США предпочитают добираться в колледжи и университеты на транспорте родителей, в то время как их родители в юности мечтали как можно скорее сесть за руль самостоятельно.

Получение водительских прав, конечно, отличает американскую реальность от отечественной. В нашей стране владение автомобилем — признак не столько взросления, сколько достаточно высокого и стабильного достатка. Твенге отбрасывает недавно появившиеся сервисы, упрощающие вызов такси и каршеринг, как альтернативу личного автомобиля для айдженеров. Не имеющее личного автомобиля население России, независимо от возраста, чаще предпочитает общественный транспорт. Если в США поколение I возят в школу и университет родители или старшие братья и сестры, то в нашей стране данную функцию берут на себя автобусы и электропоезда, а в больших

городах также метро, троллейбусы и трамваи. Поэтому в отечественных реалиях получение прав — не релевантный показатель взросления, и его можно заменить показателем использования такси айдженерами из семей, имеющих стабильный и высокий доход.

Спад рынка молодежного труда — это черта, которая, в отличие от США, не характерна для России. Большинство школьников, по крайней мере, в провинциальных городах и селах, ждут лета, чтобы подработать. В России отмечается снижение числа подростков, получающих зарплату, хотя в числе главных причин выступает спад рождаемости и бюрократические сложности при трудоустройстве, включая небольшой перечень разрешенных для подработки профессий [1; 9]. При этом ученые России и США подчеркивают чрезвычайную пользу подросткового труда. Чаще всего временная занятость не помогает в выстраивании дальнейшей профессиональной карьеры, но способна научить самостоятельности в принятии решений, дисциплине, ответственности, умению ценить и распределять заработанные средства, пониманию специфики деловых отношений с работодателем, коллегами и клиентами. Неумение решать проблемы в выстраивании профессиональных связей, в общении с руководством или клиентами нередко является причиной увольнения молодого специалиста, в том числе по собственному желанию, что способствует росту длительной безработицы по психологическим причинам. Получение денег от родителей способствует развитию инфантилизма подростка в будущем: без опыта собственного заработка он столкнется с неумением справляться с распределением бюджета, что может привести к закредитованности или бедности даже при достаточно высоком доходе. Поэтому в США получили распространение «школы взросления», обучающие тому, чему так и не научили родители. Кроме того, «слово “adult” (взрослый) в современном английском стало повсеместно использоваться в качестве глагола („заботиться о себе самостоятельно“), и это уже не смешно» (с. 66).

Не кажется смешной и аполитичность подрастающего поколения (участие в протестных акциях — отдельная тема): подростки интересуются новостями куда меньше, чем их родители (с. 226). Однако это не значит, что у них нет никакой позиции, например, по вопросам экологии или помощи малообеспеченным согражданам. Просто большинство айдженов ограничивается репостами в социальных сетях, поскольку даже, например, волонтерство требует выхода из комнаты и общения с другими людьми, в том числе с незнакомыми. Это обратная сторона той независимости, благодаря которой поколение I, как и миллениалы, не желает идентифицировать себя ни с одной из основных партий США — республиканцами или консерваторами (с. 335). Вероятно, такой необходимости нет и потому, что айджены крайне либеральны, в частности, выступают за легализацию марихуаны (возможно, потому что сами ее употребляют) и аборт. Однако поколение I не уверено в необходимости всеобщего обязательного медицинского страхования и в том, что правительство должно заниматься вопросами охраны окружающей среды

(с. 350–351). Твенге объясняет эти взгляды интересом к Либертарианской партии, которая отличается индивидуализмом и отрицанием государственного регулирования. Также молодежь почти одинаково одобряет социализм и капитализм (с. 357), видимо, не понимая сути социализма как государственного и общественного строя.

Айдженеры привыкли к тому, что многое в мире бесплатно или почти даром, например, wi-fi в кафе и общественном транспорте, принимая подобные факты за достижение социализма. При этом серьезные расходы на образование и жилье их пугают, но вникнуть в суть происходящих явлений у них нет желания. Подростки и студенты ощущают, что их влияние на события в стране и тем более в мире ничтожно (с. 364) — но тогда зачем интересоваться происходящим, иметь и отстаивать какую-либо позицию? Поэтому явка на выборы в США меньше с каждым поколением, а в России явка на последнее всеобщее голосование неожиданно оказалась весьма высока [5]. При этом отмечается участие студентов и старших школьников в протестных движениях 2011–2013 годов и в несанкционированных митингах весной 2017 года [8. С. 20].

Таким образом, по сравнению с российскими представителями поколения I американские айдженеры оказались более безразличными и инфантильными. Инфантилизм молодого поколения выражается и в том, что сексуальная активность, которая с давних пор была одной из главных причин желания поскорее повзрослеть, за последние десятилетия заметно снизилась. Согласно Твенге, средний возраст сексуального дебюта сдвинулся более чем на год (с. 39), и часто он остается единственным опытом на долгие годы (с. 262). При этом даже целомудренные юноши и девушки не стесняются размещать в социальных сетях снимки с эротическим подтекстом (с. 137), а их уверенность в допустимости добрачной близости (с. 259) спокойно соседствует с глубокими религиозными убеждениями (с. 165), и последняя особенность нашла отражение в современном искусстве и литературе [см., напр.: 4]. Твенге характеризует такое сочетание как умение находить баланс между религиозными догмами и объективной реальностью, когда речь идет об отношении к гендерной идентичности и сексуальной ориентации (с. 174). Что же касается одобрения добрачных половых отношений, то автор объясняет это более поздним вступлением в первый брак (с. 260), отмечая, что одобрение не означает регулярной практики.

Так, количество половых партнеров у айдженеров, как и у миллениалов, в два раза меньше, чем у поколения X, — не от романтического однолюбия, а вследствие стремления избежать опасности, которую несут сексуальные отношения как опыт предельно близкого общения: айдженеры боятся любви как зависимости (с. 273–274). Однако большинство айдженеров мечтают о серьезных отношениях, а не о случайном сексе (с. 278), хотя сомневается, что брак сделает их более счастливыми, поскольку счастливый семейный союз — редкость. Айдженеры предпочитают секстинг — отправку интимных сообщений

или фотографий (с. 265). Появился также тип отношений «встречающийся партнер» (с. 277) — нечто среднее между случайной связью и постоянными отношениями: люди изредка спят вместе, но не знакомятся с родственниками друг друга и продолжают быть вместе только до малейшего признака дискомфорта, поскольку личные границы для айдженеров важнее, чем ответственность за другого. Эта психологическая черта — одна из причин более поздних браков, если таковые вообще заключаются.

Следует также отметить, что сдвинулся интервал между началом половой жизни и рождением первого ребенка — рожать стали еще позже (с. 285). Твенге опасается, что США повторят опыт стран Европы (включая Россию), где рождаемость не обеспечивает простого воспроизводства населения (с. 287).

Так чем же занимаются айдженеры, если им не интересны ни личный автомобиль, ни политика, а потребление и работа превратились в необходимость вместо удовольствия и карьеры? Автор приводит свой ответ на этот вопрос: избегая реальности, включая все виды отношений — от дружеских до любовных, поколение I прячется от действительности в телефоны, точнее, в имеющийся в них Интернет, так как звонят они редко (с. 72). Твенге подсчитала, что на обучение, домашние задания и сон айдженеры тратят около 17 часов, значит, те 7 часов, что ранее посвящались общению, чтению и прогулкам, теперь отданы социальным сетям и мессенджерам (с. 72). Это было бы просто чертой времени, если бы не вызывало, в лучшем случае, повальный рост бессонницы, в худшем — депрессий и даже самоубийств. От избытка экранного времени начинается депривация сна. Усугубляют проблему еще две причины: во-первых, культ успеха в Интернете — молодежь отворачивается от реальной жизни, то, чего нет в социальных сетях, для них не существует, а оскорбления в комментариях, в отличие от словесных выпадов, остаются не только в памяти небольшого круга свидетелей, но и в публичном доступе. Во-вторых, опасения Твенге вызывает и мировоззрение айдженеров: нет, они не склонны к деструктивным идеологиям, но меньше, чем представители любого другого поколения, озабочены поиском смысла жизни (с. 249), в том числе и потому, что не религиозны (с. 155). Эта ситуация в книге объясняется консервативностью религий, которые не успевают за важнейшими социальными тенденциями, а также ростом индивидуализма в этом вопросе (с. 158–160). Кроме того, вероятно айдженерам мешает материализм (с. 167) как стремление к физически осязаемым результатам в этой жизни.

На основании огромного массива данных Твенге предполагает, что существует связь не только между неопределенностью и неуверенностью, но, скорее всего, и между неуверенностью и отсутствием высших идеалов, что оставляет человека наедине с трудностями и принуждает отгораживаться от реальности, в том числе через гаджеты. Однако у айдженеров есть и положительные характеристики, многие из которых обусловлены стремлением к безопасности. Так, важным для всего общества автор считает снижение пристрастия поколения I к алкоголю (с. 56), хотя Твенге предупреждает, что нередко более

позднее начало употребления алкоголя может привести к пьянству в студенческие годы (с. 57). У российских подростков В.В. Радаев также отмечает снижение потребления алкоголя [8 С. 8, 92–98], но в России употребление алкоголя традиционно является частью образа жизни [12; 13]. Впрочем, у этой тенденции есть и обратная сторона — рост употребления наркотиков, особенно легких, например, марихуаны (с. 58). Данная ситуация в большей степени характерна для США, а в России этот показатель снижается [8. С. 105–106]. Но не следует преувеличивать значение этого факта: снижение потребления алкоголя и наркотиков в России обусловлено не столько популяризацией здорового образа жизни, сколько демографическим кризисом (меньше молодежи) и бедностью (наркотики дорогие, их сложнее достать, и немногие готовы пойти на преступление).

Твенге отмечает, что для молодого поколения в целом характерна расовая и сексуальная терпимость (с. 291, 306), и толерантность айдженеров проистекает из их инклюзивности — стремления построить общество равных возможностей, что следует только приветствовать.

Исследования автора показали, что айдженеры более работающи, чем миллениалы. Труд для них — источник средств существования, а не способ построения карьеры, поэтому традиционно популярные специальности у них менее популярны, а непрестижные — наоборот. Поколение айджен просто хочет работать (с. 240), но в определенной мере эта тенденция связана и с неуверенностью в собственной квалификации. Успех многим из них представляется настолько недостижимым, что они и не пытаются (с. 244), но, опасаясь увольнения, более ответственно относятся к работе, чем миллениалы (с. 247).

В шопинге айдженеров привлекают те товары, которыми можно пользоваться активно и долго. Поэтому поколение I стремится жить в собственном доме (с. 250), который они покидают только в случае крайней необходимости (чаще всего работа и супермаркет). Поскольку сегодня много профессий, позволяющих работать удаленно, а соответствующие сервисы доставят продукты, одежду и все остальное прямо к порогу, то можно вообще никуда не выходить, кроме Интернета.

Таким образом, iGen — это поколение «играющих в прятки», тогда как миллениалы собирали конструкторы и разбирали не предназначенные для этого игрушки, а поколение X стало последней когортой, предпочитавшей коллективные игры на улице. Родители айдженеров, выросшие практически без присмотра, впали в обратную крайность (поколение родителей-«кенгуру»), и, похоже, их отпрыскам нравится пребывание в «сумке», откуда они наблюдают за происходящим через светящийся экран. Впрочем, «откладывание взросления... на практике отнюдь не означает нежелания взрослеть, лишь говорит о более ответственном подходе ко „взрослой жизни“» (с. 11).

Понять поколение I — значит, понять наше будущее (с. 32). Автор не отделена чрезмерной дистанцией от исследуемого поколения, поскольку к нему принадлежат три ее дочери, что позволило ей провести «полевые наблюдения»

и применить свои советы по работе с айдженерами на практике: уменьшить использование смартфона до двух часов в сутки, не спать с ним рядом, учиться концентрации внимания и усвоению достаточных объемов информации в годы учебы — это понадобится в будущей профессиональной занятости. Взрослым Твенге рекомендует приучать ребенка к самостоятельности (к которой предыдущие поколения рвались сами), например, проявляя интерес к его/ее занятиям и друзьям, отпуская погулять с ними, требуя получить водительские права, чтобы не подвозить его/ее на своей машине (с. 390). Большая ответственность в воспитании поздно взрослеющих айдженеров, по мнению автора, ложится на преподавателей вузов и колледжей. Руководителям компаний, в которые будут трудоустраиваться представители поколения I, придется проявить к ним терпимость и помочь в решении проблем низкой концентрации внимания и коммуникации (с. 402).

Социально-экономические условия жизни российского поколения I отличаются от американских: российские подростки в основном не связывают взросление с получением водительских прав, немногих из них родители возят на личных автомобилях в школы, колледжи и вузы. Материальное положение и жилищные условия большинства российских семей вынуждают молодежь съезжать от родителей, чаще всего в общежития и на съемные квартиры, и как можно раньше обретать финансовую независимость. Они хотят много зарабатывать, чтобы повысить свое материальное благосостояние, и политизированы в большей степени, чем американские подростки. Однако и они мало гуляют на улице, меньше помогают домашним по хозяйству (за них работает бытовая техника), имеют небольшой круг друзей, большинство из них слабы физически (посещение секций ограничено финансовыми возможностями семей, система дворового спорта отсутствует), увлечены использованием гаджетов, часто испытывают тревожное состояние, поздно взрослеют, поскольку в большинстве своем единственные дети в семье, находятся под гиперопекой родителей и редко принимают самостоятельные решения.

Показательно, что две книги, раскрывающие особенности подрастающего поколения, были опубликованы практически одновременно в разных частях света. Несмотря на разные названия подростков (у Радаева — i-тинейджеры, у Твенге — айдженеры), многие черты этого поколения схожи в России и США, поскольку глобальные тенденции развития человеческого сообщества состоят не только в изменениях технологического характера, но и в создании новых условий социального бытия.

Лишь в определенной мере можно согласиться с критикой А.А. Поплавской в адрес книги Твенге — об отсутствии четкой теоретической рамки исследования (развернутого анализа теории поколений [7. С. 86], концепции технологического детерминизма и др.), об увлечении эмпирикой [7. С. 87]. Книга была задумана Твенге как научно-популярное издание, рассчитанное на широкий круг заинтересованной аудитории, а не только на профессиональных социологов и научных работников. Она будет познавательна и полезна как родителям и преподавателям студентов и школьников, так и самим подросткам, —

помогая выходу замкнутых на своих гаджетах молодых людей в большой мир. Современное интернет-ориентированное поколение I можно сравнить с обитателями пещеры, познающими мир через игру теней на ее стенах [6], что метафорически отражено еще в 1970 году Иосифом Бродским во фразе «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку» [2. С. 561], хотя он сам постоянно покидал зону комфорта (и за Нобелевской премией поехал). Поэтому хочется разделять оптимизм Твенге в том, что, научившись выходить не только в сеть, но и из нее, айдженеры смогут построить мирное общество. Взрослое поколение должно стараться их выслушивать, понимать и помогать, поскольку путь, избранный айдженерами, будет новым путем всего человечества.

Библиографический список

- [1] *Амангалиева Г.* Трудный возраст // Газета недели в Саратове. 15 июня 2016.
- [2] *Бродский И.* Не выходи из комнаты, не совершай ошибку... // Малое собрание сочинений. СПб., 2012.
- [3] Возрастная классификация информационной продукции // Закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808.
- [4] *Ларбалестьер Дж.* Моя сестра Роза. М., 2019.
- [5] Молодежь ломает стереотипы // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002>.
- [6] *Платон.* Символ пещеры // URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos07.htm>
- [7] *Поплавская А.А.* Что мы знаем о молодежи XXI века? Американские подростки глазами психолога // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 3.
- [8] *Радаев В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2019.
- [9] *Саубанова Г.* Курьеры и сборщики ягод. Как школьникам Воронежа и области заработать на каникулах // <https://ria.ru/news/kurery-i-sborshchiki-yagod-kak-shkolnikam-vo-ronozha-i-oblasti-zarabotat-na-kanikulakh>.
- [10] *Субботин А.* Российское поколение миллениалов // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 1.
- [11] *Twenge J.* FAQ's. How is iGen different from the Millennials? URL: <http://www.jeantwenge.com/faqs>.
- [12] WHO: Global Status Report On Alcohol and Health. Geneva, 2014.
- [13] World Health Statistics 2016: Monitoring Health for the SDGs, Sustainable Development Goals. Geneva, 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-985-995

Digital generation*

T.V. Lebedeva, A.A. Subbotin

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory St., 1–13A, Moscow, Russia, 119991
(e-mail: shonohova@rambler.ru; aasubbotin@yahoo.com)

Abstract. Sociological studies show that the Internet generation has become less rebellious and more tolerant. The book by Jean Twenge *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up*

* © T.V. Lebedeva, A.A. Subbotin, 2020

The article was submitted on 15.06.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy, and Completely Unprepared for Adulthood (Moscow: Ripol Classic) helps to understand why this happened, what it really means, and how it will affect the future of society. The article provides a brief review of observations by the American author and compares them with what is happening in Russia — to see if teenagers from two countries are different, and what is more important — globalization or national features. The review considers such important topics of the book as social isolation of iGeners, the changing attitude of teenagers to their rights and alcohol consumption, the decrease in sexual activity and social activity. The authors also mentions positive qualities of the new generation, for example, tolerance to differences, hard-working combined with smaller career and financial demands. Although the book focuses on behavior of teenagers and young people from the US middle class, most of its conclusions can be applied to the Russian realities and be useful to parents and teachers. Moreover, the book will be of interest for iGeners due to its style and convincing graphs, which will allow the teenager generation to know itself better.

Key words: iGen; generation I; intergenerational differences; millennials; social life; USA, Russia

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-996-1001

ЮАР: реституция, проблемы равенства и справедливости*

Л.С. Рубан

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
ул. Фотиевой, 6, Москва, 119333, Россия
(e-mail: Lruban@yandex.ru)

Статья представляет собой рецензию на книгу Шарлин Шварц «Другая страна. Повседневная социальная реституция» (Кейптаун, 2016). Автор повествует, что история Южно-Африканской Республики сложна и противоречива, а проблема равенства, справедливости и урегулирования расовых отношений актуальна в условиях преодоления апартеида — когда страсти накалились, и темнокожие южноафриканцы хотят покончить с позорным прошлым, когда попиралось их человеческое достоинство, их дети не имели достойного будущего, потому что не могли получить образование и профессию, и заветной мечтой темнокожего ребенка было стать белым человеком. Шварц показывает, как улучшилась жизнь темнокожего большинства в материальном и образовательном плане, причем все изменения были законодательно закреплены, однако на психологическом уровне сохраняется осознание неполноценности, что вызывает не только боль и стыд, но также озлобленность и ожесточение, особенно у молодежи, и выливается в призывы к насилию по отношению к белому меньшинству. С другой стороны, белое меньшинство переживает стрессовое состояние, поскольку из привилегированного положения переходит в разряд изгоев, часто изгоняется с престижных рабочих мест и элитных жилых районов, и само выживание белого населения нередко требует жесткой самоизоляции. Несколько поколений африканеров считают ЮАР родной и не хотят покидать ее, даже столкнувшись с угрозой своей жизни. Возникает вопрос — как примирить две противостоящие группы? Как привести страну к расовому согласию? Эту непростую ситуацию Шварц изучает, в том числе проводя тренинги в Кейптаунском университете — вместе со своими слушателями ищет выход из непростой ситуации, который просто необходим, чтобы выжить и жить в цивилизованном обществе.

Ключевые слова: расовые отношения; расизм; апартеид; апартеид наоборот; социальная реституция, африканеры

В июле 2018 года я вместе с коллегами участвовала в XIX Конгрессе Международной социологической ассоциации, который показал явный кризис западной социологии и нарастание непрофессионализма, особенно в выступлениях молодых участников — их доклады носили описательный характер, не упоминали ни массивы данных, ни выборку, но старательно приводили цитаты из отдельных интервью и делали на основе единичных высказываний выводы, не подтвержденные результатами опросов, сравнением статистических и эмпирических материалов. В последний день конгресса я попала на заседание секции «Молодежь и национализм в глобализирующемся мире»

* © Рубан Л.С., 2020

Статья поступила 30.07.2020 г. Статья принята к публикации 30.08.2020 г.

и прослушала доклад ученых из Нигерии и ЮАР «Качественный анализ реакций современной молодежи на проблемы социальной справедливости», посвященный студенческим протестам против неравенства, расизма и недоступности образования [1]. В докладе были приведены результаты опроса 2016 года, согласно которому 26% взрослых считали, что те, кто призывает к сексуальному насилию против белых, препятствуют мирному сосуществованию рас и социальной сплоченности, 39% требовали прекращения насилия и призывов к нему, 16% — наказания участников, а 2% считали такое поведение похвальным, так как оно привлекает внимание к сохраняющимся привилегиям белых в южноафриканском обществе [2]. Результаты исследований Шарлин Шварц (методом интервью) были представлены в монографии «Другая страна. Ежедневная социальная реституция» [3] о расовых отношениях в ЮАР и условиях преодоления апартеида.

После прослушивания доклада мне захотелось перевести монографию на русский язык. Работа продлилась два года, но результат меня озадачил: к какой отрасли знания отнести книгу — к социологии (раз используется метод интервью), политологии или социальной антропологии? Материал книги излагается от лица белой южноафриканки, и проблема межрасового взаимодействия звучит уже на первых страницах. Во введении «Плевок на ботинки» излагается история автора, попавшей перед рождеством в Швейцарию, заблудившейся поздним вечером в деревне недалеко от Цюриха по дороге к вокзалу и попросившей помощи, а в ответ получившей от швейцарского крестьянина, узнавшего, что перед ним белый человек из ЮАР, плевок под ноги с криком «Апартеид!». Автор испытала чувство жгучей горечи и даже позора. В следующей главе о своем детстве Шварц рассказала, что, будучи маленькой девочкой, любила ездить с отцом на заправку — там добрые служащие дарили ей переводные картинки. Но отец был недоволен и запретил ей называть работников автозаправки «дядями», поскольку они были черными, и маленькая Шарлин недоумевала — ведь заправщики были значительно старше ее и такими доброжелательными.

Описанные случаи относились к периоду апартеида, но и когда профессор Шварц проводила тренинг с элементами опроса, то ее темнокожая студентка сказала, что ее бабушка не смогла бы называть профессора по имени, а называла бы ее госпожой, признавая ее превосходство, так как Шарлин — белая, а бабушка — темнокожая. Это неравенство позиций даже после официальной отмены апартеида проявилось во время интервью и в озвученном желании темнокожего ребенка — быть (стать) белым.

В отличие от докладов на конгрессе, в книге эмпирические материалы интервью последовательно излагаются в каждой главе с указанием имен респондентов, их расовой принадлежности, пола, возраста и профессии. Было опрошено 60 человек: 27 темнокожих южноафриканцев, 8 «цветных» (потомки смешанных расовых браков) и 25 белых; возраст — от молодежного до пенсионного; профессиональная занятость — от бизнесменов и клерков до

уборщиков и безработных. По сути, автор описывает длительный десятидневный групповой тренинг с ролевыми играми и интервью, призванный обсудить тему реституции и выяснить у участников, что заставило их надеяться или отчаиваться по поводу развития Южной Африки, и респонденты смело говорили о несправедливости апартеида, акцентируя внимание на своих надеждах и мечтах о будущем в новом для них «мире свободы».

Первая неделя занятий была посвящена формированию групп и обеспечению возможности диалога. Тренинг открывался вопросом о самоидентификации участников — «Кто мы и почему мы здесь?». На второй неделе участники обсуждали, какой они видят Южную Африку, на третьей — влияние несправедливости прошлого на настоящее, на четвертой — значение реституции и ее потенциал, на пятой — отличия благотворительности от реституции, на шестой — апартеид и несправедливость, на седьмой — идею проведения акций по возмещению ущерба и восстановлению прав человека, на восьмой — план выполнения и оценки высказанных идей, на девятой — условия, необходимые для реституции и препятствия на пути ее реализации, на десятой неделе составлялся план реализации проекта.

В интервью темнокожие южноафриканцы отмечали, что живут в нищете вследствие низкого уровня образования — это причина их безработицы и страха за будущее, т.е. одна из больших для них тем — это взаимосвязь бедности и образования. В будущем они надеются на равный доступ к образованию и возможности социальной и географической интеграции. Другая большая тема, затронутая в книге — это собственность, поскольку в период апартеида дискриминационное законодательство ограничивало права собственности. Белым южноафриканцам, которые составляли 8,5% населения, принадлежало 47% частной земли в Южной Африке — отсюда категоричное требование перераспределения земель, высказанное темнокожим населением: «Мы хотим нашу землю назад, и точка! У белых богатства и привилегии — ничего не изменилось... Нет никакой надежды. И если ничего не будет сделано, страна будет гореть в огне конфликта». По мнению Шварц, эти заявления — главная причина, почему нужно обсуждать и использовать слово «реституция» — ни одно другое слово тут не будет работать. Тренинг показал, что люди не хотят забывать прошлое, многие рассержены и желают мстить — низведя белых до своего прежнего положения, сделав их маргиналами. Автор предисловия книги А. Крег пишет: «Если быть абсолютно честным, я бы хотел бы мести, если бы был темнокожим человеком. Их гнев оправдан, но он — как тикающая бомба».

Однако не все хотят мести — многие хотят мира, и в книге показано, как для него постепенно складываются условия. С 1994 года у 90% южноафриканцев появилось электричество, у 95% дети учатся в школе до 16 лет, дети получают социальные гранты, а у пожилых есть пенсии. За первые два десятилетия демократии правительство ЮАР построило свыше 2,8 млн домов и более 876 тысяч поставило на обслуживание (водоснабжение, электричество,

канализация). В 1994 году чуть более 12,5% южноафриканцев имели доступ к основным санитарным услугам, к 2012 году — уже 83%. Доступ к воде увеличился с 60% домохозяйств в 1994 году до 95% в 2012, а к электроснабжению — с 50% до 86%. Но вряд ли для большинства белых южноафриканцев эти преобразования столь важны, учитывая кардинальное ухудшение их жизни с точки зрения безопасности (За 47 лет апартеида в ЮАР погибло 7 тысяч темнокожих в столкновениях с полицией, а за 23 года после падения апартеида — 70 тысяч белых).

Многие темнокожие граждане ЮАР недовольны: они считают, что боролись с апартеидом и выиграли, но в Южной Африке происходит не то, за что они и их родители боролись, так как свобода приносит пользу лишь некоторым, растет коррупция, руководство страны интересуется только собственным благополучием. Наследие расизма — ощущение неполноценности — все еще не изжито, как и сегрегация, что вызывает негодование. Главный вопрос, который задает автор книги: «Какую страну мы хотим?». В ответах респондентов звучит, что неважно, кем люди были в прошлом и какие позиции занимали (молодой или старый, черный или белый, богатый или бедный, образованный или нет) — у них появилась обнадеживающая перспектива, но изменения идут очень трудно, медленно и болезненно. Идеал респондентов — это преодоление разногласий прошлого и создание общества, основанного на демократических ценностях, социальной справедливости и правах человека, когда каждый гражданин в равной степени защищен законом.

Ответы участников тренинга об ответственности за прошлое можно разделить на четыре группы: 1) мы должны взять ответственность на себя; 2) мы должны привлечь правительство к ответственности; 3) мы должны привлечь белых к ответственности; 4) мы ничего не хотим (желание спрятать голову в песок в надежде, что все проблемы решатся сами по себе).

Тема возможностей — другая область, в которой прошлое и настоящее неразрывно переплетены, и темнокожие южноафриканцы рассматривают прошлое как отправную точку реституции. Примерно треть белых респондентов говорила о чувстве вины и позора («белая вина» и «белый позор»). Четверть белых респондентов говорила о гневе по отношению к другим белым из-за их расистских взглядов и нежелания от них отказаться. Шварц высказывает надежду, что ее книга поможет белым южноафриканцам отказаться от желания просто идти дальше и забыть прошлое — нужна реституция как восстановление прав, искупление несправедливости и возвращение утраченного.

Термин «реституция» был незнаком части участников интервью, которые затруднялись сказать, что он означает, но многие респонденты имели четкое представление, что нужно делать, чтобы решить вопрос владения землей и богатством (никто не должен пользоваться несправедливо полученной прибылью), доступа к образованию, восстановления достоинства и развития социальных связей. Суть подхода, сосредоточенного на ответственности за несправедливость, в том, что несправедливость требует морального ответа в

форме ответственности поколений и удовлетворения жертвы, а не только получения компенсации. Поэтому, по мнению респондентов, образование — одна из ключевых областей, в которой необходима социальная реституция: качественное образование позволяет восстановить достоинство и получить доступ к рынку труда и достойным средствам существования в будущем.

Однако было бы наивно идеализировать и романтизировать реституцию — это сложный, а зачастую и трагический процесс, поскольку нужно у кого-то забрать собственность, поделить и отдать другим людям. Кстати, Россия и СССР проходили через аналоги реституции: в 1861 году крестьяне получили свободу и землю; после Октябрьской революции реституция длилась недолго — начался процесс раскрестьянивания, и земля в основном была передана колхозам и совхозам; в октябре 1992 года россияне получили в качестве компенсации за утраченную всенародную социалистическую собственность ваучеры. Однако в царской России реституция носила классовый характер, а в ЮАР — расовый. Проблема не в том, чтобы забрать собственность у одних и передать другим, а в том, чтобы хозяйство эффективно работало и в нем на равных участвовало все население. Для этого нужны соответствующие профессиональные навыки, полученные через систему образования, финансы и опыт. А если просто забрать у одних и передать другим, то вновь будет нарушено равенство и социальная справедливость.

Респонденты подчеркивали, что один из главных вопросов о собственности в ЮАР — о земле, почти половина которой сосредоточена в руках белого населения (имеет финансы и навыки, обеспечивающие высокий уровень производства). Темнокожее население требует возврата отнятой земли, но коренные жители ЮАР — бушмены — в XV веке были вытеснены пришлыми народами-кочевниками, чьи потомки составляют сегодня большую часть населения (зулу, коса, тсвана, ндебеле, тсонга, педи, суто, свази, венда [4]). Темнокожие южноафриканцы не имеют опыта возделывания земли — на обучение уйдут годы, но стране уже сегодня необходим межрасовый консенсус.

Президент ЮАР Нельсон Мандела называл граждан своей страны «радужной нацией» — сегодня эту идею считают мечтой, тем более что Мандела со своими соратниками иногда пел песню со словами «убить бура» [4]. Безусловно, в ЮАР сохраняется слишком много противоречий и сложнейших проблем, но рецензию хотелось бы завершить старинной африканской пословицей, в которой сосредоточена вся мудрость черного континента: «Если хочешь идти быстро, иди один, а если нужно идти далеко — идите вместе». Других вариантов успешного развития у ЮАР просто нет.

Библиографический список

- [1] Рязанцев С.В., Рубан Л.С. Кризис западной социологии и новые социологические школы. Что показал XIX Конгресс ISA? // Вестник РАН. 2019. № 7.
- [2] Swartz S., Roberts B., Nyamnjon A. Book of Abstracts of the XIX ISA World Congress of Sociology "Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities". Toronto, 2018.

- [3] Swartz S. *Another Everyday Social Restitution Country*. Cape Town, 2016.
[4] Апартеид наоборот в ЮАР // URL: <https://seosait.com/apartheid-naoborot-v-yuar>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-996-1001

South Africa: Restitution, equality and justice*

L.S. Ruban

Institute of Socio-Political Studies of the FCTAS RAS
Fotieva St., 6, Moscow, 119333, Russia
(e-mail: Lruban@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the book *Another Country. Everyday Social Restitution* by Charlene Schwartz (Cape Town; 2016). The author believes that the history of South Africa is complex and contradictory, and the problem of equality, justice and regulation of race relations is actual under overcoming the apartheid — when passions ran high, and black South Africans want to put an end to the shameful past, when their human dignity was violated, their children did not have a decent future, because they could not get education and profession, and the cherished dream of the black child was to become white. Schwartz shows that the life of the black majority has improved in both financial and educational terms, and all changes were enshrined in law; however, in the psychological perspective, there is still a feeling of inferiority, which determines not only pain and shame, but also anger and aggression, especially among young people, and leads to calls for violence against the white minority. On the other hand, the white minority is stressed due to the transition from the privileged position to the outcasts, is often removed from prestigious jobs and elite residential areas, and the very survival of the white population often demands self-isolation. Several generations of Afrikaners consider South Africa their homeland and do not want to leave it despite all threats. Thus, the question is how to reconcile two opposing groups and ensure racial peace. This difficult situation is studied by Schwartz with trainings at the University of Cape Town — together with her students she searches for a decision urgently needed for survival and a civilized society.

Key words: race relations; racism; apartheid; reverse apartheid; social restitution; Afrikaners

* © L.S. Ruban, 2020

The article was submitted on 30.07.2020. The article was accepted on 30.08.2020.

НАШИ АВТОРЫ

Алейников Андрей Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: a.alejnikov@spbu.ru).

Аль-Орайми Суад Зайед — профессор социологии, заведующая кафедрой социального управления Университета Объединенных Арабских Эмиратов (e-mail: s.aloraimi@uaeu.ac.ae).

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: borges75@mail.ru).

Артемов Георгий Петрович — доктор философских наук, профессор кафедры этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: g.artemov@spbu.ru).

Бабич Николай Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: sociolog@mail.ru).

Баграмов Эдуард Александрович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: ebagramov@gmail.com).

Барков Сергей Александрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: barkserg@live.ru).

Биричева Екатерина Вячеславовна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории и философии науки Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (e-mail: e.v.biricheva@mail.ru).

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник Социологического института — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: olegbozh@gmail.com).

Василенко Людмила Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vasilenkola@mail.ru).

Вершинина Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: urbansociology@yandex.ru).

Вихрян Алексей Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (e-mail: michalich2005@rambler.ru).

Голенкова Зинаида Тихоновна — доктор философских наук, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: golenko@isras.ru).

Голиусова Юлия Вячеславовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры социального конструирования Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: ygoliusova@yandex.ru).

Гончаров Николай Владимирович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (e-mail: nik567485@mail.ru).

Горина Татьяна Ивановна — научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: tagor03@mail.ru).

Горшков Михаил Константинович — доктор философских наук, академик Российской академии наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: director@isras.ru).

Гулова Ширинджемал — врач-терапевт Амбулаторно-поликлинического центра Клинико-диагностического центра Российского университета дружбы народов (e-mail: gulova-sh@rudn.ru).

Данилина Наталья Олеговна — врач-терапевт Амбулаторно-поликлинического центра Клинико-диагностического центра Российского университета дружбы народов (e-mail: danilina-no@rudn.ru).

Дорохина Ольга Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления проектами и программами Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: odorokhina@yandex.ru).

Захарова Светлана Арменовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sa.zakharova@igsu.ru).

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

Зеленская Мария Петровна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (maria_perova@mail.ru).

Зотов Виталий Владимирович — доктор социологических наук, профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (e-mail: om_zotova@mail.ru).

Клименко Анна Сергеевна — кандидат медицинских наук, директор Амбулаторно-поликлинического центра Клинико-диагностического центра Российского университета дружбы народов; доцент Аккредитационно-симуляционного центра Медицинского института Российского университета дружбы народов (e-mail: klimenko-as@rudn.ru).

Корж Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета (e-mail: Natalya.korzh@mail.ru).

Кошарная Галина Борисовна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета (e-mail: k-galina1@yandex.ru).

Лебедева Тамара Васильевна — кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: shonohova@rambler.ru).

Лядова Анна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры современной социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: annaslm@mail.ru).

Максимов Арсений Андреевич — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: arsenii.maksimov@mail.ru).

Маркеева Анна Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: anna_markeeva@mail.ru).

Назарова Инна Борисовна — доктор экономических наук, ведущий эксперт Центра социального предпринимательства и социальных инноваций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (nazarova@hse.ru).

Назюта Сергей Викторович — первый проректор-проректор по экономической деятельности Российского университета дружбы народов (e-mail: nazyuta-sv@rudn.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: nikulin@ranepa.ru).

Осипов Александр Михайлович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; главный научный сотрудник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (e-mail: osipov.al58@gmail.com).

Пинкевич Анна Георгиевна — кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: a.pinkevich@spbu.ru).

Полещук Илья Константинович — научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova.zhanna@gmail.com).

Рубан Лариса Семеновна — доктор социологических наук, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: Lruban@yandex.ru).

Серяпов Владимир Александрович — информационный аналитик агентства «Refinitiv» (e-mail: va.seriapov@gmail.com).

Субботин Александр Алексеевич — аспирант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: aasubbotin@yahoo.com).

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (e-mail: larissa@bsu.by).

Трифоновна Мария Александровна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: trifonova_mary@mail.ru).

Федоров Михаил Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории права и государства Российского университета дружбы народов (e-mail: fedorovrudn@mail.ru).

Шубрт Иржи — доктор философии, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных наук Карлова университета (e-mail: jiri.subrt@ff.cuni.cz).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
 - ♦ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ♦ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
